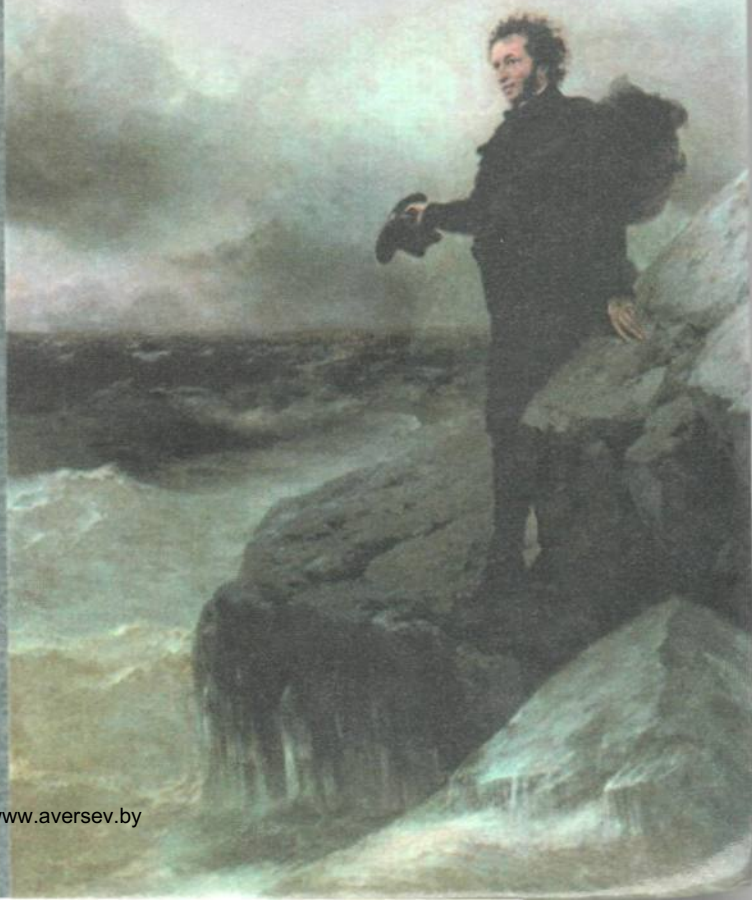

Т. Ф. Мушинская
Е. В. Перевозная
С. Н. Каратай

Русская литература 8

Т. Ф. Мушинская
Е. В. Перевозная
С. Н. Каратай

Русская литература 8

Учебное пособие для 8 класса
общеобразовательных учреждений
с белорусским и русским языками
обучения

*Допущено
Министерством образования
Республики Беларусь*

МИНСК
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ОБРАЗОВАНИЯ
2011

УДК 861.161.1.09(075.3=161.3=161.1)

ББК 83.3(2Рус=Рус)я721

М93

А в т о р ы:

Т. Ф. Мушинская (Литература второй половины XIX века (А. П. Чехов, В. Г. Короленко, Максим Горький), Литература первой половины XX века, Литература второй половины XX века, Повторение, Теоретические статьи: Романтический герой, Жанр лиро-эпической поэмы, Жанровое разнообразие: поэма-путешествие, Многообразие приёмов в создании целостного характера литературного героя);

Е. В. Перевозная (Введение, Литература первой половины XIX века, Литература второй половины XIX века (Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев), Литературоведческий словарь);

С. Н. Каратай (Античная литература, Литература эпохи Возрождения)

Р е ц е н з е н т ы:

кафедра русской литературы Белорусского государственного университета (канд. филол. наук, доцент *У. Ю. Верина*);

учитель рус. яз. и лит. высш. категории государственного учреждения образования «Гимназия № 50 г. Минска» *Е. А. Лисовская*;

доктор филол. наук, проф. кафедры теории литературы Белорусского государственного университета, председатель секции филол. дисциплин Гос. комиссии по подготовке учебников в гуманитарно-обществоведческой сфере *А. Н. Андреев*;

учитель рус. языка и лит. высш. категории, методист высш. категории учебно-методического кабинета отдела образования Столбцовского райисполкома, член секции филол. дисциплин Гос. комиссии по подготовке учебников в гуманитарно-обществоведческой сфере *А. И. Голенович*

На обложке — репродукция картины И. Е. Репина и И. К. Айвазовского «Пушкин на берегу Чёрного моря».

ISBN 978-985-465-801-8

© Мушинская Т. Ф., Перевозная Е. В.,
Каратай С. Н., 2011

© Оформление. НМУ «Национальный
институт образования», 2011

ОТ АВТОРОВ

За годы обучения в предыдущих классах вы уже убедились, что художественная литература не только несёт информацию о жизни и людях, но и является искусством изображения этой жизни, человеческих судеб. Именно искусством, поскольку мы, читая, хорошо представляем себе литературных героев, ситуации, в которые они попадают, а иногда кажется, что мы находимся рядом с ними. Вспомните Гринёва и Машу Миронову, сцену бала в рассказе Л. Н. Толстого.

Автор литературного произведения выражает своё отношение к изображаемому разными способами: и построением сцены, и поступками героев, и высказываниями их о ситуации или друг о друге. Мы и дальше будем учиться отыскивать авторскую оценку литературных героев и разных положений, изображённых в произведении.

Чтение художественной литературы является одним из условий духовного формирования личности. Чтение — это труд души, творчество, потому что мы, прослеживая поступки и отношения героев, представляем их, творим своей фантазией, воображаем их как живых людей и тем самым идём за мыслью автора, приобщаясь к его суждениям, чувствам и переживаниям.

Из года в год вы обучаетесь умению постигать художественный мир, распознавать отдельные стилевые приёмы авторов, узнаете особенности произведений различных родов и жанров. Приобретённые знания и умения необходимо и далее развивать. В этом году вам предлагается с особым вниманием отнестись к личности творца, понять, как свои наблюдения, факты собственной жизни, события эпохи он воссоздаёт в произведениях и как проявляет отношение к изображаемому. Ваша задача усложняется: осмыслить, как

жизненные наблюдения преобразуются в сознании писателя, как они претворяются им в художественный образ, который несёт в себе эмоциональный, духовный, интеллектуальный заряд автора, и как он воздействует на нас.

Понять позицию автора, его отношение к изображаемому, или, как писал В. Г. Белинский, «уловить тайну его личности, то есть особенности его духа, которые принадлежат только ему одному», не просто, особенно в произведениях драмы и лирики. Но этому можно и нужно учиться.

Итак, *автор — его герой — читатель*, их взаимоотношения и являются главной литературоведческой проблемой курса литературы 8-го класса, что нашло отражение в дидактическом материале учебного пособия.

Литература обладает удивительной способностью воссоздавать прошлое, предугадывать будущее. Знание эпохи, в которую жил писатель, его биографии, мировоззрения помогает понять его творчество. В связи с этим тексты произведений в учебном пособии предваряют краткие сведения об особенностях времени и истории их написания, о фактах биографии автора.

Материал учебного пособия располагается в хронологической последовательности, что позволяет проследить основные этапы развития литературы. Начинается изучение курса с древнейшей эпохи мировой литературы, а завершается произведениями русской литературы последних десятилетий XX века.

Таким образом, вы прочитаете произведения разных эпох, готовя себя к восприятию исторического курса литературы, который начнется в следующем учебном году.

Изучать конкретные произведения предлагается в той же последовательности, что и в предыдущие годы:

- 1) осмысливать первые впечатления о прочитанном;
- 2) размышлять над проблематикой, художественным своеобразием произведения;
- 3) обобщать наблюдения, приобретённые знания.

Эти материалы в тексте пособия отделены друг от друга звёздочками.

Желаем вам серьезного, увлекательного чтения, интересных открытий, эстетического наслаждения!

АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Настоящее искусство всегда современно.

Ф. М. Достоевский

Древняя литература появилась более 5000 лет назад в первых известных цивилизациях шумеров, египтян, вавилонян. На таком долгом и сложном пути было создано много замечательных литературных памятников. К сожалению, не все они дошли до наших дней. Но многие из возникших в далёкие времена произведений выдержали испытание временем, стали классикой¹. И каждое новое поколение находит в них близкое и понятное только ему, в каждую следующую эпоху классика открывается новыми сторонами. Знакомство с замечательными литературными произведениями далёкого прошлого приобщает вас к богатой культуре человечества, позволяет глубже постичь связь времён, обогащает духовно. Ваше литературное путешествие по временам и странам начнётся со знакомства с античной литературой.

У истоков бесценного литературного наследия находятся произведения античной литературы, развивавшейся почти полторы тысячи лет (около IX века до нашей эры — V века нашей эры). Их создали древние греки и римляне. Древние греки называли себя эллинами, а страну, где жили, — Элладой. Свой взгляд на мир, жизнеутверждающий и гармоничный, они воплотили в архитектуре (см. иллюстрацию на форзаце I), скульптуре, художественной литературе. Эллинское искусство отличалось светским характером, поскольку воспевало свободного гражданина демократического государства-полиса, прославляло и возвеличивало Человека.

Выдающимся драматургом Древней Греции был Эсхил.

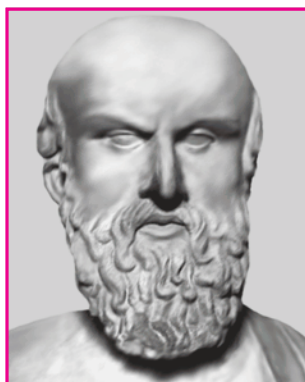
¹ *Классика* (от лат. *classicus* — образцовый) — выдающиеся произведения литературы и искусства, имеющие непреходящую ценность для национальной и мировой культуры.

ЭСХИЛ

Около 524—457 годов до нашей эры

И пред твоею славой легендарной
Бессильно Время.

И. А. Бунин

Эсхил родился в городе Элевсине в Аттике, происходил из богатого и знатного рода. Он жил в пору, когда создавались государства древнегреческой демократии, оставившие глубокий след в истории мировой культуры. Истинный сын своего времени, в 490 году до нашей эры Эсхил сражался с персами при Марафоне, в 480 году до нашей эры принимал участие в морском бою при Саламине.

Эсхил писал для театра. Он создал 90 трагедий, но сохранилось только 7. Из остальных трагедий Эсхила дошли отрывки, редко превышающие 5—10 стихов. Главные темы его трагедий — народ и власть, человек и судьба. Через всё творчество драматурга проходит противопоставление деспотизму и тирании разумной государственности, которую в глазах Эсхила представляла афинская рабовладельческая демократия.

Сюжеты для трагедий Эсхил обычно заимствовал из мифологии. Другим источником был гомеровский эпос — «Илиада» и «Одиссея». Эсхил называл свои трагедии «крохами с пиршественного стола Гомера».

В основе одной из самых известных трагедий Эсхила «Прометей прикованный» лежит миф о Прометее, подарившем людям огонь, научившем их строить жилища, укрощать животных, добывать металл... Верховный бог Зевс считал людей низшими существами, недостойными знания, культуры. За помощь людям он приказал приковать Прометея к скале, обрек его на вечные муки. Но никакие пытки не смогли заставить Прометея покориться Зевсу...

В этой трагедии, как ни в каком другом произведении Эсхила, исключительно ярко раскрывается гуманистическое содержание творчества великого драматурга.

ГРЕЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Древние греки являются создателями драматического литературного рода.

Драма — род литературы, один из трёх, наряду с эпосом и лирикой. В драматическом произведении (пьесе) жизнь изображается как развёртывающееся (на глазах зрителей) *действие*, показанное через конфликты (столкновения героев) и в форме диалога. В зависимости от характера конфликтов, целей борьбы героев драматические произведения делятся на жанры: трагедия, драма, комедия.

Истоки драмы, как и истоки эпоса и лирики, — в устном народном творчестве, фольклоре. Созданные древними греками два драматических жанра — трагедия и комедия — были связаны с культом Диониса, бога виноделия. Обрядовые представления разыгрывались только в дни праздников Диониса. В них большую роль играл *дифира́мб* — торжественная хоровая песнь в честь бога. Следы песенного начала сохранились даже в самом термине: «трагедия» — дословно «песня козлов». Козловидные демоны плодородия, которых греки называли сати́рами, почитались вместе с Дионисом и составляли его свиту. Исполнители дифирамба изображали сатиров. Они надевали козлиные шкуры, лица закрывали масками и пели шутливые песни, сопровождая их плясками.

Очень долго греческая трагедия сохраняла тесную связь с хоровой песней. Хор драмы представлял собой коллектив людей одного возраста и пола. Глава хора, *корифе́й*, не выделялся среди прочих хористов. Песня, с которой хор появлялся перед зрителями, называлась *па́род*. Пароду предшествовала вступительная часть, разыгрываемая актёрами, — *пролог*.

Драматическое действие развивалось в промежутках между партиями хора. Эти промежутки назывались *эписо́диями*, а заключающие их песни хора — *стаси́мами*, то есть стоячими песнями. Заключительная песня, с которой хор удалялся, называлась *эксо́дом*.

Древнегреческая трагедия достигла расцвета в творчестве крупнейших афинских драматургов V века до нашей эры: Эсхила, Софокла, Еврипида. Они создали героическую, пронизанную гражданским духом трагедию, прославляющую величие свободного человека.

Греческая трагедия рождала в сердцах зрителей духовный подъём — *káтарсис*¹ — очищение, сложное чувство сопереживания происходящему на сцене. В этом чувстве переплетались и страх за героя, и сострадание к нему, и восприятие трагического зрелища как возвышающего и облагораживающего душу. Так, герой трагедии Эсхила Прометей — и трагический, и героический образ. Мужественный, гордый и непреклонный, он погибает, но его моральная победа пронизывает всю трагедию: он спас людей, вдохнул в них веру в свои силы, заложил основы человеческой цивилизации. Образ Прометея на века стал символом духовной свободы, борьбы за справедливость, преданного служения делу освобождения человечества.

Читая трагедию Эсхила «Прометей прикованный», обратите внимание: Какие силы противостоят друг другу в трагедии? Какое место в трагедии занимают песни Океанид и монологи Прометея? Почему Прометей ненавидит Зевса и прислуживающих ему богов? Почему Прометей помог людям и не раскаялся в этом?

ПРОМЕТЕЙ ПРИКОВАННЫЙ

(В сокращении)

В л а с т ь и С и л а, божества — исполнители воли Зевса.

Г е ф е с т, бог огня, кузнец.

П р о м е т е й, титан, благодетель людей.

Х о р О к е а н и д, дочерей Океана.

О к е а н, титан.

И о, дочь речного бога Инаха.

Г е р м е с, вестник Зевса.

ПРОЛОГ

Пустынная горная местность в далёкой Скифии. Три божества — Гефест, Власть и Сила — подводят к утёсу Прометея и приковывают его к скале. После этого Прометей произносит монолог.

¹ См. Литературоведческий словарь.

Прометей

О ты, Эфир¹ божественный, и вы,
О ветры быстрокрылые, и реки.
И смех морских неисчислимых волн,
Земля-всематерь, круг всезрящий солнца, —
Вас всех в свидетели зову: смотрите,

Что ныне, бог, терплю я от богов!
Поглядите, в каких
Суждено мне терзаниях жизнь проводить

Мириады² годов!
Позорные узы обрёл для меня
Новоявленный царь блаженных богов³.
Увы! я рыдаю об этой беде
И о бедах грядущих, — и где же предел

Моих бесконечных страданий?
Но что ж говорю? Ведь раньше я и сам
Предвидел всё грядущее, и нет
Нежданных бедствий для меня. Я должен
Свою судьбу переносить легко:

Нельзя преодолеть Необходимость.
Но тяжко и молчать и говорить
Об участи моей. Ведь я, злосчастный,
Страдаю за благодеянья смертным.
Божественное пламя я похитил,

Сокрыв в стволе пустого тростника,
И людям стал наставником огонь
Во всех искусствах и путём великим...
За это преступление казнь терплю,
Вися в оковах под открытым небом...
О!.. о!.. о!..

Слышится шум несущейся крылатой колесницы.

¹ *Эφίρ* — по представлениям древнегреческих философов — тончайшая материя, наполняющая мировое пространство.

² *Μιριάδες* — неисчислимое множество.

³ Зевс.

О, что за шум? Что за благоуханье¹

Невидимое? Бог, или герой?

Иль смертный к дальнему пришёл утёсу,

Чтоб на мои страданья посмотреть?

Взгляните же на скованного бога, —

На меня, ненавистного Зевсу врага

И всем в его доме живущим богам,

За мою безмерную к людям любовь!

Увы! Что за шум раздаётся вблизи

От несущихся птиц? И эфир зазвенел,

Рассекаем ударами реющих² крыл,

Страшит меня всё, что подходит.

[На крылатой колеснице появляется Хор, изображающий дочерей бога Океана. Океаниды утешают Прометея и просят его рассказать, что заставило Зевса так сурово наказать его.]

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ПЕСНЬ (ПАРОД)

Х о р

Нет, не бойся!..

Дружелюбно,

Сонмом³ крыл звеня в эфире,

Мы примчались к этим скалам!

Мы едва мольбой склонили

Сердце старого отца⁴!

Бурные нас провожали ветры!..

Грохот стали к нам ворвался

В глубину пещер подводных...

И, услышав, я забыла

Робкий страх и стыд священный!

И к тебе скорей примчалась,

Не успев надеть сандалий,

На быстрокрылой моей колеснице!..

¹ *Благоухание* — аромат, приятный запах.

² *Реющих* от *рeять* — плавно летать, парить.

³ *Сонм* (устар., высок.) — множество.

⁴ Океана.

Прометей

Увы! Увы!

Многочадной Тифии¹ младая семья
И отца-Океана, что крутит валы,
Обтекая всю землю бессонной струёй,
Посмотрите, взгляните, родные мои,
Как в железных цепях
Над этим ущельем, на высях скалы,
Несу постылую службу.

[Далее следует первый эпизодий. Он открывается монологом Прометея. Его вина — в безмерной любви к людям, в стремлении защитить их от несправедливых посягательств богов. Желая людям счастья, Прометей скрыл от них тайны будущего, подарил им надежду, принёс им огонь.]

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Хор

Открой нам всё, подробно Расскажи,
Какую Зевс вину в тебе находит,
Что так жестоко мучает. Поведай,
Когда тебе не тяжело говорить.

Прометей

Да, говорить об этом больно мне,
Но и молчать не легче. Что поделать!
Когда объяла злоба род бессмертных

И возгорелся между них мятеж;
Когда одни желали свергнуть Крона,
Чтоб Зевс царил, а те, наоборот,
Старались, чтобы никогда богами
Не правил Зевс: в то время я давал

Титанам, сыновьям Земли и Неба,
Хорошие советы, но не мог
Их убедить. Исполнены отваги,

¹ *Тифия* — жена Океана.

Презревши хитрость, думали они
Господство получить одною силой.
Но мне не раз предсказывала мать,

Земля-Фемида (много есть имён
Одной богини-матери), о том,
Чем кончится борьба и что не сила,
А только хитрость верх в борьбе возьмёт.
Когда же я их в этом убеждал,

Меня не удостоили и взгляда.
И потому за лучшее я счёл,
Соединившись с матерью, совместно
С Кронидом¹ стать в начавшейся борьбе.
Благодаря моим советам Тартар²

Скрывает Крона древнего с его
Соратниками в чёрной преисподней.
И вот за эту помощь царь богов
Мне воздаёт ужасным наказаньем...
Ведь всем тиранам свойственна болезнь

Преступной недоверчивости к другу!
А на вопрос ваш, по какой причине
Меня терзает, ясно вам отвечу.
Как только он воссел на отчий трон,
Сейчас же начал и почёт и власть

Распределять меж новыми богами,
А о несчастных смертных позабыл.
И даже больше: уничтожить вздумал
Весь род людской и новый насадить.
И не восстал никто за бедных смертных,

А я дерзнул: освободил людей
От участи погубленными Зевсом

¹ *Кронíд* — сын Крона, то есть Зевс.

² *Тáртар* — в древнегреческих мифах — часть «подземного царства», где находится ад.

Сойти в Аид¹, и вот терплю за то
Такие муки, что их видеть тяжко
И много тяжелей переносить.
Да, сжалившись над смертными, я сам

Не удостоен жалости. Жестоко
Со мной распорядился царь богов...
Позорит Зевса вид моих мучений!

Х о р

Нет, надо обладать железным сердцем,
Из камня быть, чтобы твоих страданий
Не разделять, о Прометей! А я
И видеть бы их вовсе не желала,

И сердцем сокрушаюсь, увидав.

П р о м е т е й

И не друзьям меня прискорбно видеть.

Х о р

Не сделал ли ты больше, чем сказал?

П р о м е т е й

Я от предвиденья избавил смертных.

Х о р

Каким лекарством их уврачевав²?

П р о м е т е й

Слепые в них я поселил надежды.

Х о р

Большую пользу этим ты принёс.

П р о м е т е й

Потом огонь я дал несчастным людям.

¹ *А́йд* — царство мёртвых и имя царя мёртвых.

² *Уврачевать* — вылечить.

Х о р

Огонь — недолговечным существам?

П р о м е т е й

И многим он искусствам их научит!

Х о р

И Зевс, тебя за это обвинив...

П р о м е т е й

Без отдыха и срока истязает.

Х о р

Не видишь ли конца твоих скорбей?

П р о м е т е й

Нет, лишь когда ему угодно будет.

Х о р

А как угодно будет? Где надежда?
Ужель не видишь сам, что согрешил?
Но говорить про грех твой нам обоим
Мучительно; оставим это, лучше
Исхода поищи из бед твоих.

П р о м е т е й

Легко тому, кто не изведal горя,
Давать советы и увещевать¹
Несчастливого. Но я ведь знал всё это.
Сознательно, не буду отрицать,
Я согрешил и, смертным помогая,
Готовил казнь для самого себя.
Конечно, я такой не чаял муки:
Не думал я, что буду иссыхать
На высоте пустынного утёса.

¹ *Увещевать* — уговаривать, советуя и убеждая.

Но вы не плачьте о моих скорбях,
А на землю сойдите, чтоб услышать,
Что ждёт меня в грядущем, и узнать
Всё до конца. Послушайтесь меня,
Послушайтесь! Помучайтесь немного

С тем, кто сейчас страдает. Ведь беда
То к одному приходит, то к другому.

Х о р

Охотно к тебе на призывный клич
Мы слетим, Прометей!..
И, лёгкой ногой с колесницы скользнув
И покинув эфир —
Святую стезю¹, носящую птиц, —
Я сойду на эту скалистую землю.
О муках твоих
Хочу до конца я услышать.

[Хор сходит с колесницы. На крылатом драконе из морских недр прилетает старик Океан, чтобы утешить Прометея. Он советует Прометею смириться. Но Прометею чужды смирение и покаяние. Первое действие заканчивается песней-плачем Океанид. Вместе с ними Прометея оплакивают все люди, стонет морская пучина, плачут реки, и в своих чертогах подземных содрогается мрачный Аид. Большим монологом Прометея начинается второй эпизодий.]

ЭПИСОДИЙ ВТОРОЙ

П р о м е т е й

Не думайте, что гордость заставляет
Меня молчать. Но я терзаюсь сердцем
При зрелище позора моего.

Кто, как не я, богам всем этим новым
Сполна их почести распределил?..
Но я молчу о том, что вам известно,

¹ *Стезя́* — путь, дорога.

А про страдания смертных расскажу...
Ведь я их сделал, прежде неразумных,
Разумными и мыслить научил.
Я не в упрёк им это говорю,
Но объяснить хочу вам всё значенье
Моих благодеяний... Раньше люди
Смотрели и не видели и, слыша,
Не слышали, в каких-то грёзах сонных
Влачили жизнь; не знали древоделья,
Не строили домов из кирпича,
Ютились в глубине пещер подземных,
Бессолнечных, подобно муравьям,
Они тогда ещё не различали

Примет зимы, весны — поры цветов
И лета плодоносного; без мысли
Свершали всё — а я им показал
Восходы и закаты звёзд небесных.
Я научил их первой из наук —

Науке числ и грамоте; я дал им
И творческую память, мать Муз,
И первый я поработил ярму¹
Животных диких; облегчая людям
Тяжёлый труд телесный, я запряг

В повозки лошадей, узде послушных, —
Роскошного богатства красоту.
Никто, как я, бегущие по морю
Льнокрылые измыслил корабли...
И это всё изобретя для смертных,

Для самого себя я не могу
Придумать средство вырваться из бедствий!

Х о р

От мук позорных вовсе потерял
Ты прежний разум свой и унываешь,

¹ *Ярмо* — деревянный хомут для рабочего скота.

Как врач плохой, который, заболев,
Себе найти лекарства не умеет.

Прометей

Ещё меня послушай, подивись
Искусствам хитрым, мной изобретённым,
Скажу о самом важном: до меня
Не знали люди ни целящих мазей,

Ни снедей, ни питья, но погибали
За недостатком помощи врачебной.
Я научил их смешивать лекарства,
Чтоб ими все болезни отражать.
Установил я способы гаданий;

Растолковал пророческие сны —
Что правда в них, что ложь. Опередил
Смысл вещих голосов, примет дорожных,
Я объяснил и хищных птиц полёт,
И что вещают — счастье иль беду, —

Их образ жизни, ссоры и любовь;
Гадания по внутренностям жертвы,
Цвета и виды печени и желчи,
Принятые при жертве для богов.
Сжигая бёдра жертвенных животных,

Упитанные туком, пред людьми
Разоблачил я знаменья огня,
Что раньше непонятны были взору.
Да, это так... А кто дерзнёт сказать,
Что до меня извлёк на пользу людям
Таившиеся под землёй: железо,
И серебро, и золото, и медь?
Никто, конечно, коль не хочет хвастать.

А кратко говоря, узнай, что все
Искусства у людей — от Прометея!

Хор

Нет, помогая смертным чересчур,
Себя в таком не оставляй несчастье.

Но верю, от оков освободясь,
Ты будешь вновь могуществен, как Зевс.

П р о м е т е й

О нет, ещё верховная Судьба
Подобного исхода не решила.
Но лишь согбен¹ под тысячами мук,
Избегну я оков. И всё ж слабей

Всегда искусство, чем Необходимость.

Х о р

А кто её кормилом² управляет?

П р о м е т е й

Три Мойры³ и Эриннии⁴, что помнят
Всё.

Х о р

Разве Зевс слабее, чем они?

П р о м е т е й

Ему своей не избежать судьбы.

Х о р

Ужели Зевс не вечно будет править?

П р о м е т е й

Об этом не узнать тебе, оставь.

Х о р

Великое, как видно, ты скрываешь!

¹ *Согбённый* (устар., высок.) — согнутый, сгорбленный.

² *Кормило* (устар.) — руль, рулевое весло. Переносный смысл: управление.

³ *Мойры* — богини судьбы.

⁴ *Эриннии* — богини мести.

Прометей

Перемените лучше разговор!
Не время говорить об этом: тайна
Должна быть сокровенной. Если я
Её уберегу, то от мучений
И от позорных уз освобожусь.

[Эсхил показывает в своей трагедии ещё одну жертву Зевса. К скале, на которой распят Прометей, подбегает Ио. Несчастливая возлюбленная Зевса, некогда красивая девушка, обращена женой Зевса Герой в корову и обречена на бесконечные скитания. Боги изменили облик Ио, но сохранили ей человеческий разум. Её преследует овод, укусы которого повергают девушку в безумие. Незаслуженные мучения Ио заставляют Прометея забыть о своих страданиях. Он утешает Ио, предсказывает близкий конец её мучениям и славу. Он грозит гибелью их общему мучителю Зевсу, тайна судьбы которого известна ему одному. Слова Прометея доходят до слуха Зевса, и, напуганный, он отправляет к Прометею слугу богов Гермеса, чтобы выведать тайну. Но Прометей отказывается открыть её.]

Гермес

С тобой, хитрец, язвительный чрезмерно,
Я говорю, с виновным пред богами,
С тобой, огонь укравшим для людей.
Отец велит, чтоб ты сказал о браке¹,
Который у него отнимет власть.
И говори яснее, без загадок,
Подробно всё. Не заставляй меня,
О Прометей, к тебе являться дважды.
Ты видишь, Зевса нелегко смягчить.

Прометей

О, как звучит напыщенно и гордо
Вся эта речь прислужника богов.
Вы думаете, новые цари,
Что вечно вам блаженствовать в твердынях?

¹ Прометей знает, что Зевсу нельзя вступать в брак с морской богиней Фетидой, ибо от этого брака родится сын, который будет могущественнее отца.

Но разве я не видел, как с Олимпа
Упали два тирана? И увижу,
Как третий, ныне правящий, падёт, —
Падением позорнейшим и скорым.

(К Гермесу)

Не думаешь ли ты, что трепещу
Я пред богами новыми? Нимало.
А ты спешి вернуться тем путем,
Каким пришёл. Ответа не получишь.

Г е р м е с

Однако за такое дерзновенье
Уже несчастьем поплатился ты.

П р о м е т е й

Знай хорошо, что я б не променял
Моих скорбей на рабское служенье.

Г е р м е с

Так, видно, лучше быть слугой скалы,
Чем верным вестником отца — Зевеса?

П р о м е т е й

Обидчиков отрадно обижать.

Г е р м е с

Ты, кажется, блаженствуешь и в бедах?

П р о м е т е й

Блаженствую? Подобного блаженства
Моим врагам желаю — и тебе.

Г е р м е с

Ты и меня винишь в своих несчастьях?

П р о м е т е й

Я ненавижу всех богов: они
Мне за добро мучением воздали.

Г е р м е с

Безумием, я вижу, болен ты.

П р о м е т е й

Коль ненависть к врагам считать болезнью.

Г е р м е с

О, ты бы в счастье стал невыносим.

П р о м е т е й

Увы!

Г е р м е с

Не знает Зевс такого слова.

П р о м е т е й

Всему научит время и его.

Г е р м е с

А ты уму ещё не научился.

П р о м е т е й

Не говорил бы я тогда с рабом.

Г е р м е с

Не скажешь то, что знать отец желает?

П р о м е т е й

А надо бы. Он — благодетель мой.

Г е р м е с

Глумишься надо мной, как над ребёнком.

П р о м е т е й

А разве ты ребёнка не глупей,

Коль думаешь, что я тебе отвечу?

Ни казни нет, ни хитрости, какой

Меня заставит Зевс сказать о тайне,
Пока позорных уз не разрешит.
Так пусть же молнийной разит стрелою,
Подземным громом пусть гремит, смешает
Всё небо в белокрылую метель —

И всё до основанья уничтожит:
Меня не сломит он, и не скажу я,
От чьей руки он потеряет власть.

[Гермес грозит Прометею новыми ужасными муками, но Прометей знает, что Зевс не может его уничтожить. Разгневанный Зевс обрушивает на Прометея все подвластные ему стихии...]

ЭКСОД

Прометей

(к Хору)

О том, что сейчас он мне возвестил,
Я заранее знал. Но муки терпеть
Врагу от врагов — не позорно ничуть.
Так пусть двулезвийные кудри огня
Терзать меня кинутся, пусть от громов

Сотрясётся под натиском бурных ветров
Весь небесный эфир и до самых корней
Колеблет глубины земли ураган.
И пусть он смешает волны морей
И звёзд небесных пути в сплошном

Движенье и шуме, и тело моё
Пусть бросит на чёрного Тартара дно;
Но в водовороте железной судьбы
Меня умертвить он не может.

Гермес

Такие решенья, такие слова
Одним сумасшедшим пристали. И чем
Отличается он от безумных теперь
В своей похвальбе, — что не знают узды?

(к Океанидам)

Но вы, что состраждете бедам его,
Отойдите скорее от этой скалы:
Не то ваш рассудок навек потрясёт
Свирепого грома рычанье.

Х о р

Другие советы давай мне, и их
Послушаюсь я. Но некстати сказал
Ты эти слова, нестерпимые мне:
Ужели мне подлость сделать велишь?
Вместе с ним я готова судьбу претерпеть.
Ненавидеть привыкла изменников я, —
И этот порок
Мне всех пороков противней.

Г е р м е с

Ну так помните: я вам заранее сказал, —
Я предупредил вас. И пойманы вдруг,
Не корите судьбы и не смейте роптать,
Что Зевс в неожиданное бедствие вас

Повергнул. Не он, а вы сами себя.
Ведь зная заранее всё, не врасплох
И не тайными кознями будете вы
Запутаны в сеть безысходной беды.
Но попавши в неё по безумью.

Г е р м е с уходит.

П р о м е т е й

И впрямь уж теперь, а не на словах,
Задрожала земля,
И грома глухие удары режут,
И пламенных молний извивы блещут,
И вихри крутят вздымаемый прах.
В неистовой пляске несутся ветра
Навстречу друг другу: сшибаясь, шумят
И празднуют дикий и ярый мятеж,
Смешались в одно небеса и земля...

И всю эту бурю послал на меня
Разгневанный Зевс, чтоб меня утратить.
О мать святая моя! О Эфир,
Свой свет разливающий всюду, взгляни:
Страдаю я несправедливо.

При ударах грома и блеске молний П р о м е т е й вместе со
скалой проваливается под землю.

Перевод И. Ниландера

Что вас особенно взволновало в трагедии Эсхила? Как вы думаете, почему образ Прометея на протяжении многих веков интересен и близок писателям, художникам, композиторам?

* * *

1. Почему Зевс так жестоко наказывает Прометея?
2. Кто сочувствует Прометею, кто пытается его ободрить, поддержать?
3. О чём рассказывает Прометей Океанидам? Какой вывод он делает в конце рассказа?
4. Прочитайте слова Прометея о его делах во имя людей (эпизод второй). Прокомментируйте их.
5. Чтобы выведать у Прометея тайну своей судьбы, Зевс посылает к нему Гермеса. Перечитайте диалог Гермеса и Прометея. Какими предстают оба героя?
6. Как свершилась космическая месть Зевса? Как вы понимаете последние слова Прометея?

* * *

1. Расскажите о Прометее, оцените его характер, поступки, отношение к людям, ненависть к тирании и деспотизму.
2. Каким вы представляете Зевса? Какие чувства он вызывает у всех героев, кроме Прометея? Почему Эсхил не показал его в трагедии?
3. Что прославляет и что осуждает Эсхил в нравственном облике противостоящих друг другу Прометея и Власти и Силы, помощников Зевса?
4. Как в образе Прометея соединяется героическое и трагическое? Почему гибель героя не вызывает у вас пессимизма?

ЛИТЕРАТУРА

ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Вы уже знаете, что на смену Средневековью приходит Возрождение (от франц. — Ренессанс) — период, охватывавший около трёх столетий, примерно с XIV по XVI век. Это удивительная эпоха открытия и освоения Земли: люди много путешествуют, строят города. Развивается промышленность, а вместе с ней и наука. Появляются выдающиеся учёные, мыслители, писатели, художники. В своих произведениях творцы Возрождения прославляют физическую и духовную красоту человека, его разум, чувства, его право на земное счастье. Недаром их называют гуманистами¹. В поисках высоких образцов они обращаются к искусству Древней Греции и Древнего Рима, возрождая лучшие традиции античности. Отсюда и название эпохи — Возрождение.

Культуру и искусство Возрождения, конечно, нельзя сводить к подражанию далёкому прошлому. Но дух античности определял главное в этой эпохе — признание Человека подлинной ценностью, достойной изображения в искусстве. Новая гуманистическая культура преображала облик и поведение людей, изменяла их отношение к миру, одухотворяла искусство.

Невиданный расцвет получили искусство и литература. Эпоха Возрождения дала миру выдающихся художников и поэтов: Леонардо да Винчи, Рафаэль, Тициан — в живописи; великий Микеланджело — в скульптуре; Данте, Петрарка, Сервантес, Шекспир — в литературе.

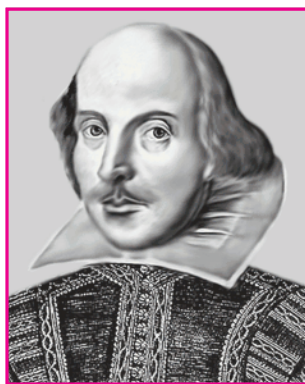
¹ *Гумани́ст* (от лат. *humanus* — человеческий) — деятель эпохи Возрождения, разделявший и проводивший в своей жизненной практике главную идею гуманизма о человеке как высшей ценности мира.

Уильям ШЕКСПИР

1564—1616

...гений необъемлемый, проникающий
в сердце человека, в законы судьбы.

М. Ю. Лермонтов

Уильям Шекспир — выдающийся поэт и драматург английского Возрождения. О его жизни сохранилось мало сведений, имя писателя до сих пор окружено легендами. Шекспир пытался ответить в своих пьесах и сонетах на сложнейшие вопросы жизни: о взаимосвязи личности и общества, о незащищенности честных и порядочных людей перед подлостью. Им созданы величайшие трагедии («Гамлет», «Отелло», «Король Лир» и др.), пережившие века и не сходящие со сцен современных театров мира.

Никогда в течение почти четырёх столетий, прошедших со дня смерти Шекспира, не иссякал интерес к его творчеству, потому что драматург касался самых сложных вопросов человеческого бытия, умел ярко и убедительно показать переживания человека, раскрыть его чувства в движении и развитии, связать воедино судьбу человека и ход истории.

Наследие великого драматурга получило и литературное, и философское, и сценическое истолкование. Его пьесы ставятся на сценах всех стран, их исполнение связано с судьбами лучших актёров мира. По произведениям Шекспира создано множество опер, балетов, кинофильмов.

Но повесть о Ромео и Джульетте
Останется печальнейшей на свете...

Такими стихами заканчивается первая трагедия Шекспира, трагедия великой любви, столкнувшейся с бесчело-

вечным миром. Вражда двух родов, кровная месть восстали против любви юных Ромео и Джульетты, которые не могут жить друг без друга.

Вспомните! *Трагедией* называют такие драматические произведения, в которых изображаются исключительно острые, непримиримые жизненные конфликты, таящие в себе катастрофические последствия и чаще всего завершающиеся гибелью героя.

В отличие от древнегреческих трагедий, прославляющих величие свободного человека, основной темой трагедий Шекспира является столкновение благородной личности, героя-гуманиста с миром зла и несправедливости. Герои «Ромео и Джульетты» обладают сильными характерами, развитым сознанием, умением глубоко чувствовать. Они отличаются от героев античных трагедий богатством своей индивидуальности.

Шекспир — первый в мировой литературе драматург, давший глубокое изображение характеров *в развитии*.

Впервые поставленная на сцене общедоступного лондонского театра в 1595 году, трагедия «Ромео и Джульетта» и сегодня глубоко волнует людей прославлением великого чувства любви.

...Далёкий мир, иная жизнь оживают перед нами на страницах трагедии. Шумят заполненные людьми улицы Вероны, сияет над ними яркое южное солнце... Звучат остроумные шутки Меркуцио, звенит голос юной Джульетты...

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА

Каковы ваши впечатления о прочитанной трагедии Шекспира? Что вас взволновало, какие страницы хотелось бы перечитать?

* * *

1. Какой впервые предстаёт перед вами юная Джульетта? (Акт I, сцена третья.)
2. Каков в вашем представлении Ромео до встречи с Джульеттой? Расскажите, опираясь на прочитанный вами полный текст трагедии.

3. Прочитайте сцену пятую из акта I («Бал в доме Капулетти»). Проследите за поведением главных героев, обратите внимание на их речь. Как изображено в этой сцене зарождение любви между Ромео и Джульеттой? Расскажите и прочитайте.
4. Перечитайте сцену первого свидания героев в ночном саду (акт II, сцена вторая). Представьте встречу влюблённых, попытайтесь «услышать» их внутренние монологи. Как любовь преобразила Ромео, Джульетту? Обратите внимание на поэтические сравнения, которые помогают им выразить свои чувства. Как вы понимаете слова Джульетты о том, что главное — человек, а не имя?
5. Перечитайте последние страницы трагедии. Что стало причиной такого печального финала пьесы? От чего, как вы думаете, зависят страдания человеческие, трагические повороты судьбы?

* * *

1. Над чем заставила задуматься юную Джульетту большая любовь?
2. Какой идеал человека утверждает трагедия Шекспира?
3. Чем можно объяснить долгую жизнь трагедии «Ромео и Джульетта» на сцене театра, в других видах искусства (балет, кино)?
4. Почему эта пьеса Шекспира — трагедия?

ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Искусство есть одно из средств единения людей.
Л. Н. Толстой

Этот период в развитии русской литературы представлен произведениями, которые были написаны между 1820 и 1841 годами. Раздел открывается лирикой и поэмой А. С. Пушкина. В его поэзии мощно и чисто откликнулись голоса народного творчества, мотивы древнерусской письменности и культуры, литературы XVIII века от М. В. Ломоносова до А. Н. Радищева и Д. И. Фонвизина. Гениальный поэт, с его «всемирной отзывчивостью» (Ф. М. Достоевский), сумел впитать социальные и нравственные идеи европейских просветителей Руссо, Дидро, Монтескье и других, Великой французской революции 1789—1794 годов.

Жизнь поэта, его личная судьба, как жизнь и судьба многих его современников, были тесно связаны с историческими событиями века, прежде всего с Отечественной войной 1812 года. Пушкин до конца своих дней помнил, как они, лицеисты, со «старшими братьями прощались», как завидовали тому, «кто умирать шёл» мимо них.

Война с Наполеоном оказалась тяжелейшим испытанием для России, но и величайшим народным торжеством. Да, главным героем, победителем был народ, крестьянин в солдатской шинели — «могучее, лихое племя. Богатыри...», как писал М. Ю. Лермонтов в стихотворении «Бородино».

Мыслящие, передовые люди не могли примириться с тем, что крестьянин вновь возвратился «к своей сохе, к своему рабству», что он не получил «никаких льгот в благодарность за победу, купленную его кровью» (А. И. Герцен). После 1815 года, после окончательной победы над Наполеоном и возникли в России первые декабристские общества.

С этими главными событиями века была связана вся русская литература первой половины XIX столетия, и прежде всего творчество А. С. Пушкина, глубоко пережившего трагедию разгрома декабристского восстания, казнь и ссылку друзей, братьев.

В эпоху реакции, когда преследовалась личная независимость, когда свобода мнений расценивалась как политическое преступление, «в долинах рабства и мучений» раздавалась «звонкая и широкая песнь Пушкина» (А. И. Герцен). Он подготовил почву для своих преемников. Русская литература под воздействием его творчества начала развиваться быстро и плодотворно, удивляя весь мир разнообразием талантов. В день гибели поэта заявил о себе М. Ю. Лермонтов горькими и бесстрашными стихами:

Не вынесла душа Поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!
Убит!..

Они почти современники. Лермонтов моложе Пушкина всего на 15 лет. Но Лермонтов как поэт и гражданин развивался после разгрома декабристского восстания, в 1830-е годы. Это была уже другая эпоха, и её трагизм оставил глубокий след в творчестве поэта. Царь Николай I, напуганный событиями 14 декабря, не щадил свободомыслящую интеллигенцию. Сосланы литераторы А. И. Герцен и Н. П. Огарёв; П. Я. Чаадаев, друг Пушкина, объявлен сумасшедшим за то, что в своих статьях осудил рабскую жизнь, культурную отсталость России. Однако остановить развитие прогрессивной общественной мысли и художественной литературы в России было невозможно. Ещё при жизни Пушкина и при его поддержке возрастал талант Н. В. Гоголя. В. Г. Белинский назвал его «одним из великих вождей» страны «на пути сознания, развития, прогресса».

Мироощущения, художественный почерк Пушкина, Лермонтова, Гоголя различны. Каждый из них самобытен и неповторим, но их объединяет любовь к народу, отечеству,

глубинная связь с проблемами своей эпохи. В той или иной степени в творчестве этих трёх гигантов нашли отражение проклятие «губительному позору» — крепостничеству, патриотическое воодушевление народа в Отечественной войне против Наполеона, противостояние передового дворянства и царского самовластья, восстание декабристов 14 декабря 1825 года на Сенатской площади и его последствия.

Творчество А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя определило дальнейшее развитие русской литературы, её всемирную славу. Их произведения и сегодня интересны, дороги нам, потому что они проникнуты теплом человечности, «любовью и дружеством», призывами к милосердию и усмирению «земной ненависти», восславлением свободы и достоинства личности.

Александр Сергеевич ПУШКИН

1799—1837

Книгопродавец
Теперь, оставя шумный свет,
И муз, и ветреную моду,
Что ж избере́те Вы?

Поэт

Свободу.

А. С. Пушкин. «Разговор книго-
продавца с поэтом» (1824)

«И СМЕЛЫЙ УМ, И ДУХ ВЫСОКИЙ...»

Пушкинский поэт избирает свободу как высшую ценность. Вам, наверное, неоднократно приходилось читать: «Пушкин — певец свободы»; слышать его строки: «Вослед Радищеву восславил я свободу», «Хочу воспеть свободу миру...». На основе своего читательского опыта вы можете убедительно сказать: «Да, Пушкин — певец свободы». В «Песне о вещем Олеге» мудрый старец бесстрашно, с достоинством независимой, свободной личности заявляет:

Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещей язык
И с волей небесною дружен.

В этих стихах — главная мысль всего произведения, здесь нашло отражение отношение Пушкина к проблеме «творец и власть». Поэт, художник независимы от власти, от её мнений, даров и принуждений. Но... сам Пушкин испытывал на себе насилие властей, которые пытались прервать его свободный творческий полёт, направить его поэтическое дарование в нужное для себя русло. Трагическое противостояние началось ещё в юности: ода «Вольность» (1817), «К Чаадаеву» (1818), «Деревня» (1819). Известность Пушкина росла с каждым днём. Он стал кумиром молодёжи, ему подражали в одежде, манерах, повторяли его остроты, эпиграммы, твердили наизусть его стихи.

Между тем судьба поэта была уже предрешена. Правительство не простило ему ни вольных стихов, ни дерзких выходок. И только благодаря друзьям, особенно Карамзину и Жуковскому, Пушкин не оказался ни в Сибири, ни на Соловках, как намечалось.

В ссылке. В мае 1820 года Пушкин выехал из Петербурга в Екатеринослав (теперь Днепропетровск) на службу под начало генерала И. Н. Инзова. Так началась южная ссылка поэта.

Больного малярией поэта добрый Инзов отпускает с семейством Раевских на Кавказские воды. Всё лето провел он в милой, дружной семье на водах, принимал ванны, которые оздоровили его, а затем по приглашению Раевских поехал в Крым, в Гурзуф. Парусный корабль шёл вдоль берегов, покрытых тополями, виноградниками, лавром, кипарисами. «Всю ночь не спал, — писал Пушкин другу. — Луны не было, звёзды блистали; передо мною в тумане тянулись полуденные горы...»

В письме к брату Льву поэт так оценивал этот период в своей судьбе: «Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провёл я посреди семейства почтенного Раевского... Любимая моя надежда — увидеть опять полуденный берег и семейство Раевского».

* * *

Редееет облаков летучая гряда;
Звезда печальная, вечерняя звезда,
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и чёрных скал вершины.
Люблю твой слабый свет в небесной вышине;
Он думы разбудил, уснувшие во мне.
Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где всё для сердца мило,
Где стройны тополи в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и тёмный кипарис,
И сладостно шумят полуденные волны.
Там некогда в горах, сердечной думы полный,
Над морем я влачил задумчивую лень.
Когда на хижины сходила ночи тень —
И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла.

1820

Вы прочитали стихотворение, которое относится к жанру элегии. В русской литературе элегии писали Н. М. Карамзин, К. Н. Батюшков, В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. А. Некрасов и др.

Какое настроение преобладает в стихотворении? Какие иллюстрации вы нарисовали бы к нему?

* * *

1. Как и когда меняется настроение в элегии, условно разделяя её на две части?
2. Понаблюдайте, как передаются мечтательность, лёгкая грусть юной души: обратите внимание на лексику; найдите эпитеты, подумайте над их выразительностью, ролью в тексте.
3. Проследите, как рождаются музыкальность, плавность звучания элегии: определите особенность созвучий окончаний (рифма), найдите женские (безударные), мужские (ударные) рифмы; выделите гласные звуки, которые чаще всего оказываются под ударением; определите, какие согласные настойчиво повторяются, например, в стихе: «И сладостно шумят полуденные волны». По-

чему, на ваш взгляд, поэт отклонил первоначальный вариант:
«И сладостно шумят таврические¹ волны»?

4. Попробуйте определить размер стиха, количество стоп в строке.

* * *

Обобщите ваши наблюдения: как лексика, синтаксис, звуковая инструментовка, размер, рифма помогают создать элегическое настроение, мелодию лёгкой, светлой грусти?

В Кишинёве. Счастливые дни в Крыму среди дружеского окружения закончились. Осенью 1820 года Пушкин уже был в Кишинёве, куда переехала канцелярия И. Н. Инзова. Лазурное море, цветущие крымские берега сменились выжженными солнцем степями, канцелярской скукой. Вместо свободы, дружеского участия молодежи дома Раевских — полная зависимость от начальства. Больше, чем когда-либо ранее, Пушкина угнетало подневольное положение. Однако упорный труд помогал разогнать тоску: Пушкин много читал, думал, писал. Петербургскому другу Чаадаеву он признавался, что учится «удерживать внимание долгих дум», что стремится восполнить недостатки своего воспитания, чтоб «в просвещении стать с веком наравне». Пушкин действительно был одним из самых образованных людей своего времени. В Молдавии у поэта появились друзья — В. Ф. Раевский, которого называют «первым декабристом», генерал М. Ф. Орлов. Здесь Пушкин познакомился с П. И. Пестелем, будущим главой декабристов, и другими передовыми людьми того времени. Он внимательно следил за всеми политическими и общественными событиями своей эпохи. Подавление греческого восстания Пушкин пережил тяжело, как крушение личных надежд. Собственная неволя стала ещё несноснее. В этот период было написано стихотворение «Узник».

¹ *Таврические* от *Таврида* — старинное название Крыма.

УЗНИК

Сижу за решёткой в темнице сырой,
Вскормлённый в неволе орёл молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюёт под окном.

Клюёт и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно;
Зовёт меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!»

Каким чувством пронизано стихотворение? Какая иллюстрация была бы уместна к нему?

* * *

1. Кто в стихотворении побуждает к действию?
2. О чём напоминает орёл узнику словами: «Мы вольные птицы...»?
3. Когда и почему повествовательный тон резко меняется?
4. Какие художественные средства помогают выразить страстный порыв к свободе?
5. На какой ноте завершается стихотворение?
6. Рассмотрите построение произведения, его особенность и роль в выражении пафоса стихотворения.
7. Согласны ли вы с утверждением поэта В. А. Рождественского: «Композиция стихотворения “Узник” совершенно безукоризненна»? Аргументируйте свою точку зрения.

* * *

1. Какое место занимает «Узник» в ряду прочитанных вами произведений? Что общего в построении пушкинских лирических стихотворений вы заметили?
2. Большинство критиков, читателей отмечают точность и ёмкость каждого пушкинского слова. Так ли это? Проведите мини-исследование: в черновом варианте «Узника» возникает образ бес-

крыленного орла («Пленён, обескрылен орёл молодой»), а в окончательном варианте автор написал: «Мой грустный товарищ, махая крылом...» — что эта правка изменила в содержании, то-нальности стихотворения?

ЛИРИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ

Мы с вами читаем стихотворение за стихотворением Пушкина, вспоминаем ранее изученные произведения поэта. В вашем сознании, вероятно, постепенно вырисовывается отличительное свойство его лирики: глубинная человечность, насыщенность мыслями, напряженность чувств, открытость и искренность. Его лира откликалась на всё многообразие жизни.

Эмоциональная напряжённость стихотворений Пушкина, высокая духовность, свободомыслие и независимость сочетаются в них с лёгкостью, точностью и плавностью поэтического слога. И когда мы читаем произведение за произведением поэта, то, несмотря на разнообразие тематики, постигаем их единство в восприятии мира, характере переживаний, художественном выражении. Так возникает в нашем сознании образ лирического героя.

Лирический герой — это образ героя, чьи состояния, чувства, переживания, мысли переданы в лирическом произведении.

Лирического героя не следует отождествлять с личностью поэта, переживания лирического героя тоже нельзя воспринимать как мысли и чувства самого поэта. Образ лирического героя создаётся поэтом так же, как художественный образ в произведениях эпических и драматических, с помощью отбора материала, художественного вымысла и т. д.

В Одессе. В августе 1823 года А. С. Пушкин был переведён в Одессу, под начало М. С. Воронцова. На первых порах поэт почувствовал обновление: зачитывался французскими газетами, не пропускал спектаклей в итальянской

опере, бывал в обществе, купался в море. Его радовало, что в Одессе всё «пестреет разнообразностью живой», что «язык Италии златой звучит на улице весёлой».

В годы южной ссылки имя Пушкина сделалось известным всей читающей России. Он узнал, что такое успех и слава. Основу его известности составили поэмы, получившие название «южных», как по месту их создания, так и по специфически «южному» романтическому колориту, заставлявшему современников вспомнить «восточные поэмы» Байрона.

Осенью 1823 года Пушкин познакомился с Елизаветой Ксаверьевной Воронцовой. Она была хороша собой и отличалась утончённой любезностью светской дамы. Привычное внимание к молодой и красивой женщине скоро перешло в глубокое и серьёзное чувство. Любовь к Воронцовой переплелась с переживаниями совершенно другого плана. Натянутые отношения между Пушкиным и его начальником имели иную основу. Ревность Воронцова только придала этому конфликту некоторую окраску. Для Пушкина на первом плане всегда было чувство собственного достоинства. Без веры человека в свою ценность нет свободы — ни общей, ни частной, оно составляет фундамент жизненной позиции. Именно чувство собственного достоинства определяло поведение Пушкина и в кругу друзей, и перед лицом врагов. В борьбе за достоинство личности и было неизбежно столкновение Пушкина и Воронцова.

Начальник принял в отношениях с поэтом свой обычный доброжелательно-снисходительный тон, подчёркивавший и любезность начальника, и непреодолимость дистанции между ним и подчиненными. Пушкин называл это тоном «оскорбительной любезности временщика». Поэзия была для Воронцова вздор. Пушкин написал в его адрес несколько колких эпиграмм. Воронцов почувствовал себя безоружным перед остроумием и талантом противника, в котором он упорно отказывался видеть кого-либо, кроме мелкого чиновника своей канцелярии. Он окружил Пушкина шпионами, распечатывал его письма и восстанавливал против ссыльного поэта петербургское начальство. Конфликт в связи со служебной командировкой «на саранчу»

был спровоцирован Воронцовым. Весной 1824 года поэту было предложено отправиться в уезды и собрать сведения о появившейся там саранче и мерах, принятых по борьбе с нею. Пушкина такое поручение привело в негодование. Друзья уговорили его поехать в командировку. По возвращении Пушкин написал рапорт Воронцову:

Саранча
Летела, летела —
И села.
Сидела, сидела,
Всё съела —
И вновь улетела.

Пушкин просил об отставке, что в его положении опального¹ чиновника могло быть истолковано как мятеж и дерзость.

Такова была ситуация, когда московская полиция распечатала письмо Пушкина, в котором он признавался в своём увлечении «атеистическими учениями». Этого было достаточно. 8 июля 1824 года Пушкин был высочайшим повелением уволен со службы и выслан в Псковскую губернию, под надзор местного начальства. Пушкин был ошеломлён. 1 августа 1824 года он выехал из Одессы. Состояние поэта, его размышления о превратностях судьбы, его прощание с морем, со всем, что было дорого в этот период жизни, нашли отражение в стихотворении «К морю», которое было написано уже в Михайловском.

К МОРЮ

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот² заунывный,
Как зов его в прощальный час,

¹ *Опальный* от *опала* — немилость царя, князя, высшего начальника.

² *Ропот* (перен.) — неясный шум, негромкие звуки.

Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по берегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,
Глухие звуки, бездны глас,
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиренный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей,
Но ты выиграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег!

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я...

О чём жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:
Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,

Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нём означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем не укротим.

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба людей повсюду та же:
Где благо, там уже на страже
Иль просвещение, иль тиран.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

1824

Какое впечатление производит море в пушкинском описании?
Как меняется настроение лирического героя в стихотворении?

* * *

1. Проследите за построением стихотворения, выделите в нём мотив моря и мотив судьбы лирического героя. Обратите внимание на эпитеты, характеризующие море.
2. В сознании лирического героя возникают образы Наполеона и Байрона, которые были кумирами европейской молодёжи первой половины XIX века. Почему, прощаясь с морем, А. С. Пушкин вспоминает о них? Как в элегии раскрывается значение личности

и творчества английского поэта Дж. Байрона (1788—1824) для А. С. Пушкина?

3. Как передаётся в стихотворении противоборство разных чувств: порыв оставить навек «скучный берег» и «могучая страсть», верность, «память сердца»?
4. Проследите, как возникает и развивается в произведении мотив благодарности и памяти.
5. Море А. С. Пушкин назвал «свободной стихией». Что различает свободу моря и свободу человека, по мнению поэта? Рассмотрите на обложке репродукцию картины И. Е. Репина и И. К. Айвазовского «Пушкин на берегу Чёрного моря». Какие строки стихотворения «К морю» созвучны с изображением водной стихии и характером поэта?

* * *

1. Как перекликаются начало и конец стихотворения? Как А. С. Пушкин отвечает на «друга ропот заунывный», на его зов?
2. Какие черты, присущие пушкинскому лирическому герою, открываются в этом стихотворении? Какой мотив в нём является ведущим?
3. Покажите, что произведение «К морю» имеет признаки элегии.

СОЖЖЁННОЕ ПИСЬМО

Прощай, письмо любви, прощай! Она велела...
Как долго медлил я, как долго не хотела
Рука предать огню все радости мои!..
Но полно, час настал: гори письмо любви.
Готов я, ничему душа моя не внемлет.
Уж пламя жадное листы твои приемлет...
Минуто!., вспыхнули... пылают... лёгкий дым,
Биясь, теряется с молением моим.
Уж перстня верного утрата впечатление,
Растопленный сургуч кипит... О провиденье!
Свершилось! Тёмные свернулись листы;
На лёгком пепле их заветные черты
Белеют... Грудь моя стеснилась. Пепел милый,
Отрада бедная в судьбе моей унылой,
Останься век со мной на горестной груди...

1825

Вы уже догадались, что в стихотворении речь идёт о письме Е. К. Воронцовой. Какое впечатление произвело на вас стихотворение? Какими чувствами охвачена душа лирического героя?

* * *

1. Внимательно прочитайте текст и попробуйте представить, какие чередующиеся сцены намечены в стихотворении? Сколько их? Что им предшествовало?
2. Какие строки или отдельные выражения передают живописность любой сцены, отчётливую изобразительность её и вместе с тем глубину чувства любви и отчаяние лирического героя?
3. Какие восклицания, обращения, многоточия, прерывистость речи, переносы слов в следующую строку помогают передать взволнованность, горестные чувства и в конце спокойствие отчаяния? Как возникает «эффект присутствия»?

* * *

1. Какие черты духовного облика лирического героя вы отметили для себя в этом стихотворении?
2. Попробуйте сравнить общее настроение в стихотворениях «К морю» и «Сожжённое письмо». Как можно доказать, что это произведения одного и того же автора?

«И ВСЮДУ СТРАСТИ РОКОВЫЕ...»

Пушкин в Михайловском. А память, впечатления не только о Кавказе и Крыме, но и о Молдавии живут в его душе и просятся излиться на бумагу.

Поэт, находясь в Кишинёве, старался понять обычаи молдавского народа, интересовался его преданиями, песнями. Любил переодеться в молдаванина или грека, или цыгана и смешаться с толпой. Бывало, по нескольку дней жил в цыганском таборе, восхищался свободой, независимостью «детей природы». Все эти живые картины и серьёзные размышления о гордости и свободе, о «роковых страстях» и смирении легли в основу поэмы «Цыганы». Она — последняя в ряду так называемых южных поэм: «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Братья-разбойники».

Здесь вы вновь встретитесь с романтическим героем (см. с. 64). Вспомните поэму «Мцыри» М. Ю. Лермонтова, её героя, которым владела лишь одна дума, одна страсть — вырваться на волю из «келий душных», оказаться в краю отцов.

Теперь вам предстоит разобраться в отношении Пушкина к своему герою-скитальцу, «изгнаннику перелётному». Заметьте, что автор осуществил всё, о чём мечтал его герой: дал ему свободу, любовь, жизнь среди вольного народа, полное освобождение от неволи «душных городов». И что же?

Читая поэму, обратите внимание на описание быта цыган, на сопоставление их вольной жизни и жизни «душных городов», на судьбы поэта Овидия и старого цыгана. Подумайте над эпилогом поэмы.

ЦЫГАНЫ

Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют.
Как вольность, весел их ночлег
И мирный сон под небесами;
Между колёсами телег,
Полузавешанных коврами,
Горит огонь; семья кругом
Готовит ужин; в чистом поле
Пасутся кони; за шатром
Ручной медведь лежит на воле.
Всё живо посреди степей:
Заботы мирные семей,
Готовых с утром в путь недалёкий,
И песни жён, и крик детей,
И звон походной наковальни.
Но вот на табор кочевой
Нисходит сонное молчанье,
И слышно в тишине степной
Лишь лай собак да коней ржанье.

Огни везде погашены,
Спокойно всё, луна сияет
Одна с небесной вышины
И тихий табор озаряет.
В шатре одном старик не спит;
Он перед углями сидит,
Согретый их последним жаром,
И в поле дальнее глядит,
Ночным подёрнутое паром.
Его молоденькая дочь
Пошла гулять в пустынном поле.
Она привыкла к резвой воле,
Она придёт; но вот уж ночь,
И скоро месяц уж покинет
Небес далёких облака, —
Земфиры нет как нет; и стынет
Убогий ужин старика.

Но вот она; за нею следом
По степи юноша спешит;
Цыгану вовсе он неведом.
«Отец мой, — дева говорит, —
Веду я гостя; за курганом
Его в пустыне я нашла
И в табор на ночь зазвала.
Он хочет быть, как мы, цыганом;
Его преследует закон,
Но я ему подругой буду.
Его зовут Алеко — он
Готов идти за мною всюду».

С т а р и к

Я рад. Останься до утра
Под сенью нашего шатра
Или пробудь у нас и доле,
Как ты захочешь. Я готов
С тобой делить и хлеб и кров.
Будь наш — привыкни к нашей доле,
Бродящей бедности и воле —
А завтра с утренней зарёй

В одной телеге мы поедem;
Примись за промысел любой:
Железо куй иль песни пой
И сёла обходи с медведем.

А л е к о

Я остаюсь.

З е м ф и р а

Он будет мой:
Кто ж от меня его отгонит?
Но поздно... месяц молодой
Зашёл; поля покрыты мглой,
И сон меня невольно клонит...

Светло. Старик тихонько бродит
Вокруг безмолвного шатра.
«Вставай, Земфира: солнце всходит,
Проснись, мой гость! пора, пора!..
Оставьте, дети, ложе неги!¹..»
И с шумом высыпал народ;
Шатры разобраны; телеги
Готовы двинуться в поход.
Всё вместе тронулось — и вот
Толпа валит в пустых равнинах.
Ослы в перекидных корзинах
Детей играющих несут;
Мужья и братья, жёны, девы,
И стар и млад вослед идут;
Крик, шум, цыганские припевы,
Медведя рёв, его цепей
Нетерпеливое бряцанье,
Лохмотьев ярких пестрота,
Детей и старцев нагота,
Собак и лай, и завыванье,
Волынки говор, скрип телег,

¹ *Héga* — полное довольство, блаженство; ласка.

Всё скудно, дико, всё нестройно,
Но всё так живо-неспокойно,
Так чуждо мёртвых наших нег,
Так чуждо этой жизни праздной.
Как песнь рабов однообразной!

Уныло юноша глядел
На опустелую равнину
И грусти тайную причину
Истолковать себе не смел.
С ним черноокая Земфира,
Теперь он вольный житель мира,
И солнце весело над ним
Полуденной красою блещет;
Что ж сердце юноши трепещет?
Какой заботой он томим?

Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда;
В долгу ночь на ветке дремлет;
Солнце красное взойдёт,
Птичка гласу Бога внимлет,
Встрепенётся и поёт.
За весной, красой природы,
Лето знойное пройдёт —
И туман и непогоды
Осень поздняя несёт:
Людам скучно, людам горе;
Птичка в дальние страны,
В тёплый край, за сине море
Улетает до весны.

Подобно птичке беззаботной,
И он, изгнанник перелётный,
Гнезда надёжного не знал
И ни к чему не привыкал.
Ему везде была дорога,

Везде была ночлега сень;
Проснувшись поутру, свой день
Он отдавал на волю Бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну лень.
Его порой волшебной славы
Манила дельная звезда;
Нежданно роскошь и забавы
К нему являлись иногда;
Над одинокой головою
И гром нередко грохотал;
Но он беспечно под грозою
И в вёдро¹ ясное дремал.
И жил, не признавая власти
Судьбы коварной и слепой;
Но, Боже! как играли страсти
Его послушную душой!
С каким волнением кипели
В его измученной груди!
Давно ль, надолго ль усмирили?
Они проснутся: погоди!

З е м ф и р а

Скажи, мой друг: ты не жалеешь
О том, что бросил навсегда?

А л е к о

Что ж бросил я?

З е м ф и р а

Ты разумеешь:

Людей отчизны, города.

А л е к о

О чём жалеть? Когда б ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душевных городов!

¹ Вёдро (устар.) — хорошая погода, солнечно.

Там люди, в кучах за оградой,
Не дышат утренней прохладой,
Ни вешним запахом лугов;
Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей.
Что бросил я? Измен волнение,
Предрассуждений приговор,
Толпы безумное гоненье
Или блистательный позор.

З е м ф и р а

Но там огромные палаты,
Там разноцветные ковры,
Там игры, шумные пиры,
Уборы дев там так богаты!..

А л е к о

Что шум веселий городских?
Где нет любви, там нет веселий.
А девы... Как ты лучше их
И без нарядов дорогих,
Без жемчугов, без ожерелий!
Не изменись, мой нежный друг!
А я... одно моё желанье
С тобой делить любовь, досуг
И добровольное изгнанье!

С т а р и к

Ты любишь нас, хоть и рождён
Среди богатого народа.
Но не всегда мила свобода
Тому, кто к неге приучён.
Меж нами есть одно преданье:
Царём когда-то сослан был
Полудня житель к нам в изгнанье.
(Я прежде знал, но позабыл
Его мудрёное прозвание.)

Он был уже летами стар,
Но млад и жив душой незлобной —
Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный, —
И полюбили все его,
И жил он на берегах Дуная,
Не обижая никого,
Людей рассказами пленяя;
Не разумел он ничего,
И слаб и робок был, как дети;
Чужие люди за него
Зверей и рыб ловили в сети;
Как мёрзла быстрая река
И зимни вихри бушевали,
Пушистой кожей покрывали
Они святого старика;
Но он к заботам жизни бедной
Привыкнуть никогда не мог;
Скитался он иссохший, бледный,
Он говорил, что гневный Бог
Его карал за преступленье...
Он ждал: придёт ли избавленье.
И всё, несчастный, тосковал,
Бродя по берегам Дуная,
Да горьки слёзы проливал,
Свой дальный град вспоминая,
И завещал он, умирая,
Чтобы на юг перенесли
Его тоскующие кости,
И смертью — чуждой сей земли
Неуспокоенные гости!¹

А л е к о

Так вот судьба твоих сынов,
О Рим, о громкая держава!..
Певец любви, певец богов.

¹ Старый цыган рассказывает историю поэта Овидия (I век до нашей эры), которого римский император сослал в дикую страну.

Скажи мне, что такое слава?
Могильный гул, хвалебный глас,
Из рода в роды звук бегущий?
Или под сенью дымной кущи¹
Цыгана дикого рассказ?

Прошло два лета. Так же бродят
Цыганы мирною толпой;
Везде по-прежнему находят
Гостеприимство и покой.
Презрев оковы просвещенья,
Алеко волен, как они;
Он без забот и сожаленья
Ведёт кочующие дни.
Всё тот же он; семья всё та же;
Он, прежних лет не помня даже,
К бытью цыганскому привык.
Он любит их ночлегов сени,
И упоенье вечной лени,
И бедный, звучный их язык.
Медведь, беглец родной берлоги,
Косматый гость его шатра,
В селеньях, вдоль степной дороги,
Близ молдаванского двора
Перед толпою осторожной
И тяжко пляшет, и ревёт,
И цепь докучную грызёт;
На посох опершись дорожный,
Старик лениво в бубны бьёт,
Алеко с пеньем зверя водит,
Земфира поселян обходит
И дань их вольную берёт.
Настанет ночь; они все трое
Варят нежатое пшено;
Старик уснул — и всё в покое...
В шатре и тихо и темно.

¹ *Ку́ща* (устар.) — тенистая роща, лесная заросль.

Старик на вешнем солнце греет
Уж остывающую кровь;
У люльки дочь поёт любовь,
Алеко внемлет и бледнеет.

З е м ф и р а

Старый муж, грозный муж,
Режь меня, жги меня:
Я тверда; не боюсь
Ни ножа, ни огня,

Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другого люблю,
Умираю любя.

А л е к о

Молчи. Мне пенье надоело,
Я диких песен не люблю.

З е м ф и р а

Не любишь? мне какое дело!
Я песню для себя пою.

Режь меня, жги меня;
Не скажу ничего;
Старый муж, грозный муж,
Не узнаешь его.

Он свежее весны,
Жарче летнего дня;
Как он молод и смел!
Как он любит меня!

Как ласкала его
Я в ночной тишине!
Как смеялись тогда
Мы твоей седине!

А л е к о
Молчи, Земфира! я доволен...

З е м ф и р а
Так понял песню ты мою?

А л е к о
Земфира!..

З е м ф и р а
Ты сердиться волен,
Я песню про тебя пою.
Уходит и поёт: Старый муж... и проч.

С т а р и к
Так, помню, помню — песня эта
Во время наше сложена,
Уже давно в забаву света
Поётся меж людей она.
Кочуя на степях Кагула,
Её, бывало, в зимнюю ночь
Моя певала Мариула,
Перед огнём качая дочь.
В уме моём минувши лета
Час от часу темней, темней;
Но заронилась песня эта
Глубоко в памяти моей.

Всё тихо; ночь. Луной украшен
Лазурный юга небосклон,
Старик Земфирой пробуждён:
«О мой отец! Алеко страшен.
Послушай: сквозь тяжёлый сон
И стонет, и рыдает он».

С т а р и к
Не тронь его. Храни молчанье.
Слышал я русское преданье:

Теперь, полунощной порой,
У спящего теснит дыханье
Домашний дух; перед зарёй
Уходит он. Сиди со мной.

З е м ф и р а

Отец мой! шепчет он: «Земфира!»

С т а р и к

Тебя он ищет и во сне:
Ты для него дороже мира.

З е м ф и р а

Его любовь постыла мне,
Мне скучно: сердце воли просит.
Уж я... Но тише! слышишь? он
Другое имя произносит...

С т а р и к

Чьё имя?

З е м ф и р а

Слышишь? хриплый стон
И скрежет ярый!.. Как ужасно!..
Я разбужу его...

С т а р и к

Напрасно,
Ночного духа не гони —
Уйдёт и сам...

З е м ф и р а

Он повернулся,
Привстал, зовёт меня... проснулся. —
Иду к нему. — Прощай, усни.

А л е к о

Где ты была?

З е м ф и р а

С отцом сидела.

Какой-то дух тебя томил;
Во сне душа твоя терпела
Мученья; ты меня страшил:
Ты, сонный, скрежетал зубами
И звал меня.

А л е к о

Мне снилась ты.

Я видел, будто между нами...
Я видел страшные мечты!..

З е м ф и р а

Не верь лукавым сновиденьям.

А л е к о

Ах, я не верю ничему:
Ни снам, ни сладким увереньям,
Ни даже сердцу твоему.

С т а р и к

О чём, безумец молодой,
О чём вздыхаешь ты всечасно?
Здесь люди вольны, небо ясно,
И жёны славятся красой,
Не плачь: тоска тебя погубит.

А л е к о

Отец, она меня не любит.

С т а р и к

Утешься, друг: она дитя.
Твоё унынье безрассудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское — шутя.
Взгляни: под отдалённым сводом
Гуляет вольная луна;

На всю природу мимоходом
Равно сиянье льёт она.
Заглянет в облако любое,
Его так пышно озарит —
И вот — уж перешла в другое;
И то недолго посетит.
Кто место в небе ей укажет,
Примолвя: там остановись!
Кто сердцу юной девы скажет:
Люби одно, не изменись?
Утешься.

А л е к о

Как она любила!
Как, нежно преклонясь ко мне,
Она в пустынной тишине
Часы ночные проводила!
Веселья детского полна,
Как часто милым лепетаньем
Иль упоительным лобзаньем
Мою задумчивость она
В минуту разогнать умела!..
И что ж? Земфира неверна?
Моя Земфира охладела!..

С т а р и к

Послушай: расскажу тебе
Я повесть о самом себе.
Давно, давно, когда Дунаю
Не угрожал ещё москаль¹ —
(Вот видишь, я припоминаю,
Алеко, старую печаль) —
Тогда боялись мы султана;
А правил Буджаком паша²
С высоких башен Аккермана. —

¹ *Моска́ль* — так в Украине и Молдавии называли русских, так как государство называлось «Московия».

² *Паи́ш* — титул высшего сановника в старой Турции и других мусульманских странах.

Я молод был; моя душа
В то время радостно кипела;
И ни одна в кудрях моих
Ещё сединка не белела. —
Между красавиц молодых
Одна была... и долго ею,
Как солнцем, любовался я,
И наконец назвал моею...

Ах, быстро молодость моя
Звездой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Ещё быстрее: только год
Меня любила Мариула.

Однажды близ кагульских вод
Мы чуждый табор повстречали;
Цыганы те, свои шатры
Разбив близ наших у горы,
Две ночи вместе ночевали.
Они ушли на третью ночь, —
И, брося маленькую дочь,
Ушла за ними Мариула.
Я мирно спал — заря блеснула,
Проснулся я, подруги нет!
Ищу, зову — пропал и след...
Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакал — с этих пор
Постыли мне все девы мира;
Меж ими никогда мой взор
Не выбирал себе подруги,
И одинокие досуги
Уже ни с кем я не делил.

А л е к о

Да как же ты не поспешил
Тотчас вослед неблагодарной
И хищникам и ей, коварной,
Кинжала в сердце не вонзил?

С т а р и к

К чему? вольнее птицы младость;
Кто в силах удержать любовь?
Чредою всем даётся радость;
Что было, то не будет вновь.

А л е к о

Я не таков. Нет, я не споря
От прав моих не откажусь!
Или хоть мщеньем наслажусь.
О нет! когда б над бездной моря
Нашёл я спящего врага,
Клянусь, и тут моя нога
Не пощадила бы злодея;
Я в волны моря, не бледнея,
И беззащитного б толкнул;
Внезапный ужас пробужденья
Свирепым смехом упрекнул,
И долго мне его паденья
Смешон и сладок был бы гул.

М о л о д о й ц ы г а н
Ещё одно, одно лобзанье!

З е м ф и р а
Пора: мой муж ревнив и зол.

Ц ы г а н
Одно... но доле! на прощанье.

З е м ф и р а
Прощай, покамест не пришёл.

Ц ы г а н
Скажи — когда ж опять свиданье?

З е м ф и р а

Сегодня, как зайдёт луна,
Там, за курганом над могилой...

Ц ы г а н

Обманет! не придёт она!

З е м ф и р а

Вот он! беги!.. Приду, мой милый.

Алеко спит. В его уме
Виденье смутное играет;
Он, с криком пробудясь во тьме,
Ревниво руку простирает;
Но обробелая рука
Покровы хладные хватает —
Его подруга далека...
Он с трепетом привстал и внемлет...
Всё тихо — страх его объемлет,
По нём текут и жар и холод;
Встаёт он, из шатра выходит,
Вокруг телег, ужасен, бродит;
Спокойно всё; поля молчат;
Темно; луна зашла в туманы,
Чуть брезжит звёзд неверный свет,
Чуть по росе приметный след
Ведёт за дальние курганы:
Нетерпеливо он идёт,
Куда зловеший след ведёт.

Могила на краю дороги
Вдали белеет перед ним...
Туда слабеющие ноги
Влачит, предчувствием томим,
Дрожат уста, дрожат колени,
Идёт... и вдруг... иль это сон?
Вдруг видит близкие две тени
И близкий шёпот слышит он
Над обесславленной могилой.

1-й г о л о с
Пора...

2-й г о л о с
Постой...

1-й г о л о с
Пора, мой милый.

2-й г о л о с
Нет, нет, постой, дождёмся дня.

1-й г о л о с
Уж поздно.

2-й г о л о с
Как ты робко любишь.
Минуту!

1-й г о л о с
Ты меня погубишь.

2-й г о л о с
Минуту!

1-й г о л о с
Если без меня
Проснётся муж?..

А л е к о
Проснулся я.
Куда вы? не спешите оба;
Вам хорошо и здесь, у гроба.

З е м ф и р а
Мой друг, беги, беги!

А л е к о

Постой!

Куда, красавец молодой?

Лежи!

Вонзает в него нож.

З е м ф и р а

Алеко!

Ц ы г а н

Умираю...

З е м ф и р а

Алеко, ты убьёшь его!

Взгляни: ты весь обрызган кровью!

О, что ты сделал?

А л е к о

Ничего.

Теперь дыши его любовью.

З е м ф и р а

Нет, полно, не боюсь тебя!

Твои угрозы презираю,

Твоё убийство проклиная...

А л е к о

Умри ж и ты!

Поражает её.

З е м ф и р а

Умру любя...

Восток, денницей озаренный,
Сиял. Алеко за холмом,
С ножом в руках, окровавленный,
Сидел на камне гробовом.

Два трупа перед ним лежали;
Убийца страшен был лицом.
Цыганы робко окружали
Его встревоженной толпой.
Могилу в стороне копали.
Шли жёны скорбной чередой
И в очи мёртвых целовали.
Старик отец один сидел
И на погибшую глядел
В немом бездействии печали;
Подняли трупы, понесли
И в лоно хладное земли
Чету младую положили.
Алеко издали смотрел
На всё... когда же их закрыли
Последней горстию земной,
Он молча, медленно склонился
И с камня на траву свалился.

Тогда старик, приближась, рек¹:
«Оставь нас, гордый человек!
Мы дики; нет у нас законов,
Мы не терзаем, не казим —
Не нужно крови нам и стонов —
Но жить с убийцей не хотим...
Ты не рождён для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли;
Ужасен нам твой будет глас:
Мы робки и добры душою,
Ты зол и смел — оставь же нас,
Прости, да будет мир с тобою».

Сказал — и шумною толпою
Поднялся табор кочевой
С долины страшного ночлега.
И скоро всё в дали степной
Сокрылось; лишь одна телега,

¹ Рек (устар.) — сказал. Отсюда — речь, отречься.

Убогим крытая ковром,
Стояла в поле роковом.
Так иногда перед зимою,
Туманной утренней порою,
Когда подьёмлется с полей
Станица поздних журавлей
И с криком вдаль на юг несётся,
Пронзённый гибельным свинцом,
Один печально остаётся,
Повиснув раненым крылом.
Настала ночь; в телеге тёмной
Огня никто не разложил,
Никто под крышею подьёмной
До утра сном не опочил.

ЭПИЛОГ

Волшебной силой песнопенья
В туманной памяти моей
Так оживляются виденья
То светлых, то печальных дней.

В стране, где долго, долго брани
Ужасный гул не умолкал,
Где повелительные грани
Стамбулу русский указал,
Где старый наш орёл двуглавый
Ещё шумит минувшей славой,
Встречал я посреди степей
Над рубежами древних станов
Телеги мирные цыганов,
Смиренной вольности детей.
За их ленивыми толпами
В пустынях часто я бродил,
Простую пищу их делил
И засыпал пред их огнями.
В походах медленных любил
Их песен радостные гулы —
И долго милой Мариулы
Я имя нежное твердил.

Но счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!..
И под издранными шатрами
Живут мучительные сны.
И ваши сени кочевые
В пустынях не спаслись от бед,
И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.

1824

Что в поэме вас взволновало, поразило или вызвало недоумение?

Какие чувства пробудила у вас история Земфиры и Алеко?

Какие вопросы (проблемы), поднятые в поэме, вы хотели бы обсудить?

* * *

1. Пересмотрите поэму, обратите внимание на её композицию: сопоставьте первую часть и заключительную: «Сказал — и шумною толпою...»; обратите внимание на сочетание в поэме разных типов речи (описание, повествование), монологов, диалогов, авторских размышлений, определите их роль в раскрытии замысла; подумайте над местом и ролью в произведении внесюжетных частей: «Птичка божия не знает...», предание об Овидии, повесть старого цыгана «о самом себе».
2. Проследите историю Алеко, смену его душевных состояний. Подумайте, почему он обидел всех, оказавших ему гостеприимство, и оказался способным на преступление. Внимательно прочитайте отклики Алеко на рассказ старика об измене Мариулы. Каким он открывается в монологе «Я не таков»? Попытайтесь раскрыть душевное состояние героя в сцене:

Алеко издали смотрел
На всё... когда же их закрыли
Последней горстию земной,
Он молча, медленно склонился
И с камня на траву свалился.

3. Чем мотивировано великодушное отношение отца Земфиры и других цыган к убийце?

Внимательно прочитайте последний монолог старого цыгана «Оставь нас, гордый человек!». Справьтесь в толковом словаре о значении слов *эгоист*, *индивидуалист*, подумайте, как они соотносятся с выражением цыгана «гордый человек».

4. Какой смысл приобретает образ телеги «в поле роковом»?
5. Какова, на ваш взгляд, дальнейшая судьба Алеко, ведь конец поэмы загадочен, таинствен?
6. Какова роль эпилога? Что он добавляет к смыслу поэмы и что открывает в позиции автора, в его понимании противоречий жизни?

* * *

1. Обобщите свои наблюдения над композицией поэмы, над авторским отношением к Алеко.
2. Какими чертами романтического героя наделён Алеко?
3. Какой смысл вкладывает А. С. Пушкин в понятия *свобода*, *воля*?
4. Почему обрётённая свобода не принесла герою счастья?
5. Рассмотрите на форзаце II иллюстрацию к поэме. Какие черты характера Земфиры удалось передать художнику?

РОМАНТИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ. ЖАНР ЛИРО-ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ

Романтический герой. В первые десятилетия XIX века господствующим литературным направлением в Европе оставался *романтизм* с его устремлённостью или к прошлому, или к будущему, но отрицанием настоящего. Признанным главой европейского романтизма был английский поэт Дж. Байрон. В русской литературе поэты-романтики В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, поэты-декабристы пользовались большой популярностью. А. С. Пушкин тоже начинал свою творческую деятельность как поэт-романтик. О его романтических «южных» поэмах уже упоминалось. В «Цыганах» Пушкин продолжил разработку *образа романтического героя*, человека с необычной судьбой, но пошёл дальше своих современников, представителей как русской, так и европейской литературы. Алеко — яркая, сильная личность. Он, осознанно отрицающий городскую культуру,

присоединившийся к «вольным» цыганам, — типичный *романтический герой*. Но Пушкин впервые в романтическом произведении ясно показал, что человек, где бы он ни оказался, несёт в себе отчётливый след той социальной среды, которая его сформировала. Вы это видели, анализируя монолог Алеко «Я не таков». До тех пор, пока его жизнь в таборе текла тихо и мирно, пока его любила Земфира, казалось, что Алеко уподобился цыганам во всём. Но конфликт и измена Земфиры (хотя она свою любовь к молодому цыгану не считает изменой — об этом говорит Старик) выявили, что система ценностей Алеко во многом осталась прежней, вынесенной из городской культуры. По его понятиям, Земфира не имела права на чувства к другому человеку и должна быть наказана, как и её любимый.

В этом произведении Пушкин сделал первый шаг к реалистическому изображению личности и её социальной среды. Своё исследование характера героя в русле реалистического искусства Пушкин продолжил в романе «Евгений Онегин». Но мировоззрение и жизненная практика (система поступков, оценок и т. д.) романтического героя в русском обществе ещё долго оставались очень распространёнными.

Жанр лиро-эпической поэмы. «Поэма рисует, — писал В. Г. Белинский, — идеальную действительность и схватывает жизнь в её высших моментах». Эти признаки поэмы вы при внимательном чтении обнаружили и в «Цыганах». Действительно, мир цыган изображён как идеальный, а случившийся конфликт и его разрешение поданы как ситуации высшего накала, как трагические.

Лиро-эпическая поэма — это большое стихотворное произведение, имеющее сюжетно-повествовательную основу. Лирическая стихия произведения связана с образом повествователя — лирического героя, от имени которого ведётся повествование. Он по-разному, и прямо, и косвенно, оценивает героев произведения, сложившиеся ситуации, конфликты и способы их разрешения, придаёт им лирическую окраску.

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ

1814—1841

Всегда кипит и зреет что-нибудь
В моём уме. Желанье и тоска
Тревожат беспрестанно эту грудь.
Но что ж? Мне жизнь всё как-то
коротка;

И всё боюсь, что не успею я
Свершить чего-то!..

М. Ю. Лермонтов, 1831

«Но что ж?...» — с волнением и тревогой спрашивал себя семнадцатилетний Михаил Лермонтов. Между тем к этому времени им уже было написано много стихотворений, варианты нескольких поэм, в том числе «Демона». Но чрезвычайно требовательный к себе поэт не соглашался их публиковать, несмотря на просьбы друзей и знакомых.

Почему же «желание и тоска тревожат беспрестанно эту грудь»? «Жизнь и творчество Лермонтова, — писал историк литературы К. И. Арабажин, — представляют одно неразрывное целое, нельзя уяснить себе личность, не ознакомившись с основными мотивами его поэзии, невозможна правильная оценка его творчества без достаточного знакомства с жизнью поэта и теми общественными условиями, в которых она протекала».

Продолжая знакомиться с поэзией Лермонтова (вы, наверное, помните «Песню про... купца Калашникова», стихотворения «Парус» и «Тучи»), обратите внимание на некоторые события, обстоятельства его жизни. Кроме того, попытайтесь разобраться, как в творчестве отражаются конкретные факты биографии автора, всегда ли лирический герой полностью сливается с поэтом, представляя единый образ.

«Я СЫН СТРАДАНИЯ...»

Мать поэта, Мария Михайловна, урождённая Арсеньева, «была одарена душою музыкальной». «Посадив ребёнка своего себе на колени, она заигрывалась на фортепиано, —

писал историк литературы П. А. Висковатов, — а он, прильнув к ней головкой, сидел неподвижно, звуки как бы потрясали его младенческую душу, и слёзы катились по его личику. Мать передала ему необычную нервность свою».

Мария Михайловна глубоко переживала возникавшие недоразумения в отношениях с мужем, остро реагировала на разногласия между ним и своей матерью. Чуткий, душевный человек, она не могла оставаться равнодушной к страданиям окружающих. В Тарханах долго помнили, как тихая бледная барыня переходила от одного крестьянского дома к другому с утешением и помощью, помнили, как ухаживала она за болезненным сыном. Слабая здоровьем от рождения, она рано покинула этот мир. Лермонтов писал в 1831 году:

Я сын страданья. Мой отец
Не знал покоя под конец.
В слезах угасла мать моя.

Михаил Юрьевич вспоминал: «Когда я был трёх лет, то была песня, от которой я плакал: её не могу теперь вспомнить, но уверен, что если бы услышал её, она бы произвела прежнее действие. Её певала мне моя покойная мать».

В связи с воспоминанием об этой песне Лермонтов написал в 1831 году стихотворение «Ангел», которое он опубликовал только в 1839 году, впервые подписав своим именем.

АНГЕЛ

По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел;
И месяц, и звёзды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нёс
Для мира печали и слёз;

И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

Каким вы представили «небо полуночи»?

Вслушайтесь в мелодику стиха и попытайтесь «услышать» «звуки небес». Воспроизведите интонацию стихотворения в своём чтении.

* * *

1. Что в песне Ангела особенно дорого поэту и почему?
2. Каким чудным желанием была полна «душа младая»?
3. Отчего же сквозят печаль и грусть в стихотворении?

* * *

1. Сопоставьте тональность «Ангела» с ранее прочитанными стихотворениями «Парус», «Тучи». Что характерно для этих стихотворений?
2. Какой вывод можете сделать о мироощущении автора?
3. Сопоставьте ваше восприятие этого стихотворения и восприятие ваших одноклассников и попытайтесь объяснить причины различий.
4. Подумайте над вопросом: почему содержание произведения нельзя сводить к отражению в нём биографического или исторического, общественного факта? Чтобы доказать свою точку зрения, проанализируйте стихотворения Лермонтова «Желание», «Ангел», «Бородино» и др.

«ОТВОРите МНЕ ТЕМНИЦУ...»

Осенью 1840 года вышел первый сборник произведений М. Ю. Лермонтова, составленный им самим. В нём нашли отражение размышления поэта о жизни, мире и войне, о любви и природе, его философия, взгляды на судьбу России. Здесь запечатлелась трагичность общественной жизни, суровая пора после разгрома декабрьского восстания. «Первые годы, последовавшие за 1825, — писал А. И. Герцен, — были ужасны. Понадобилось не менее десятка лет, чтобы человек мог опомниться в своём горестном положении по-

рабочённого и гонимого существа. Людьми овладело глубокое отчаяние».

В 1837 году Лермонтов, как вы знаете, пишет «Бородино» и отправляет его А. С. Пушкину, в его журнал «Современник». Но... погибает Пушкин, Лермонтов откликается на эту трагедию стихотворением «Смерть поэта», за которое попадает под арест.

В сборник 1840 года стихотворение «Смерть поэта», естественно, не могло быть включено. Но «Бородино» стоит там на втором месте, после известной вам поэмы «Песня про... купца Калашникова», а дальше — «Узник». Имеет ли это стихотворение какую-то связь с событиями жизни Лермонтова? Да. Официальные круги России не могли простить поэту его обличений и прямых угроз в стихотворении, посвященном гибели Пушкина:

И вы не смаете всей вашей чёрной кровью
Поэта праведную кровь!

В феврале 1837 года к Лермонтову, находившемуся под арестом в здании Главного штаба, допускали только камердинера, который приносил обед. Поэт велел ему завёртывать хлеб в серую бумагу. И на этих клочках с помощью вина, печной сажки и спички Лермонтов написал несколько стихотворений, в том числе — «Узник».

УЗНИК

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня.
Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскочу,
В степь, как ветер, улечу.

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжёлая с замком;
Черноокая далёко,
В пышном тереме своём;
Добрый конь в зелёном поле
Без узды, один, по воле

Скачет, весел и игрив,
Хвост по ветру распустив.

Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампы
Умирающим огнём;
Только слышно: за дверями
Звучно-мерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

1837

Как и в связи с чем меняется интонация стихотворения? Какое душевное движение лирического героя вы явственно ощутили с первых строк произведения?

* * *

1. Определите ключевые словесные образы в каждой строфе.
2. Как передаётся безотрадное состояние узника в последнем восьмистишии?
3. Прочитайте стихотворение про себя и проследите, как воссоздаётся в нём образ воли, свободы.

* * *

1. Как соотносятся в стихотворении желание, мечта лирического героя и реальность?
2. Попытайтесь определить лирическую устремлённость стихотворения.

В начале 1841 года М. Ю. Лермонтов последний раз приехал в Петербург. Он надеялся уйти в отставку, посвятить себя литературе. Но через несколько месяцев ему было приказано в сорок восемь часов покинуть столицу и вернуться на Кавказ, в действующую армию.

На прощание один из друзей, писатель В. Ф. Одоевский, подарил Михаилу Юрьевичу записную книжку с надписью: «Поэту Лермонтову даётся сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне её сам, и всю исписан-

ную». Уже в дороге поэт заполнил половину книжки: им «овладел демон поэзии». Неутомимая поэтическая работа продолжалась и дальше. В стихотворных строках нашли своё выражение думы о смысле творчества, роли природы в духовной жизни человека, о счастье, печальной участи одиночества, о смерти и бессмертии. Тревога и грусть сквозили в этих стихах, слова находились многозначительные и сдержанные.

Однако вернуть другу заполненную поэзией книгу сам Лермонтов не смог: в июле он был убит на дуэли. На последних её страницах записаны стихи «Листок», «Пророк», «Утёс», «Выхожу один я на дорогу...».

1

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

2

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чём?

3

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

4

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

5

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Тёмный дуб склонялся и шумел.

1841

Какая картина запечатлелась в вашем воображении?

Какими словами вы определили бы состояние лирического героя? Чего он жаждет, к чему стремится?

Приходилось ли вам слышать музыкальное воплощение этих стихов? Что могло вдохновить композитора на создание песни? Какими средствами создан особый звуковой рисунок стихотворения? Что позволяет его пропеть?

* * *

1. Каким видится герою мироздание, где, в какой точке пространства он ощущает себя?
2. Как выражена в стихотворении связь «земля—небо—человек»?
3. Со смертью или с жизнью соотносятся для лирического героя покой и сон?
4. Свобода и покой равнозначны счастью или противостоят ему? (Вспомните, как в пушкинских «Цыганах» решается этот вопрос.)
5. Проследите движение мысли лермонтовского героя: от преходящего (временного) к вечным вопросам бытия.

* * *

Стихотворение «Выхожу один я на дорогу...» написано летом 1841 года, незадолго до трагической гибели поэта. В каких более ранних произведениях звучат похожие мотивы и какие изменения они претерпели к последнему году жизни Лермонтова?

«И ВЕРИТСЯ, И ПЛАЧЕТСЯ...»

«Синие горы Кавказа, приветствую Вас! Вы взлелеяли детство моё, вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры всё мечтаю об вас да о небе», — эта ритмичная проза передаёт неизбывную¹ любовь поэта к Кавказу, благодарность ему за вдохновение, наслаждение красотой и гармонией.

Лермонтов дважды оказывался здесь ссыльным: в 1837 году за стихотворение «Смерть поэта» и в 1840 году

¹ *Неизбывный* — не проходящий, не прекращающийся.

за дуэль с сыном французского посла Барантом, оскорбившим честь русского офицера. Здесь, в дыму сражений, под пулями, Лермонтов являл отчаянную храбрость и мужество. Он много видел крови, людских страданий, глубоко переживал смерть как русских, так и горцев. Гневно и горько прозвучал его упрёк:

...Жалкий человек.
Чего он хочет!.. Небо ясно.
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?

Валері́к, 1840

Поэт задал вечный вопрос *Зачем?* Зачем затеваются войны, зачем враждуют люди; зачем губят друг друга, разрушают надежду и счастье?

Этот же вопрос звучит в подтексте стихотворения «Завещание».

ЗАВЕЩАНИЕ

Наедине с тобою, брат,
Хотел бы я побыть:
На свете мало, говорят,
Мне остаётся жить!
Поедешь скоро ты домой:
Смотри ж... Да что? моей судьбой,
Сказать по правде, очень
Никто не озабочен.

А если спросит кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросил,
Скажи им, что навывлет в грудь
Я пулей ранен был,
Что умер честно за царя,
Что плохи наши лекаря
И что родному краю
Поклон я посылаю.

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты в живых...
Признаться, право, было б жаль
Мне опечалить их;
Но если кто из них и жив,
Скажи, что я писать ленив,
Что полк в поход послали
И чтоб меня не ждали.

Соседка есть у них одна...
Как вспомнишь, как давно
Расстались!.. Обо мне она
Не спросит... всё равно,
Ты Расскажи всю правду ей,
Пустого сердца не жалеи;
Пусть она поплачет...
Ей ничего не значит!

1840

От чьего имени написано «Завещание» и почему? Какое впечатление создаётся об умирающем? Пытается ли он сознательно вызывать к себе жалость, сочувствие?

* * *

1. С помощью каких приёмов поэту удаётся открыть вам внутренний мир человека?
2. Объясните, почему так много многоточий в тексте стихотворения.
3. Понаблюдайте за ролью глаголов в поэтической новелле. Одновременно исследуйте наличие в ней прилагательных в функции эпитетов. Обратите внимание на рифмовку в восьмистишиях. Сделайте вывод о роли всех этих приёмов в осуществлении авторского замысла.

* * *

Согласны ли вы с суждением критика В. Г. Белинского о «Завещании»: в нём «голос не глухой и не громкий, а холодно спокойный; выражение не горит и не сверкает образами, но небрежно и прозаично...»? Опираясь на текст произведения, ваше понимание его художественного своеобразия, обоснуйте свою точку зрения.

Родственник и друг Лермонтова А. П. Шан-Гирей вспоминал: «Будучи студентом он был страстно влюблён в молоденькую, милую, умную, как день, и в полном смысле восхитительную В. А. Лопухину́; это была натура пылкая, восторженная, поэтичная и в высшей степени симпатичная».

«Чувство к ней (Лопухиной) Лермонтова, — продолжает воспоминания Шан-Гирей, — было безотчётно, но истинно и сильно, и едва ли не сохранил он его до самой смерти своей...»

Она не гордой красотою
Прельщает юношей живых,
Она не водит за собою
Толпу вздыхателей немых.
И стан её — не стан богини,
И грудь волною не встаёт,
И в ней никто своей святыни,
Припав к земле, не признаёт.
Однако все её движенья,
Улыбки, речи и черты
Так полны жизни, вдохновенья,
Так полны чудной простоты.
Но голос душу проникает,
Как воспоминанье лучших дней,
И сердце любит и страдает,
Почти стыдась любви своей.

1832

В чём поэт видит достоинства той, кому посвящено стихотворение?

Для произведений Лермонтова характерна композиция, основанная на обратном сравнении, при этом часто отрицательном, как в данном случае. Как композиция стихотворения «Она не гордой красотою...» помогает выразить замысел поэта?

Когда на душе тягостно, и отчаяние охватывает почти всё твоё существо, и опускаются руки, — вдруг откуда-то из подсознания всплывают утешительные и утешающие, тихие слова «Молитвы»:

МОЛИТВА

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть;
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

1839

Повторяя последние строки, прислушайтесь к звукам: «И верится, и плачется, // И так легко, легко...». Помолчите, вслушиваясь в себя...

* * *

1. Проследите движение чувства от грусти к умиротворению, когда «так легко, легко...»
2. Какие слова в каждой строфе «светятся, как звёзды», по выражению А. Блока?
3. Какое стихотворение А. С. Пушкина вспомнилось по ассоциации с «Молитвой» М. Ю. Лермонтова? Что их сближает?

Лирический мотив — конкретное душевное состояние, переживание определённой жизненной ситуации в данный момент (светлой грусти, тоски, одиночества, мужественного

приятия своей судьбы и т. п.), отражённое, например, в стихотворениях «Узник», «Выхожу один я на дорогу...», «Завещание» и др.

СТРОФИКА СТИХОТВОРЕНИЯ

Вы уже знаете, что такое *строфа*. Это сочетание нескольких стихотворных строк, объединённых общей рифмовкой и ритмом, представляющих единое целое в смысловом отношении. Строфа, как правило, отделена от соседних строф большой паузой, завершением ритмического ряда, особенностями интонации. Вы видели, что в изученных стихотворениях М. Ю. Лермонтова строфы разнообразны по количеству строк — есть четверостишия, как в стихотворениях «Ангел», «Выхожу один я на дорогу...», «Молитва», восьмистишия, как в «Узнике» и «Завещании». А 16 строк в стихотворении «Она не гордой красотой...» вообще не разделены на строфы. Почему поэт пользуется в каждом случае тем или иным видом строфы? Как он делает выбор? Наверное, такой выбор диктуется замыслом, желанием полнее и ярче донести до читателя переживаемое настроение, мысль, согретую чувством. Иногда строфа даёт развёрнутую картину, как это было в стихотворении «Бородино». Например, в «Узнике» каждая строфа — тоже целостная картина. Первая строфа — о мечте, полной радостного движения, вторая — горькие раздумья о невозможности осуществить мечту, третья — осознание неизбежности заточения. В «Завещании» в каждой строфе даётся развёрнутая мужественная мысль страдающего воина, соединённая с изображением жизненной ситуации, заново переживаемой и оцениваемой.

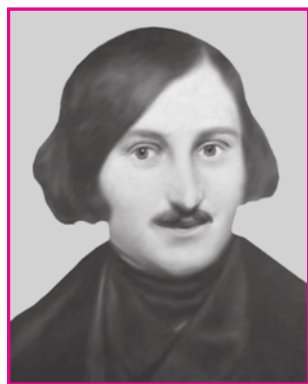
Интересно обратить внимание на рифмовку в строфе. В четверостишиях рифмовка чаще всего бывает перекрёстная, как в стихотворениях «Выхожу один я на дорогу...», «Молитва», иногда парная, как в стихотворении «Ангел». В восьмистишиях «Узника» в первых четырёх строках рифмы перекрёстные, во второй половине строфы — парные. Такая рифма в конце восьмистишия создаёт впечатление законченности. Такая же рифмовка встречается и в «Завещании». Отсутствие деления на строфы в стихотворении «Она не гордой красотой...» можно объяснить тем, что это взволнованный монолог влюблённого, произнесённый на одном дыхании.

Николай Васильевич ГОГОЛЬ

1809—1852

И таковы все его повести: сначала смешно, потом грустно! И такова жизнь наша: сначала смешно, потом грустно! Сколько тут поэзии, сколько философии, сколько истины!..

В. Г. Белинский

1835 год. Читающая Россия ещё продолжала с удовольствием смеяться над проделками чертей и ведьм, восхищаться ухарством¹ и находчивостью украинских хлопцев, красотой и лукавством девушек из «Вечеров на хуторе близ Диканьки», якобы выдуманных Рудым Паньком, а на книжных прилавках уже появилась книга «Миргород» с подлинным именем автора — Гоголь.

Повести «Старосветские помещики», «Тарас Бульба», «Вий» и «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» составили этот сборник. В них снова воссоздаётся украинская действительность, но совсем иначе, чем в «Вечерах...». На молодого талантливого писателя обратил внимание А. С. Пушкин и принял горячее участие в его творческой судьбе, даже подарил ему сюжет комедии «Ревизор».

Читая «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», проследите, как создаются образы героев. Какие ассоциации (сходные мысли, образы, картины) рождаются у вас и как складывается отношение к героям, к их среде?

¹ *Ухарство* — бойкость характера, поведения, способность на бесшабашные поступки.

ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК ПОССОРИЛСЯ ИВАН ИВАНОВИЧ С ИВАНОМ НИКИФОРОВИЧЕМ

(В сокращении)

Долгом почитаю предуведомить, что происшествие, описанное в этой повести, относится к очень давнему времени. Притом оно совершенная выдумка. Теперь Миргород совсем не то. Строения другие; лужа среди города давно уже высохла, и все сановники: судья, подсудок¹ и городничий — люди почтенные и благонамеренные.

Глава I

ИВАН ИВАНОВИЧ И ИВАН НИКИФОРОВИЧ

Славная бекеша² у Ивана Ивановича! отличнейшая! А какие смушки³! Фу ты пропасть, какие смушки! сизые с морозом! Я ставлю бог знает что, если у кого-либо найдутся такие! Взгляните, ради бога, на них, особенно если он станет с кем-нибудь говорить, взгляните сбоку: что это за объедение! Описать нельзя: бархат! серебро! огонь! Господи Боже мой! Николай Чудотворец, угодник божий! отчего же у меня нет такой бекеши! Он сшил её тогда ещё, когда Агафия Федосеевна не ездила в Киев. Вы знаете Агафию Федосеевну? та самая, что откусила ухо у заседателя. Прекрасный человек Иван Иванович! Какой у него дом в Миргороде! Вокруг него со всех сторон навес на дубовых столбах, под навесом везде скамейки. Иван Иванович, когда делается слишком жарко, скинет с себя и бекешу и исподнее, сам останется в одной рубашке и отдыхает под навесом и глядит, что делается во дворе и на улице. Какие у него яблони и груши под самыми окнами! Отворите только окно — так ветви и врываются в комнату. Это всё перед домом; а посмотрели бы, что у него в саду! Чего там нет? Сливы, вишни,

¹ Подсудок — заседатель уездного суда.

² Бекéша — сюртук, кафтан на меху; пальто в талию со сборками.

³ Смýшки — шкурки, снятые с новорожденных ягнят.

черешни, огородинка всякая, подсолнечники, огурцы, дыни, стручья, даже гумно и кузница.

Прекрасный человек Иван Иванович! Он очень любит дыни. Это его любимое кушанье. Как только отобедает и выйдет в одной рубашке под навес, сейчас приказывает Гапке принести две дыни. И уже сам разрежет, соберёт семена в особую бумажку и начнёт кушать. Потом велит Гапке принести чернильницу и сам, собственною рукою, сделает надпись над бумажкою с семенами: «Сия дыня съедена такого-то числа». Если при этом был какой-нибудь гость, то: «Участвовал такой-то».

Покойный судья миргородский всегда любовался, глядя на дом Ивана Ивановича. Да, домишко очень не дурён. Мне нравится, что к нему со всех сторон пристроены сени и сенички, так что если взглянуть на него издали, то видны одни только крыши, посаженные одна на другую, что весьма походит на тарелку, наполненную блинами, а ещё лучше на губки, нарастающие на дереве. Впрочем, крыши все крыты очеретом¹; ива, дуб и две яблони облокотились на них своими раскидистыми ветвями. Промеж деревьев мелькают и выбегают даже на улицу небольшие окошки с резными выбеленными ставнями.

Прекрасный человек Иван Иванович! Его знает и комиссар полтавский! Дорош Тарасович Пухивочка, когда едет из Хорола, то всегда заезжает к нему. А протопоп² отец Петр, что живёт в Колиберде, когда соберётся у него человек пяток гостей, всегда говорит, что он никого не знает, кто бы так исполнял долг христианский и умел жить, как Иван Иванович.

Боже, как летит время! Уже тогда прошло более десяти лет, как он овдовел. Детей у него не было. У Гапки есть дети и бегают часто по двору. Иван Иванович всегда даёт каждому из них или по бублику, или по кусочку дыни, или грушу. Гапка у него носит ключи от камор и погребов;

¹ *Очерёт* — камыш.

² *Протопóp*, или *протоиерей* — старший православный священник.

от большого же сундука, что стоит в его спальне, и от средней каморы ключ Иван Иванович держит у себя и не любит никого туда пускать. Гапка, девка здоровая, ходит в *запаске*¹, с свежими икрами и щеками.

А какой богомольный человек Иван Иванович! Каждый воскресный день надевает он бекешу и идёт в церковь. Взошедши в неё, Иван Иванович, раскланявшись на все стороны, обыкновенно помещается на крылосе² и очень хорошо подтягивает басом. Когда же окончится служба, Иван Иванович никак не утерпит, чтоб не обойти всех нищих. Он бы, может быть, и не хотел заняться таким скучным делом, если бы не побуждала его к тому природная доброта.

— Здорово, небого³! — обыкновенно говорил он, отыскавши самую искалеченную бабу, в изодранном, сшитом из заплат платье. — Откуда ты, бедная?

— Я, паночку, из хутора пришла: третий день, как не пила, не ела, выгнали меня собственные дети.

— Бедная головушка, чего ж ты пришла сюда?

— А так, паночку, милостыни просить, не даст ли кто-нибудь хоть на хлеб.

— Гм! что ж тебе разве хочется хлеба? — обыкновенно спрашивал Иван Иванович.

— Как не хотеть! голодна, как собака.

— Гм! — отвечал обыкновенно Иван Иванович. — Так тебе, может, и мяса хочется?

— Да всё, что милость ваша даст, всем буду довольна.

— Гм! разве мясо лучше хлеба?

— Где уж голодному разбирать. Всё, что пожалуете, всё хорошо.

При этом старуха обыкновенно протягивала руку.

— Ну, ступай же с Богом, — говорил Иван Иванович. — Чего ж ты стоишь? Ведь я тебя не бью! — и, обратившись с такими расспросами к другому, к третьему, наконец

¹ *Запáска* — два передника, из которых один — спереди и завязывается сзади, другой накладывается сзади и завязывается спереди.

² *Кры́лос* (искажённое *кلی́рос*) — место для певчих на возвышении в церкви по обе стороны алтаря.

³ *Небо́го* — бедная.

возвращается домой или заходит выпить рюмку водки к соседу Ивану Никифоровичу, или к судье, или к городничему.

Иван Иванович очень любит, если ему кто-нибудь делает подарок или гостинец. Это ему очень нравится.

Очень хороший также человек Иван Никифорович. Его двор возле двора Ивана Ивановича. Они такие между собою приятели, каких свет не производил. Антон Прокофьевич Пупопуз, который до сих пор ещё ходит в коричневом сюртуке с голубыми рукавами и обедает по воскресным дням у судьи, обыкновенно говорил, что Ивана Никифоровича и Ивана Ивановича сам чёрт связал верёвочкой. Куда один, туда и другой плетётся.

Иван Никифорович никогда не был женат. Хотя проговаривали, что он женился, но это совершенная ложь. Я очень хорошо знаю Ивана Никифоровича и могу сказать, что он даже не имел намерения жениться. <...>

Несмотря на большую приязнь, эти редкие друзья не совсем были сходны между собою. Лучше всего можно узнать характеры их из сравнения: Иван Иванович имеет необыкновенный дар говорить чрезвычайно приятно. Господи, как он говорит! Это ощущение можно сравнить только с тем, когда у вас ищут в голове или потихоньку проводят пальцем по вашей пятке. Слушаешь, слушаешь — и голову повесишь. Приятно! чрезвычайно приятно! как сон после купанья. Иван Никифорович, напротив, больше молчит, но зато если влепит словцо, то держись только: отбреет лучше всякой бритвы. Иван Иванович худощав и высокого роста; Иван Никифорович немного ниже, но зато распространяется в толщину. Голова у Ивана Ивановича похожа на редьку хвостом вниз; голова Ивана Никифоровича — на редьку хвостом вверх. Иван Иванович только после обеда лежит в одной рубашке под навесом; ввечеру же надевает бекешу и идёт куда-нибудь — или к городскому магазину, куда он поставляет муку, или в поле ловить перепелов. Иван Никифорович лежит весь день на крыльце, — если не слишком жаркий день, то обыкновенно выставив спину на солнце, — и никуда не хочет идти. Если вздумается утром, то пройдёт по двору, осмотрит хозяйство, и опять на покой.

В прежние времена зайдёт, бывало, к Ивану Ивановичу. Иван Иванович чрезвычайно тонкий человек и в порядочном разговоре никогда не скажет неприличного слова и тотчас обидится, если услышит его. Иван Никифорович иногда не обережётся; тогда обыкновенно Иван Иванович встаёт с места и говорит: «Довольно, довольно, Иван Никифорович; лучше скорее на солнце, чем говорить такие богопротивные слова». Иван Иванович очень сердится, если ему попадётся в борщ муха: он тогда выходит из себя — и тарелку кинет, и хозяину достанется. Иван Никифорович чрезвычайно любит купаться и, когда сядет по горло в воду, велит поставить также в воду стол и самовар, и очень любит пить чай в такой прохладе. Иван Иванович бреет бороду в неделю два раза; Иван Никифорович один раз. Иван Иванович чрезвычайно любопытен. Боже сохрани, если что-нибудь начнёшь ему рассказывать, да не доскажешь! Если ж чем бывает недоволен, то тотчас даёт заметить это. По виду Ивана Никифоровича чрезвычайно трудно узнать, доволен ли он или сердит; хоть и обрадуется чему-нибудь, то не покажет. Иван Иванович несколько боязливого характера. У Ивана Никифоровича, напротив того, шаровары в таких широких складках, что если бы раздуть их, то в них можно бы поместить весь двор с амбарами и строением. У Ивана Ивановича большие выразительные глаза табачного цвета и рот несколько похож на букву *ижицу*¹; у Ивана Никифоровича глаза маленькие, желтоватые, совершенно пропадающие между густых бровей и пухлых щёк, и нос в виде спелой сливы. Иван Иванович если попотчует вас табаком, то всегда наперёд лизнёт языком крышку табакерки, потом щёлкнет по ней пальцем и, поднёсши, скажет, если вы с ним знакомы: «Смею ли просить, государь мой, об одолжении?»; если же незнакомы, то: «Смею ли просить, государь мой, не имея чести знать чина, имени и отчества, об одолжении?» Иван же Никифорович даёт вам прямо в руки рожок свой и прибавит только: «Одолжайтесь». Как Иван Иванович, так и Иван Никифорович очень не любят

¹ *Ижица* — название последней буквы церковнославянской азбуки (ѣ), обозначавшей звук «и».

блех; и оттого ни Иван Иванович, ни Иван Никифорович никак не пропустят торговца с товарами, чтобы не купить у него эликсира в разных баночках против этих насекомых, выбравив наперёд его хорошенько за то, что он исповедует еврейскую веру.

Впрочем, несмотря на некоторые несходства, как Иван Иванович, так и Иван Никифорович прекрасные люди.

Глава II,
ИЗ КОТОРОЙ МОЖНО УЗНАТЬ, ЧЕГО ЗАХОТЕЛОСЬ
ИВАНУ ИВАНОВИЧУ, О ЧЁМ ПРОИСХОДИЛ
РАЗГОВОР МЕЖДУ ИВАНОМ ИВАНОВИЧЕМ
И ИВАНОМ НИКИФОРОВИЧЕМ И ЧЕМ ОН ОКОНЧИЛСЯ

Утром, это было в июле месяце, Иван Иванович лежал под навесом. День был жарок, воздух сух и переливался струями. Иван Иванович успел уже побывать за городом у косарей и на хуторе, успел расспросить встретившихся мужиков и баб, откуда, куда и почему; уходился страх и прилёг отдохнуть.

Лёжа, он долго оглядывал каморы, двор, сарай, кур, бегавших по двору, и думал про себя: «Господи, Боже мой, какой я хозяин! Чего у меня нет? Птицы, строение, амбары, всякая прихоть, водка перегонная настоящая; в саду груши, сливы; в огороде мак, капуста, горох... Чего ж ещё нет у меня?.. Хотел бы я знать, чего нет у меня?»

Задавши себе такой глубокомысленный вопрос, Иван Иванович задумался; а между тем глаза его отыскивали новые предметы, перешагнули чрез забор в двор Ивана Никифоровича и занялись невольно любопытным зрелищем. Тощая баба выносила по порядку залежалое платье и развешивала его на протянутой верёвке выветривать. <...>

Скоро старуха вылезла из кладовой, кряхтя и таща на себе старинное седло с оборванными стременами, с истёртыми кожаными чехлами для пистолетов, с чепраком¹ когда-то алого цвета, с золотым шитьём и медными бляхами.

¹ Чепра́к — мягкая подстилка под седло.

«Вот глупая баба! — подумал Иван Иванович, — она ещё вытащит и самого Ивана Никифоровича проветривать!»

И точно: Иван Иванович не совсем ошибся в своей догадке. Минут через пять воздвигнулись нанковые¹ шаровары Ивана Никифоровича и заняли собою почти половину двора. После этого она вынесла ещё шапку и ружьё.

«Что ж это значит! — подумал Иван Иванович. — Я не видел никогда ружья у Ивана Никифоровича. Что ж это он? стрелять не стреляет, а ружьё держит! На что ж оно ему? А вещица славная! Я давно себе хотел достать такое. Мне очень хочется иметь это ружьецо; я люблю позабавиться ружьецом».

— Эй, баба, баба! — закричал Иван Иванович, кивая пальцем.

Старуха подошла к забору.

— Что это у тебя, бабуса, такое?

— Видите сами, ружьё.

— Какое ружьё?

— Кто его знает какое! Если б оно было моё, то я, может быть, и знала бы, из чего оно сделано. Но оно панское.

Иван Иванович встал и начал рассматривать ружьё со всех сторон и позабыл дать выговор старухе за то, что повесила его вместе с шпагою проветривать.

— Оно, должно думать, железное, — продолжала старуха.

— Гм! железное. Отчего ж оно железное? — говорил про себя Иван Иванович. — А давно ли оно у пана?

— Может быть, и давно.

— Хорошая вещица! — продолжал Иван Иванович. — Я выпрошу его. Что ему делать с ним? Или променяюсь на что-нибудь. Что, бабуса, дома пан?

— Дома.

— Что он? лежит?

— Лежит.

— Ну, хорошо; я приду к нему.

¹ *Нáнка* — хлопчатобумажная ткань из толстой пряжи, обычно жёлтого цвета.

Иван Иванович оделся, взял в руки суковатую палку от собак, потому что в Миргороде гораздо более их попадает на улице, нежели людей, и пошёл.

Двор Ивана Никифоровича хотя был возле двора Ивана Ивановича и можно было перелезть из одного в другой через плетень, однако ж Иван Иванович пошёл улицею. <...> Баба встретила его поклоном и, зазевавшись, стала на одном месте. Перед домом охорашивалось крылечко с навесом на двух дубовых столбах, — ненадёжная защита от солнца, которое в это время в Малороссии не любит шутить и обливает пешехода с ног до головы жарким потом. Из этого можно было видеть, как сильно было желание у Ивана Ивановича приобрести необходимую вещь, когда он решился выйти в такую пору, изменив даже своему всегдашнему обыкновению прогуливаться только вечером.

Комната, в которую вступил Иван Иванович, была совершенно темна, потому что ставни были закрыты, и солнечный луч, проходя в дыру, сделанную в ставне, принял радужный цвет и, ударяясь в противостоящую стену, рисовал на ней пёстрый ландшафт из очеретяных крыш, деревьев и развешанного на дворе платья, всё только в обращённом виде. От этого всей комнате сообщался какой-то чудный полусвет.

— Помоги Бог! — сказал Иван Иванович.

— А! здравствуйте, Иван Иванович! — отвечал голос из угла комнаты. Тогда только Иван Иванович заметил Ивана Никифоровича, лежащего на разостланном на полу ковре. <...>

— Хорошее время сегодня.

— Не хвалите, Иван Иванович. Чтоб его чёрт взял! некуда деваться от жару.

— Вот-таки нужно помянуть чёрта. Эй, Иван Никифорович! Вы вспомните моё слово, да уже будет поздно: достанется вам на том свете за богопротивные слова.

— Чем же я обидел вас, Иван Иванович? Я не тронул ни отца, ни матери вашей. Не знаю, чем я вас обидел.

— Полно уже, полно, Иван Никифорович!

— Ей-богу, я не обидел вас, Иван Иванович! <...>

— Что это вы, Иван Никифорович, платье развешиваете? — наконец сказал Иван Иванович.

— Да, прекрасное, почти новое платье загноила проклятая баба. Теперь проветриваю; сукно тонкое, превосходное, только вывороти — и можно снова носить.

— Мне там понравилась одна вещица, Иван Никифорович.

— Какая?

— Скажите, пожалуйста, на что вам это ружьё, что выставлено выветривать вместе с платьем? — Тут Иван Иванович поднёс табаку. — Смею ли просить об одолжении?

— Ничего, одолжайтесь! я понюхаю своего! — При этом Иван Никифорович пощупал вокруг себя и достал рожок. — Вот глупая баба, так она и ружьё туда же повесила! <...>

— Скажите, пожалуйста, Иван Никифорович, я всё насчёт ружья: что вы будете с ним делать? ведь оно вам не нужно.

— Как не нужно? а случится стрелять?

— Господь с вами, Иван Никифорович, когда же вы будете стрелять? Разве по втором пришествии. Вы, сколько я знаю и другие запомнят, ни одной ещё качки¹ не убили, да и ваша натура не так уже господом Богом устроена, чтоб стрелять. Вы имеете осанку и фигуру важную. Как же вам таскаться по болотам, когда ваше платье, которое не во всякой речи прилично назвать по имени, проветривается и теперь ещё, что же тогда? Нет, вам нужно иметь покой, отдохновение. (Иван Иванович, как упомянуто выше, необыкновенно живописно говорил, когда нужно было убеждать кого. Как он говорил! Боже, как он говорил!) Да, так вам нужны приличные поступки. Послушайте, отдайте его мне!

— Как можно! это ружьё дорогое. Таких ружьев теперь не сыщете нигде. Я, ещё как собирался в милицию, купил его у турчина. А теперь бы то так вдруг и отдать его! Как можно? это вещь необходимая.

— На что же она необходимая?

¹ *Кáчка* — утка.

— Как на что? А когда нападут на дом разбойники... Ещё бы не необходимая. Слава тебе, Господи! теперь я спокоен и не боюсь никого. А отчего? Оттого, что я знаю, что у меня стоит в каморе ружьё.

— Хорошее ружьё! Да у него, Иван Никифорович, замок испорчен.

— Что ж что испорчен? Можно починить. Нужно только смазать конопляным маслом, чтоб не ржавел.

— Из ваших слов, Иван Никифорович, я никак не вижу дружественного ко мне расположения. Вы ничего не хотите сделать для меня в знак приязни.

— Как же это вы говорите, Иван Иванович, что я вам не оказываю никакой приязни? Как вам не совестно! Ваши волы пасутся на моей степи, и я ни разу не занимал их. Когда едете в Полтаву, всегда просите у меня повозки, и что ж? разве я отказал когда? Ребятишки ваши перелезают чрез плетень в мой двор и играют с моими собаками — я ничего не говорю: пусть себе играют, лишь бы ничего не трогали! пусть себе играют!

— Когда не хотите подарить, так, пожалуй, поменяемся.

— Что ж вы дадите мне за него? — При этом Иван Никифорович облокотился на руку и поглядел на Ивана Ивановича.

— Я вам дам за него бурую свинью, ту самую, что я откормил в сажу¹. Славная свинья! Увидите, если на следующий год она не наведёт вам поросят.

— Я не знаю, как вы, Иван Иванович, можете это говорить. На что мне свинья ваша? Разве чёрту поминки делать.

— Опять! без чёрта-таки нельзя обойтись! Грех вам, ей-богу, грех, Иван Никифорович!

— Как же вы, в самом деле, Иван Иванович, даёте за ружьё чёрт знает что такое: свинью.

— Отчего же она чёрт знает что такое, Иван Никифорович?

¹ Саж — хлев для откармливания свиней.

— Как же, вы бы сами посудили хорошенько. Это-таки ружьё — вещь известная; а то — чёрт знает что такое: свинья! Если бы не вы говорили, я бы мог это принять в обидную для себя сторону.

— Что ж нехорошего заметили вы в свинье?

— За кого же в самом деле вы принимаете меня? чтоб я свинью...

— Садитесь, садитесь! не буду уже... Пусть вам остаётся ваше ружьё, пускай себе сгниёт и перержавеет, стоя в углу в каморе — не хочу больше говорить о нём.

После этого последовало молчание. <...>

В это время принесли закуску.

Иван Иванович выпил рюмку и закусил пирогом с сметаной.

— Слушайте, Иван Никифорович. Я вам дам, кроме свиньи, ещё два мешка овса, ведь овса вы не сеяли. Этот год всё равно вам нужно будет покупать овёс.

— Ей-богу, Иван Иванович, с вами говорить нужно, гороху наевшись. (Это ещё ничего, Иван Никифорович и не такие фразы отпускает.) Где видано, чтобы кто ружьё променял на два мешка овса? Небось, бекеши своей не поставите.

— Но вы позабыли, Иван Никифорович, что я и свинью ещё даю вам.

— Как! два мешка овса и свинью за ружьё?

— Да что ж, разве мало?

— За ружьё?

— Конечно, за ружьё.

— Два мешка за ружьё?

— Два мешка не пустых, а с овсом; а свинью позабыли?

— Поцелуйтесь с своею свиньёю, а коли не хотите, так с чёртом!

— О! вас зацепи только! Увидите: напшигуют вам на том свете язык горячими иголками за такие богомерзкие слова. После разговору с вами нужно и лицо, и руки умыть, и самому окуриться.

— Позвольте, Иван Иванович; ружьё вещь благородная, самая любопытная забава, притом и украшение в комнате приятное...

— Вы, Иван Никифорович, разносились так с своим ружьём, как *дурень с писаною торбою*, — сказал Иван Иванович с досадою, потому что действительно начинал уже сердиться.

— А вы, Иван Иванович, настоящий *гусак*¹.

Если бы Иван Никифорович не сказал этого слова, то они бы поспорили между собою и разошлись, как всегда, приятелями; но теперь произошло совсем другое. Иван Иванович весь вспыхнул.

— Что вы такое сказали, Иван Никифорович? — спросил он, возвысив голос.

— Я сказал, что вы похожи на гусака, Иван Иванович!

— Как же вы смели, сударь, позабыв и приличие и уважение к чину и фамилии человека, обесчестить таким поносным именем?

— Что ж тут поносного? Да чего вы в самом деле так размахались руками, Иван Иванович!

— Я повторяю, как вы осмелились, в противность всех приличий, назвать меня гусаком?

— Начхать я вам на голову, Иван Иванович! Что вы так раскудахтались?

Иван Иванович не мог более владеть собою: губы его дрожали; рот изменил обыкновенное положение *ижицы*, а сделался похожим на *О*; глазами он так мигал, что сделалось страшно. Это было у Ивана Ивановича чрезвычайно редко. Нужно было для этого его сильно рассердить.

— Так я ж вам объявляю, — произнёс Иван Иванович, — что я знать вас не хочу!

— Большая беда! Ей-богу, не заплачу от этого! — отвечал Иван Никифорович. Лгал, лгал, ей-богу, лгал! ему очень было досадно это.

— Нога моя не будет у вас в доме.

— Эге-ге! — сказал Иван Никифорович, с досады не зная сам, что делать, и против обыкновения встав на ноги. — Эй, баба, хлопче! При сем показалась из-за дверей та самая тощая баба и небольшого роста мальчик, запутанный в

¹ То есть гусь-самец. (*Примечание Н. В. Гоголя.*)

длинный и широкий сюртук. — Возьмите Ивана Ивановича за руки да выведите его за двери!

— Как! дворянина? — закричал с чувством достоинства и негодования Иван Иванович. — Осмелюсь только! подступите! я вас уничтожу с глупым вашим паном! Ворон не найдёт места вашего! (Иван Иванович говорил необыкновенно сильно, когда душа его бывала потрясена.)

Вся группа представляла сильную картину: Иван Никифорович, стоявший посреди комнаты в полной красоте своей без всякого украшения! Баба, разинувшая рот и выразившая на лице самую бессмысленную, исполненную страха мину! Иван Иванович с поднятою вверх рукою, как изображались римские трибуны! Это была необыкновенная минута! спектакль великолепный! И между тем только один был зрителем: это был мальчик в неизмеримом сюртуке, который стоял довольно покойно и чистил пальцем свой нос.

Наконец Иван Иванович взял шапку свою.

— Очень хорошо поступаете вы, Иван Никифорович! прекрасно! Я это припомню вам.

— Ступайте, Иван Иванович, ступайте! да глядите, не попадайтесь мне: а не то я вам, Иван Иванович, всю морду побью!

— Вот вам за это, Иван Никифорович! — отвечал Иван Иванович, выставив ему кукиш и хлопнув за собою дверь, которая с визгом захрипела и отворилась снова.

Иван Никифорович показался в дверях и что-то хотел присовокупить¹, но Иван Иванович уже не оглядывался и летел со двора.

Глава III

ЧТО ПРОИЗОШЛО ПОСЛЕ ССОРЫ ИВАНА ИВАНОВИЧА С ИВАНОМ НИКИФОРОВИЧЕМ?

Итак, два почтенных мужа, честь и украшение Миргорода, поссорились между собою! и за что? за вздор, за гусака. Не захотели видеть друг друга, прервали все связи, между тем как прежде были известны за самых неразлучных друзей!

¹ *Присовокупить* — прибавить.

Когда Иван Иванович пришёл к себе домой, то долго был в сильном волнении. Он, бывало, прежде всего зайдёт в конюшню посмотреть, ест ли кобылка сено (у Ивана Ивановича кобылка саврасая¹, с лысинкой на лбу; хорошая очень лошадка); потом покормит индеек и поросёнок из своих рук и тогда уже идёт в покои, где или делает деревянную посуду (он очень искусно, не хуже токаря, умеет выделывать разные вещи из дерева), или читает книжку, печатанную

у Любиа, Гария и Попова² (названия её Иван Иванович не помнит, потому что девка уже очень давно оторвала верхнюю часть заглавного листка, забавляя дитя), или же отдыхает под навесом. Теперь же он не взялся ни за одно из всегдашних своих занятий. Но вместо того, встретивши Гапку, начал бранить, зачем она шатается без дела, между тем как она тащила крупу в кухню; кинул палкой в петуха, который пришёл к крыльцу за обыкновенной подачей; и когда подбежал к нему запачканный мальчишка в изодранной рубашонке и закричал: «Тятя, тятя, дай пряника!» — то он ему так страшно пригрозил и затопал ногами, что испуганный мальчишка забежал бог знает куда.

Наконец, однако ж, он одумался и начал заниматься всегдашними делами. Поздно стал он обедать и уже ввечеру почти лёг отдыхать под навесом. Хороший борщ с голубями³, который сварила Гапка, выгнал совершенно утреннее происшествие. Иван Иванович опять начал с удовольствием рассматривать своё хозяйство. Наконец остановил глаза на

¹ *Савра́сая* (о лошадиной масти) — светло-гнедая с чёрной гривой и хвостом.

² *Лю́бий, Га́рий, Попо́в* — московские типографы-издатели начала XIX века.

³ *С голу́бьями* — здесь: с галушками.

соседнем дворе и сказал сам себе: «Сегодня я не был у Ивана Никифоровича; пойду-ка к нему». Сказавши это, Иван Иванович взял палку и шапку и отправился на улицу, но едва только вышел за ворота, как вспомнил ссору, плюнул и возвратился назад. Почти такое же движение случилось и на дворе Ивана Никифоровича. Иван Иванович видел, как баба уже поставила ногу на плетень с намерением перелезть в его двор, как вдруг послышался голос Ивана Никифоровича: «Назад! назад! не нужно!» Однако ж Ивану Ивановичу сделалось очень скучно. Весьма могло быть, что сии достойные люди на другой же бы день помирились, если бы особенное происшествие в доме Ивана Никифоровича не уничтожило всякую надежду и не подлило масла в готовый погаснуть огонь вражды.

К Ивану Никифоровичу ввечеру того же дня приехала Агафия Федосеевна. Агафия Федосеевна не была ни родственницей, ни свояченицей, ни даже кумой Ивану Никифоровичу. Казалось бы, совершенно ей незачем было к нему ездить, и он сам был не слишком ей рад; однако ж она ездила и проживала у него по целым неделям, а иногда и более. Тогда она отбирала ключи и весь дом брала на свои руки. Это было очень неприятно Ивану Никифоровичу, однако ж он, к удивлению, слушал её, как ребёнок, и хотя иногда и пытался спорить, но всегда Агафия Федосеевна брала верх.

Я признаюсь, не понимаю, для чего это так устроено, что женщины хватают нас за нос так же ловко, как будто за ручку чайника? <...> Агафия Федосеевна носила на голове чепец, три бородавки на носу и кофейный капот¹ с жёлтенькими цветами. Весь стан её похож был на кадушку, и оттого отыскать её талию было так же трудно, как увидеть без зеркала свой нос. Ножки её были коротенькие, сформированные на образец двух подушек. Она сплетничала, и ела варёные бураки по утрам, и отлично хорошо ругалась, — и при всех этих разнообразных занятиях лицо её ни на минуту не изменяло своего выражения, что обыкновенно могут показывать одни только женщины.

¹ *Kanót* — женская свободная одежда, род халата.

Как только она приехала, всё пошло наыворот.

— Ты, Иван Никифорович, не мирись с ним и не проси прощения: он тебя погубить хочет, это таковский человек! Ты его ещё не знаешь.

Шушукала, шушукала проклятая баба и сделала то, что Иван Никифорович и слышать не хотел об Иване Ивановиче.

Всё приняло другой вид: если соседняя собака затесалась когда на двор, то её колотили чем ни попало; ребяташки, перелазившие через забор, возвращались с воплем, с поднятыми вверх рубашонками и с знаками розг на спине. Даже самая баба, когда Иван Иванович хотел было её спросить о чём-то, сделала такую непристойность, что Иван Иванович, как человек чрезвычайно деликатный, плюнул и примолвил только: «Экая скверная баба! хуже своего пана!»

Наконец, к довершению всех оскорблений, ненавистный сосед выстроил прямо против него, где обыкновенно был перелаз чрез плетень, гусиный хлев, как будто с особенным намерением усугубить оскорбление. Этот отвратительный для Ивана Ивановича хлев выстроен был с дьявольскою скоростью: в один день.

Это возбудило в Иване Ивановиче злость и желание отомстить. Он не показал, однако ж, никакого вида огорчения, несмотря на то, что хлев даже захватил часть его земли; но сердце у него так билось, что ему было чрезвычайно трудно сохранять это наружное спокойствие.

Так провёл он день. Настала ночь... О, если б я был живописец, я бы чудно изобразил всю прелесть ночи! Я бы изобразил, как спит весь Миргород; как неподвижно глядят на него бесчисленные звёзды; как видимая тишина оглашается близким и далёким лаем собак; как мимо их несётся влюблённый пономарь и перелазит чрез плетень с рыцарскою бесстрашностью; как белые стены домов, охваченные лунным светом, становятся белее, осеняющие их деревья темнее, тень от деревьев ложится чернее, цветы и умолкнувшая трава душистее, и сверчки, неутомимые рыцари ночи, дружно со всех углов заводят свои трескучие песни. Я бы изобразил, как в одном из этих низеньких глиняных доми-

ков разметающейся на одинокой постеле чернобровой горожанке с дрожащими молодыми грудями снится гусарский ус и шпоры, а свет луны смеётся на её щеках. Я бы изобразил, как по белой дороге мелькает чёрная тень летучей мыши, сающейся на белые трубы домов... Но вряд ли бы я мог изобразить Ивана Ивановича, вышедшего в эту ночь с пилою в руке. Столько на лице у него было написано разных чувств! Тихо, тихо подкрался он и подлез под гусиный хлев. Собаки Ивана Никифоровича ещё ничего не знали о ссоре между ними и потому позволили ему, как старому приятелю, подойти к хлеву, который весь держался на четырёх дубовых столбах; подлезши к ближнему столбу, приставил он к нему пилу и начал пилить. Шум, производимый пилою, заставлял его поминутно оглядываться; но мысль об обиде возвращала бодрость. Первый столб был подпилен; Иван Иванович принялся за другой. Глаза его горели и ничего не видали от страха. Вдруг Иван Иванович вскрикнул и обомлел: ему показался мертвец; но скоро он пришёл в себя, увидевши, что это был гусь, просунувший к нему свою шею. Иван Иванович плюнул от негодования и начал продолжать работу. И второй столб подпилен: здание пошатнулось. Сердце у Ивана Ивановича начало так страшно биться, когда он принялся за третий, что он несколько раз прекращал работу; уже более половины его было подпилено, как вдруг шаткое здание сильно покачнулось... Иван Иванович едва успел отскочить, как оно рухнуло с треском. Схвативши пилу, в страшном испуге прибежал он домой и бросился на кровать, не имея даже духа поглядеть в окно на следствия своего страшного дела. Ему казалось, что весь двор Ивана Никифоровича собрался: старая баба, Иван Никифорович, мальчик в бесконечном сюртуке — все с дрекольями¹, предводительствуемые Агафией Федосеевной, шли разорять и ломать его дом.

Весь следующий день провёл Иван Иванович как в лихорадке. Ему всё чудилось, что ненавистный сосед в отместку за это по крайней мере подожжёт дом его. И потому он дал повеление Гапке поминутно обсматривать везде, не

¹ Дреко́лье (устар., собират.) — дубинки, палки, копыя.

подложено ли где-нибудь сухой соломы. Наконец, чтобы предупредить Ивана Никифоровича, он решился забежать зайцем вперёд и подать на него прошение в миргородский поветовый суд¹. В чём оно состояло, об этом можно узнать из следующей главы.

Глава IV

О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО В ПРИСУТСТВИИ² МИРГОРОДСКОГО ПОВЕТОВОГО СУДА

Чудный город Миргород! Каких в нём нет строений! И под соломенную, и под очеретяную, даже под деревянную крышею; направо улица, налево улица, везде прекрасный плетень; по нём вьётся хмель, на нём висят горшки, из-за него подсолнечник выказывает свою солнцеобразную голову, краснеет мак, мелькают толстые тыквы... Роскошь! Плетень всегда убран предметами, которые делают его ещё более живописным: или напаяленную плахтою³, или сорочкою, или шароварами. В Миргороде нет ни воровства, ни мошенничества, и потому каждый вешает, что ему вздумается. Если будете подходить к площади, то, верно, на время остановитесь полюбоваться видом: на ней находится лужа, удивительная лужа! единственная, какую только вам удавалось когда видеть! Она занимает почти всю площадь. Прекрасная лужа! Дома и домики, которые издали можно принять за копны сена, обступивши вокруг, дивятся красоте её.

Но я тех мыслей, что нет лучше дома, как поветовый суд. <...> Присутствие началось ещё с утра. Судья, довольно полный человек, хотя несколько тонее Ивана Никифоровича, с доброю миною, в замасленном халате, с трубкою и чашкою чаю, разговаривал с подсудком. <...> А! слыхом слыхать, видом видать... — вскричал вдруг судья, увидев входящего Ивана Ивановича.

¹ *Повето́вый суд* (Повет) — административно-территориальная единица в уезде. В современном делении — районный.

² *Присутствие* — здесь: помещение административного управления.

³ *Пла́хта* — кустарная украинская ткань, полосатая или клетчатая.

[Иван Иванович принёс в суд позов (то есть иск) на заклятого врага, на Ивана Никифоровича Довгочхуна. Судья удивляется, потому что знает о дружбе почтенных дворян. Иск состоит из трёх пунктов: Иван Никифорович оскорбил дворянское достоинство своего соседа, назвав его гусакom; перенёс гусиный хлев и поставил его перед крыльцом дома Ивана Ивановича; он же подозревает Ивана Никифоровича в намерении поджечь его дом. Поэтому заявитель требует Ивана Никифоровича Довгочхуна «в кандалы забить» и посадить в городскую тюрьму. Судья пытается образумить разгневанного дворянина, укоряет его, пытается примирить с Иваном Никифоровичем, но безуспешно. Иван Иванович уходит.

Через некоторое время появляется Иван Никифорович со своим позовом из двух пунктов: Иван Иванович забрался к нему на двор с топорами, пилами и изрубил его хлев; хотел купить у Ивана Никифоровича ружьё, но изругал хозяина. У Ивана Ивановича, оказывается, и родня не вполне приличная. Заявитель предлагает своего врага «в кандалы заковать», отправить в тюрьму и в Сибирь на какому. Никаких увещаний Иван Никифорович слушать не стал.]

Делать было нечего. Обе просьбы были приняты, и дело готовилось принять довольно важный интерес, как одно непредвиденное обстоятельство сообщило ему ещё большую занимательность. Когда судья вышел из присутствия в сопровождении подсудка и секретаря, а канцелярские укладывали в мешок нанесённых просителями кур, яиц, краюх хлеба, пирогов, книшей¹ и прочего дрязгу, в это время бурая свинья вбежала в комнату и схватила, к удивлению присутствовавших, не пирог или хлебную корку, но прошение Ивана Никифоровича, которое лежало на конце стола, перевесившись листами вниз. Схвативши бумагу, бурая хавронья убежала так скоро, что ни один из приказных чиновников не мог догнать её, несмотря на кидаемые линейки и чернильницы.

Это чрезвычайное происшествие произвело страшную суматоху, потому что даже копия не была ещё списана с неё. Судья, то есть его секретарь и подсудок, долго трактовали об таком неслыханном обстоятельстве; наконец решено было на том, чтобы написать об этом отношении к городничему, так как следствие по этому делу более относилось к гражданской полиции.

¹ *Книш* — род печёного белого хлеба; лепёшка с маслом.

Глава V, В КОТОРОЙ ИЗЛАГАЕТСЯ СОВЕЩАНИЕ ДВУХ ПОЧЁТНЫХ В МИРГОРОДЕ ОСОБ

[К Ивану Ивановичу приходит городничий с целью взыскать с него за то, что это его свинья стащила бумагу Ивана Никифоровича. Он заводит разговор о возможности примирения соседей. Но Иван Иванович об этом и слушать не желает. Так городничий и уходит ни с чем.]

ГЛАВА VI, ИЗ КОТОРОЙ ЧИТАТЕЛЬ ЛЕГКО МОЖЕТ УЗНАТЬ ВСЁ ТО, ЧТО В НЕЙ СОДЕРЖИТСЯ

Сколько ни старались в суде скрыть дело, но на другой же день весь Миргород узнал, что свинья Ивана Ивановича утащила просьбу Ивана Никифоровича. Сам городничий, первый позабывшись, проговорился. Когда Ивану Никифоровичу сказали об этом, он ничего не сказал, спросил только: «Не бурая ли?»

Но Агафия Федосеевна, которая была при этом, начала опять приступать к Ивану Никифоровичу:

— Что ты, Иван Никифорович? Над тобой будут смеяться, как над дураком, если ты попустишь! Какой ты после этого будешь дворянин! Ты будешь хуже бабы, что продаёт сластёны, которые ты так любишь!

И уговорила, неугомонная! [Она нашла писаря, который составлял жалобы, и в поветовый суд была отправлена ещё одна бумага. В ней Иван Никифорович уличал своего противника в научении свиньи стащить бумагу и в потворстве этому поветового суда. Бумага заканчивалась угрозой обратиться в палату, что очень напугало судью. Решено было помирить почтенных дворян. Но тот и другой отказались мириться.]

Тогда процесс пошёл с необыкновенною быстротою, которою обыкновенно так славятся судилища. Бумагу пометили, записали, выставили номер, вшили, расписались — всё в один и тот же день, и положили дело в шкаф, где оно лежало, лежало, лежало — год, другой, третий. Множество невест успело выйти замуж; в Миргороде пробили новую улицу; у судьи выпал один коренной зуб и два боковых;

у Ивана Ивановича бегало по двору больше ребятишек, нежели прежде: откуда они взялись, бог один знает! Иван Никифорович в упрёк Ивану Ивановичу выстроил новый гусиный хлев, хотя немного подальше прежнего, и совершенно застроился от Ивана Ивановича, так что сии достойные люди никогда почти не видали в лицо друг друга, — и дело всё лежало, в самом лучшем порядке, в шкафу, который сделался мраморным от чернильных пятен.

Между тем произошёл чрезвычайно важный случай для всего Миргорода.

Городничий давал ассамблею!¹ Где возьму я кистей и красок, чтоб изобразить разнообразие съезда и великолепное пиршество?

[Предложено было на ассамблее помирить бывших приятелей, столкнув их лицом к лицу. Послали к Ивану Никифоровичу человека, который должен был уговорить и привести Ивана Никифоровича.]

Глава VII, и последняя

[Удалось обманом привести Ивана Никифоровича, усадить за столом напротив Ивана Ивановича. Но когда их, выходявших из-за стола, подтолкнули друг к другу и они вроде бы готовы были пожать друг другу руки, Иван Никифорович по неосторожности в своём дружеском обращении употребил слово *гусак* и этим всё испортил. Примирение не состоялось. Вражда разгорелась с новой силой.]

Целый месяц ничего не было слышно об Иване Ивановиче. Он заперся в своём доме. Заветный сундук был отперт, из сундука были вынуты — что же? карбованцы!¹ старые, дедовские карбованцы! И эти карбованцы перешли в запачканные руки чернильных дельцов. Дело было перенесено в палату. И когда получил Иван Иванович радостное известие, что завтра решится оно, тогда только выглянул

¹ *Ассамбле́я* — здесь: бал, увеселительный вечер.

² *Карбова́нцы* (укр.) — серебряные рубли.

на свет и решился выйти из дому. Увы! с того времени палата извещала ежедневно, что дело кончится завтра, в продолжение десяти лет!

Назад тому лет пять я проезжал чрез город Миргород. Я ехал в дурное время. Тогда стояла осень с своею грустно-сырою погодою, грязью и туманом. Какая-то ненатуральная зелень — творение скучных, непрерывных дождей — покрывала жидкою сетью поля и нивы, к которым она так пристала, как шалости старику, розы — старухе. На меня тогда сильное влияние производила погода: я скучал, когда она была скучна. Но, несмотря на то, когда я стал подъезжать к Миргороду, то почувствовал, что у меня сердце бьётся сильно. Боже, сколько воспоминаний! Я двенадцать лет не видал Миргорода. Здесь жили тогда в трогательной дружбе два единственных человека, два единственных друга. <...>

День был тогда праздничный; я приказал рогоженную кибитку свою остановить перед церковью и вошёл так тихо, что никто не обратился. Правда, и некому было. Церковь была пуста. Народу почти никого. Видно было, что и самые богомольные побоялись грязи. Свечи при пасмурном, лучше сказать — больном, дне как-то были странно неприятны; тёмные притворы¹ были печальны; продолговатые окна с круглыми стёклами обливались дождливыми слезами. Я отошёл в притвор и оборотился к одному почтенному старику с поседевшими волосами:

— Позвольте узнать, жив ли Иван Никифорович?

В это время лампада вспыхнула живее пред иконою, и свет прямо ударился в лицо моего соседа. Как же я удивился, когда, рассматривая, увидел черты знакомые! Это был сам Иван Никифорович! Но как изменился!

— Здоровы ли вы, Иван Никифорович? Как же вы постарели!

— Да, постарел. Я сегодня из Полтавы, — отвечал Иван Никифорович.

¹ *Притвор* — входное помещение с западной стороны церкви.

— Что вы говорите! вы ездили в Полтаву в такую дурную погоду?

— Что ж делать! тяжба...

При этом я невольно вздохнул. Иван Никифорович заметил этот вздох и сказал:

— Не беспокойтесь, я имею верное известие, что дело решится на следующей неделе, и в мою пользу.

Я пожал плечами и пошёл узнать что-нибудь об Иване Ивановиче.

— Иван Иванович здесь, — сказал мне кто-то, — он на крылосе.

Я увидел тогда тощую фигуру. Это ли Иван Иванович? Лицо было покрыто морщинами, волосы были совершенно белые; но бекеша была всё та же. После первых приветствий Иван Иванович, обратившись ко мне с весёлою улыбкою, которая так всегда шла к его воронкообразному лицу, сказал:

— Уведомить ли вас о приятной новости?

— О какой новости? — спросил я.

— Завтра непременно решится моё дело. Палата сказала наверное.

Я вздохнул ещё глубже и поскорее поспешил проститься, потому что я ехал по весьма важному делу, и сел в кибитку. Тощие лошади, известные в Миргороде под именем курьерских, потянулись, производя копытами своими, погружавшимися в серую массу грязи, неприятный для слуха звук. Дождь лил ливнем на человека, сидевшего на козлах и накрывшегося рогожкой. Сырость меня проняла насквозь. Печальная застава с будкою, в которой инвалид чинил серые доспехи свои, медленно пронеслась мимо. Опять то же поле, местами изрытое, чёрное, местами зеленеющее, мокрые галки и вороны, однообразный дождь, слезливое без просвету небо. — Скучно на этом свете, господа!

1834

Какое отношение возникло у вас к героям повести и менялось ли оно по ходу чтения?

Серьёзность или шутовство лежат в основе поведения персонажей? Пытается ли кто-нибудь из них насмешничать, кривляться?

Почему «смешная» повесть завершается словами автора: «Скучно на этом свете, господа!»

- I. Попробуйте разгадать, как Н. В. Гоголю удаётся рассмешить, удивить, а потом заставить задуматься.

Вначале просмотрите всю повесть по главам, восстановите в памяти основные события, их связь, персонажей, описания и др. Далее изучайте текст подробнее:

1. Перечитайте характеристику героев и определите, в чём её необычность, почти парадоксальность («Прекрасный человек Иван Иванович! Какой у него дом...» и т. д.).
2. Прочитайте сравнительную характеристику героев и найдите нарушения, алогизм в основе сравнения («Иван Иванович несколько боязливого характера. У Ивана Никифоровича, напротив того, шаровары в таких широких складках...» и т. д.).
3. Какие странности и неожиданности в поведении разных персонажей повести вы заметили (например, «Вы знаете Агафию Федосеевну? та самая, что откусила ухо у заседателя» или «...сделает надпись над бумажкою с семенами "Сия дыня съедена..."»)?
4. Обратите внимание на произвольные движения и гримасы персонажей, а также на описание внешнего вида некоторых предметов, например, вид улицы в Миргороде, плетня, увешанного разными предметами, вид лужи и др.
5. Найдите странное и необычное в именах и фамилиях персонажей повести.
6. Вспомните эпизод, когда животное неожиданно вмешивается в развитие действия (сюжета). Как вы можете истолковать такой приём Гоголя?
7. Перечитайте пересказ прошения Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича в суд и найдите в них странное и неожиданное.
8. Обратите внимание на своеобразие гоголевских сравнений (например, «нос в виде спелой сливы» и др.).

На основе своих наблюдений сделайте вывод об особенностях гоголевского юмора, назовите некоторые художественные приёмы, с помощью которых изображаемые обстоятельства и люди вызывают смех и недоумение.

- II. Попробуйте понять, почему становится грустно к концу повести:

1. Как можно оценить с позиции здравого смысла причину ссоры двух друзей?
2. Охарактеризуйте их образ жизни, склонности, нравы. Что преобладает в жизненных интересах, потребностях всех дворян Миргорода?

3. Какие действия друг против друга замыслили и предпринимали поссорившиеся соседи? Почему не удалось их примирить?
4. Внимательно перечитайте конец повести: «Назад тому лет пять я проезжал чрез город Миргород. Я ехал...» и до конца. Определите настроение путешествующего повествователя. С каким чувством он воспринял давних знакомых и какова была его реакция на их уверенность в завершении судебной тяжбы?
5. Какие ассоциации вызывает у вас словесный образ «больной день» и какими художественными средствами Гоголь изображает (воссоздаёт) его?

* * *

1. Попробуйте найти отличия в позиции и оценках повествователя и рассказчика.
2. Соотнесите заглавие «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» с заключительной фразой «Скучно на этом свете, господа!» и покажите глубинную связь между ними.
3. Какую сторону человеческой жизни открыл Гоголь в своей повести?
4. Есть ли связь данного произведения с повестью «Ночь перед Рождеством»? Литературоведы говорят о фантастике в реалистических произведениях Гоголя. «Фантастика, — пишет исследователь творчества писателя Ю. Манн, — ушла в быт, в вещи, в поведение людей и в их способ мыслить и говорить». Что же в таком случае «фантастического» в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»?

ПРИЁМЫ СОЗДАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ОБРАЗА В РЕАЛИСТИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Повествование у Н. В. Гоголя ведётся от имени миргородского обывателя. **Рассказчик** восхищается героями, описывая их одежду, жилище, характеры, отношения, и удивляется, как они могли поссориться. **Повествователь** (то есть автор) тут же опровергает восторженные оценки, показывая незаметную суть каждого достоинства. Изображая сцену, как «человеколюбивый», богобоязненный Иван Иванович разговаривает с нищими, повествователь показывает бессердечие и цинизм одного «из лучших» граждан Мирго-

рода. «Иван Иванович имеет необыкновенный дар говорить чрезвычайно приятно. Господи, как он говорит! Это ощущение можно сравнить только с тем, когда у вас ищут в голове или потихоньку проводят пальцем по вашей пятке. Слушаешь, слушаешь — и голову повесишь. Приятно! чрезвычайно приятно! как сон после купанья». За восхищением рассказчика следует убийственное сравнение (повествователя), которое заставляет воспринимать похвалу в противоположном значении. На протяжении всего рассказа о ссоре автор постоянно сталкивает подлинную сущность героев и обманчивую внешнюю форму, когда они хотят казаться в глазах других людей достойными своего дворянского звания. Такими приёмами создаётся *комический эффект*.

Иногда автор пользуется *гротескными* красками, например, сравнивая по форме головы своих героев с редькой.

Один из комических приёмов состоит в *противопоставлении несопоставимых предметов* и явлений с употреблением *гиперболы*. «Иван Иванович несколько боязливого характера. У Ивана Никифоровича, напротив того, шаровары в таких широких складках, что если бы раздуть их, то в них можно бы поместить весь двор с амбарами и строением». В этом сопоставлении явственно проглядывает *ирония* как один из таких приёмов.

Слово «гусак», оскорбившее щепетильного в вопросах дворянской чести Ивана Ивановича, выбрано автором не случайно. Автор показал, как именно в такой бытовой обстановке сознание своего человеческого достоинства подменено в людях глупой амбицией и как отношения, лишённые духовности, быстро перерастают во вражду, ставшую содержанием жизни каждого из героев.

ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Русская классика — это «обращение
к совести читателей».

Д. С. Лихачев

В этом разделе помещены произведения русских писателей второй половины XIX века. В них нашли отражение такие социально-политические проблемы и события, как освобождение крестьян от крепостного права, Крымская война 1853—1856 годов, бурное развитие общественной мысли. Как новая общественная сила заявили о себе так называемые разночинцы¹.

Русская литература в этот период развивалась особенно мощно и плодотворно. Её влияние на русское общество возрастало и становилось всё более действенным. По свидетельству современников, произведения Н. А. Некрасова и И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского раскупались мгновенно, заинтересованно обсуждались. Литература как никогда активно участвовала в решении самых животрепещущих проблем современной жизни. Под её влиянием формировался духовный мир человека, в нём пробуждалось чувство личности, её нравственное и общественное самосознание. Сохранилось множество свидетельств о силе воздействия литературных произведений на читателей того времени.

¹ *Разночинец* — в дореволюционной России: выходец из непривileгированных сословий, из мелкого чиновничества, занимающийся умственным трудом, обычно носитель демократических взглядов.

Поэт Н. А. Некрасов, завершая свой земной путь, испытывал душевные муки: ему казалось, что жизнь прожита зря, что голос его музыки «мести и печали» не услышан в обществе. Узнав о состоянии Н. А. Некрасова, у дверей его квартиры собрались люди, чтобы услышать хоть что-нибудь о здоровье поэта. Студенты писали ему: «Мы пожалеем тебя, любимый наш, дорогой певец народа, певец его горя и страданий, мы пожалеем того, кто зажигал в нас эту могучую любовь к народу...» Множество подписей стояло под этим адресом.

О чём бы ни писали И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, В. Г. Короленко, самым главным для них был человек, его внутренний мир, его судьба. Глубочайшим проникновением в психологию героя, гуманистическим, милосердным звучанием своих произведений Ф. М. Достоевский снискал себе славу «совести» русской литературы. Сегодня он один из самых читаемых в мире русских писателей.

Беспокойное искусство А. П. Чехова приучает нас видеть неблагополучие жизни там, где сразу можно его не разглядеть. «Надо, чтобы за дверью каждого довольного, счастливого человека, — читаем мы в рассказе «Крыжовник», — стоял кто-нибудь с молоточком и постоянно напоминал бы стуком, что есть несчастные, что, как бы он ни был счастлив, жизнь рано или поздно покажет ему свои когти, стрясётся беда — болезнь, бедность, потери, и его никто не увидит и не услышит, как теперь он не видит и не слышит других».

Вся литература второй половины XIX века взывает к совести, побуждая каждого из нас к чувствованию и пониманию другого человека, к самосовершенствованию. Однако, раскрывая страдания, душевные муки человека, изображая противоречия, несправедливости жизни, русские писатели всегда показывали светлые начала бытия, оставляя читателю надежду на лучшее. Знаменательно, что в 1900 году автор «Детей подземелья», «Слепого музыканта» В. Г. Короленко свою лирическую миниатюру «Огоньки» заканчивает так символично: «Но всё-таки... всё-таки впереди — огни!..»

Николай Алексеевич НЕКРАСОВ

1821—1877

Стихи мои! Свидетели живые
За мир пролитых слёз!
Родитесь вы в минуты роковые
Душевных гроз
И бьётесь о сердца людские,
Как волны об утёс.
1858

Вчитайтесь в эти стихи, и в вашем воображении, наверное, возникнут мужичок с ноготок, Гришуха, что «черён, как галчонок», влюблённый в Волгу юный Валежников, который был «испуган, оглушён», услышав «мерный похоронный крик» бурлаков. Навсегда запоминаются читателям крестьяне-ходоки, не нашедшие защиты у «владельца роскошных палат», и строители железной дороги, и исстрадавшаяся в трудах и горе замерзающая Дарья. А хитроумный хозяин зимы Мороз и залиvistые соловьи? А добрый дед Мазай со спасёнными зайцами и всех перепугавший генерал Топтыгин? Удивительный поэт: такой разный, но всегда искренний, сердечный, вызывающий у нас, читателей, сочувствие к своим героям.

«ВЫ ЗАЧЕМ ТУТ, НЕСЧАСТНЫЕ ДЕТИ?»

Тема ребёнка особенно волновала Некрасова; о положении детей из бедных слоёв населения он писал много и с тревогой. В стихах цикла «О погоде» поэт описывает город с шумом и суетой, смрадом и копотью. И сквозь этот «ужасный концерт» он расслышал то, что его поразило, — «детей раздирающий плач». Поэт с болью спрашивает:

Вы зачем тут, несчастные дети?
Неужели душе молодой
Уж знакомы нужда и неволя?
Ах, уйдите, уйдите со мной
В тишину деревенского поля!

А в стихотворении «Плач детей» Некрасов показывает тяжкую долю маленьких фабричных рабочих.

Надо сказать, что это была единственная в своём роде картина рабского труда детей на примитивных фабриках.

ПЛАЧ ДЕТЕЙ

Равнодушно слушая проклятья
В битве с жизнью гибнущих людей,
Из-за них вы слышите ли, братья,
Тихий плач и жалобы детей?

«В золотую пору малолетства
Всё живое — счастливо живёт,
Не трудясь, с ликующего детства
Дань забав и радости берёт.
Только нам гулять не довелось
По полям, по нивам золотым:
Целый день на фабриках колёса
Мы вертим — вертим — вертим!

Колесо чугунное вертится,
И гудит, и ветром обдаёт,
Голова пылает и кружится,
Сердце бьётся, всё кругом идёт:
Красный нос безжалостной старухи,
Что за нами смотрит сквозь очки,
По стенам гуляющие мухи,
Стены, окна, двери, потолки, —
Всё и все! Впадая в иступление,
Начинаем громко мы кричать:
— Погоди, ужасное круженье!
Дай нам память слабую собрать! —
Бесполезно плакать и молиться,
Колесо не слышит, не щадит:
Хоть умри — проклятое вертится,
Хоть умри — гудит — гудит — гудит!

Где уж нам, измученным в неволе,
Ликовать, резвиться и скакать!

Если б нас теперь пустили в поле,
Мы в траву попадали бы — спать.
Нам домой скорей бы воротиться, —
Но зачем идём мы и туда?..
Сладко нам и дома не забыться:
Встретит нас забота и нужда!
Там, припав усталой головою
К груди бледной матери своей,
Зарыдав над ней и над собою,
Разорвём на части сердце ей...»

1860

Какая картина, в каких тонах возникла в вашем воображении?
От чьего имени рассказывается о каторжной работе детей и какое впечатление это производит?

* * *

1. Обратите внимание, как создаётся образ «проклятого» колеса.
2. Найдите приём контраста и определите его роль в смысловом и эмоциональном содержании стихотворения. Как и в связи с чем возникает образ матери в конце стихотворения?

«СВЯТАЯ ЖЕНСКАЯ ДУША»

Но я всю жизнь за женщину страдаю.

Н. А. Некрасов

Образ женщины, матери всегда вызывал у поэта тёплое, благодарное чувство и сострадание её нелёгкой, а подчас и несчастной судьбе. Некрасов с горечью восклицал:

Доля ты! — русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.

Ф. М. Достоевский писал о «раненом сердце» Некрасова, которое страдало «от насилия, от жестокости необузданной воли, что гнетёт нашу русскую женщину, нашего ребёнка в русской семье, нашего простолюдина в горькой так часто доле его».

Мать поэта, Елена Андреевна, была замечательным человеком. Добрая, мягкая, прекрасно образованная, она стра-

дала от невежественного и грубого мужа. Все силы своей души Елена Андреевна отдавала воспитанию детей: много читала им, играла на фортепиано и пела. «...Всё, что есть у меня хорошего, — от неё!» — часто говорил Некрасов. Память о матери навсегда оставалась для него святой. В стихах о матери он вновь и вновь вспоминает её облик, пытается глубже понять, каким она была человеком, почему так часто он видел её с «поникшей головою», задумчивой, болезненно бледной, «с платком в руках, обмоченным слезами». Через двадцать лет после смерти матери поэт вновь в своих стихах обращается к ней:

Повидайся со мною, родимая!
Появись лёгкой тенью на миг!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других,
С головой, бурям жизни открытою,
Весь свой век под грозой сердитою
Простояла ты, — грудью своей
Защищая любимых детей.

Всё, что написано Некрасовым о женщине, имеет источник в его нежном, любовном, уважительном чувстве к собственной матери. Через всю жизнь он пронёс мысль о высоком предназначении женщины, о её праве на достойную жизнь, на счастье. В 1855 году Некрасов пишет небольшое стихотворение, полное сердечного сочувствия матерям, чьи сыновья в то время гибли на Крымской войне.

* * *

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены.
Мне жаль не самого героя...
Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел

И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слёзы —
То слёзы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

Как вам кажется, какие авторские чувства отчётливо выразились в этом стихотворении?

* * *

1. Проследите, как создаётся и развивается образ-переживание.
2. Какую смысловую и эмоциональную нагрузку несут эпитеты, связанные с образом матери?
3. Какими словами характеризуется война?

* * *

Прочитайте стихотворение, передавая его элегичность; постарайтесь выдержать паузу, завершающую миниатюру.

«ИХ ИМЕНА ЗАБЫТЬСЯ НЕ ДОЛЖНЫ»

В начале 70-х годов XIX века Некрасов, всегда откликавшийся на самые жгучие вопросы современности, написал две поэмы о жёнах декабристов. Со времени восстания прошло полвека. Некрасов и его единомышленники-демократы не разделяли многие идеи дворянских революционеров. Однако нравственные идеалы декабристов, «их дум высокое стремленье» (А. С. Пушкин) были дороги поэту, и он считал необходимым воссоздать « пленительные образы » жён декабристов, бесстрашно следовавших за своими сосланными в Сибирь мужьями. Вы, конечно, помните некоторые исторические факты, связанные с историей выступления декабристов: 1825 год, 14 декабря. Восстание на Сенатской площади в Петербурге. Аресты его руководителей и участников; 1826 год, июль. Казнь руководителей восстания: П. Пестеля, К. Рылеева, П. Каховского, С. Муравьёва-Апостола, М. Бестужева-Рюмина.

Большинство активных участников восстания сосланы на каторгу в Сибирь. Это к ним обращался Пушкин в своём послании «Во глубине сибирских руд...»: «Любовь и дружество до вас // Дойдут сквозь мрачные затворы...» Туда же он посылал сердечный привет своему лицейскому другу И. Пущину: «Мой первый друг, мой друг бесценный!» Эти послания доставили адресатам в самые «мрачные пропасти земли» жёны ссыльных. Их стали называть *декабристками*. По приказу Николая I на пути декабристок чиновники и жандармы чинили препятствия: на почтовых станциях не давали лошадей, пугали опасностями сибирской дороги, угрожали, обыскивали, оскорбляли. В Иркутске заставляли подписывать отречение от дворянских прав. Однако никто из женщин не повернул обратно. Они упорно ехали вперёд — к ссыльным мужьям.

Некрасов изучал воспоминания декабристов и их жён. Беседовал с их детьми. Он уговорил сына декабриста Волконского, Михаила Сергеевича, прочесть ему «Записки» матери. «В три вечера чтение было закончено, — говорил Волконский, — вспоминаю, как при этом Николай Алексеевич по нескольку раз в вечер вскакивал и со словами “Довольно, не могу!” бежал к камину, садился к нему и, схватясь руками за голову, плакал, как ребёнок».

Н. А. Некрасов работал над поэмой с воодушевлением, считая, что самоотверженность, проявленная совсем молодыми женщинами, их великие душевные силы «есть прямое достояние поэзии».

Наконец поэма «Русские женщины» была окончена: в 1871 году — «Княгиня Трубецкая», в 1872 — «Княгиня Волконская». «Моя поэма, — писал Некрасов, — имеет такой успех, какого не имело ни одно из моих прежних писаний...»

Читая поэму «Княгиня Трубецкая», проследите, как удавалось героине преодолевать сложные препятствия. Как автор выражает своё отношение к ней?

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ

(Поэма)

Часть первая

Покоен, прочен и легóк
На диво слаженный возок;
Сам граф-отец не раз, не два
Его попробовал сперва.
Шесть лошадей в него впрягли,
Фонарь внутри его зажгли.
Сам граф подушки поправлял,
Медвежью полость¹ в ноги стлал,
Творя молитву, образок
Повесил в правый уголок
И — зарыдал... Княгиня-дочь...
Куда-то едет в эту ночь...

I

«Да, рвём мы сердце пополам
Друг другу, но, родной,
Скажи, что ж больше делать нам?
Поможешь ли тоской!
Один, кто мог бы нам помочь
Теперь... Прости, прости!
Благослови родную дочь
И с миром отпусти!

II

Бог весть, увидимся ли вновь.
Увы! надежды нет.
Прости и знай: твою любовь,
Последний твой завет

¹ *Пóлость* — здесь: медвежья шкура, которую стелили на дно повозки.

Я буду помнить глубоко
В далёкой стороне...
Не плачу я, но не легко
С тобой расстаться мне!

III

О, видит Бог!.. Но долг другой,
И выше и трудней,
Меня зовёт... Прости, родной!
Напрасных слёз не лей!
Далёк мой путь, тяжёл мой путь,
Страшна судьба моя,
Но сталью я одеда грудь...
Гордись — я дочь твоя!

IV

Прости и ты, мой край родной,
Прости, несчастный край!
И ты... о город роковой,
Гнездо царей... прощай!
Кто видел Лондон и Париж,
Венецию и Рим,
Того ты блеском не прельстишь,
Но был ты мной любим —

V

Счастливо молодость моя
Прошла в стенах твоих,
Твои балы любила я,
Катанья с гор крутых,
Любила плеск Невы твоей
В вечерней тишине,
И эту площадь перед ней
С героем на коне...

VI

Мне не забыть... Потом, потом
Расскажут нашу быль...

А ты будь проклят, мрачный дом,
Где первую кадрили
Я танцевала... Та рука
Досель мне руку жжёт...
Ликуй
.....»

Покоен, прочен и легок,
Катится городом возок.

Вся в чёрном, мертвенно бледна,
Княгиня едет в нём одна,

А секретарь отца (в крестах,
Чтоб наводить дорогой страх)

С прислугой скачет впереди...
Свища бичом, крича: «Пади!»

Ямщик столицу миновал...
Далёк княгине путь лежал,

Была суровая зима...
На каждой станции сама

Выходит путница: «Скорей
Перепрягайте лошадей!»

И сыплет щедрою рукой
Червонцы челяди ямской.

Но труден путь! В двадцатый день
Едва приехали в Тюмень,

Ещё скакали десять дней.
«Увидим скоро Енисей, —

Сказал княгине секретарь. —
Не ездит так и государь!..»

Вперёд! Душа полна тоски,
Дорога всё трудней,

Но грёзы мирны и легки —
Приснилась юность ей.
Богатство, блеск! Высокий дом
На берегу Невы,
Обита лестница ковром,
Перед подъездом львы,
Изящно убран пышный зал.
Огнями весь горит.
О радость! нынче детский бал,
Чу! музыка гремит!
Ей ленты алые вплели
В две русые косы,
Цветы, наряды принесли
Невиданной красы.
Пришёл папаша — сед, румян, —
К гостям её зовёт:
«Ну, Катя! чудо-сарафан!
Он всех с ума сведёт!»
Ей любо, любо без границ.
Кружится перед ней
Цветник из милых детских лиц,
Головок и кудрей.
Нарядны дети, как цветы,
Нарядней старики:
Плюмажи¹, ленты и кресты,
Со звоном каблуки...
Танцует, прыгает дитя,
Не мысля ни о чём,
И детство резвое шутя
Проносится... Потом
Другое время, бал другой
Ей снится: перед ней
Стоит красавец молодой,
Он что-то шепчет ей...

¹ *Плюма́ж* (франц.) — украшение из перьев на головном уборе; отделка для дамских платьев, кофт, пальто.

Потом опять балы, балы...
Она — хозяйка их,
У них сановники, послы,
Весь модный свет у них...
«О милый! что ты так угрюм?
Что на сердце твоём?» —
Дитя! мне скучен светский шум,
Уйдём скорей, уйдём! —

И вот уехала она
С избранником своим.
Пред нею чудная страна.
Пред нею — вечный Рим...
Ах! чем бы жизнь нам помянуть —
Не будь у нас тех дней,
Когда, урвавшись как-нибудь
Из родины своей
И скучный север миновав,
Примчимся мы на юг.
До нас нужды, над нами прав
Ни у кого... Сам-друг
Всегда лишь с тем, кто дорог нам,
Живём мы, как хотим;
Сегодня смотрим древний храм,
А завтра посетим
Дворец, развалины, музей...
Как весело притом
Делиться мыслию своей
С любимым существом!

Под обаяньем красоты,
Во власти строгих дум,
По Ватикану бродишь ты
Подавлен и угрюм;
Отжившим миром окружён,
Не помнишь о живом.
Зато как странно поражён
Ты в первый миг потом,
Когда, покинув Ватикан,
Вернёшься в мир живой,

Где ржёт осёл, шумит фонтан,
Поёт мастеровой;
Торговля бойкая кипит,
Кричат на все лады:
«Кораллов! раковин! улит!
Мороженой воды!»
Танцует, ест, дерётся голь¹,
Довольная собой,
И косу чёрную, как смоль,
Римлянке молодой
Старуха чешет... Жарок день,
Несносен черни гам.
Где нам найти покой и тень?
Заходим в первый храм.
Не слышен здесь житейский шум,
Прохлада, тишина
И полусумрак... Строгих дум
Опять душа полна.
Святых и ангелов толпой
Вверху украшен храм,
Порфир и яшма² под ногой
И мрамор по стенам...
Как сладко слушать моря шум!
Сидишь по часу нем,
Неугнетённый, бодрый ум
Работает меж тем...
До солнца горною тропой
Взберёшься высоко —
Какое утро пред тобой!
Как дышится легко!
Но жарче, жарче южный день,
На зелени долин
Росинки нет... Уйдём под тень
Зонтообразных пинн³...

¹ Голь — нищие, оборванцы.

² Порфи́р и я́шма — поделочные камни, употребляемые как строительный материал.

³ Пинна — вид сосны, итальянский кедр.

Княгине памятни те дни
Прогулок и бесед,
В душе оставили они
Неизгладимый след.
Но не вернуть ей дней былых,
Тех дней надежд и грёз,
Как не вернуть потом о них
Пролитых ею слёз!..
Исчезли радужные сны,
Пред нею ряд картин
Забитой, загнанной страны:
Суровый господин
И жалкий труженик-мужик
С понурой головой...
Как первый властвовать привык,
Как рабствует второй!
Ей снятся группы бедняков
На нивах, на лугах,
Ей снятся стоны бурлаков
На волжских берегах...
Наивным ужасом полна,
Она не ест, не спит,
Засыпать спутника она
Вопросами спешит:
«Скажи, ужель весь край таков?
Довольства тени нет?..»
— Ты в царстве нищих и рабов! —
Короткий был ответ...

Она проснулась — в руку сон!
Чу, слышен впереди
Печальный звон — кандалный звон!
«Эй, кучер, погоди!»
То ссыльных партия идёт,
Больней заныла грудь.
Княгиня деньги им даёт, —
«Спасибо, добрый путь!»
Ей долго, долго лица их
Мерецатся потом,

И не прогнать ей дум своих,
Не позабыться сном!
«И та здесь партия была...
Да... нет других путей...
Но след их вьюга замела.
Скорей, ямщик, скорей!..»

Мороз сильней, пустыней путь,
Чем дале на восток;
На триста вёрст какой-нибудь
Убогий городок,
Зато как радостно глядишь
На тёмный ряд домов.
Но где же люди? Всюду тишь,
Не слышно даже псов.
Под кровлю всех загнал мороз,
Чаёк от скуки пьют.
Прошёл солдат, проехал воз,
Куранты где-то бьют.
Замёрзли окна... огонёк
В одном чуть-чуть мелькнул...
Собор... на выезде острог...
Ямщик кнутом махнул:
«Эй, вы!» — и нет уж городка,
Последний дом исчез...
Направо — горы и река,
Налево — тёмный лес...

Кипит больной, усталый ум,
Бессонный до утра,
Тоскует сердце. Смена дум
Мучительно быстра:
Княгиня видит то друзей,
То мрачную тюрьму,
И тут же думается ей —
Бог знает почему, —
Что небо звёздное — песком
Посыпанный листок,
А месяц — красным сургучом
Оттиснутый кружок...

Пропали горы; началась
Равнина без конца.
Ещё мертвей! Не встретит глаз
Живого деревца.
«А вот и тундра!» — говорит
Ямщик, бурят степной.
Княгиня пристально глядит
И думает с тоской:
«Сюда-то жадный человек
За золотом идёт!
Оно лежит по руслам рек,
Оно на дне болот.
Трудна добыча на реке.
Болота страшны в зной,
Но хуже, хуже в руднике,
Глубоко под землёй!..
Там гробовая тишина,
Там безрассветный мрак...
Зачем, проклятая страна,
Нашёл тебя Ермак?..»

Чредой спустилась ночи мгла,
Опять взошла луна.
Княгиня долго не спала,
Тяжёлых дум полна...
Уснула... Башня снится ей...
Она вверху стоит;
Знакомый город перед ней
Волнуется, шумит;
К обширной площади бегут
Несметные толпы:
Чиновный люд, торговый люд,
Разносчики, попы;
Пестреют шляпки, бархат, шёлк.
Тулупы, армяки...
Стоял уж там какой-то полк,
Пришли ещё полки,
Побольше тысячи солдат
Сошлось. Они «ура!» кричат,

Они чего-то ждут...
Народ галдел, народ зевал,
Едва ли сотый понимал,
Что делается тут...
Зато посмеивался в ус,
Лукаво щуря взор,
Знакомый с бурями француз,
Столичный куафёр¹...

Приспели новые полки:
«Сдавайтесь!» — тем кричат.
Ответ им — пули и штыки,
Сдаваться не хотят.
Какой-то brave генерал,
Влетев в каре², грозиться стал —
С коня снесли его.
Другой приблизился к рядам:
«Прощенье царь дарует вам!» —
Убили и того.

Явился сам митрополит
С хоругвями³, с крестом:
«Покайтесь, братия! — гласит, —
Падите пред царём!»
Солдаты слушали, крестясь,
Но дружен был ответ:
— Уйди, старик! молись за нас!
Тебе здесь дела нет... —

Тогда-то пушки навели,
Сам царь скомандовал: «Па-ли!..»
Картечь свистит, ядро ревёт,
Рядами валится народ.
«...О милый! Жив ли ты?»

¹ *Куафёр* (франц.) — парикмахер.

² *Карé* — боевое построение пехоты четырёхугольником.

³ *Хоругвь* — укреплённое на древке полотнище с изображением Христа.

Княгиня, память потеряв,
Вперёд рванулась и стремглав
Упала с высоты!

Пред нею длинный и сырой
Подземный коридор,
У каждой двери часовой,
Все двери на запор.
Прибою волн подобный плеск
Снаружи слышен ей;
Внутри — бряцанье, ружей блеск
При свете фонарей;
Да отдалённый шум шагов
И долгий гул от них,
Да перекрёстный бой часов,
Да крики часовых...

С ключами старый и седой
Усатый инвалид —
«Иди, печальница, за мной! —
Ей тихо говорит. —
Я проведу тебя к нему,
Он жив и невредим...»
Она доверилась ему,
Она пошла за ним...
Шли долго, долго... Наконец
Дверь визгнула — и вдруг
Пред нею он... живой мертвец...
Пред нею — бедный друг!
Упав на грудь ему, она
Торопится спросить:
«Скажи, что делать? Я сильна,
Могу я страшно мстить!
Достанет мужества в груди,
Готовность горяча,
Просить ли надо?...» — Не ходи,
Не тронешь палача! —
«О милый! что сказал ты? Слов
Не слышу я твоих.

То этот страшный бой часов,
То крики часовых!
Зачем тут третий между нас?...»
— Наивен твой вопрос. —

«Пора! пробил урочный¹ час!» —
Тот «третий» произнёс...

Княгиня вздрогнула — глядит
Испуганно кругом,
Ей ужас сердце леденит:
Не всё тут было сном!..

Луна плыла среди небес
Без блеска, без лучей,
Налево был угрюмый лес,
Направо — Енисей.
Темно! Навстречу ни души,
Ямщик на козлах спал,
Голодный волк в лесной глуши
Пронзительно стонал,
Да ветер бился и ревел,
Играя на реке,
Да инородец где-то пел
На странном языке.
Суровым пафосом звучал
Неведомый язык
И пуще сердце надрывал,
Как в бурю чайки крик...

Княгине холодно; в ту ночь
Мороз был нестерпим,
Упали силы; ей невмочь
Бороться больше с ним.
Рассудком ужас овладел,
Что не доехать ей.

¹ *Урочный* — назначенный, определённый.

Ямщик давно уже не пел,
Не понукал коней,
Передней тройки не слышать.
«Эй! жив ли ты, ямщик?
Что ты замолк? не вздумай спать!»
— Не бойтесь, я привык... —

Летят... Из мёрзлого окна
Не видно ничего,
Опасный гонит сон она,
Но не прогнать его!
Он волю женщины больной
Мгновенно покорил
И, как волшебник, в край иной
Её переселил.
Тот край — он ей уже знаком —
Как прежде, неги полн,
И тёплым солнечным лучом,
И сладким пеньем волн
Её приветствовал, как друг...
Куда ни поглядит:
«Да, это — юг! да, это — юг!» —
Всё взору говорит...

Ни тучки в небе голубом,
Долина вся в цветах,
Всё солнцем залито, на всём,
Внизу и на горах,
Печать могучей красоты,
Ликует всё вокруг;
Ей солнце, море и цветы
Поют: «Да, это — юг!»
В долине между цепью гор
И морем голубым
Она летит во весь опор
С избранником своим.
Дорога их — роскошный сад,
С деревьев льётся аромат,
На каждом дереве горит
Румяный, пышный плод;

Сквозь ветви тёмные сквозит
Лазурь небес и вод;
По морю реют корабли,
Мелькают паруса,
А горы, видные вдали,
Уходят в небеса.
Как чудны краски их! За час
Рубины рдели там,
Теперь заискрился топаз¹
По белым их хребтам...
Вот выучный мул идёт шажком,
В бубенчиках, в цветах,
За мулом — женщина с венком,
С корзинкою в руках.
Она кричит им: «Добрый путь!» —
И, засмеявшись вдруг,
Бросает быстро ей на грудь
Цветок... да! это — юг!
Страна античных, смуглых дев
И вечных роз страна...
Чу! мелодический напев,
Чу! музыка слышна!..

«Да, это — юг! да, это — юг!
(Поёт ей добрый сон)
Опять с тобой любимый друг,
Опять свободен он!..»

Часть вторая

Уже два месяца почти
Бессменно день и ночь в пути
На диво слаженный возок,
А всё конец пути далёк!

Княгинин спутник так устал,
Что под Иркутском захворал.

¹ *Топáz* — твёрдый и блестящий драгоценный камень различной окраски.

Два дня прождав его, она
Помчалась далее одна...

Её в Иркутске встретил сам
Начальник городской;
Как мощи сух, как палка прям,
Высокий и седой.
Сползла с плеча его доха,
Под ней — кресты, мундир,
На шляпе — перья петуха.
Почтенный бригадир,
Ругнув за что-то ямщика,
Поспешно подскочил
И дверцы прочного возка
Княгине отворил...

К н я г и н я (*входит в станционный дом*)
В Нерчинск! Закладывать скорей!

Г у б е р н а т о р
Пришёл я — встретить вас.

К н я г и н я
Велите ж дать мне лошадей!

Г у б е р н а т о р
Прошу помедлить час.
Дорога наша так дурна,
Вам нужно отдохнуть...

К н я г и н я
Благодарю вас! Я сильна...
Уж недалёк мой путь...

Г у б е р н а т о р
Всё ж будет вёрст до восьмисот,
А главная беда:
Дорога хуже тут пойдёт,
Опасная езда!..

Два слова нужно вам сказать
По службе, — и притом
Имел я счастье графа знать,
Семь лет служил при нём.
Отец ваш редкий человек
По сердцу, по уму,
Запечатлев в душе навек
Признательность к нему,
К услугам дочери его
Готов я... весь я ваш...

Княгиня

Но мне не нужно ничего!
(отворяя дверь в сени)
Готов ли экипаж?

Губернатор

Покуда я не прикажу,
Его не подадут...

Княгиня

Так прикажите ж! Я прошу...

Губернатор

Но есть зацепка тут:
С последней почтой прислана
Бумага...

Княгиня

Что же в ней:
Уж не вернуться ль я должна?

Губернатор

Да-с, было бы верней.

Княгиня

Да кто ж прислал вам и о чём
Бумагу? что же — там
Шутили, что ли, над отцом?
Он всё устроил сам!

Г у б е р н а т о р

Нет... не решусь я утверждать...
Но путь ещё далёк...

К н я г и н я

Так что же даром и болтать!
Готов ли мой возок?

Г у б е р н а т о р

Нет! Я ещё не приказал...
Княгиня! здесь я — царь!
Садитесь! Я уже сказал,
Что знал я графа встарь,
А граф... хоть он вас отпустил,
По доброте своей,
Но ваш отъезд его убил...
Вернитесь поскорей!

К н я г и н я

Нет! что однажды решено —
Исполню до конца!
Мне вам рассказывать смешно,
Как я люблю отца,
Как любит он. Но долг другой,
И выше и святей,
Меня зовёт. Мучитель мой!
Давайте лошадей!

Г у б е р н а т о р

Позвольте-с. Я согласен сам,
Что дорог каждый час,
Но хорошо ль известно вам,
Что ожидает вас?
Бесплодна наша сторона,
А та — ещё бедней,
Короче нашей там весна,
Зима — ещё длинней.
Да-с, восемь месяцев зима
Там — знаете ли вы?

Там люди редки без клейма,
И те душой черствы;
На воле рыскают кругом
Там только варнаки¹;
Ужасен там тюремный дом,
Глубоки рудники.
Вам не придётся с мужем быть
Минуты глаз на глаз:
В казарме общей надо жить,
А пища: хлеб да квас.
Пять тысяч каторжников там,
Озлоблены судьбой,
Заводят драки по ночам,
Убийства и разбой;
Короток им и страшен суд,
Грознее нет суда!
И вы, княгиня, вечно тут
Свидетельницей... Да!
Поверьте, вас не пощадят,
Не сжалятся никто!
Пускай ваш муж — он виноват...
А вам терпеть... за что?

Княгиня

Ужасна будет, знаю я,
Жизнь мужа моего.
Пускай же будет и моя
Не радостней его!

Губернатор

Но вы не будете там жить:
Тот климат вас убьёт!
Я вас обязан убедить.
Не ездите вперёд!
Ах! вам ли жить в стране такой,
Где воздух у людей

¹ Варна́к — каторжник.

Не паром — пылью ледяной
Выходит из ноздрей?
Где мрак и холод круглый год,
А в краткие жары —
Непросыхающих болот
Зловредные пары?
Да... страшный край! Оттуда прочь
Бежит и зверь лесной,
Когда стосуточная ночь
Повиснет над страной...

Княгиня

Живут же люди в том краю,
Привыкну я шутя...

Губернатор

Живут? Но молодость свою
Припомните... дитя!
Здесь мать — водицей снеговой,
Родив, омает дочь,
Малютку грозной бури вой
Баюкает всю ночь,
А будит дикий зверь, рыча
Близ хижины лесной,
Да пурга, бешено стуча
В окно, как домовой.
С глухих лесов, с пустынных рек
Сбирая дань свою,
Окреп туземный человек
С природою в бою,
А вы?..

Княгиня

Пусть смерть мне суждена —
Мне нечего жалеть!..
Я еду! еду! я должна
Близ мужа умереть.

Г у б е р н а т о р

Да, вы умрёте, но сперва
Измучите того,
Чья безвозвратно голова
Погибла. Для него
Прошу: не ездите туда!
Сноснее одному,
Устав от тяжкого труда,
Прийти в свою тюрьму,
Прийти — и лечь на голый пол
И с чёрствым сухарём
Заснуть... а добрый сон пришёл —
И узник стал царём!
Летя мечтой к родным, к друзьям,
Увидя вас самих,
Проснётся он к дневным трудам
И бодр, и сердцем тих.
А с вами?.. с вами не знаять
Ему счастливых грёз,
В себе он будет сознавать
Причину ваших слёз.

К н я г и н я

Ах!.. Эти речи побережь
Вам лучше для других.
Всем вашим пыткам не извлечь
Слезы́ из глаз моих!
Покинув родину, друзей,
Любимого отца,
Приняв обет в душе моей
Исполнить до конца
Мой долг, — я слёз не принесу
В проклятую тюрьму —
Я гордость, гордость в нём спасу,
Я силы дам ему!
Презренье к нашим палачам,
Сознание правоты
Опорой верной будет нам.

Г у б е р н а т о р

Прекрасные мечты!
Но их достанет на пять дней.
Не век же вам грустить?
Поверьте совести моей,
Захочется вам жить.
Здесь чёрствый хлеб, тюрьма, позор,
Нужда и вечный гнёт,
А там балы, блестящий двор,
Свобода и почёт.
Как знать? Быть может, Бог судил...
Понравится другой,
Закон вас права не лишил...

К н я г и н я

Молчите!.. Боже мой!..

Г у б е р н а т о р

Да, откровенно говорю,
Вернитесь лучше в свет.

К н я г и н я

Благодарю, благодарю
За добрый ваш совет!
И прежде был там рай земной,
А нынче этот рай
Своей заботливой рукой
Расчистил Николай.
Там люди заживо гниют —
Ходячие гробы,
Мужчины — сборище Иуд,
А женщины — рабы.
Что там найду я? Ханжество,
Поруганную честь,
Нахальной дряни торжество
И подленькую месть.
Нет, в этот вырубленный лес
Меня не заманят,
Где были дубы до небес,
А нынче пни торчат!

Вернуться? жить среди клевет,
Пустых и тёмных дел?..
Там места нет, там друга нет
Тому, кто раз прозрел!
Нет, нет, я видеть не хочу
Продажных и тупых,
Не покажусь я палачу
Свободных и святых.
Забыть того, кто нас любил,
Вернуться — всё простя?

Г у б е р н а т о р
Но он же вас не пощадил?
Подумайте, дитя:
О ком тоска? к кому любовь?

К н я г и н я
Молчите, генерал!

Г у б е р н а т о р
Когда б не доблестная кровь
Текла в вас — я б молчал.
Но если рвётесь вы вперёд,
Не веря ничему,
Быть может, гордость вас спасёт...
Достались вы ему
С богатством, с именем, с умом,
С доверчивой душой,
А он, не думая о том,
Что станется с женой,
Увлёкся призраком пустым,
И — вот его судьба!..
И что ж?.. бежите вы за ним,
Как жалкая раба!

К н я г и н я
Нет! я не жалкая раба,
Я женщина, жена!

Пускай горька моя судьба —
Я буду ей верна!
О, если б он меня забыл
Для женщины другой,
В моей душе достало б сил
Не быть его рабой!
Но знаю: к родине любовь
Соперница моя,
И если б нужно было, вновь
Ему простила б я!..

Княгиня кончила... Молчал
Упрямый старичок.
«Ну что ж? Велите, генерал,
Готовить мой возок?»
Не отвечая на вопрос,
Смотрел он долго в пол,
Потом в раздумье произнёс:
— До завтра, — и ушёл...

Назавтра тот же разговор.
Просил и убеждал,
Но получил опять отпор
Почтенный генерал.
Все убежденья истощив
И выбившись из сил,
Он долго, важен, молчалив,
По комнате ходил
И наконец сказал: — Быть так!
Вас не спасёшь, увы!..
Но знайте: сделав этот шаг,
Всего лишитесь вы! —
«Да что же мне ещё терять?»
— За мужем поскакав,
Вы отречение подписать
Должны от ваших прав! —

Старик эффектно замолчал,
От этих страшных слов
Он, очевидно, пользы ждал.
Но был ответ таков:
«У вас седая голова,
А вы ещё дитя!
Вам наши кажутся права
Правами — не шутя.
Нет! ими я не дорожу,
Возьмите их скорей!
Где отречение? Подпишу!
И живо — лошадей!..

Г у б е р н а т о р

Бумагу эту подписать!
Да что вы?.. Боже мой!
Ведь это значит нищей стать
И женщиной простой!
Всему вы скажете прости,
Что вам дано отцом,
Что по наследству перейти
Должно бы к вам потом!
Права имущества, права
Дворянства потерять!
Нет, вы подумайте сперва —
Зайду я к вам опять!..
Ушёл и не был целый день...
Когда спустилась тьма,
Княгиня, слабая как тень,
Пошла к нему сама.
Её не принял генерал:
Хворает тяжело...
Пять дней, покуда он хворал,
Мучительных прошло,
А на шестой пришёл он сам
И круто молвил ей:
— Я отпустить не вправе вам,
Княгиня, лошадей!
Вас по этапу поведут
С конвоем... —

Княгиня

Боже мой!

Но так ведь месяцы пройдут
В дороге?..

Губернатор

Да, весной

В Нерчинск придёте, если вас

Дорога не убьёт.

Навряд версты четыре в час

Закованный идёт;

Посередине дня — привал,

С закатом дня — ночлег,

А ураган в степи застал —

Закапывайся в снег!

Да-с, промедленьям нет числа,

Иной упал, ослаб...

Княгиня

Не хорошо я поняла —

Что значит ваш этап?

Губернатор

Под караулом казаков

С оружием в руках

Этапом водим мы воров

И каторжных в цепях,

Они дорогою шалят.

Того гляди сбегут,

Так их канатом прикрутят

Друг к другу — и ведут.

Трудненок путь! Да вот-с каков:

Отправится пятьсот,

А до нерчинских рудников

И трети не дойдёт!

Они, как мухи, мрут в пути,

Особенно зимой...

И вам, княгиня, так идти?..

Вернитесь-ка домой!

К н я г и н я

О нет! я этого ждала...

Но вы, но вы... злодей!..

Неделя целая прошла...

Нет сердца у людей!

Зачем бы разом не сказать?..

Уж шла бы я давно...

Велите ж партию собирать —

Иду! мне всё равно!..

— Нет! вы поедете!.. — вскричал

Нежданно старый генерал,

Закрыв рукой глаза. —

Как я вас мучил... Боже мой!..

(Из-под руки на ус седой

Скатилась слеза.)

Простите! да, я мучил вас,

Но мучился и сам,

Но строгий я имел приказ

Преграды ставить вам!

И разве их не ставил я?

Я делал всё, что мог,

Перед царём душа моя

Чиста, свидетель Бог!

Острожным жёстким сухарём

И жизнью взаперти,

Позором, ужасом, трудом

Этапного пути

Я вас старался напугать.

Не испугались вы!

И хоть бы мне не удержать

На плечах головы,

Я не могу, я не хочу

Тиранить больше вас...

Я вас в три дня туда домчу...

(Отворяя дверь, кричит)

Эй! запрягать, сейчас!..

1872

Какие события, встречи на пути княгини Трубецкой были особенно важными?

В чём видела свой долг молодая женщина?

Какую особенность в построении поэмы вы заметили?

* * *

1. Пересмотрите всю поэму, обратите внимание на её двухчастность, сочетание повествования, размышлений героини и её диалога с губернатором. Как, по-вашему, это композиционно-жанровое своеобразие способствует созданию образа самоотверженной, гордой и верной своему долгу женщины, жены?
2. Проследите за повествованием в первой части поэмы:
 - как княгиня прощается с отцом, с родным краем, «городом роковым»?
 - какова роль в повествовании первого сна: юность героини, замужество, путешествие в Италию, «ряд картин забитой, загнанной страны»?
 - как поэт передаёт напряжённость внутреннего состояния героини?
 - какова особенность второго сна и его значение в раскрытии художественного содержания поэмы: картина восстания; «подземный коридор»?
 - как психологически объяснить смысл третьего сна измученной женщины?
3. Проследите развитие событий во второй части поэмы:
 - раскройте логику поведения губернатора: от радушного приёма — к коварству и угрозам, от них — к неожиданному решению: «Я не могу, я не хочу тиранить больше вас...»;
 - какая из угроз губернатора особенно страшна, с вашей точки зрения, для молодой, богатой светской дамы?
 - какой из упрёков губернатора особенно оскорбителен для женщины, жены?
 - почему княгиня считает невозможным возвращение в свет, «в этот вырубленный лес»?

* * *

1. Почему автор не показал прибытие княгини Трубецкой в нёрчинские рудники?
2. Каков замысел поэта, в чём, по-вашему, он видел свою цель?

3. Используя цитаты из текста, составьте художественный рассказ на одну из тем: «Пускай горька моя судьба — я буду ей верна», «Нет! я не жалкая раба, я женщина, жена!», «Счастлива молодость моя прошла...», «Пред нею ряд картин забитой, загнанной страны...».

* * *

Внимательно перечитайте диалог княгини с губернатором, стараясь при этом представлять, видеть героев, их мимику, жесты, чувствовать их состояние.

Составьте мизансцену (словесно или графически) финала поэмы.

Разработайте эмоциональную партитуру диалога, подготовьте его чтение по ролям.

ЖАНРОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ: ПОЭМА-ПУТЕШЕСТВИЕ

С поэмами нескольких авторов вы познакомились в 7-м классе. Вспомните «Песню... про купца Калашникова» и «Мцыри» М. Ю. Лермонтова, «Василий Тёркин» А. Т. Твардовского. Несмотря на принадлежность к одному жанру, эти литературные произведения очень сильно отличаются друг от друга.

Самый распространённый вид поэмы — *лиро-эпический*. Это значит, что в поэме избранный автором сюжет (событийность) благодаря стихотворной речи окрашивается в лирические тона, то есть через переживания автором изображаемых или только намеченных событий, обрисованных характеров. В поэме в соответствии с замыслом сюжета отводится больше или меньше места. В «Песне... про купца Калашникова» сильнее выражено эпическое начало, поэма «Мцыри» представляет собой взволнованный монолог умирающего юноши. В ней господствует лирическая стихия. В главах поэмы А. Т. Твардовского вы наблюдали и сюжетность, и пронизанность лирикой каждого эпизода, рассказа о человеке на войне.

В процессе чтения и анализа поэмы Н. А. Некрасова мы выявили сюжетный стержень произведения — княгиня Трубецкая едет к мужу в ссылку на нерчинские рудники, встречается с губернатором, которому велено задержать её, запугав лишением прав, этапом. Но в поэме много места

занимают и воспоминания, пропитанные лирикой, и изображение чувств, мыслей, стремлений молодой женщины. Она в дороге, и, естественно, образы и картины оставленной жизни теснятся в её душе. Это *путешествие* и в *пространстве России*, и в *пространствах времени, памяти и души* героини. Читая поэму, переживая за княгиню, мы чувствовали авторскую позицию, слышали голос автора, воспевающего её подвиг. Лирически взволнованная речь поэта покоряла наше сердце и вызывала сострадание к ней.

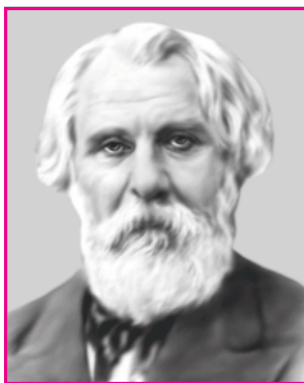
Таким образом, жанр поэмы в зависимости от замысла поэта может иметь бесконечное множество художественных решений в передаче и эпического, и лирического начала.

Иван Сергеевич ТУРГЕНЕВ

1818—1883

Тургенев был человек высоко развитый, убеждённый и никогда не покидавший почвы общечеловеческих идеалов.

М. Е. Салтыков-Щедрин

Вы, конечно, помните немого богатыря Герасима, его драматическую историю. Вряд ли вы забыли и Бежин луг, крестьянских ребят у костра в ночном, их страшные рассказы... Несомненно, у вас сложилось определённое впечатление и об авторе этих произведений: благородный, глубоко чувствующий человек, он с юности возненавидел крепостное право, всякое насилие над личностью. Идеалы юности Тургенев сохранил до конца дней своих, сознательно и постоянно утверждал их в жизни. Недаром сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин писал, что Иван Сергеевич имел полное основание сказать вслед за Пушкиным, что он пробуждал «добрые чувства», в основе которых лежит глубокая вера в торжество света, добра и нравственной красоты.

И. С. Тургенев дорог нам не только преданностью своим светлым идеалам, но и неповторимым талантом. В его произведениях верность натуре, действительности всегда соединяется с поэтичностью атмосферы, интонацией особой чистоты. Поэтому-то так прелестны его повести и рассказы о юности, о любви, о сложнейших человеческих отношениях.

В конце 50-х годов XIX века Тургенев переживал острый душевный кризис. Стараясь отвлечься от грустных мыслей и сомнений, он путешествовал по Германии. Наблюдения за жизнью тихого, чистенького городка Зинцига неожиданно вызвали у него желание «уйти в свою молодость, в любовь», в «порывы юности». Толчком к оформлению замысла и началу работы над повестью «Ася» послужило, по рассказу И. С. Тургенева, одно «зинцигское» впечатление: «Проездом остановился я в маленьком городке на Рейне. Вечером, от нечего делать, вздумал я поехать кататься на лодке. Проезжаем мы мимо небольшой развалины; рядом с развалиной домик в два этажа. Из окна нижнего этажа смотрит старуха, а из окна верхнего — высунулась голова хорошенькой девушки. Тут вдруг нашло на меня какое-то особенное настроение. Я стал думать и придумывать, кто эта девушка, какая она и зачем она в этом домике, какие её отношения к старухе, — и так тут же, в лодке, и сложилась у меня вся фабула¹ рассказа».

Читая повесть «Ася», проследите, как отразилось в ней «зинцигское впечатление», обратите внимание на описание природы и отношение к ней рассказчика, проследите логику событий, внимательно прочитайте сцену объяснения Аси и Н. Н., подумайте над поведением героев.

¹ *Фа́була* — события литературного произведения в их последовательности.

АСЯ

Мне было тогда лет двадцать пять, начал Н. Н., — дела давно минувших дней, как видите. Я только что вырвался на волю и уехал за границу, не для того, чтобы «кончить моё воспитание», как говаривалось тогда, а просто мне захотелось посмотреть на мир Божий. Я был здоров, молод, весел, деньги у меня не переводились, заботы ещё не успели завестись — я жил без оглядки, делал что хотел, процветал, одним словом. Мне тогда и в голову не приходило, что человек не растение и процветать ему долго нельзя. Молодость ест пряники золочёные, да и думает, что это-то и есть хлеб насущный; а придёт время — и хлеба напросишься. Но толковать об этом не для чего.

Я путешествовал без всякой цели, без плана; останавливался везде, где мне нравилось, и отправлялся тотчас далее, как только чувствовал желание видеть новые лица — именно лица. Меня занимали исключительно одни люди; я ненавидел любопытные памятники, замечательные собрания, один вид лонлакея¹ возбуждал во мне ощущение тоски и злобы; я чуть с ума не сошёл в дрезденском «Грюне Гевелбе»². Природа действовала на меня чрезвычайно, но я не любил так называемых её красот, необыкновенных гор, утёсов, водопадов; я не любил, чтобы она навязывалась мне, чтобы она мне мешала. Зато лица, живые, человеческие лица — речи людей, их движения, смех — вот без чего я обойтись не мог. В толпе мне было всегда особенно легко и отрадно; мне было весело идти, куда шли другие, кричать, когда другие кричали, и в то же время я любил смотреть, как эти другие кричат. Меня забавляло наблюдать людей... да я даже не наблюдал их — я их рассматривал с каким-то радостным и ненасытным любопытством. Но я опять сбиваюсь в сторону.

¹ *Лонлакэй* — лакей, нанимаемый приехавшим куда-либо путешественником.

² «Грюне Гевелбе» (от нем. «Зелёный свод») — название коллекции ювелирных изделий и драгоценных камней в Дрездене.

Итак, лет двадцать тому назад я проживал в немецком небольшом городке З., на левом берегу Рейна. Я искал уединения: я только что был поражён в сердце одной молодой вдовой, с которой познакомился на водах. Она была очень хороша собой и умна, кокетничала со всеми — и со мною, грешным, — сперва даже поощряла меня, а потом жестоко меня уязвила, пожертвовав мною одному краснощёкому баварскому лейтенанту. Признаться сказать, рана моего сердца не очень была глубока; но я почёл долгом предаться на некоторое время печали и одиночеству — чем молодость не тешится! — и поселился в З.

Городок этот мне понравился своим местоположением у подошвы двух высоких холмов, своими дряхлыми стенами и башнями, вековыми липами, крутым мостом над светлой речкой, впадавшей в Рейн, — а главное, своим хорошим вином. По его узким улицам гуляли вечером, тотчас после захождения солнца (дело было в июне), прехорошенькие белокурые немочки и, встретясь с иностранцем, произносили приятным голосом: «Guten Abend!»¹ — а некоторые из них не уходили даже и тогда, когда луна поднималась из-за острых крыш стареньких домов и мелкие каменья мостовой чётко рисовались в её неподвижных лучах. Я любил бродить тогда по городу; луна, казалось, пристально глядела на него с чистого неба; и город чувствовал этот взгляд и стоял чутко и мирно, весь облитый её светом, этим безмятежным и в то же время тихо душу волнующим светом. Петух на высокой готической колокольне блестел бледным золотом; таким же золотом переливались струйки по чёрному гляncy речки; тоненькие свечи (немец бережлив!) скромно теплились в узких окнах под грифельными кровлями; виноградные лозы таинственно высовывали свои завитые усики из-за каменных оград; что-то пробегало в тени около старинного колодца на трёхугольной площади, внезапно раздавался сонливый свисток ночного сторожа, добродушная собака ворчала вполголоса, а воздух так и ластился к лицу, и липы пахли так сладко, что грудь поневоле всё глубже и глубже дышала, и слово: «Гретхен»² — не то восклицание, не то вопрос — так и просилось на уста.

¹ Добрый вечер! (нем.)

² *Грётхен* — героиня трагедии Гёте «Фауст».

Городок З. лежит в двух верстах от Рейна. Я часто ходил смотреть на величавую реку и, не без некоторого напряжения мечтая о коварной вдове, просиживал долгие часы на каменной скамье под одиноким огромным ясенем. Маленькая статуя мадонны с почти детским лицом и красным сердцем на груди, пронзённым мечами, печально выглядывала из его ветвей. На противоположном берегу находился городок Л.¹, немного побольше того, в котором я поселился. Однажды вечером сидел я на своей любимой скамье и глядел то на реку, то на небо, то на виноградники. Передо мною белоголовые мальчишки карабкались по бокам лодки, вытащенной на берег и опрокинутой насмолённым брюхом кверху. Кораблики тихо бежали на слабо надувшихся парусах; зеленоватые волны скользили мимо, чуть-чуть вспухая и урча. Вдруг донеслись до меня звуки музыки; я прислушался. В городе Л. играли вальс; контрабас гудел отрывисто, скрипка неясно заливалась, флейта свистала бойко.

— Что это? — спросил я у подошедшего ко мне старика в плисовом жилете, синих чулках и башмаках с пряжками.

— Это, — отвечал он мне, предварительно передвинув мундштук своей трубки из одного угла губ в другой, — студенты приехали из Б. на коммерш.

«А посмотрю-ка я на этот коммерш, — подумал я, — кстати же я в Л. не бывал». Я отыскал перевозчика и отправился на другую сторону.

II

Может быть, не всякий знает, что такое коммерш. Это особенного рода торжественный пир, на который сходятся студенты одной земли или братства (Landsmannschaft). Почти все участники в коммерше носят издавна установленный костюм немецких студентов: венгерки, большие сапоги и маленькие шапочки с околышами² известных цветов. Собираются студенты обыкновенно к обеду под пред-

¹ Линц.

² *Око́лыш* — часть головного убора — плотный ободок, облегающий голову.

седательством сениора, то есть старшины, — и пируют до утра, пьют, поют песни *Landesvater*¹, *Gaudeamus*², курят, бра-нят филистеров³, иногда они нанимают оркестр.

Такой точно коммерш происходил в г. Л. перед небольшо-гой гостиницей под вывескою «Солнца», в саду, выходяв-шем на улицу. Над самой гостиницей и над садом веяли флаги; студенты сидели за столами под обстриженными липками; огромный бульдог лежал под одним из столов; в стороне, в беседке из плюща, помещались музыканты и усердно играли, то и дело подкрепляя себя пивом. На улице, перед низкой оградой сада, собралось довольно много наро-да: добрые граждане городка Л. не хотели пропустить слу-чая поглазеть на заезжих гостей.

Я тоже вмешался в толпу зрителей. Мне было весело смотреть на лица студентов; их объятия, восклицания, не-винное кокетничанье молодости, горящие взгляды, смех без причины — лучший смех на свете — всё это радостное кипение жизни юной, свежей, этот порыв вперёд — куда бы то ни было, лишь бы вперёд, — это добродушное раздолье меня трогало и поджигало. «Уж не пойти ли к ним?» — спрашивал я себя...

— Ася, довольно тебе? — вдруг произнёс за мною мужской голос по-русски.

— Подождём ещё, — отвечал другой, женский голос на том же языке.

Я быстро обернулся... Взор мой упал на красивого мо-лодого человека в фуражке и широкой куртке; он держал под руку девушку невысокого роста, в соломенной шляпе, закрывающей всю верхнюю часть её лица.

— Вы русские? — сорвалось у меня невольно с языка.

Молодой человек улыбнулся и промолвил:

— Да, русские.

— Я никак не ожидал... в таком захолустье, — начал было я.

¹ *Landesvater* — старинная немецкая песня «Отец подданных».

² *Gaudeamus* (от лат. «будем веселиться») — старинная студен-ческая песня.

³ *Филі́стер* (нем.) — обыватель, мещанин.

— И мы не ожидали, — перебил он меня, — что ж? тем лучше. Позвольте рекомендоваться: меня зовут Гагиным, а вот это моя... — он запнулся на мгновение, — моя сестра. А ваше имя позвольте узнать?

Я назвал себя, и мы разговорились. Я узнал, что Гагин, путешествуя, так же как и я, для своего удовольствия, неделю тому назад заехал в городок Л., да и застрял в нём. Правду сказать, я неохотно знакомился с русскими за границей. Я их узнавал даже издали по их походке, покрою платья, а главное, по выражению их лица. Самодовольное и презрительное, оно вдруг сменялось выражением осторожности и робости... Человек внезапно настораживался весь, глаз беспокойно бегал... «Батюшки мои! не соврал ли я, не смеются ли надо мною», — казалось, говорил этот уторопленный взгляд... Проходило мгновение — и снова восстанавливалось величие физиономии, изредка чередуясь с тупым недоумением. Да, я избегал русских, но Гагин мне понравился тотчас. Есть на свете такие счастливые лица: глядеть на них всякому любо, точно они греют вас или гладят. У Гагина было именно такое лицо, милое, ласковое, с большими мягкими глазами и мягкими курчавыми волосами. Говорил он так, что, даже не видя его лица, вы по одному звуку его голоса чувствовали, что он улыбается.

Девушка, которую он назвал своей сестрою, с первого взгляда показалась мне очень миловидной. Было что-то своё, особенное, в складе её смугловатого, круглого лица, с небольшим тонким носом, почти детскими щёчками и чёрными светлыми глазами. Она была грациозно сложена, но как будто не вполне ещё развита. Она несколько не походила на своего брата.

— Хотите вы зайти к нам? — сказал мне Гагин, — кажется, довольно мы насмотрелись на немцев. Наши бы, правда, стёкла разбили и поломали стулья, но эти уж больно скромны. Как ты думаешь, Ася, пойти нам домой?

Девушка утвердительно качнула головой.

— Мы живём за городом, — продолжал Гагин, — в виноградушке, в одиноком домишке, высоко. У нас славно, посмотрите. Хозяйка обещала приготовить нам кислого молока. Теперь же скоро стемнеет, и вам лучше будет переезжать Рейн при луне.

Мы отправились. Чрез низкие ворота города (старинная стена из булыжника окружала его со всех сторон, даже бойницы¹ не все ещё обрушились) мы вышли в поле и, пройдя шагов сто вдоль каменной ограды, остановились перед узенькой калиткой. Гагин отворил её и повёл нас в гору по крутой тропинке. С обеих сторон, на уступах, рос виноград; солнце только что село, и алый тонкий свет лежал на зелёных лозах, на высоких тычинках, на сухой земле, усеянной сплошь крупным и мелким плитняком, и на белой стене небольшого домика, с косыми чёрными перекладинами и четырьмя светлыми окошками, стоявшего на самом верху горы, по которой мы взбирались.

— Вот и наше жилище! — воскликнул Гагин, как только мы стали приближаться к домику, — а вот и хозяйка несёт молоко. Guten Abend, Madame!..² Мы сейчас примемся за еду; но прежде, — прибавил он, — оглянитесь... каков вид?

Вид был точно чудесный. Рейн лежал перед нами весь серебряный, между зелёными берегами; в одном месте он горел багряным золотом заката. Приютившийся к берегу городок показывал все свои дома и улицы; широко разбегались холмы и поля. Внизу было хорошо, но наверху ещё лучше: меня особенно поразила чистота и глубина неба, сияющая прозрачность воздуха. Свежий и лёгкий, он тихо колыхался и перекачивался волнами, словно и ему было раздольнее на высоте.

— Отличную вы выбрали квартиру, — промолвил я.

— Это Ася её нашла, — отвечал Гагин, — ну-ка, Ася, — продолжал он, — распоряжайся. Вели всё сюда подать. Мы станем ужинать на воздухе. Тут музыка слышнее. Заметили ли вы, — прибавил он, обратясь ко мне, — вблизи иной вальс никуда не годится — пошлые, грубые звуки, — а в отдаленье, чудо! так и шевелит в вас все романтические струны.

¹ Бойница — отверстие для стрельбы в оборонительном сооружении, стене.

² Добрый вечер, мадам! (нем.)

Ася (собственное имя её было Анна, но Гагин называл её Асей, и уж вы позвольте мне её так называть) — Ася отправилась в дом и скоро вернулась вместе с хозяйкой. Они вдвоём несли большой поднос с горшком молока, тарелками, ложками, сахаром, ягодами, хлебом. Мы у ourselves и принялись за ужин. Ася сняла шляпу; её чёрные волосы, остриженные и причёсанные, как у мальчика, падали крупными завитками на шею и уши. Сначала она дичилась меня; но Гагин сказал ей:

— Ася, полно ёжиться! он не кусается.

Она улыbnулась и немного спустя уже сама заговаривала со мной. Я не видал существа более подвижного. Ни одно мгновение она не сидела смирно; вставала, убегала в дом и прибегала снова, напевала вполголоса, часто смеялась, и престранным образом: казалось, она смеялась не тому, что слышала, а разным мыслям, приходившим ей в голову. Её большие глаза глядели прямо, светло, смело, но иногда веки её слегка щурились, и тогда взор её внезапно становился глубок и нежен.

Мы проболтали часа два. День давно погас, и вечер, сперва весь огнистый, потом ясный и алый, потом бледный и смутный, тихо таял и переливался в ночь, а беседа наша всё продолжалась, мирная и кроткая, как воздух, окружавший нас. Гагин велел принести бутылку рейнвейна¹; мы её распили не спеша. Музыка по-прежнему долетала до нас, звуки её казались слаще и нежнее; огни зажглись в городе и над рекою. Ася вдруг опустила голову, так что кудри ей на глаза упали, замолкла и вздохнула, а потом сказала нам, что хочет спать, и ушла в дом; я, однако, видел, как она, не зажигая свечи, долго стояла за нераскрытым окном. Наконец луна встала и заиграла по Рейну; всё осветилось, потемнело, изменилось, даже вино в наших гранёных стаканах заблестело таинственным блеском. Ветер упал, точно крылья сложил, и замер; ночным, душистым теплом повеяло от земли.

— Пора! — воскликнул я, — а то, пожалуй, перевозчика не сыщешь.

¹ *Рейнвёйн* — сорт виноградного вина.

— Пора, — повторил Гагин.

Мы пошли вниз по тропинке. Камни вдруг посыпались за нами: это Ася нас догоняла.

— Ты разве не спишь? — спросил её брат, но она, не ответив ему ни слова, пробежала мимо.

Последние умиравшие плошки¹, зажжённые студентами в саду гостиницы, освещали снизу листья деревьев, что придавало им праздничный и фантастический вид. Мы нашли Асю у берега: она разговаривала с перевозчиком. Я прыгнул в лодку и простился с новыми моими друзьями. Гагин обещал навестить меня на следующий день; я пожал его руку и протянул свою Асе; но она только посмотрела на меня и покачала головой. Лодка отчалила и понеслась по быстрой реке. Перевозчик, бодрый старик, с напряжением погружал вёсла в тёмную воду.

— Вы в лунный столб въехали, вы его разбили, — закричала мне Ася.

Я опустил глаза; вокруг лодки, чернея, колыхались волны.

— Прощайте! — раздался опять её голос.

— До завтра, — проговорил за нею Гагин.

Лодка причалила. Я вышел и оглянулся. Никого уж не было видно на противоположном берегу. Лунный столб опять тянулся золотым мостом через всю реку.

Словно на прощание примчались звуки старинного ланеровского² вальса. Гагин был прав: я почувствовал, что все струны сердца моего задрожали в ответ на те заискивающие напевы. Я отправился домой через потемневшие поля, медленно вдыхая пахучий воздух, и пришёл в свою комнатку весь разнеженный сладостным томлением беспредметных и бесконечных ожиданий. Я чувствовал себя счастливым... Но отчего я был счастлив? Я ничего не желал, я ни о чём не думал... Я был счастлив.

Чуть не смеясь от избытка приятных и игривых чувств, я нырнул в постель и уже закрыл было глаза, как вдруг

¹ *Плóшка* — широкая чашка с фитилём, употребляемая для освещения.

² *Лáннер* И. (1801—1843) — венский композитор.

мне пришло на ум, что в течение вечера я ни разу не вспомнил о моей жестокой красавице... «Что же это значит? — спросил я самого себя. — Разве я не влюблён?» Но, задав себе этот вопрос, я, кажется, немедленно заснул, как дитя в колыбели.

III

На другое утро (я уже проснулся, но ещё не вставал) стук палки раздался у меня под окном, и голос, который я тотчас признал за голос Гагина, запел:

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу...

Я поспешил ему отворить дверь.

— Здравствуйте, — сказал Гагин, входя, — я вас раненько потревожил, но посмотрите, какое утро. Свежесть, роса, жаворонки поют...

С своими курчавыми блестящими волосами, открытой шеей и розовыми щеками он сам был свеж, как утро.

Я оделся; мы вышли в садик, сели на лавочку, велели подать себе кофе и принялись беседовать. Гагин сообщил мне свои планы на будущее: владея порядочным состоянием и ни от кого не завися, он хотел посвятить себя живописи и только сожалел о том, что поздно хватился за ум и много времени потратил по-пустому; я также упомянул о моих предположениях, да, кстати, поверил ему тайну моей несчастной любви. Он выслушал меня с снисхождением, но, сколько я мог заметить, сильного сочувствия к моей страсти я в нём не возбудил. Вдохнувши вслед за мной раза два из вежливости, Гагин предложил мне пойти к нему посмотреть его этюды. Я тотчас согласился.

Мы не застали Асю. Она, по словам хозяйки, отправилась на «развалину». Верстах в двух от города Л. находились остатки феодального замка. Гагин раскрыл мне все свои картон¹. В его этюдах было много жизни и правды, что-то свободное и широкое; но ни один из них не был

¹ *Картон* — первоначальный набросок картины, этюд.

окончен, и рисунок показался мне небрежен и неверен. Я откровенно высказал ему моё мнение.

— Да, да, — подхватил он со вздохом, — вы правы; всё это очень плохо и незрело, что делать! Не учился я как следует, да и проклятая славянская распущенность берёт своё. Пока мечтаешь о работе, так и паришь орлом: землю, кажется, сдвинул бы с места — а в исполнении тотчас слабеешь и устаёшь.

Я начал было ободрять его, но он махнул рукой и, сбравши картонные в охапку, бросил их на диван.

— Коли хватит терпенья, из меня выйдет что-нибудь, — промолвил он сквозь зубы, — не хватит, останусь недорослем из дворян. Пойдёмте-ка лучше Асю отыскивать.

Мы пошли.

IV

Дорога к развалине вилась по скату узкой лесистой долины; на дне её бежал ручей и шумно прядал через камни, как бы торопясь слиться с великой рекой, спокойно сиявшей за тёмной гранью круто рассечённых горных гребней. Гагин обратил моё внимание на некоторые счастливо освещённые места; в словах его слышался если не живописец, то уж наверное художник. Скоро показалась развалина. На самой вершине голой скалы возвышалась четырёхугольная башня, вся чёрная, ещё крепкая, но словно разрубленная продольной трещиной. Мшистые стены примыкали к башне; кой-где лепился плющ; искривлённые деревца свешивались с седых бойниц и рухнувших сводов. Каменистая тропинка вела к уцелевшим воротам. Мы уже подходили к ним, как вдруг впереди нас мелькнула женская фигура, быстро перебежала по груде обломков и поместилась на уступе стены, прямо над пропастью.

— А ведь это Ася! — воскликнул Гагин, — экая сумасшедшая!

Мы вошли в ворота и очутились на небольшом дворике, до половины заросшем дикими яблонями и крапивой. На уступе сидела, точно, Ася. Она повернулась к нам лицом и засмеялась, но не тронулась с места. Гагин погрозил ей пальцем, а я громко упрекнул её в неосторожности.

— Полноте, — сказал мне шёпотом Гагин, — не дразните её; вы её не знаете: она, пожалуй, ещё на башню взберётся. А вот вы лучше подивитесь смыслёности здешних жителей.

Я оглянулся. В уголке, приютившись в крошечном деревянном балаганчике¹, старушка вязала чулок и косилась на нас чрез очки. Она продавала туристам пиво, пряники и зельтерскую воду². Мы уместились на лавочке и принялись пить из тяжёлых оловянных кружек довольно холодное пиво. Ася продолжала сидеть неподвижно, подобрав под себя ноги и закутав голову кисейным шарфом; стройный облик её отчётливо и красиво рисовался на ясном небе; но я с неприязненным чувством посматривал на неё. Уже накануне заметил я в ней что-то напряжённое, не совсем естественное... «Она хочет удивить нас, — думал я, — к чему это? Что за детская выходка?» Словно угадавши мои мысли, она вдруг бросила на меня быстрый и пронзи-

¹ Балага́нчик — здесь: торговое место.

² Зельте́рская (сельте́рская) вода — минеральная вода (источник Selters в Германии).

тельный взгляд, засмеялась опять, в два прыжка соскочила со стены и, подойдя к старушке, попросила у неё стакан воды.

— Ты думаешь, я хочу пить? — промолвила она, обратившись к брату, — нет; тут есть цветы на стенах, которые непременно полить надо.

Гагин ничего не отвечал ей; а она с стаканом в руке пустилась карабкаться по развалинам, изредка останавливаясь, наклоняясь и с забавной важностью роняя несколько капель воды, ярко блестящих на солнце. Её движения были очень милы, но мне по-прежнему было досадно на неё, хотя я невольно любовался её лёгкостью и ловкостью. На одном опасном месте она нарочно вскрикнула и потом захохотала... Мне стало ещё досаднее.

— Да она как коза лазит, — пробормотала себе под нос старушка, оторвавшись на мгновение от своего чулка.

Наконец Ася опорожнила весь свой стакан и, шаловливо покачиваясь, возвратилась к нам. Странная усмешка слегка подёргивала её брови, ноздри и губы; полудерзко, полувесело щурились тёмные глаза.

«Вы находите моё поведение неприличным, — казалось, говорило её лицо, — всё равно: я знаю, вы мной любуетесь».

— Искусно, Ася, искусно, — промолвил Гагин вполголоса. Она вдруг как будто застыдилась, опустила свои длинные ресницы и скромно подсела к нам, как виноватая. Я тут в первый раз хорошенько рассмотрел её лицо, самое изменчивое лицо, какое я только видел. Несколько мгновений спустя оно уж все побледнело и приняло сосредоточенное, почти печальное выражение; самые черты её мне показались больше, строже, проще. Она вся затихла. Мы обошли развалину кругом (Ася шла за нами следом) и полюбовались видами. Между тем час обеда приближался. Расплачиваясь со старушкой, Гагин спросил ещё кружку пива и, обернувшись ко мне, воскликнул с лукавой ужимкой:

— За здоровье дамы вашего сердца!

— А разве у него, — разве у вас есть такая дама? — спросила вдруг Ася.

— Да у кого же её нет? — возразил Гагин.

Ася задумалась на мгновение; её лицо опять изменилось, опять появилась на нём вызывающая, почти дерзкая усмешка.

На возвратном пути она пуще хохотала и шалила. Она сломала длинную ветку, положила её к себе на плечо, как ружьё, повязала себе голову шарфом. Помнится, нам встретилась многочисленная семья белокурых и чопорных¹ англичан; все они, словно по команде, с холодным изумлением проводили Асю своими стеклянными глазами, а она, как бы им назло, громко запела. Воротясь домой, она тотчас ушла к себе в комнату и появилась только к самому обеду, одетая в лучшее своё платье, тщательно причёсанная, перетянутая² и в перчатках. За столом она держалась очень чинно, почти чопорно, едва отведывала кушанья и пила воду из рюмки. Ей явно хотелось разыграть передо мною новую роль — роль приличной и благовоспитанной барышни. Гагин не мешал ей: заметно было, что он привык потакать ей во всём. Он только по временам добродушно взглядывал на меня и слегка пожимал плечом, как бы желая сказать: «Она ребёнок; будьте снисходительны». Как только кончился обед, Ася встала, сделала нам книксен³ и, надевая шляпу, спросила Гагина: можно ли ей пойти к фрау Луизе?

— Давно ли ты стала спрашиваться? — отвечал он с своей неизменной, на этот раз несколько смущённой улыбкой, — разве тебе скучно с нами?

— Нет, но я вчера ещё обещала фрау Луизе побывать у ней; притом же я думала, вам будет лучше вдвоём: господин Н. (она указала на меня) что-нибудь ещё тебе расскажет.

Она ушла.

— Фрау Луизе, — начал Гагин, стараясь избегать моего взора, — вдова бывшего здешнего бургомистра, добрая, впрочем пустая старушка. Она очень полюбила Асю. У Аси страсть знакомиться с людьми круга низшего; я заметил: причиною этому всегда бывает гордость. Она у меня по-

¹ *Чопорный* — чрезмерно строгий в поведении, соблюдении приличий.

² *Перетянутая* — в корсете.

³ *Книксен* (нем.) — поклон с приседанием.

рядком избалована, как видите, — прибавил он, помолчав немного, — да что прикажете делать? Взыскивать я ни с кого не умею, а с неё и подавно. Я *обязан* быть снисходительным с нею.

Я промолчал. Гагин переменил разговор. Чем больше я узнавал его, тем сильнее я к нему привязывался. Я скоро его понял. Это была прямо русская душа, правдивая, честная, простая, но, к сожалению, немного вялая, без цепкости и внутреннего жара. Молодость не кипела в нём ключом; она светилась тихим светом. Он был очень мил и умён, но я не мог себе представить, что с ним станется, как только он возмужает. Быть художником... Без горького, постоянного труда не бывает художников... а трудиться, думал я, глядя на его мягкие черты, слушая его неспешную речь, — нет! трудиться ты не будешь, сжаться ты не сумеешь. Но не полюбить его не было возможности: сердце так и влеклось к нему. Часа четыре провели мы вдвоём, то сидя на диване, то медленно расхаживая перед домом; и в эти четыре часа сошлись окончательно.

Солнце село, и мне уже пора было идти домой. Ася всё ещё не возвращалась.

— Экая она у меня вольница! — промолвил Гагин. — Хотите, я пойду провожать вас? Мы по пути завернём к фрау Луизе; я спрошу, там ли она? Крюк невелик.

Мы спустились в город и, свернувши в узкий, кривой переулочек, остановились перед домом в два окна шириною и вышиною в четыре этажа. Второй этаж выступал на улицу больше первого, третий и четвёртый ещё больше второго: весь дом с своей ветхой резьбой, двумя толстыми столбами внизу, острой черепичной кровлей и протянутым в виде клюва воротом на чердаке казался огромной, сгорбленной птицей.

— Ася! — крикнул Гагин, — ты здесь?

Освещённое окошко в третьем этаже стукнуло и отворилось, и мы увидели тёмную головку Аси. Из-за неё выглядывало беззубое и подслеповатое лицо старой немки.

— Я здесь, — проговорила Ася, кокетливо опершись локтями на оконницу, — мне здесь хорошо. На тебе, возьми, — прибавила она, бросая Гагину ветку гераниума, — вообрази, что я дама твоего сердца.

Фрау Луизе засмеялась.

— Н. уходит, — возразил Гагин, — он хочет с тобой проститься.

— Будто? — промолвила Ася, — в таком случае дай ему мою ветку, а я сейчас вернусь.

Она захлопнула окно и, кажется, поцеловала фрау Луизе. Гагин протянул мне молча ветку. Я молча положил её в карман, дошёл до переезда и перебрался на другую сторону.

Помнится, я шёл домой, ни о чём не размышляя, но с странной тяжестью на сердце, как вдруг меня поразили сильный, знакомый, но в Германии редкий запах. Я остановился и увидел возле дороги небольшую грядку конопли. Её степной запах мгновенно напомнил мне родину и возбудил в душе страстную тоску по ней. Мне захотелось дышать русским воздухом, ходить по русской земле. «Что я здесь делаю, зачем таскаюсь я в чужой стороне, между чужими?» — воскликнул я, и мертвенная тяжесть, которую я ощущал на сердце, разрешилась внезапно в горькое и жгучее волнение. Я пришёл домой совсем в другом настроении духа, чем накануне. Я чувствовал себя почти рассерженным и долго не мог успокоиться. Непонятная мне самому досада меня разбирала. Наконец я сел и, вспомнив о своей коварной вдове (официальным воспоминанием об этой даме заключался каждый мой день), достал одну из её записок. Но я даже не раскрыл её; мысли мои тотчас приняли иное направление. Я начал думать... думать об Асе. Мне пришло в голову, что Гагин в течение разговора намекнул мне на какие-то затруднения, препятствующие его возвращению в Россию... «Полно, сестра ли она его?» — произнёс я громко.

Я разделся, лёг и старался заснуть; но час спустя я опять сидел в постели, облокотившись локтем на подушку, и снова думал об этой «капризной девочке с натянутым смехом...». «Она сложена, как маленькая рафаэлевская Галатея в Фарнезине¹, — шептал я, — да; и она ему не сестра...»

А записка вдовы преспокойно лежала на полу, белея в лучах луны.

¹ Фреска Рафаэля (1483—1520) «Триумф Галатеи» в вилле Фарнезина в Риме.

V

На следующее утро я опять пошёл в Л. Я уверял себя, что мне хочется повидаться с Гагиным, но тайне меня тянуло посмотреть, что станет делать Ася, так же ли она будет «чудить», как накануне. Я застал обоих в гостиной, и, странное дело! — оттого ли, что я ночью и утром много размышлял о России, — Ася показалась мне совершенно русской девушкой, да, простою девушкой, чуть не горничной. На ней было старенькое платьице, волосы она зачесала за уши и сидела, не шевелясь, у окна да шила в пальцах, скромно, тихо, точно она век свой ничем другим не занималась. Она почти ничего не говорила, спокойно посматривала на свою работу, и черты её приняли такое незначительное, будничное выражение, что мне невольно вспомнились наши доморощенные Кати и Маши. Для довершения сходства она принялась напевать вполголоса «Матушку, голубушку»¹. Я глядел на её желтоватое, угасшее личико, вспоминал о вчерашних мечтаниях, и жаль мне было чего-то. Погода была чудесная. Гагин объявил нам, что пойдёт сегодня рисовать этюд с натуры; я спросил его, позволит ли он мне провожать его, не помешаю ли я ему?

— Напротив, — возразил он, — вы мне можете хороший совет дать.

Он надел круглую шляпу а la Van Dyck², блузу, взял картон под мышку и отправился; я поплёлся вслед за ним. Ася осталась дома. Гагин, уходя, просил её позаботиться о том, чтобы суп был не слишком жидок: Ася обещалась побывать на кухне. Гагин добрался до знакомой уже мне долины, присел на камень и начал срисовывать старый дуплистый дуб с раскидистыми сучьями. Я лёг на траву и достал книжку; но я и двух страниц не прочёл, а он только бумагу измарал; мы всё больше рассуждали и, сколько я могу судить, довольно умно и тонко рассуждали о том, как именно должно работать, чего следует избегать, чего при-

¹ Песня А. Гурилёва на слова Ниркомского; Тургенев воспринимал её как народную.

² В стиле Ван Дейка, фламандского живописца (1599—1641).

держиваться и какое, собственно, значение художника в наш век. Гагин, наконец, решил, что он «сегодня не в ударе», лёг рядом со мною, и уж тут свободно потекли молодые наши речи, то горячие, то задумчивые, то восторженные, но почти всегда неясные речи, в которых так охотно разливается русский человек. Наболтавшись досыта и наполнившись чувством удовлетворения, словно мы что-то сделали, успели в чем-то, вернулись мы домой. Я нашёл Асю точно такую же, какою я её оставил; как я ни старался наблюдать за нею — ни тени кокетства, ни признака намеренно принятой роли я в ней не заметил; на этот раз не было возможности упрекнуть её в неестественности.

— А-га? — говорил Гагин, — пост и покаяние на себя наложила.

К вечеру она несколько раз непритворно зевнула и рано ушла к себе. Я сам скоро простился с Гагиным и, возвратившись домой, не мечтал уже ни о чём: этот день прошёл в трезвых ощущениях. Помнится, однако, ложась спать, я невольно промолвил вслух:

— Что за хамелеон эта девушка! — и, подумав немного, прибавил: — А всё-таки она ему не сестра.

VI

Прошли целые две недели. Я каждый день посещал Гагиных. Ася словно избегала меня, но уже не позволяла себе ни одной из тех шалостей, которые так удивили меня в первые два дня нашего знакомства. Она казалась втайне огорчённой или смущённой; она и смеялась меньше. Я с любопытством наблюдал за ней.

Она довольно хорошо говорила по-французски и по-немецки; но по всему было заметно, что она с детства не была в женских руках и воспитание получила странное, необычное, не имевшее ничего общего с воспитанием самого Гагина. От него, несмотря на его шляпу *a la Van Dusk* и блузу, так и веяло мягким, полуизнеженным, великорусским дворянином, а она не походила на барышню; во всех её движениях было что-то беспокойное: этот дичок недавно был привит, это вино ещё бродило. По природе стыдливая и робкая, она досадовала на свою застенчивость и с досады

насильственно старалась быть развязной и смелой, что ей не всегда удавалось. Я несколько раз заговаривал с ней об её жизни в России, об её прошедшем: она неохотно отвечала на мои расспросы; я узнал, однако, что до отъезда за границу она долго жила в деревне. Я застал её раз за книгой, одну. Опершись головой на обе руки и запустив пальцы глубоко в волосы, она пожирала глазами строки.

— Браво! — сказал я, подойдя к ней, — как вы прилежны! Она приподняла голову, важно и строго посмотрела на меня.

— Вы думаете, я только смеяться умею, — промолвила она и хотела удалиться...

Я взглянул на заглавие книги: это был какой-то французский роман.

— Однако я ваш выбор похвалить не могу, — заметил я.

— Что же читать! — воскликнула она и, бросив книгу на стол, прибавила: — Так лучше пойду дурачиться, — и побежала в сад.

В тот же день, вечером, я читал Гагину «Германа и Доротею»¹. Ася сперва всё только шныряла мимо нас, потом вдруг остановилась, прикинула ухом, тихонько подсела ко мне и прослушала чтение до конца. На следующий день я опять не узнал её, пока не догадался, что ей вдруг вошло в голову: быть домовитой и степенной, как Доротея. Словом, она являлась мне полузагадочным существом. Самолубивая до крайности, она привлекала меня, даже когда я сердился на неё. В одном только я более и более убеждался, а именно в том, что она не сестра Гагина. Он обходился с нею не по-братски: слишком ласково, слишком снисходительно и в то же время несколько принуждённо.

Странный случай, по-видимому, подтвердил мои подозрения.

Однажды вечером, подходя к винограднику, где жили Гагины, я нашёл калитку запертой. Недолго думавши, добрался я до одного обрушенного места в ограде, уже

¹ Поэма Гёте, проникнутая симпатией к трудовой жизни простых людей, уважением к их мужеству и доблести.

прежде замеченного мною, и перескочил через неё. Недалеко от этого места, в стороне от дорожки, находилась небольшая беседка из акаций; я поравнялся с нею и уже прошёл было мимо... Вдруг меня поразил голос Аси, с жаром и сквозь слёзы произносивший следующие слова:

— Нет, я никого не хочу любить, кроме тебя, нет, нет, одного тебя я хочу любить — и навсегда.

— Полно, Ася, успокойся, — говорил Гагин, — ты знаешь, я тебе верю.

Голоса их раздавались в беседке. Я увидел их обоих сквозь негустой переплёт ветвей. Они меня не заметили.

— Тебя, тебя одного, — повторила она, бросилась ему на шею и с судорожными рыданиями начала целовать его и прижиматься к его груди.

— Полно, полно, — твердил он, слегка проводя руками по её волосам.

Несколько мгновений остался я неподвижным... Вдруг я встрепенулся. «Подойти к ним?.. Ни за что!» — сверкнуло у меня в голове. Быстрыми шагами вернулся я к ограде, перескочил через неё на дорогу и чуть не бегом пустился домой. Я улыбался, потирал руки, удивлялся случаю, внезапно подтвердившему мои догадки (я ни на одно мгновение не усомнился в их справедливости), а между тем на сердце у меня было очень горько. «Однако, — думал я, — умеют же они притворяться! Но к чему? Что за охота меня морочить? Не ожидал я этого от него... И что за чувствительное объяснение?»

VII

Я спал дурно и на другое утро встал рано, привязал походную котомочку за спину и, объявив своей хозяйке, чтобы она не ждала меня к ночи, отправился пешком в горы, вверх по течению реки, на которой лежит городок З. Эти горы, отрасли хребта, называемого Собачьей спиной (Hundsruck), очень любопытные в геологическом отношении; в особенности замечательны они правильностью и чистотой базальтовых слоёв; но мне было не до геологических наблюдений. Я не отдавал себе отчёта в том, что во мне происходило; одно чувство было мне ясно: нежелание

видеться с Гагиными. Я уверял себя, что единственной причиной моего внезапного нерасположения к ним была досада на их лукавство. Кто их принуждал выдавать себя за родственников? Впрочем, я старался о них не думать; бродил не спеша по горам и долинам, засиживался в деревенских харчевнях, мирно беседуя с хозяевами и гостями, или ложился на плоский согретый камень и смотрел, как плыли облака, благо погода стояла удивительная. В таких занятиях я провёл три дня, и не без удовольствия, — хотя на сердце у меня щемило по временам. Настроение моих мыслей приходилось как раз под стать спокойной природе того края.

Я отдал себя всего тихой игре случайности, набегавшим впечатлениям: неторопливо сменяясь, протекали они по душе и оставили в ней, наконец, одно общее чувство, в котором слилось всё, что я видел, ощутил, слышал в эти три дня, — всё: тонкий запах смолы по лесам, крик и стук дятлов, немолчная болтовня светлых ручейков с пёстрыми форелями на песчаном дне, не слишком смелые очертания гор, хмурые скалы, чистенькие деревеньки с почтенными старыми церквями и деревьями, аисты в лугах, уютные мельницы с проворно вертящимися колёсами, радушные лица поселян, их синие камзолы и серые чулки, скрипучие, медлительные возы, запряжённые жирными лошадьми, а иногда коровами, молодые длинноволосые странники по чистым дорогам, обсаженным яблонями и грушами...

Даже и теперь мне приятно вспоминать мои тогдашние впечатления. Привет тебе, скромный уголок германской земли, с твоим незатейливым довольством, с повсеместными следами прилежных рук, терпеливой, хотя неспешной работы... Привет тебе и мир!

Я пришёл домой к самому концу третьего дня. Я забыл сказать, что с досады на Гагиных я попытался воскресить в себе образ жестокосердой вдовы; но мои усилия остались тщетны. Помнится, когда я принялся мечтать о ней, я увидел перед собою крестьянскую девочку лет пяти, с круглым любопытным личиком, с невинно выпученными глазёнками. Она так детски-простодушно смотрела на меня... Мне стало стыдно её чистого взора, я не хотел лгать в её присут-

ствии и тотчас же окончательно и навсегда раскланялся с моим прежним предметом.

Дома я нашёл записку от Гагина. Он удивлялся неожиданности моего решения, пенял мне, зачем я не взял его с собою, и просил прийти к ним, как только я вернусь. Я с неудовольствием прочёл эту записку, но на другой же день отправился в Л.

VIII

Гагин встретил меня по-приятельски, осыпал меня ласковыми упрёками; но Ася, точно нарочно, как только увидела меня, расхохоталась без всякого повода и, по своей привычке, тотчас убежала. Гагин смутился, пробормотал ей вслед, что она сумасшедшая, попросил меня извинить её. Признаюсь, мне стало очень досадно на Асю; уж и без того мне было не по себе, а тут опять этот неестественный смех, эти странные ужимки. Я, однако, показал вид, будто ничего не заметил, и сообщил Гагину подробности моего небольшого путешествия. Он рассказал мне, что делал в моё отсутствие. Но речи наши не клеились; Ася входила в комнатку и убегала снова; я объявил наконец, что у меня есть спешная работа и что мне пора вернуться домой. Гагин сперва меня удерживал, потом, посмотрев на меня пристально, выждался провожать меня. В передней Ася вдруг подошла ко мне и протянула мне руку; я слегка пожал её пальцы и едва поклонился ей. Мы вместе с Гагиным переправились через Рейн и, проходя мимо любимого моего ясеня с статуей-кой мадонны, присели на скамью, чтобы полюбоваться видом. Замечательный разговор произошёл тут между нами.

Сперва мы перекинулись немногими словами, потом замолкли, глядя на светлую реку.

— Скажите, — начал вдруг Гагин с своей обычной улыбкой, — какого вы мнения об Асе? Не правда ли, она должна казаться вам немного странной?

— Да, — ответил я не без некоторого недоумения. Я не ожидал, что он заговорит о ней.

— Её надо хорошенько узнать, чтобы о ней судить, — промолвил он, — у ней сердце очень доброе, но голова бедовая. Трудно с нею ладить. Впрочем, её нельзя винить, и если б вы знали её историю...

— Её историю?.. — перебил я, — разве она не ваша... Гагин взглянул на меня.

— Уж не думаете ли вы, что она не сестра мне?.. Нет, — продолжал он, не обращая внимания на моё замешательство, — она точно мне сестра, она дочь моего отца. Выслушайте меня. Я чувствую к вам доверие и расскажу вам всё.

Отец мой был человек весьма добрый, умный, образованный — и несчастливый. Судьба обошлась с ним не хуже, чем со многими другими; но он и первого удара её не вынес. Он женился рано, по любви; жена его, моя мать, умерла очень скоро; я остался после неё шести месяцев. Отец увёз меня в деревню и целые двенадцать лет не выезжал никуда. Он сам занимался моим воспитанием и никогда бы со мной не расстался, если б брат его, мой родной дядя, не заехал к нам в деревню. Дядя этот жил постоянно в Петербурге и занимал довольно важное место. Он уговорил отца отдать меня к нему на руки, так как отец ни за что не соглашался покинуть деревню. Дядя представил ему, что мальчику моих лет вредно жить в совершенном уединении, что с таким вечно унылым и молчаливым наставником, каков был мой отец, я непременно отстану от моих сверстников, да и самый нрав мой легко может испортиться. Отец долго противился увещаниям своего брата, однако уступил наконец. Я плакал, расставаясь с отцом; я любил его, хотя никогда не видал улыбки на лице его... но, попавши в Петербург, скоро позабыл наше тёмное и невесёлое гнездо. Я поступил в юнкерскую школу, а из школы перешёл в гвардейский полк. Каждый год приезжал я в деревню на несколько недель и с каждым годом находил отца моего всё более и более грустным, в себя углублённым, задумчивым до робости. Он каждый день ходил в церковь и почти разучился говорить. В одно из моих посещений (мне уже было лет двадцать с лишком) я в первый раз увидал у нас в доме худенькую черноглазую девочку лет десяти — Асю. Отец сказал, что она сирота и взята им на прокормление — он именно так выразился. Я не обратил особенного внимания на неё; она была дика, проворна и молчалива, как зверёк, и как только я входил в любимую комнату моего отца, огромную и мрачную ком-

нату, где скончалась моя мать и где даже днём зажигались свечи, она тотчас пряталась за вольтеровское кресло¹ его или за шкаф с книгами. Случилось так, что в последовавшие за тем три, четыре года обязанности службы помешали мне побывать в деревне. Я получал от отца ежемесячно по короткому письму; об Асе он упоминал редко, и то вскользь. Ему было уже за пятьдесят лет, но он казался ещё молодым человеком. Представьте мой ужас: вдруг я, ничего не подозревавший, получаю от приказчика письмо, в котором он извещает меня о смертельной болезни моего отца и умоляет приехать как можно скорее, если хочу проститься с ним. Я поскакал сломя голову и застал отца в живых, но уже при последнем издыхании. Он обрадовался мне чрезвычайно, обнял меня своими исхудалыми руками, долго поглядел мне в глаза каким-то не то испытующим, не то умоляющим взором и, взяв с меня слово, что я исполню его последнюю просьбу, велел своему старому камердинеру привести Асю. Старик привел её: она едва держалась на ногах и дрожала всем телом.

— Вот, — сказал мне с усилием отец, — завещаю тебе мою дочь — твою сестру. Ты всё узнаешь от Якова, — прибавил он, указав на камердинера.

Ася зарыдала и упала лицом на кровать... Полчаса спустя мой отец скончался.

Вот что я узнал. Ася была дочь моего отца и бывшей горничной моей матери, Татьяны. Живо помню я эту Татьяну, помню высокую стройную фигуру, её благообразное, строгое, умное лицо с большими тёмными глазами. Она слыла девушкой гордой и неприступной.

Сколько я мог понять из почтительных недомолвок Якова, отец мой сошёлся с нею несколько лет спустя после смерти матушки. Татьяна уже не жила тогда в господском доме, а в избе у замужней сестры своей, скотницы. Отец мой сильно к ней привязался и после моего отъезда из деревни хотел даже жениться на ней, но она сама не согласилась быть его женой, несмотря на его просьбы.

¹ *Вольте́ровское кресло* — глубокое кресло с высокой спинкой (по имени французского писателя Вольтера).

— Покойница Татьяна Васильевна, — так докладывал мне Яков, стоя у двери с закинутыми назад руками, — во всём были рассудительны и не захотели батюшку вашего обидеть. Что, мол, я вам за жена? какая я барыня? Так они говорить изволили, при мне говорили-с.

Татьяна даже не хотела переселиться к нам в дом и продолжала жить у своей сестры, вместе с Асей. В детстве я видывал Татьяну только по праздникам, в церкви. Поязванная тёмным платком, с жёлтой шалью на плечах, она становилась в толпе, возле окна, — её строгий профиль чётко вырезывался на прозрачном стекле, — и смиренно и важно молилась, кланяясь низко, по-старинному. Когда дядя увёз меня, Асе было всего два года, а на девятом году она лишилась матери.

Как только Татьяна умерла, отец взял Асю к себе в дом. Он и прежде изъявлял желание иметь её при себе, но Татьяна ему и в этом отказала. Представьте же себе, что должно было произойти в Асе, когда её взяли к барину. Она до сих пор не может забыть ту минуту, когда ей в первый раз надели шёлковое платье и поцеловали у ней ручку. Мать, пока была жива, держала её очень строго; у отца она пользовалась совершенной свободой. Он был её учителем; кроме его, она никого не видала. Он не баловал её, то есть не нянчился с нею; но он любил её страстно и никогда ничего ей не запрещал: он в душе считал себя перед ней виноватым. Ася скоро поняла, что она главное лицо в доме, она знала, что барин её отец; но она также скоро поняла и своё ложное положение; самолюбие развилось в ней сильно, недоверчивость тоже; дурные привычки укоренились, простота исчезла. Она хотела (она сама мне раз призналась в этом) *заставить целый мир* забыть её происхождение; она и стыдилась своей матери, и стыдилась своего стыда, и гордилась ею. Вы видите, что она многое знала и знает, чего не должно бы знать в её годы... Но разве она виновата? Молодые силы разыгрывались в ней, кровь кипела, а вблизи ни одной руки, которая бы её направила. Полная независимость во всём! да разве легко её вынести? Она хотела быть не хуже других барышень; она бросилась на книги. Что тут могло выйти путного? Непра-

вильно начатая жизнь слагалась неправильно, но сердце в ней не испортилось, ум уцелел.

И вот я, двадцатилетний малый, очутился с тринадцатилетней девочкой на руках! В первые дни после смерти отца, при одном звуке моего голоса, её била лихорадка, ласки мои повергали её в тоску, и только понемногу, исподволь, привыкла она ко мне. Правда, потом, когда она убедилась, что я точно признаю её за сестру и полюбил её, как сестру, она страстно ко мне привязалась: у ней ни одно чувство не бывает вполовину.

Я привёз её в Петербург. Как мне ни больно было с ней расстаться, — жить с ней вместе я никак не мог; я поместил её в один из лучших пансион¹. Ася поняла необходимость нашей разлуки, но начала с того, что заболела и чуть не умерла. Потом она обтерпелась и выжила в пансионе четыре года; но, против моих ожиданий, осталась почти такою же, какою была прежде. Начальница пансиона часто жаловалась мне на неё. «И наказать её нельзя, — говаривала она мне, — и на ласку она не поддаётся». Ася была чрезвычайно понятлива, училась прекрасно, лучше всех; но никак не хотела подойти под общий уровень, упрямилась, глядела букой... Я не мог слишком винить её: в её положении ей надо было либо прислуживаться, либо дичиться. Из всех своих подруг она сошлась только с одной, некрасивой, загнанной и бедной девушкой. Остальные барышни, с которыми она воспитывалась, большею частью из хороших фамилий, не любили её, язвили² её и кололи, как только могли; Ася им на волос не уступала. Однажды на уроке из закона Божия преподаватель заговорил о пороках. «Лесть и трусость — самые дурные пороки», — громко промолвила Ася. Словом, она продолжала идти своей дорогой; только манеры её стали лучше, хотя и в этом отношении она, кажется, не много успела.

Наконец ей минуло семнадцать лет; оставаться ей далее в пансионе было невозможно. Я находился в довольно

¹ *Панси́он* — закрытое учебное заведение с постоянным проживанием.

² *Язвѣть* — причинять боль, неприятность.

большом затруднении. Вдруг мне пришла благая мысль: выйти в отставку, поехать за границу на год или на два и взять Асю с собою. Задумано — сделано; и вот мы с ней на берегах Рейна, где я стараюсь заниматься живописью, она... шалит и чудит по-прежнему. Но теперь я надеюсь, что вы не станете судить её слишком строго; а она хоть и притворяется, что ей всё нипочём, — мнением каждого дорожит, вашим же в особенности.

И Гагин опять улыбнулся своей тихой улыбкой. Я крепко стиснул ему руку.

— Всё так, — заговорил опять Гагин, — но с нею мне беда. Порох она настоящий. До сих пор ей никто не нравился, но беда, если она кого полюбит! Я иногда не знаю, как с ней быть. На днях она что вздумала: начала вдруг уверять меня, что я к ней стал холоднее прежнего и что она одного меня любит и век будет меня одного любить... И при этом так расплакалась...

— Так вот что... — промолвил было я и прикусил язык.

— А скажите-ка мне, — спросил я Гагина: дело между нами пошло на откровенность, — неужели в самом деле ей до сих пор никто не нравился? В Петербурге видала же она молодых людей?

— Они-то ей и не нравились вовсе. Нет, Асе нужен герой, необыкновенный человек — или живописный пастух в горном ущелье. А впрочем, я заболтался с вами, задержал вас, — прибавил он, вставая.

— Послушайте, — начал я, — пойдёте к вам, мне домой не хочется.

— А работа ваша?

Я ничего не отвечал; Гагин добродушно усмехнулся, и мы вернулись в Л. Увидев знакомый виноградник и белый домик на верху горы, я почувствовал какую-то сладость — именно сладость на сердце: точно мне втихомолку мёду туда налили. Мне стало легко после гагинского рассказа.

IX

Ася встретила нас на самом пороге дома; я снова ожидал смеха; но она вышла к нам вся бледная, молчаливая, с потупленными глазами.

— Вот он опять, — заговорил Гагин, — и, заметь, сам захотел вернуться.

Ася вопросительно посмотрела на меня. Я в свою очередь протянул ей руку и на этот раз крепко пожал её холодные пальчики. Мне стало очень жаль её; теперь я многое понимал в ней, что прежде сбивало меня с толку: её внутреннее беспокойство, неумение держать себя, желание порисоваться — всё мне стало ясно. Я заглянул в эту душу: тайный гнёт давил её постоянно, тревожно путалось и билось неопытное самолюбие, но всё существо её стремилось к правде. Я понял, почему эта странная девочка меня привлекала; не одной только полудикой прелестью, разлитой по всему её тонкому телу, привлекала она меня: её душа мне нравилась.

Гагин начал копаться в своих рисунках; я предложил Асе погулять со мною по винограднику. Она тотчас согласилась с весёлой и почти покорной готовностью. Мы спустились до половины горы и присели на широкую плиту.

— И вам не скучно было без нас? — начала Ася.

— А вам без меня было скучно? — спросил я.

Ася взглянула на меня сбоку.

— Да, — отвечала она. — Хорошо в горах? — продолжала она тотчас, — они высоки? Выше облаков? Расскажите мне, что вы видели. Вы рассказывали брату, но я ничего не слыхала.

— Вольно ж вам было уходить, — заметил я.

— Я уходила... потому что... Я теперь вот не уйду, — прибавила она с доверчивой лаской в голосе, — вы сегодня были сердиты.

— Я?

— Вы.

— Отчего же, помилуйте...

— Не знаю, но вы были сердиты и ушли сердитыми. Мне было очень досадно, что вы так ушли, и я рада, что вы вернулись.

— И я рад, что вернулся, — промолвил я.

Ася повела плечами, как это часто делают дети, когда им хорошо.

— О, я умею отгадывать! — продолжала она, — бывало, я по одному папашину кашлю из другой комнаты узнавала, доволен ли он мной или нет.

До того дня Ася ни разу не говорила мне о своём отце. Меня это поразило.

— Вы любили вашего батюшку? — проговорил я и вдруг, к великой моей досаде, почувствовал, что краснею.

Она ничего не отвечала и покраснела тоже. Мы оба замолкли. Вдали по Рейну бежал и дымился пароход. Мы принялись глядеть на него.

— Что же вы не рассказываете? — прошептала Ася.

— Отчего вы сегодня рассмеялись, как только увидели меня? — спросил я.

— Сама не знаю. Иногда мне хочется плакать, а я смеюсь. Вы не должны судить меня... по тому, что я делаю. Ах, кстати, что это за сказка о Лорелее¹? Ведь это её скала виднеется? Говорят, она прежде всех топила, а как полюбила, сама бросилась в воду. Мне нравится эта сказка. Фрау Луизе мне всякие сказки рассказывает. У фрау Луизе есть чёрный кот с жёлтыми глазами...

Ася подняла голову и встряхнула кудрями.

— Ах, мне хорошо, — проговорила она.

В это мгновение долетели до нас отрывочные, однообразные звуки. Сотни голосов разом и с мерными расстановками повторяли молитвенный напев: толпа богомольцев тянулась вниз по дороге с крестами и хоругвями...

— Вот бы пойти с ними, — сказала Ася, прислушиваясь к постепенно ослабевавшим взрывам голосов.

— Разве вы так набожны?

— Пойти куда-нибудь далеко, на молитву, на трудный подвиг, — продолжала она. — А то дни уходят, жизнь уйдёт, а что мы сделали?

— Вы честолюбивы, — заметил я, — вы хотите прожить не даром, след за собой оставить...

— А разве это невозможно?

«Невозможно», — чуть было не повторил я... Но я взглянул в её светлые глаза и только промолвил:

¹ Народная легенда о Лорелее.

— Попробуйте.

— Скажите, — заговорила Ася после небольшого молчания, в течение которого какие-то тени пробежали у ней по лицу, уже успевшему побледнеть, — вам очень нравилась та дама... Вы помните, брат пил её здоровье в развалине, на второй день нашего знакомства?

Я засмеялся.

— Ваш брат шутил; мне ни одна дама не нравилась; по крайней мере теперь ни одна не нравится.

— А что вам нравится в женщинах? — спросила Ася, закинув голову с невинным любопытством.

— Какой странный вопрос! — воскликнул я.

Ася слегка смутилась.

— Я не должна была сделать вам такой вопрос, не правда ли? Извините меня, я привыкла болтать всё, что мне в голову входит. Оттого-то я и боюсь говорить.

— Говорите ради бога, не бойтесь, — подхватил я, — я так рад, что вы наконец перестаёте дичиться.

Ася потупилась и засмеялась тихим и лёгким смехом; я не знал за ней такого смеха.

— Ну, рассказывайте же, — продолжала она, разглаживая полы своего платья и укладывая их себе на ноги, точно она усаживалась надолго, — рассказывайте или прочтите что-нибудь, как, помните, вы нам читали «Онегина».

Она вдруг задумалась...

Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной матерью моей!¹ —

проговорила она вполголоса.

— У Пушкина не так, — заметил я.

— А я хотела бы быть Татьяной, — продолжала она всё так же задумчиво. — Рассказывайте, — подхватила она с живостью.

Но мне было не до рассказов. Я глядел на неё, всю облитую ясным солнечным лучом, всю успокоенную и крот-

¹ Строки из «Евгения Онегина». У А. С. Пушкина: «...Над бедной нянею моей!»

кую. Всё радостно сияло вокруг нас, внизу, над нами — небо, земля и воды; самый воздух, казалось, был насыщен блеском.

— Посмотрите, как хорошо! — сказал я, невольно понизив голос.

— Да, хорошо! — так же тихо отвечала она, не смотря на меня. — Если б мы с вами были птицы, — как бы мы взвились, как бы полетели... Так бы и утонули в этой силе... Но мы не птицы.

— А крылья могут у нас вырасти, — возразил я.

— Как так?

— Поживёте — узнаете. Есть чувства, которые поднимают нас от земли. Не беспокойтесь, у вас будут крылья.

— А у вас были?

— Как вам сказать... Кажется, до сих пор я ещё не летал.

Ася опять задумалась. Я слегка наклонился к ней.

— Умеете вы вальсировать? — спросила она вдруг.

— Умею, — отвечал я, несколько озадаченный.

— Так пойдёмте, пойдёмте... Я попрошу брата сыграть нам вальс... Мы вообразим, что мы летаем, что у нас выросли крылья.

Она побежала к дому. Я побежал вслед за нею — и несколько мгновений спустя мы кружились в тесной комнате под сладкие звуки Ланнера. Ася вальсировала прекрасно, с увлечением. Что-то мягкое, женское проступило вдруг сквозь её девически строгий облик. Долго потом рука моя чувствовала прикосновение её нежного стана, долго слышалось мне её ускоренное, близкое дыхание, долго мерещились мне тёмные, неподвижные, почти закрытые глаза на бледном, но оживлённом лице, резво обвеянном кудрями.

Х

Весь этот день прошёл как нельзя лучше. Мы веселились, как дети. Ася была очень мила и проста. Гагин радовался, глядя на неё. Я ушёл поздно. Въехавши на середину Рейна, я попросил перевозчика пустить лодку вниз по течению. Старик поднял вёсла — и царственная река понесла

нас. Глядя кругом, слушая, вспоминая, я вдруг почувствовал тайное беспокойство на сердце... поднял глаза к небу — но и в небе не было покоя: испещрённое звёздами, оно всё шевелилось, двигалось, содрогалось; я склонился к реке... но и там, и в той тёмной, холодной глубине, тоже колыхались, дрожали звёзды; тревожное оживление мне чудилось повсюду — и тревога росла во мне самом. Я облокотился на край лодки... Шёпот ветра в моих ушах, тихое журчанье воды за кормою меня раздражали, и свежее дыханье волны не охлаждало меня; соловей запел на берегу и заразил меня сладким ядом своих звуков. Слёзы закипали у меня на глазах, но то не были слёзы беспредметного восторга. Что я чувствовал, было не то смутное, ещё недавно испытанное ощущение всеобъемлющих желаний, когда душа ширится, звучит, когда ей кажется, что она всё понимает и всё любит... Нет! во мне зажглась жажда счастья. Я ещё не смел назвать его по имени, — но счастья, счастья до пресыщения — вот чего хотел я, вот о чём томился... А лодка всё неслась, и старик перевозчик сидел и дремал, наклонясь над вёслами.

XI

Отправляясь на следующий день к Гагиным, я не спрашивал себя, влюблён ли я в Асю, но я много размышлял о ней, её судьба меня занимала, я радовался неожиданному нашему сближению. Я чувствовал, что только с вчерашнего дня я узнал её; до тех пор она отворачивалась от меня. И вот, когда она раскрылась наконец передо мною, каким пленительным светом озарился её образ, как он был нов для меня, какие тайные обаяния стыдливо в нём сквозили...

Бодро шёл я по знакомой дороге, беспрестанно посматривая на издали белевший домик; я не только о будущем — я о завтрашнем дне не думал; мне было очень хорошо.

Ася покраснела, когда я вошёл в комнату; я заметил, что она опять принарядилась, но выражение её лица не шло к её наряду: оно было печально. А я пришёл таким весёлым! Мне показалось даже, что она, по обыкновению своему, собралась было бежать, но сделала усилие над со-

бою — и осталась. Гагин находился в том особенном состоянии художнического жара и ярости, которое, в виде припадка, внезапно овладевает дилетантами, когда они воображают, что им удалось, как они выражаются, «поймать природу за хвост». Он стоял, весь взъерошенный и выпачканный красками, перед натянутым холстом и, широко размахивая по нём кистью, почти свирепо кивнул мне головой, отодвинулся, прищурил глаза и снова накинудся на свою картину. Я не стал мешать ему и подсел к Асе. Медленно обратились ко мне её тёмные глаза.

— Вы сегодня не такая, как вчера, — заметил я после тщетных усилий вызвать улыбку на её губы.

— Нет, не такая, — возразила она неторопливым и глухим голосом. — Но это ничего. Я нехорошо спала, всю ночь думала.

— О чём?

— Ах, я о многом думала. Это у меня привычка с детства: ещё с того времени, когда я жила с матушкой...

Она с усилием выговорила это слово и потом ещё раз повторила:

— Когда я жила с матушкой... я думала, отчего это никто не может знать, что с ним будет; а иногда и видишь беду — да спастись нельзя; и отчего никогда нельзя сказать всей правды?... Потом я думала, что я ничего не знаю, что мне надобно учиться. Меня перевоспитать надо, я очень дурно воспитана. Я не умею играть на фортепьяно, не умею рисовать, я даже шью плохо. У меня нет никаких способностей, со мной, должно быть, очень скучно.

— Вы несправедливы к себе, — возразил я. — Вы много читали, вы образованны, и с вашим умом...

— А я умна? — спросила она с такой наивной любознательностью, что я невольно засмеялся; но она даже не улыбнулась. — Брат, я умна? — спросила она Гагина.

Он ничего не отвечал ей и продолжал трудиться, беспрестанно меняя кисти и высоко поднимая руку.

— Я сама не знаю иногда, что у меня в голове, — продолжала Ася с тем же задумчивым видом. — Я иногда самой себя боюсь, ей-богу. Ах, я хотела бы... Правда ли, что женщинам не следует читать много?

— Много не нужно, но...

— Скажите мне, что я должна читать? скажите, что я должна делать? Я всё буду делать, что вы мне скажете, — прибавила она, с невинной доверчивостью обречься ко мне.

Я тотчас нашёлся, что сказать ей.

— Ведь вам не будет скучно со мной?

— Помилуйте, — начал я.

— Ну, спасибо! — возразила Ася, — а я думала, что вам скучно будет.

И её маленькая горячая ручка крепко стиснула мою.

— Н.! — вскрикнул в это мгновенье Гагин, — не тёмен этот фон?

Я подошёл к нему. Ася встала и удалилась.

ХII

Она вернулась через час, остановилась в дверях и позвала меня рукою.

— Послушайте, — сказала она, — если б я умерла, вам было бы жаль меня?

— Что у вас за мысли сегодня! — воскликнул я.

— Я воображаю, что я скоро умру; мне иногда кажется, что всё вокруг меня со мною прощается. Умереть лучше, чем жить так... Ах! не глядите так на меня; я, право, не притворяюсь. А то я вас опять бояться буду.

— Разве вы меня боялись?

— Если я такая странная, я, право, не виновата, — возразила она. — Видите, я уж и смеяться не могу...

Она осталась печальной и озабоченной до самого вечера. Что-то происходило в ней, чего я не понимал. Её взор часто останавливался на мне; сердце моё тихо сжималось под этим загадочным взором. Она казалась спокойною — а мне, глядя на неё, всё хотелось сказать ей, чтобы она не волновалась. Я любовался ею, я находил трогательную прелесть в её побледневших чертах, в её нерешительных, замедленных движениях — а ей почему-то воображалось, что я не в духе.

— Послушайте, — сказала она мне незадолго до прощанья, — меня мучит мысль, что вы меня считаете легкомысленной... Вы вперёд всегда верьте тому, что я вам говорить

буду, только и вы будьте со мной откровенны; а я вам всегда буду говорить правду, даю вам честное слово...

Это «честное слово» опять заставило меня засмеяться.

— Ах, не смейтесь, — проговорила она с живостью, — а то я вам скажу сегодня то, что вы мне сказали вчера: «Зачем вы смеётесь?» — и, помолчав немного, она прибавила: — Помните, вы вчера говорили о крыльях?.. Крылья у меня выросли — да лететь некуда.

— Помилуйте, — промолвил я, — перед вами все пути открыты...

Ася посмотрела мне прямо и пристально в глаза.

— Вы сегодня дурного мнения обо мне, — сказала она, нахмутив брови.

— Я? дурного мнения? о вас!..

— Что это вы точно в воду опущенные, — перебил меня Гагин, — хотите, я по-вчерашнему сыграю вам вальс?

— Нет, нет, — возразила Ася и стиснула руки, — сегодня ни за что!

— Я тебя не принуждаю, успокойся...

— Ни за что, — повторила она бледнея. <...>

«Неужели она меня любит?» — думал я, подходя к Рейну, быстро катившему тёмные волны.

ХІІІ

«Неужели она меня любит?» — спрашивал я себя на другой день, только что проснувшись. Я не хотел заглядывать в самого себя. Я чувствовал, что её образ, образ «девушки с натянутым смехом», втеснился мне в душу и что мне от него не скоро отделаться. Я пошёл в Л. и остался там целый день, но Асю видел только мельком. Ей нездоровилось: у ней голова болела. Она сошла вниз, на минутку, с повязанным лбом, бледная, худенькая, с почти закрытыми глазами; слабо улыбнулась, сказала: «Это пройдёт, это ничего, всё пройдёт, не правда ли?» — и ушла. Мне стало скучно и как-то грустно-пусто; я, однако, долго не хотел уходить и вернулся поздно, не увидав её более.

Следующее утро прошло в каком-то полусне сознания. Я хотел приняться за работу — не мог; хотел ничего не

делать и не думать... и это не удалось. Я бродил по городу; возвращался домой, выходил снова.

— Вы ли господин Н.? — раздался вдруг за мною детский голос. Я оглянулся; передо мною стоял мальчик. — Это вам от фрейлейн Annette, — прибавил он, подавая мне записку.

Я развернул её — и узнал неправильный и быстрый почерк Аси. «Я непременно должна вас видеть, — писала мне она, — приходите сегодня в четыре часа к каменной часовне на дороге возле развалины. Я сделала сегодня большую неосторожность... Придите ради бога, вы всё узнаете... Скажите посланному: да».

— Будет ответ? — спросил меня мальчик.

— Скажи, что да, — отвечал я. Мальчик убежал.

XIV

Я пришёл к себе в комнату, сел и задумался. Сердце во мне сильно билось. Несколько раз перечёл я записку Аси. Я посмотрел на часы: и двенадцати ещё не было.

Дверь отворилась — вошёл Гагин.

Лицо его было пасмурно. Он схватил меня за руку и крепко пожал её. Он казался очень взволнованным.

— Что с вами? — спросил я. Гагин взял стул и сел против меня.

— Четвёртого дня, — начал он с принуждённой улыбкой и запинаясь, — я удивил вас своим рассказом; сегодня удивлю ещё более. С другим я, вероятно, не решился бы... так прямо... Но вы благородный человек, вы мне друг, не так ли? Послушайте: моя сестра, Ася, в вас влюблена.

Я весь вздрогнул и приподнялся...

— Ваша сестра, говорите вы...

— Да, да, — перебил меня Гагин. — Я вам говорю, она сумасшедшая и меня с ума сведёт. Но, к счастью, она не умеет лгать — и доверяет мне. Ах, что за душа у этой девочки... но она себя погубит, непременно.

— Да вы ошибаетесь, — начал я.

— Нет, не ошибаюсь. Вчера, вы знаете, она почти целый день пролежала, ничего не ела, впрочем, не жаловалась... Она никогда не жалуется. Я не беспокоился, хотя к вечеру

у ней сделался небольшой жар. Сегодня, в два часа ночи, меня разбудила наша хозяйка: «Ступайте, говорит, к вашей сестре: с ней что-то худо». Я побежал к Асе и нашёл её нераздетою, в лихорадке, в слезах: голова у ней горела, зубы стучали. «Что с тобой? — спросил я, — ты больна?» Она бросилась мне на шею и начала умолять меня увезти её как можно скорее, если я хочу, чтобы она осталась в живых... Я ничего не понимаю, стараюсь её успокоить... Рыдания её усиливаются... и вдруг сквозь эти рыдания услышал я... Ну, словом, я услышал, что она вас любит. Уверю вас, мы с вами, благоразумные люди, и представить себе не можем, как она глубоко чувствует и с какой невероятной силой высказываются в ней эти чувства; это находит на неё так же неожиданно и так же неотразимо, как гроза. Вы очень милый человек, — продолжал Гагин, — но почему она вас так полюбила — этого я, признаюсь, не понимаю. Она говорит, что привязалась к вам с первого взгляда. Оттого она и плакала на днях, когда уверяла меня, что, кроме меня, никого любить не хочет. Она воображает, что вы её презираете, что вы, вероятно, знаете, кто она; она спрашивала меня, не рассказал ли я вам её историю, — я, разумеется, сказал, что нет; но чуткость её — просто страшна. Она желает одного: уехать, уехать тотчас. Я просидел с ней до утра; она взяла с меня слово, что нас завтра же здесь не будет, — и тогда только она заснула. Я подумал, подумал и решился — поговорить с вами. По-моему, Ася права: самое лучшее — уехать нам обоим отсюда. И я сегодня же бы увёз её, если б не пришла мне в голову мысль, которая меня остановила. Может быть... как знать? — вам сестра моя нравится? Если так, с какой стати я увезу её? Я вот и решился, отбросив в сторону всякий стыд... Притом же я сам кое-что заметил... Я решился... узнать от вас... — Бедный Гагин смутился. — Извините меня, пожалуйста, — прибавил он, — я не привык к таким передрягам.

Я взял его за руку.

— Вы хотите знать, — произнёс я твёрдым голосом, — нравится ли мне ваша сестра? Да, она мне нравится...

Гагин взглянул на меня.

— Но, — проговорил он, запинаясь, — ведь вы не женитесь на ней?

— Как вы хотите, чтобы я отвечал на такой вопрос? Посудите сами, могу ли я теперь...

— Знаю, знаю, — перебил меня Гагин. — Я не имею никакого права требовать от вас ответа, и вопрос мой — верх неприличия... Но что прикажете делать? С огнём шутить нельзя. Вы не знаете Асю; она в состоянии занемочь, убежать, свиданье вам назначить... Другая умела бы всё скрыть и выждать — но не она. С нею это в первый раз, — вот что беда! Если б вы видели, как она сегодня рыдала у ног моих, вы бы поняли мои опасения.

Я задумался. Слова Гагина «свиданье вам назначить» кольнули меня в сердце. Мне показалось постыдным не отвечать откровенностью на его честную откровенность.

— Да, — сказал я наконец, — вы правы. Час тому назад я получил от вашей сестры записку. Вот она.

Гагин взял записку, быстро пробежал её и уронил руки на колени. Выражение изумления на его лице было очень забавно, но мне было не до смеху.

— Вы, повторяю, благородный человек, — проговорил он, — но что же теперь делать? Как? она сама хочет уехать, и пишет к вам, и упрекает себя в неосторожности... И когда это она успела написать? Что ж она хочет от вас?

Я успокоил его, и мы принялись толковать, хладнокровно по мере возможности о том, что нам следовало предпринять.

Вот на чём мы остановились наконец: во избежание беды я должен был идти на свиданье и честно объясниться с Асей; Гагин обязался сидеть дома и не подавать вида, что ему известна её записка; а вечером мы положили сойтись опять.

— Я твёрдо надеюсь на вас, — сказал Гагин и стиснул мне руку, — пощадите и её и меня. А уезжаем мы всё-таки завтра, — прибавил он, вставая, — потому что ведь вы на Асе не женитесь.

— Дайте мне сроку до вечера, — возразил я.

— Пожалуйста, но вы не женитесь.

Он ушёл, а я бросился на диван и закрыл глаза. Голова у меня ходила кругом: слишком много впечатлений в неё

нахлынуло разом. Я досадовал на откровенность Гагина, я досадовал на Асю, её любовь меня и радовала и смущала. Я не мог понять, что заставило её всё высказать брату; неизбежность скорого, почти мгновенного решения терзала меня...

«Жениться на семнадцатилетней девочке, с её нравом, как это можно!» — сказал я, вставая.

XV

В условленный час переправился я через Рейн, и первое лицо, встретившее меня на противоположном берегу, был тот самый мальчик, который приходил ко мне поутру.

Он, по-видимому, ждал меня.

— От фрейлейн Annette, — сказал он шёпотом и подал мне другую записку.

Ася извещала меня о перемене места нашего свидания. Я должен был прийти через полтора часа не к часовне, а в дом фрау Луизе, постучаться внизу и войти в третий этаж.

— Опять: да? — спросил меня мальчик.

— Да, — повторил я и пошёл по берегу Рейна. Вернуться домой было некогда, я не хотел бродить по улицам.

За городской стеною находился маленький сад с навесом для кеглей и столами для любителей пива. Я вошёл туда. Несколько уже пожилых немцев играли в кегли; со стуком катились деревянные шары, изредка раздавались одобрительные восклицания. Хорошенькая служанка с заплаканными глазами принесла мне кружку пива; я взглянул в её лицо. Она быстро отвортилась и отошла прочь.

— Да, да, — промолвил тут же сидевший толстый и краснощёкий гражданин, — Ганхен наша сегодня очень огорчена: жених её пошёл в солдаты.

Я посмотрел на неё: она прижалась в уголок и подпёрла рукою щёку; слёзы капали одна за другой по её пальцам. Кто-то спросил пива; она принесла ему кружку и опять вернулась на своё место. Её горе действовало на меня; я начал думать об ожидавшем меня свидании, но мои думы были заботливые, невесёлые думы. Не с лёгким сердцем шёл я на это свидание, не предаваться радостям взаимной

любви предстояло мне; мне предстояло сдержать данное слово, исполнить трудную обязанность. «С ней шутить нельзя» — эти слова Гагина, как стрелы, впились в мою душу. А ещё четвёртого дня в этой лодке, уносимой волнами, не томился ли я жаждой счастья? Оно стало возможным — и я колебался, я отталкивал, я должен был оттолкнуть его прочь... Его внезапность меня смущала. Сама Ася, с её огненной головой, с её прошедшим, с её воспитанием, это привлекательное, но странное существо — признаюсь, она меня пугала. Долго боролись во мне чувства. Назначенный срок приближался. «Я не могу на ней жениться, — решил я наконец, — она не узнает, что и я полюбил её».

Я встал — и, положив талер в руку бедной Ганхен (она даже не поблагодарила меня), направился к дому фрау Луизе. Вечерние тени уже разливались в воздухе, и узкая полоса неба, над тёмной улицей, алела отблеском зари. Я слабо стукнул в дверь; она тотчас отворилась. Я переступил порог и очутился в совершенной темноте.

— Сюда! — слышался старушечий голос. — Вас ждут.

Я шагнул раза два ощупью, чья-то костлявая рука взяла мою руку.

— Вы это, фрау Луизе? — спросил я.

— Я, — отвечал мне тот же голос, — я, мой прекрасный молодой человек.

Старуха повела меня опять вверх по крутой лестнице и остановилась на площадке третьего этажа. При слабом свете, падавшем из крошечного окошка, я увидел морщинистое лицо вдовы бургомистра. Приторно лукавая улыбка растягивала её ввалившиеся губы, ёжила тусклые глазки. Она указала мне на маленькую дверь. Судорожным движением руки отворил я её и захлопнул за собою.

XVI

В небольшой комнатке, куда я вошёл, было довольно темно, и я не тотчас увидел Асю. Закутанная в длинную шаль, она сидела на стуле возле окна, отвернув и почти спрятав голову, как испуганная птичка. Она дышала быстро и вся дрожала. Мне стало несказанно жалко её.

Я подошёл к ней. Она ещё больше отвернула голову...

— Анна Николаевна, — сказал я.

Она вдруг вся выпрямилась, хотела взглянуть на меня — и не могла. Я схватил её руку, она была холодна и лежала как мёртвая на моей ладони.

— Я желала... — начала Ася, стараясь улыбнуться, но её бледные губы не слушались её, — я хотела... Нет, не могу... — проговорила она и умолкла. Действительно, голос её прерывался на каждом слове.

Я сел подле неё.

— Анна Николаевна, — повторил я и тоже не мог ничего прибавить.

Настало молчание. Я продолжал держать её руку и глядел на неё. Она по-прежнему вся сжималась, дышала с трудом и тихонько покусывала нижнюю губу, чтобы не заплакать, чтобы удержать накупавшие слёзы... Я глядел на неё: было что-то трогательно-беспомощное в её робкой неподвижности: точно она от усталости едва добралась до стула и так и упала на него. Сердце во мне растаяло...

— Ася, — сказал я едва слышно...

Она медленно подняла на меня свои глаза... О, взгляд женщины, которая полюбила, — кто тебя опишет? Они молили, эти глаза, они доверялись, вопрошали, отдавались... Я не мог противиться их обаянию. Тонкий огонь пробежал по мне жгучими иглами; я нагнулся и приник к её руке...

Послышался трепетный звук, похожий на прерывистый вздох, и я почувствовал на моих волосах прикосновение слабой, как лист, дрожавшей руки. Я поднял голову и увидел её лицо. Как оно вдруг преобразилось! Выражение страха исчезло с него, взор ушёл куда-то далеко и увлекал меня за собою, губы слегка раскрылись, лоб побледнел как мрамор, и кудри отодвинулись назад, как будто ветер их откинул. Я забыл всё, я потянул её к себе — покорно повиновалась её рука, всё её тело повлеклось вслед за рукою, шаль покатилась с плеч, и голова её тихо легла на мою грудь, легла под мои загоревшиеся губы...

— Ваша... — прошептала она едва слышно.

Уже руки мои скользили вокруг её стана... Но вдруг воспоминание о Гагине, как молния, меня озарило.

— Что мы делаем!.. — воскликнул я и судорожно отодвинулся назад. — Ваш брат... ведь он всё знает... Он знает, что я вижусь с вами.

Ася опустила на стул.

— Да, — продолжал я, вставая и отходя на другой угол комнаты. — Ваш брат всё знает... Я должен был ему всё сказать.

— Должны? — проговорила она невнятно. Она, видимо, не могла ещё прийти в себя и плохо меня понимала.

— Да, да, — повторил я с каким-то ожесточением, — и в этом вы одни виноваты, вы одни. Зачем вы сами выдали вашу тайну? Кто заставлял вас всё высказать вашему брату? Он сегодня был сам у меня и передал мне ваш разговор с ним. — Я старался не глядеть на Асю и ходил большими шагами по комнате. — Теперь всё пропало, всё, всё.

Ася поднялась было со стула.

— Оставайтесь, — воскликнул я, — оставайтесь, прошу вас. Вы имеете дело с честным человеком — да, с честным человеком. Но, ради бога, что взволновало вас? Разве вы заметили во мне какую перемену? А я не мог скрываться перед вашим братом, когда он пришёл сегодня ко мне.

«Что я такое говорю?» — думал я про себя, и мысль, что я безнравственный обманщик, что Гагин знает о нашем свидании, что всё искажено, обнаружено, — так и звенела у меня в голове.

— Я не звала брата, — послышался испуганный шёпот Аси, — он пришёл сам.

— Посмотрите же, что вы наделали, — продолжал я. — Теперь вы хотите уехать...

— Да, я должна уехать, — так же тихо проговорила она, — я и попросила вас сюда для того только, чтобы проститься с вами.

— И вы думаете, — возразил я, — мне будет легко с вами расстаться?

— Но зачем же вы сказали брату? — с недоумением повторила Ася.

— Я вам говорю — я не мог поступить иначе. Если бы вы сами не выдали себя...

— Я заперлась в моей комнате, — возразила она просто-душно, — я не знала, что у моей хозяйки был другой ключ...

Это невинное извинение, в её устах, в такую минуту — меня тогда чуть не рассердило... а теперь я без умиления не могу его вспомнить. Бедное, честное, искреннее дитя!

— И вот теперь всё кончено! — начал я снова. — Всё. Теперь нам должно расстаться. — Я украдкой взглянул на Асю... лицо её быстро покраснело. Ей, я это чувствовал, и стыдно становилось и страшно. Я сам ходил и говорил как в лихорадке. — Вы не дали развиться чувству, которое начинало созревать, вы сами разорвали нашу связь, вы не имели ко мне доверия, вы усомнились во мне...

Пока я говорил, Ася всё больше и больше наклонялась вперёд — и вдруг упала на колени, уронила голову на руки и зарыдала. Я подбежал к ней, пытался поднять её, но она мне не давалась. Я не выношу женских слёз: при виде их я теряюсь тотчас.

— Анна Николаевна, Ася, — твердил я, — пожалуйста, умоляю вас, ради бога, перестаньте... — Я снова взял её за руку...

Но, к величайшему моему изумлению, она вдруг вскочила — с быстротою молнии бросилась к двери и исчезла...

Когда несколько минут спустя фрау Луизе вошла в комнату — я всё ещё стоял на самой середине её, уж точно как громом поражённый. Я не понимал, как могло это свидание так быстро, так глупо кончиться — кончиться, когда я и сотовой доли не сказал того, что хотел, что должен был сказать, когда я ещё сам не знал, чем оно могло разрешиться...

— Фрейлейн ушла? — спросила меня фрау Луизе, приподняв свои жёлтые брови до самой накладки.

Я посмотрел на неё как дурак — и вышел вон.

XVII

Я выбрался из города и пустился прямо в поле. Досада, досада бешеная меня грызла. Я осыпал себя укоризнами. Как я мог не понять причину, заставившую Асю переменить место нашего свидания, как не оценить, чего ей стоило

прийти к этой старухе, как я не удержал её! Наедине с ней в той глухой, едва освещённой комнате у меня достало силы, достало духа — оттолкнуть её от себя, даже упрекать её... А теперь её образ меня преследовал, я просил у ней прощения; воспоминания об этом бледном лице, об этих влажных и робких глазах, о развитых волосах на наклонённой шее, о лёгком прикосновении её головы к моей груди — жгли меня. «Ваша...» — слышался мне её шёпот. «Я поступил по совести», — уверял я себя... Неправда! Разве я точно хотел такой развязки? Разве я в состоянии с ней расстаться? Разве я могу лишиться её? «Безумец! безумец!» — повторял я с озлоблением...

Между тем ночь наступала. Большими шагами направился я к дому, где жила Ася.

XVIII

Гагин вышел ко мне навстречу.

— Видели вы сестру? — закричал он мне ещё издали.

— Разве её нет дома? — спросил я.

— Нет.

— Она не возвращалась?

— Нет. Я виноват, — продолжал Гагин, — не мог утерпеть: против нашего уговора, ходил к часовне; там её не было; стало быть, она не приходила?

— Она не была у часовни.

— И вы её не видели?

Я должен был сознаться, что я её видел.

— Где?

— У фрау Луизе. Я расстался с ней час тому назад, — прибавил я, — я был уверен, что она домой вернулась.

— Подождём, — сказал Гагин.

Мы вошли в дом и сели друг подле друга. Мы молчали. Нам очень неловко было обоим. Мы беспрестанно оглядывались, посматривали на дверь, прислушивались. Наконец Гагин встал.

— Это ни на что не похоже! — воскликнул он, — у меня сердце не на месте. Она меня уморит, ей-богу... пойдёмте искать её.

Мы вышли. На дворе уже совсем стемнело.

— О чём же вы с ней говорили? — спросил меня Гагин, надвигая шляпу на глаза.

— Я виделся с ней всего минут пять, — отвечал я, — и говорил с ней, как было условлено.

— Знаете ли что? — возразил он, — лучше нам разойтись; так мы скорее на неё наткнуться можем. Во всяком случае, приходите сюда через час.

XIX

Я проворно спустился с виноградника и бросился в город. Быстро обошёл я все улицы, заглянул всюду, даже в окно фрау Луизе, вернулся к Рейну и побежал по берегу... Изредка попадались мне женские фигуры, но Аси нигде не было видно. Уже не досада меня грызла, — тайный страх терзал меня, и не один страх я чувствовал... нет, я чувствовал раскаяние, сожаление самое жгучее, любовь — да! самую нежную любовь. Я ломал руки, я звал Асю посреди надвигавшейся ночной тьмы, сперва вполголоса, потом всё громче и громче; я повторял сто раз, что я её люблю, я клялся никогда с ней не расставаться; я бы дал всё на свете, чтобы опять держать её холодную руку, опять слышать её тихий голос, опять видеть её перед собою... Она была так близка, она пришла ко мне с полной решимостью, в полной невинности сердца и чувств, она принесла мне свою нетронутую молодость... и я не прижал её к своей груди, я лишил себя блаженства увидеть, как её милое лицо расцвело бы радостью и тишиною восторга... Эта мысль меня с ума сводила.

«Куда могла она пойти, что она с собою сделала?» — восклицал я в тоске бессильного отчаяния... Что-то белое мелькнуло вдруг на самом берегу реки. Я знал это место; там, над могилой человека, утонувшего лет семьдесят тому назад, стоял до половины вросший в землю каменный крест с старинной надписью. Сердце во мне замерло... Я подбежал к кресту: белая фигура исчезла. Я крикнул: «Ася!» Дикий голос мой испугал меня самого — но никто не отозвался...

Я решился пойти узнать, не нашёл ли её Гагин.

XX

Быстро взбираясь по тропинке виноградника, я увидел свет в комнате Аси... Это меня несколько успокоило.

Я подошёл к дому; дверь внизу была заперта, я постучался. Неосвещённое окошко в нижнем этаже осторожно отворилось, и показалась голова Гагина.

— Нашли? — спросил я его.

— Она вернулась, — отвечал он мне шёпотом, — она в своей комнате и раздевается. Всё в порядке.

— Слава Богу! — воскликнул я с несказанным порывом радости, — слава Богу! Теперь всё прекрасно. Но вы знаете, мы должны ещё переговорить.

— В другое время, — возразил он, тихо потянув к себе раму, — в другое время, а теперь прощайте.

— До завтра, — промолвил я, — завтра всё будет решено.

— Прощайте, — повторил Гагин. Окно затворилось.

Я чуть было не постучал в окно. Я хотел тогда же сказать Гагину, что я прошу руки его сестры. Но такое сватанье в такую пору... «До завтра, — подумал я, — завтра я буду счастлив...»

Завтра я буду счастлив! У счастья нет завтрашнего дня; у него нет и вчерашнего; оно не помнит прошедшего, не думает о будущем; у него есть настоящее — и то не день — а мгновенье.

Я не помню, как дошёл я до З. Не ноги меня несли, не лодка меня везла: меня поднимали какие-то широкие, сильные крылья. Я прошёл мимо куста, где пел соловей, я остановился и долго слушал: мне казалось, он пел мою любовь и моё счастье.

XXI

Когда, на другой день утром, я стал подходить к знакомому домику, меня поразило одно обстоятельство: все окна в нём были растворены, и дверь тоже была раскрыта; какие-то бумажки валялись перед порогом; служанка с метлой показалась за дверью.

Я приблизился к ней...

— Уехали! — брякнула она, прежде чем я успел спросить её: дома ли Гагин?

— Уехали?.. — повторил я. — Как уехали? Куда?

— Уехали сегодня утром, в шесть часов, и не сказали куда. Пойдите, ведь вы, кажется, господин Н.?

— Я господин Н.

— К вам есть письмо у хозяйки. — Служанка пошла наверх и вернулась с письмом. — Вот-с, извольте.

— Да не может быть... Как же это так?.. — начал было я. Служанка тупо посмотрела на меня и принялась мести. Я развернул письмо. Ко мне писал Гагин; от Аси не было ни строчки. Он начал с того, что просил не сердиться на него за внезапный отъезд; он был уверен, что, по зрелом соображении, одобрю его решение. Он не находил другого выхода из положения, которое могло сделаться затруднительным и опасным. «Вчера вечером, — писал он, — пока мы оба молча ожидали Асю, я убедился окончательно в необходимости разлуки. Есть предрассудки, которые я уважаю; я понимаю, что вам нельзя жениться на Асе. Она мне всё сказала; для её спокойствия я должен был уступить её повторённым, усиленным просьбам». В конце письма он изъявлял сожаление о том, что наше знакомство так скоро прекратилось, желал мне счастья, дружески жал мне руку и умолял меня не стараться их отыскивать.

«Какие предрассудки? — вскричал я, как будто он мог меня слышать, — что за вздор! Кто дал право похитить её у меня...» Я схватил себя за голову...

Служанка начала громко кликать хозяйку: её испуг заставил меня прийти в себя. Одна мысль во мне загорелась: сыскать их, сыскать во что бы то ни стало. Принять этот удар, примириться с такою развязкой было невозможно. Я узнал от хозяйки, что они в шесть часов утра сели на пароход и поплыли вниз по Рейну. Я отправился в контору: там мне сказали, что они взяли билеты до Кёльна. Я пошёл домой с тем, чтобы тотчас улечься и поплыть вслед за ними. Мне пришлось идти мимо дома фрау Луизе...

Вдруг я слышу: меня кличет кто-то. Я поднял голову и увидел в окне той самой комнаты, где я накануне виделся с Асей, вдову бургомистра. Она улыбалась своей противной

улыбкой и звала меня. Я отвернулся и прошел было мимо; но она мне крикнула вслед, что у ней есть что-то для меня.

Эти слова меня остановили, и я вошёл в её дом. Как передать мои чувства, когда я увидел опять эту комнатку...

— По-настоящему, — начала старуха, показывая маленькую записку, — я бы должна была дать вам это только в случае, если б вы зашли ко мне сами, но вы такой прекрасный молодой человек. Возьмите.

Я взял записку.

На крошечном клочке бумаги стояли следующие слова, торопливо начерченные карандашом:

«Прощайте, мы не увидимся более. Не из гордости я уезжаю — нет, мне нельзя иначе. Вчера, когда я плакала перед вами, если б вы мне сказали одно слово, одно только слово — я бы осталась. Вы его не сказали. Видно, так лучше... Прощайте навсегда!»

Одно слово... О, я безумец! Это слово... я со слезами повторял его накануне, я расточал его на ветер, я твердил его среди пустых полей... но я не сказал его ей, я не сказал ей, что я люблю её... Да я и не мог произнести тогда это слово. Когда я встретился с ней в той роковой комнате, во мне ещё не было ясного сознания моей любви; оно не произошло даже тогда, когда я сидел с её братом в бессмысленном и тягостном молчании... оно вспыхнуло с неудержимой силой лишь несколько мгновений спустя, когда, испуганный возможностью несчастья, я стал искать и звать её... но уж тогда было поздно. «Да это невозможно!» — скажут мне; не знаю, возможно ли это, — знаю, что это правда. Ася бы не уехала, если б в ней была хоть тень кокетства и если б её положение не было ложно. Она не могла вынести того, что всякая другая снесла бы: я этого не понял. Недобрый мой гений остановил признание на устах моих при последнем свидании с Гагиным перед потемневшим окном, и последняя нить, за которую я ещё мог ухватиться, выскользнула из рук моих.

В тот же день вернулся я с уложенным чемоданом в город Л. и поплыл в Кёльн. Помню, пароход уже отчаливал, и я мысленно прощался с этими улицами, со всеми этими местами, которые я уже никогда не должен был поза-

быть, — я увидел Ганхен. Она сидела возле берега на скамье. Лицо её было бледно, но не грустно; молодой красивый парень стоял с ней рядом и, смеясь, рассказывал ей что-то; а на другой стороне Рейна маленькая моя мадонна всё так же печально выглядывала из тёмной зелени старого ясеня.

XXII

В Кёльне я напал на след Гагиных; я узнал, что они поехали в Лондон; я пустился вслед за ними; но в Лондоне все мои розыски остались тщетными. Я долго не хотел смириться, долго упорствовал, но я должен был отказаться наконец от надежды настигнуть их.

И я не увидел их более — я не увидел Аси. Тёмные слухи доходили до меня о ней, но она навсегда для меня исчезла. Я даже не знаю, жива ли она. Однажды, несколько лет спустя, я мельком увидал за границей, в вагоне железной дороги, женщину, лицо которой живо напомнило мне незабвенные черты... но я, вероятно, был обманут случайным сходством. Ася осталась в моей памяти той самой девочкой, какою я знал её в лучшую пору моей жизни, какою я её видел в последний раз, наклонённой на спинку низкого деревянного стула.

Впрочем, я должен сознаться, что я не слишком долго грустил по ней; я даже нашёл, что судьба хорошо распорядилась, не соединив меня с Асей; я утешался мыслию, что я, вероятно, не был бы счастлив с такой женой. Я был тогда молод — и будущее, то короткое, быстрое будущее, казалось мне беспредельным. «Разве не может повториться то, что было», — думал я, и ещё лучше, ещё прекраснее?.. Я знал других женщин, — но чувство, возбуждённое во мне Асей, то жгучее, неясное, глубокое чувство, уже не повторилось. Нет! ни одни глаза не заменили мне тех, когда-то с любовью устремлённых на меня глаз, ни на чьё сердце, припавшее к моей груди, не отвечало моё сердце таким радостным и сладким замиранием! Осуждённый на одиночество бессемейного бобыля¹, доживаю я скучные годы, но

¹ *Бобыль* (разгов.) — одинокий бессемейный человек.

я храню, как святыню, её записочки и высохший цветок гераниума, тот самый цветок, который она некогда бросила мне из окна. Он до сих пор издаёт слабый запах, а рука, мне давшая его, та рука, которую мне только раз пришлось прижать к губам моим, быть может, давно уже тлеет в могиле... И я сам — что случилось со мною? Что осталось от меня, от тех блаженных и тревожных дней, от тех крылатых надежд и стремлений? Так лёгкое испарение ничтожной травки переживает все радости и все горести человека — переживает самого человека.

1858

От чьего лица ведётся повествование и как это влияет на восприятие повести?

Кто из героев вызывает ваши симпатии и почему?

Как вы восприняли развязку отношений Аси и Н. Н.?

* * *

1. Пересмотрите содержание повести по главам, отмечая основные события, эпизоды, обратите внимание на её построение и подумайте:
1. Что создаёт поэтическую атмосферу этой повести, почему «от неё веет душевной молодостью» (Н. А. Некрасов)?
2. Как и под влиянием каких условий развиваются отношения между тремя молодыми людьми?
3. Чем Ася выделяется из окружающей среды? Как её «странности» воспринимают брат и Н. Н.?
4. Как возникает и проявляется у Аси чувство к Н. Н.? Чем он мог привлекать эту необычную девушку? Оправдалось ли мнение Гагина: «У ней ни одно чувство не бывает вполнину»?
5. В чём причина столь неожиданной развязки отношений Аси и Н. Н.? Кто, по-вашему, виновен в несостоявшейся любви?
6. Почему Н. Н., который «не слишком долго грустил» по Асе, как он сам признаётся, спустя и 20 лет бережно хранит её записочки и высохший цветок? Что в его поведении и судьбе объясняет фраза: «У счастья нет завтрашнего дня»?

II. Внимание к тексту!

1. Объясните роль некоторых художественных деталей, встречающихся в нём: статуя печальной мадонны под одиноким ясенем; звуки вальса; ветка гераниума; крылья — на крыльях — крылатые.
2. Какие ассоциации вызывают у Н. Н. эпизоды: служанка Ганхен и её жених (главы XV и XXI)?
3. Какая особенность натуры Аси открывается в её признании при виде богомольцев: «Пойти куда-нибудь далеко, на молитву, на трудный подвиг, — продолжала она. — А то дни уходят, жизнь уйдёт, а что мы сделали?»
4. Какие основания есть у Гагина думать, что «Асе нужен герой, необыкновенный человек — или живописный пастух в горном ущелье»? Случайно ли к концу повести (глава XIV) он говорит Н. Н.: «Вы очень милый человек, но почему она вас так полюбила — этого я, признаюсь, не понимаю»?
5. Раскройте подтекст следующих фраз: Гагин несколько раз проговаривает Н. Н.: «Ведь вы на Асе не женитесь». И в прощальном письме: «Есть предрассудки, которые я уважаю; я понимаю, что вам нельзя жениться на Асе»; Ася говорит Н. Н.: «Крылья у меня выросли — да лететь некуда».
6. Перечитайте размышления Гагина о живописи, об искусстве. Подумайте, как они могут быть связаны с душевным кризисом самого И. С. Тургенева.

* * *

1. Воссоздайте в воображении всю историю Аси, начиная с детства. Объясните психологию её поведения во время свидания с Н. Н.
2. Составьте рассказ на тему «Природа действовала на меня чрезвычайно». Руководствуйтесь при этом оценкой, данной Л. Н. Толстым тургеневским пейзажам: «Это настоящие перлы, недосыаемые ни для кого из писателей».
3. Охарактеризуйте особенность композиции повести, её роль в раскрытии замысла автора.
4. Объясните, как мотивируются поступки героев повести, смена их настроения (психологизм).
5. Подумайте, что сближает тургеневское произведение с рассказом Л. Н. Толстого «После бала».
6. Какие нравственные принципы И. С. Тургенева воплотились в повести «Ася»?

МНОГООБРАЗИЕ ПРИЁМОВ В СОЗДАНИИ ЦЕЛОСТНОГО ХАРАКТЕРА ЛИТЕРАТУРНОГО ГЕРОЯ

Многие приёмы в создании образа литературного героя в эпическом произведении вам уже знакомы: это *портретные детали* (внешний облик, манера держаться, поступки, слова), *отзывы* других персонажей, *авторские характеристики*, *повествование о судьбе героя, воспитании, его семье* и др. Вы уже умеете отличить позицию рассказчика и автора (повествователя), их оценки литературного героя, иногда различные. Пользуясь всеми или некоторыми из этих приёмов, писатель, следуя своему замыслу, раскрывает духовный мир героя, его психологию, логику его поступков, душевных движений. Художника слова всегда интересуют человек, его внутренняя жизнь, рождение, развитие, созревание новых чувств, отношений, борьба в его душе.

Создавая образы Аси, Гагина, рассказчика Н. Н., Тургенев пользовался всеми перечисленными приёмами. Наиболее подробно раскрыта история Аси, объяснены странности её характера. Изображена эта девушка как живой человек во всём богатстве её чувств, переживаний. Рассказчик Н. Н., передавая драматическую историю своих отношений с Гагиными, много говорит о своих чувствах, о своём восприятии природы, людей, городка на берегу Рейна. Он *умеет раскрыть свои переживания*, пытается их *анализировать*. Его лирическое, романтическое восприятие окружающего мира окрашивает всё повествование — и окутывает дымкой возвышенной поэтичности. Это тоже один из приёмов создания образа героя и общей атмосферы произведения.

Вместе с тем в историях персонажей, или подробно раскрытых, или только намеченных отдельными многозначительными штрихами, встаёт перед нами в общих чертах Россия середины XIX века, общий строй жизни, который отразился в индивидуальных судьбах героев.

Подумайте над тем, как автор-повествователь оценивает рассказчика Н. Н., его духовный мир, его чувства и поступки по отношению к Асе и к самому себе.

Антон Павлович ЧЕХОВ

1860—1904

Никто не понимал так ясно и тонко, как Антон Чехов, трагизм мелочей жизни, никто до него не умел так беспощадно правдиво нарисовать людям позорную и тоскливую картину их жизни в тусклом хаосе мещанской обыденщины.

Максим Горький

«СЧАСТЛИВЕЙШИЙ ИЗ РУССКИХ ВЕЛИКИХ ТАЛАНТОВ»

Антон Павлович Чехов принадлежит к тем писателям, которых предстоит читать и постигать всю жизнь. Среди поразительного богатства и разнообразия русских писательских талантов Чехов — явление уникальное и по характеру творчества, и по редкостным чертам своей личности.

О некоторых сторонах творческого и человеческого облика этого художника слова рассказывает К. И. Чуковский в статье «Чехов».

«Необыкновенно скорый на знакомства и дружбы, он в первые же годы своей жизни в Москве перезнакомился буквально со всею Москвою, со всеми слоями московского общества... и с гигантским аппетитом глотал все впечатления окружающей жизни. Без этой его феноменальной общительности, без этой постоянной охоты якшаться¹ с любым человеком, без этого жгучего его интереса к биографиям, нравам, разговорам, профессиям сотен и тысяч людей он, конечно, никогда не создал бы той грандиозной энциклопедии русского быта восьмидесятых и девяностых годов, которая называется мелкими рассказами А. П. Чехова.

Если бы из всех этих мелких рассказов, из многотомного собрания его сочинений вдруг каким-нибудь чудом на мос-

¹ *Якша́ться* (простореч.) — сходиться, общаться.

ковскую улицу хлынули все эти люди, изображённые там, все эти полицейские, актёры, портные, повара, арестанты, богомолки, педагоги, помещики, архиереи, циркачи, чиновники всех рангов и ведомств, крестьяне северных и южных губерний, генералы, банщики, инженеры, конокрады, монастырские служки, купцы, певчие, солдаты, свахи, фортепьянные настройщики, пожарные, судебные следователи, дьяконы, профессора, пастухи, адвокаты, произошла бы ужасная свалка... Не верится, что все эти толпы людей, кишачие в чеховских книгах, созданы одним человеком, что только два глаза, а не тысячи глаз с такою нечеловеческой зоркостью подсмотрели, запомнили и запечатлели навек всё это множество жестов, походок, физиономий, улыбок, одежд и что не одна тысяча сердец, а всего лишь одно вместило в себе боли и радости этой громады людей.

Работать с людьми, скитаться с людьми, но больше всего он любил веселиться с людьми, озорничать, хохотать вместе с ними... В грусти он оказался так же могуч, как и в радости! И там и здесь, на этих двух полюсах человеческих чувств, у него равно великая власть над сердцами. Но и в грусти, и в радости до последнего вздоха осталось при нём его художническое восхищение миром, которое в виде чудесной награды смолоду даётся великим поэтам и не покидает их в самые чёрные дни...»

ПЕРЕПОЛОХ

Каковы ваши впечатления от рассказа «Переполох»? Что вам понравилось? Что вас возмутило? Что поразило?

* * *

1. Какова картина переполоха, изображённая Чеховым (вид швейцара, горничных, хозяина, хозяйки, комнаты Машеньки)?
2. Как воспринимает и переживает это происшествие Машенька? Как она реагирует на сообщения горничной Лизы, как переживает своё унижение?
3. Какую роль в рассказе играет сцена в столовой? Как раскрываются в ней семейные отношения? Что можно сказать о характерах хозяев? Как их можно оценить с точки зрения морали?

4. Почему Машенька ещё острее переживает оскорбление после эпизода в столовой? Как её характеризуют ход мыслей и смятение чувств, мечты, мысли о будущем?
5. Почему Машенька не осталась, несмотря на извинения хозяина? Как характеры обоих раскрываются в этой сцене? Почему Николаю Сергеичу хочется, чтобы Машенька не уезжала?

* * *

1. Обратитесь к эпиграфу на с. 194 и попробуйте объяснить, как в этом рассказе раскрыт «трагизм мелочей жизни», нарисована «позорная и тоскливая картина жизни».
2. Каковы авторские представления о личности? Какой она должна быть? Какими писатель видит подлинно гуманные человеческие отношения? Как вы думаете, почему общий тон рассказа оптимистический?
3. Готовя к печати том собрания сочинений, Чехов в этом рассказе дописал последнюю фразу «Через полчаса она была уже в дороге» и снял подзаголовок «роман». Как вы думаете, почему?

ПОДТЕКСТ

Представление о подтексте в литературном произведении сформировалось на рубеже XIX—XX веков и связано с творчеством А. П. Чехова.

Подтекст — это скрытый смысл высказывания, который обнаруживается при соотнесении конкретных фраз текста с речевой ситуацией или со всем произведением. Например, в последней сцене рассказа «Переполох», когда Машенька решительно отказалась остаться в доме Кушкиных, Николай Сергеевич говорит: «Я, признаться, люблю тех, кто ещё умеет оскорбляться, презирать и прочее. Век бы сидел и на ваше негодующее лицо глядел...» Подтекст ясен: хозяин так растоптан женой, так обезличен, что презрение, негодование, протест других воспринимается им как потерянная и теперь недостижимая высота — сознание своего человеческого достоинства.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ

О литературном произведении как художественной целостности уже шёл разговор в прошлом учебном году. Но накопленный читательский опыт и опыт анализа позволяют посмотреть на него с другой точки зрения.

Любое литературное произведение представляет собой художественную целостность, независимо от его родовой и жанровой принадлежности. (Это общий принцип, лежащий в основе произведений любого искусства.) Как этот принцип воплощается в литературе, удобнее всего рассмотреть на небольшом по объёму произведении, например, на прочитанном рассказе Чехова. Рассказ, повесть, роман имеют *сюжет*. Элементы сюжета можно без труда обнаружить в рассказе «Переполюх». По *композиции* это произведение представляет собой ряд сцен, эпизодов, которые последовательно продвигают действие вперёд.

Единство произведения обеспечивается также *системой образов*, в которой можно выделить главные и второстепенные. Образы литературных героев соединены друг с другом многообразными связями, раскрывающими характер, духовный мир персонажа. Связи эти, как правило, сюжетные. Так, пропажа брошки, по мнению хозяйки, даёт ей право на обыск всех, кого она считает слугами. Возникает бытовой конфликт. Но в литературном произведении в основе сюжета всегда лежит *художественный конфликт* — это многосторонняя связь действующих лиц и её объяснение. Она помогает раскрыть характеры, сделать образы жизненно убедительными.

Конфликт такого типа виден в рассказе Чехова «Переполюх». Вначале то, что происходит в доме Кушкиных, воспринимается Машенькой Павлецкой как что-то постороннее по отношению к ней. Когда же она обнаруживает в своей комнате следы обыска, она чувствует себя оскорблённой, униженной.

Нравственный конфликт дополняется *социальным*: ведь если бы хозяйка воспринимала Машеньку как ровню себе,

она бы не посмела оскорбить её подозрением. Но гувернантка — род прислуги, поэтому её обыскивают наряду со швейцаром и горничными. В этом конфликте столкнулись благородство и незащитность Машеньки с низостью и пошлостью, жестокостью хозяйки. Чехов отмечает, что богатство не облагородило эту тупую, лицемерную женщину: она заявляет, что не верит в честность образованных, но бедных. В последней сцене рассказа перед читателем разворачивается ещё один, как будто сначала не очень заметный конфликт: Николай Сергеич признаётся Машеньке в воровстве брошки и раскрывает перед нею своё рабское положение в семье. Читатель имеет возможность сопоставить два конфликта: Машеньки с хозяйкой и Николая Сергеича с женой. Теперь мы видим, как многообразны и сложны взаимодействия в системе образов этого рассказа. Важную роль играют в ней и эпизодические лица.

Чтобы отчётливее представить себе художественное произведение как целостность, как живой организм, попробуем исключить какой-то один образ из единой системы. Ясно, что без Машеньки и мадам Кушкиной не было бы рассказа, то есть сюжета с украденной брошкой. Тогда попробуем представить рассказ без Николая Сергеича. Без его первоначальной реакции на обыск, который жена учинила в комнате Машеньки, без заключительной сцены. Рассказ упрощается, сюжет теряет остроту. Страстное авторское выступление в защиту человеческого достоинства, протест против тупой и жестокой силы, коверкающей жизнь, ослабевает, в рассказе остаётся зауряднейший случай. А вот извинения хозяина за жену, просьбы не покидать дом, наконец, признание в воровстве придают ситуации совсем иной смысл. Как надо было поработить человека, обобрать его, лишить права голоса в собственном доме, разрушить, исковеркать его душу, чтобы он решился украсть вещь в собственном доме, у жены! А ведь он не какой-нибудь пропойца или картёжник, человек, потерявший лицо. Иначе он не сказал бы Машеньке, что «во всём доме не останется ни одного человеческого лица». Случай как бы поворачивается другой стороной. Теперь мы воспринимаем Машеньку и Николая Сергеича как контрастные образы, противопоставленные

друг другу. Она протестует против унижения, решает уйти, хотя и теряет место. Он же свыкся с униженным положением, потому что не протестовал, не защищал своё человеческое достоинство. Сделался рабом, не имеющим никаких моральных принципов. Это подтверждается тем, что полицейские меры Федосьи Васильевны обрушиваются на прислугу и на Машеньку, а он, виноватый, оказывается в стороне. Бесхарактерность, неумение поставить на место жену, защитить безвинно оскорбляемых людей — свидетельство его полного морального краха. А Машенька противопоставлена ему как человек гордый, сознающий своё достоинство и сберегающий его даже ценою материальных потерь. Следовательно, художественная целостность рассказа создаётся и системой образов.

Есть ещё одна важнейшая сторона в произведении, которую чувствует читатель и которая делает рассказ или повесть художественной целостностью. Это чёткая и определённая *нравственная позиция* автора: в рассмотренном произведении писатель берёт под защиту личность.

Значит, целостность художественного произведения обеспечивается не только сюжетом и композицией, но и системой образов, их связями и взаимодействиями в художественном конфликте, а также единством нравственной позиции автора.

ТОСКА

Какое впечатление произвёл на вас рассказ «Тоска»? Почему он так назван?

* * *

1. Как вы можете объяснить эпиграф к рассказу «Кому повем печаль мою?»
2. Сколько раз пытается Иона Потапов рассказать о смерти сына? Какое впечатление производят его слова на седоков? Как Иона реагирует на них? Найдите в тексте их реплики и авторские слова.
3. Как писатель передаёт состояние извозчика? Почему тот сталкивается с людьми, каретами? Перечитайте начало рассказа.

4. Когда единственный раз на улице он испытывает облегчение «и чувство одиночества начинает мало-помалу отлегать от груди»? Отчего это происходит? Почему снова наваливается тоска? Какая она?
5. Как обращаются с Ионой седоки, как его воспринимают?
6. Как бы он хотел говорить об умершем сыне? с кем? почему всё рассказывает лошади?
7. Какую роль в рассказе играет пейзаж?
8. Перечитайте несколько первых строк, прислушайтесь к звучанию. Какова их интонация? Каким настроением они проникнуты?

* * *

1. Какова жизнь, обрисованная Чеховым в этом рассказе?
2. Какая панорама российской действительности видится вторым планом за сюжетом этого произведения?

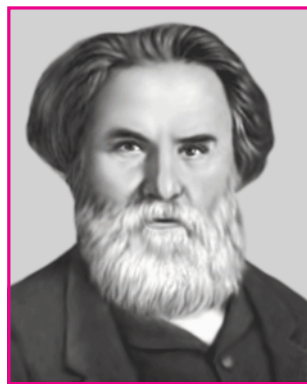
Владимир Галактионович КОРОЛЕНКО

1853—1921

Он ведь для меня был и остаётся самым законченным человеком из сотен, мною встреченных, и он для меня идеальный образ русского писателя. Таких, как он, долго не будет. Да и будут ли?

Редкий человек по красоте и стойкости духа...

Максим Горький

«ЧЕЛОВЕК СОЗДАН ДЛЯ СЧАСТЬЯ...»

Будущий писатель родился в Украине, в городе Житомире, в семье судьи, выделявшегося в среде провинциального чиновничества разносторонностью культурных запросов и неподкупной честностью, что делало его для окружающих чуждаковатым, непонятым человеком. Атмосфера семейных отношений, где господствовала дружба, воспитывались правдивость и прямота характера, благотворно сказались на духовном развитии ребенка.

В детстве Короленко мечтал стать героем, защитником обижаемых и преследуемых. Гимназические годы, проведённые в среде дружной, товарищеской, где втайне от администрации распространялись книги революционного направления, потом студенческая жизнь в атмосфере общественных интересов сыграли огромную роль в формировании характера и мировоззрения В. Г. Короленко. Он готовился стать революционером-пропагандистом... Несколько лет (март 1879 — до 1886) Короленко провёл в тюрьмах и ссылках, в том числе в далёкой Якутии. Там и началась его писательская работа. Вы, наверное, помните его рассказ «Дети подземелья».

Одна из центральных тем творчества — человеческое счастье, полнота духовной жизни. «Человек создан для счастья, как птица для полёта», — говорит один из героев Короленко. Но с горькой иронией писатель называет рассказ, где произносится эта формула, «Парадоксом»¹. Вопросу о том, что такое счастье, где его границы и в чём его смысл, посвящает писатель одно из наиболее значительных своих произведений — повесть «Слепой музыкант» (1886). История слепого мальчика, ставшего музыкантом, — это не только история борьбы незрячего с тяжёлым физическим недугом. «Да, он прозрел... — пишет В. Г. Короленко. — На месте слепого и неутолимого эгоистического страдания он носит в душе ощущение жизни, он чувствует и людское горе, и людскую радость...»

По А. Котову

ПАРАДОКС

Что в рассказе «Парадокс» показалось вам интересным? Что изволновало? поразило? испугало?

Какое впечатление произвели на вас братья, их фантазии? Какие размышления автора оказались близки вам?

¹ *Парадо́кс* (книжн.) — странное мнение, расходящееся с общепринятыми мнениями, научными положениями, а также мнение, противоречащее (иногда только на первый взгляд) здравому смыслу.

1. Прочитав рассказ «Парадокс», мы сразу обращаем внимание на то, что в нём противопоставлены две картины: безмятежной детской мечтательности и встречи с «феноменом». Как вы думаете, в чём смысл этого противопоставления?
2. Рассмотрите последовательно каждый из этих эпизодов. Перечитайте страницы о занятии детей «рыболовством», о «путешествиях» в золотой карете и снова о чудо-рыбке. Заметили ли вы интонацию мягкого, тёплого юмора во всех этих описаниях? Укажите фразы, в которых она проступает особенно явно.
3. Какова роль небольшой второй главки в подготовке читателя к событиям и зрелищу, воссозданным в третьей части произведения? Обратите внимание, как Павел смотрит на мальчиков-фантазёров, на их удочки, бадью. Как они себя воспринимают под его взглядом? В чём дети противопоставлены взрослому? Кто вызывает большую симпатию и понимание?
4. Нет сомнения, что центральная часть рассказа — это третья главка. Перечитайте её и выделите описание «феномена» и всех его действий, реакцию толпы и отдельных людей. Как они вели себя, когда длинноусый обходил собравшихся, как «феномен» реагировал на подношения?
5. Перечитайте ещё раз немую сцену после предложения выдать афоризм. Попробуйте объяснить смысл фразы: «Было что-то цинически карикатурное во всей его фигуре и позе...» Найдите строки, где говорится, как изменился взгляд «феномена», когда к нему подошли дети. Почему афоризм назван ещё и парадоксом?
6. Что нового добавляет четвёртая главка к представлению читателя о Яне Залуском? Как теперь воспринимают его дети? Какой дополнительный смысл афоризма раскрывается перед мальчиками?
7. Почему после встречи с «феноменом» ребятам стали неинтересны их прежние фантазии? Почему в конце четвёртой главки изменилась интонация повествования?

Почему отец позвал сыновей на представление? В чём суть урока, который преподнесла детям жизнь? Как этот урок понимает писатель?

РОЛЬ КОМПОЗИЦИИ В РАСКРЫТИИ АВТОРСКОЙ КОНЦЕПЦИИ¹ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

С композицией рассказа вы знакомы уже давно, ещё с 6-го класса, и помните, что когда говорят о композиции, то имеют в виду размещение в тексте его частей и их отношение друг к другу. Вы обсуждали в своё время композицию рассказа И. С. Тургенева «Бежин луг», сравнивали портреты мальчиков, их рассказы об удивительном и непонятном, любовались прекрасными пейзажами.

Композиция рассказа В. Г. Короленко «Парадокс» может служить примером того, как в сопоставлении и противопоставлении отдельных сцен, частей произведения перед читателем отчётливо выступает *авторская концепция* жизни и судьбы человека. Сцены игр мальчиков-братьев, переживание ими своих фантазий раскрывают их богатый внутренний мир, яркую творческую одарённость детской души. Но вместе с тем ясно показывают сон разума, ещё не столкнувшегося с реальной жизнью и её драмами. Сцены с участием Яна Залуского, противопоставленные детским фантазиям, вызывают ужас у взрослых и детей. Все поражены не только видом страшного уродства, но и тем, что человек смог победить свою трагедию, сохранить душу и чувство собственного достоинства, свой незаурядный ум. «Так что же такое человек?» — вот какой вопрос ставит Короленко. И отвечает: это душа и ум, благородство и честность перед людьми и самим собой. Каковы внутренние резервы² его личности? Они, говорит писатель, огромны, они во внутреннем мире человека. И он способен победить свою личную трагедию, как это сделал «феномен», написавший свой парадоксальный афоризм — истину, выстраданную им.

Отец мальчиков поступил мудро, дав возможность детям расширить жизненный опыт, понаблюдать, как личная трагедия человека может быть побеждена высокой духовностью.

¹ *Концепция* — система взглядов на что-нибудь; основная мысль.

² *Резерв* — запас, откуда черпаются новые силы.

Таким образом, рассмотрение композиции литературного произведения, её осмысление приоткрывают ведущую авторскую мысль, или, точнее сказать, систему взглядов на жизнь, на человека — *концепцию жизни и личности*.

Максим ГОРЬКИЙ

1868—1936

Превосходная должность — быть
на земле человеком.

Максим Горький

Максим Горький вошёл в историю литературы как художник XX века, хотя начинал свой творческий путь на рубеже веков, в 90-е годы XIX века. На новом рубеже истории он ставил в искусстве слова во многом традиционные для русской литературы вопросы, но искал на них нетрадиционные ответы. «Что есть человек? Каковы его возможности? Где истоки Добра и Зла в его душе? Как преодолеть мрак жизни? Как и какими путями выйти к свободе, к свету?» — такие вопросы вставали перед читателем первых горьковских произведений. Ответы на них звучали непривычно, по-новому. Это было захватывающе интересно. Его Радда и Лойко Зобар, Ларра, Данко, старуха Изергиль жили яркой жизнью загадочных романтических героев. На биографиях персонажей реалистических рассказов — Челкаша, Григория Орлова, Коновалова — тоже лежит отблеск романтической исключительности. Но в них понятно естественное стремление стать человеком полноценным, в них живёт ощущение своей внутренней силы и способности преодолеть драму жизни, утвердить своё человеческое достоинство.

С весны 1895 года Максим Горький несколько лет прожил в Самаре, сотрудничая в «Самарской газете». Сове-

менники отмечали, что внутренний потенциал — глубокое знание жизни, чуткую и отзывчивую душу, интерес к человеку, жажду понять его — уже имел молодой писатель, только вступающий в литературу. И ещё — желание и умение учиться, стремление знать литературу и читать, читать...

СТАРУХА ИЗЕРГИЛЬ

I

Я слышал эти рассказы под Аккерманом, в Бессарабии, на морском берегу.

Однажды вечером, кончив дневной сбор винограда, партия молдаван, с которой я работал, ушла на берег моря, а я и старуха Изергиль остались под густой тенью виноградных лоз и, лёжа на земле, молчали, глядя, как тают в голубой мгле ночи силуэты тех людей, что пошли к морю.

Они шли, пели и смеялись; мужчины — бронзовые, с пышными, чёрными усами и густыми кудрями до плеч, в коротких куртках и широких шароварах; женщины и девушки — весёлые, гибкие, с тёмно-синими глазами, тоже бронзовые. Их волосы, шёлковые и чёрные, были распущены, ветер, тёплый и лёгкий, играя ими, звякал монетами, вплетёнными в них. Ветер тёк широкой, ровной волной, но иногда он точно прыгал через что-то невидимое и, рождая сильный порыв, развеивал волосы женщин в фантастические гривы, вздымавшиеся вокруг их голов. Это делало женщин странными и сказочными. Они уходили всё дальше от нас, а ночь и фантазия одевали их всё прекраснее.

Кто-то играл на скрипке... девушка пела мягким контральто¹, слышался смех...

Воздух был пропитан острым запахом моря и жирными испарениями земли, незадолго до вечера обильно смоченной дождём. Ещё и теперь по небу бродили обрывки туч, пышные, странных очертаний и красок, тут — мягкие, как клубы дыма, сизые и пепельно-голубые, там — резкие,

¹ *Контральто* — самый низкий женский голос.

как обломки скал, матово-чёрные или коричневые. Между ними ласково блестели тёмно-голубые клочки неба, украшенные золотыми крапинками звёзд. Всё это: звуки и запахи, тучи и люди — было странно красиво и грустно, казалось началом чудной сказки. И всё как бы остановилось в своём росте, умирало; шум голосов гас, удаляясь, перерождался в печальные вздохи.

— Что ты не пошёл с ними? — кивнув головой, спросила старуха Изергиль.

Время согнуло её пополам, чёрные когда-то глаза были тусклы и слезились. Её сухой голос звучал странно, он хрустел, точно старуха говорила костями.

— Не хочу, — ответил я ей.

— У!.. стариками родитесь вы, русские. Мрачные все, как демоны... Боятся тебя наши девушки... А ведь ты молодой и сильный...

Луна взошла. Её диск был велик, кроваво-красен, она казалась вышедшей из недр этой степи, которая на своём веку так много поглотила человеческого мяса и выпила крови, отчего, наверное, и стала такой жирной и щедрой. На нас упали кружевные тени от листвы, я и старуха покрылись ими, как сетью. По степи, влево от нас, поплыли тени облаков, пропитанные голубым сиянием луны, они стали прозрачней и светлей.

— Смотри, вон идёт Ларра!

Я смотрел, куда старуха указывала своей дрожащей рукой с кривыми пальцами, и видел: там плыли тени, их было много, и одна из них, темней и гуще, чем другие, плыла быстрее и ниже сестёр, — она падала от клочка облака, которое плыло ближе к земле, чем другие, и скорее, чем они.

— Никого нет там! — сказал я.

— Ты слеп больше меня, старухи. Смотри — вон, тёмный, бежит степью!

Я посмотрел ещё и снова не видел ничего, кроме тени.

— Это тень! Почему ты зовёшь её Ларра?

— Потому что это — он. Он уже стал теперь как тень, — пора! Он живёт тысячи лет, солнце высушило его тело, кровь и кости, и ветер распылил их. Вот что может сделать Бог с человеком за гордость!..

— Расскажи мне, как это было! — попросил я старуху, чувствуя впереди одну из славных сказок, сложенных в степях.

И она рассказала мне эту сказку.

«Многие тысячи лет прошли с той поры, когда случилось это. Далеко за морем, на восход солнца, есть страна большой реки, в той стране каждый древесный лист и стебель травы даёт столько тени, сколько нужно человеку, чтоб укрыться в ней от солнца, жестоко жаркого там.

Вот какая щедрая земля в той стране!

Там жило могучее племя людей, они пасли стада и на охоту за зверями тратили свою силу и мужество, пировали после охоты, пели песни и играли с девушками.

Однажды, во время пира, одну из них, черноволосую и нежную, как ночь, унёс орёл, спустившись с неба. Стрелы, пущенные в него мужчинами, упали, жалкие, обратно на землю. Тогда пошли искать девушку, но — не нашли её. И забыли о ней, как забывают обо всём на земле».

Старуха вздохнула и замолчала. Её скрипучий голос звучал так, как будто это роптали все забытые века, воплотившись в её груди тенями воспоминаний. Море тихо вторило началу одной из древних легенд, которые, может быть, создались на его берегах.

«Но через двадцать лет она сама пришла, измученная, иссохшая, а с нею был юноша, красивый и сильный, как сама она двадцать лет назад. И, когда её спросили, где была она, она рассказала, что орёл унёс её в горы и жил с нею там, как с женой. Вот его сын, а отца нет уже; когда он стал слабеть, то поднялся в последний раз высоко в небо и, сложив крылья, тяжело упал оттуда на острые уступы горы, насмерть разбился о них...

Все смотрели с удивлением на сына орла и видели, что он ничем не лучше их, только глаза его были холодны и горды, как у царя птиц. И разговаривали с ним, а он отвечал, если хотел, или молчал, а когда пришли старейшие племени, он говорил с ними, как с равными себе. Это оскорбило их, и они, назвав его неоперённой стрелой с неотточенным наконечником, сказали ему, что их чтут, им повинуются тысячи таких, как он, и тысячи вдвое старше его.

А он, смело глядя на них, отвечал, что таких, как он, нет больше; и если все чтут их — он не хочет делать этого. О!.. тогда уже совсем рассердились они. Рассердились и сказали:

— Ему нет места среди нас! Пусть идёт куда хочет.

Он засмеялся и пошёл, куда захотелось ему, — к одной красивой девушке, которая пристально смотрела на него; пошёл к ней и, подойдя, обнял её. А она была дочь одного из старшин, осудивших его. И, хотя он был красив, она оттолкнула его, потому что боялась отца. Она оттолкнула его, да и пошла прочь, а он ударил её и, когда она упала, встал ногой на её грудь, так, что из её уст кровь брызнула к небу, девушка, вздохнув, извилась змеей и умерла.

Всех, кто видел это, оковал страх, — впервые при них так убивали женщину. И долго все молчали, глядя на неё, лежавшую с открытыми глазами и окровавленным ртом, и на него, который стоял один против всех, рядом с ней, и был горд, — не опустил своей головы, как бы вызывая на неё кару. Потом, когда одумались, то схватили его, связали и так оставили, находя, что убить сейчас же — слишком просто и не удовлетворит их».

Ночь росла и крепла, наполняясь странными, тихими звуками. В степи печально посвистывали суслики, в листве винограда дрожал стеклянный стрекот кузнечиков, листва вздыхала и шепталась, полный диск луны, раньше кроваво-красный, бледнел, удаляясь от земли, бледнел и всё обильнее лил на степь голубоватую мглу...

«И вот они собрались, чтобы придумать казнь, достойную преступления... Хотели разорвать его лошадьми — и это казалось мало им; думали пустить в него всем по стреле, но отвергли и это; предлагали сжечь его, но дым костра не позволил бы видеть его мучений; предлагали много — и не находили ничего настолько хорошего, чтобы понравилось всем. А его мать стояла перед ними на коленях и молчала, не находя ни слёз, ни слов, чтобы умолять о пощаде. Долго говорили они, и вот один мудрец сказал, подумав долго:

— Спросим его, почему он сделал это?

Спросили его об этом. Он сказал:

— Развяжите меня! Я не буду говорить связанный!

А когда развязали его, он спросил:

— Что вам нужно? — спросил так, точно они были рабы...

— Ты слышал... — сказал мудрец.

— Зачем я буду объяснять вам мои поступки?

— Чтоб быть понятым нами. Ты, гордый, слушай! Всё равно ты умрёшь ведь... Дай же нам понять то, что ты сделал. Мы остаёмся жить, и нам полезно знать больше, чем мы знаем...

— Хорошо, я скажу, хотя я, может быть, сам неверно понимаю то, что случилось. Я убил её потому, мне кажется, — что меня оттолкнула она... А мне было нужно её.

— Но она не твоя! — сказали ему.

— Разве вы пользуетесь только своим? Я вижу, что каждый человек имеет только речь, руки и ноги... а владеет он животными, женщинами, землёй... и многим ещё...

Ему сказали на это, что за всё, что человек берёт, он платит собой: своим умом и силой, иногда — жизнью. А он отвечал, что он хочет сохранить себя целым.

Долго говорили с ним и наконец увидели, что он считает себя первым на земле и, кроме себя, не видит ничего. Всем даже страшно стало, когда поняли, на какое одиночество он обрекал себя. У него не было ни племени, ни матери, ни скота, ни жены, и он не хотел ничего этого.

Когда люди увидали это, они снова принялись судить о том, как наказать его. Но теперь недолго они говорили, — тот, мудрый, не мешавший им судить, заговорил сам:

— Стойте! Наказание есть. Это страшное наказание; вы не выдумаете такого в тысячу лет! Наказание ему — в нём самом! Пустите его, пусть он будет свободен. Вот его наказание!

И тут произошло великое. Грянул гром с небес, — хотя на них не было туч. Это силы небесные подтверждали речь мудрого. Все поклонились и разошлись. А этот юноша, который теперь получил имя Ларра, что значит: отверженный, выкинутый вон, — юноша громко смеялся вслед людям, которые бросили его, смеялся, оставаясь один, свободный, как отец его. Но отец его — не был человеком...

А этот — был человек. И вот он стал жить, вольный, как птица. Он приходил в племя и похищал скот, девушек — всё, что хотел. В него стреляли, но стрелы не могли пронзить его тела, закрытого невидимым покровом высшей кары. Он был ловок, хищен, силен, жесток и не встречался с людьми лицом к лицу. Только издали видели его. И долго он, одинокий, так вился около людей, долго — не один десяток годов. Но вот однажды он подошёл близко к людям и, когда они бросились на него, не тронулся с места и ничем не показал, что будет защищаться. Тогда один из людей догадался и крикнул громко:

— Не троньте его. Он хочет умереть!

И все остановились, не желая облегчить участь того, кто делал им зло, не желая убивать его. Остановились и смеялись над ним. А он дрожал, слыша этот смех, и всё искал чего-то на своей груди, хватаясь за неё руками. И вдруг он бросился на людей, подняв камень. Но они, уклоняясь от его ударов, не нанесли ему ни одного, и когда он, утомлённый, с тоскливым криком упал на землю, то отошли в сторону и наблюдали за ним. Вот он встал и, подняв потерянный кем-то в борьбе с ним нож, ударил им себя в грудь. Но сломался нож — точно в камень ударили им. И снова он упал на землю и долго бился головой об неё. Но земля отстранялась от него, углублялась от ударов его головы.

— Он не может умереть! — с радостью сказали люди.

И ушли, оставив его. Он лежал кверху лицом и видел — высоко в небе чёрными точками плавали могучие орлы. В его глазах было столько тоски, что можно было бы отравить ею всех людей мира. Так, с той поры остался он один, свободный, ожидая смерти. И вот он ходит, ходит повсюду... Видишь, он стал уже как тень и таким будет вечно! Он не понимает ни речи людей, ни их поступков — ничего. И всё ищет, ходит, ходит... Ему нет жизни, и смерть не улыбается ему. И нет ему места среди людей... Вот как был поражён человек за гордость!»

Старуха вздохнула, замолчала, и её голова, опустившись на грудь, несколько раз странно качнулась.

Я посмотрел на неё. Старуху одолевал сон, показалось мне. И стало почему-то страшно жалко её. Конец рассказа

она вела таким возвышенным, угрожающим тоном, а всё-таки в этом тоне звучала боязливая, рабская нота.

На берегу запели, — странно запели. Сначала раздался контральто, — он пропел две-три ноты, и раздался другой голос, начавший песню сначала, а первый всё лился впереди его... — третий, четвертый, пятый вступили в песню в том же порядке. И вдруг ту же песню, опять-таки сначала, запел хор мужских голосов.

Каждый голос женщины звучал совершенно отдельно, все они казались разноцветными ручьями и, точно скатываясь откуда-то сверху по уступам, прыгая и звеня, вливаясь в густую волну мужских голосов, плавно лившуюся кверху, тонули в ней, вырывались из неё, заглушали её и снова один за другим взвивались, чистые и сильные, высоко вверх.

Шума волн не слышно было за голосами...

II

— Слышал ли ты, чтоб где-нибудь ещё так пели? — спросила Изергиль, поднимая голову и улыбаясь беззубым ртом.

— Не слышал. Никогда не слышал...

— И не услышишь. Мы любим петь. Только красавцы могут хорошо петь, — красавцы, которые любят жить. Мы любим жить. Смотри-ка, разве не устали за день те, которые поют там? С восхода по закат работали, взошла луна, и уже — поют! Те, которые не умеют жить, легли бы спать. Те, которым жизнь мила, вот — поют.

— Но здоровье... — начал было я.

— Здоровья всегда хватит на жизнь. Здоровье! Разве ты, имея деньги, не тратил бы их? Здоровье — то же золото. Знаешь ты, что я делала, когда была молодой? Я ткала ковры с восхода по закат, не вставая почти. Я, как солнечный луч, живая была и вот должна была сидеть неподвижно, точно камень. И сидела до того, что, бывало, все кости у меня трещат. А как придёт ночь, я бежала к тому, кого любила, целоваться с ним. И так я бегала три месяца, пока была любовь; все ночи этого времени бывала у него. И вот до какой поры дожила — хватило крови! А сколько любила! Сколько поцелуев взяла и дала!..

Я посмотрел ей в лицо. Её чёрные глаза были всё-таки тусклы, их не оживило воспоминание. Луна освещала её сухие, потрескавшиеся губы, заострённый подбородок с седыми волосами на нём и сморщенный нос, загнутый, словно клюв совы. На месте щёк были чёрные ямы, и в одной из них лежала прядь пепельно-седых волос, выбившихся из-под красной тряпки, которою была обмотана её голова. Кожа на лице, шее и руках вся изрезана морщинами, и при каждом движении старой Изергиль можно было ждать, что сухая эта кожа разорвётся вся, развалится кусками и предо мной встанет голый скелет с тусклыми чёрными глазами.

Она снова начала рассказывать своим хрустящим голосом:

— Я жила с матерью под Фальчи, на самом берегу Бырлада; и мне было пятнадцать лет, когда он явился к нашему хутору. Был он такой высокий, гибкий, черноусый, весёлый. Сидит в лодке и так звонко кричит он нам в окна: «Эй, нет ли у вас вина... и поесть мне?» Я посмотрела в окно сквозь ветви ясеней и вижу: река вся голубая от луны, а он, в белой рубаше и в широком кушаке с распущенными на боку концами, стоит одной ногой в лодке, а другой на берегу. И покачивается, и что-то поёт. Увидал меня, говорит: «Вот какая красавица живёт тут!.. А я и не знал про это!» Точно он уж знал всех красавиц до меня! Я дала ему вина и варёной свинины... А через четыре дня дала уже и всю себя... Мы всё катались с ним в лодке по ночам. Он приедет и посвистит тихо, как суслик, а я выпрыгну, как рыба, в окно на реку. И едем... Он был рыбаком с Прута, и потом, когда мать узнала про всё и побила меня, уговаривал всё меня уйти с ним в Добруджу и дальше в дунайские гирла¹. Но мне уж не нравился он тогда — только поёт да целуется, ничего больше! Скучно это было уже. В то время гуцулы² шайкой ходили по тем местам, и у них были любезные тут... Так вот тем — весе-

¹ *Гірло* — устье рек, впадающих в Чёрное и Азовское моря.

² *Гуцулы* — западные украинцы, живущие в Карпатах.

ло было. Иная ждёт, ждёт своего карпатского молодца, думает, что он уже в тюрьме или убит где-нибудь в драке, — и вдруг он один, а то с двумя-тремя товарищами, как с неба, упадёт к ней. Подарки подносил богатые — легко же ведь доставалось всё им! И пирует у неё, и хвалится ею перед своими товарищами. А ей любо это. Я и попросила одну подругу, у которой был гуцул, показать мне их... Как её звали? Забыла как... Всё стала забывать теперь. Много времени прошло с той поры, всё забудешь! Она меня познакомила с молодцом. Был хорош... Рыжий был, весь рыжий — и усы и кудри! Огненная голова. И был он такой печальный, иногда ласковый, а иногда, как зверь, ревел и дрался. Раз ударил меня в лицо... А я, как кошка, вскочила ему на грудь, да и впилась зубами в щеку...

С той поры у него на щеке стала ямка, и он любил, когда я целовала её...

— А рыбак куда девался? — спросил я.

— Рыбак? А он... тут... Он пристал к ним, к гуцулам. Сначала всё уговаривал меня и грозил бросить в воду, а потом — ничего, пристал к ним и другую завёл... Их обоих и повесили вместе — и рыбака, и этого гуцула. Я ходила смотреть, как их вешали. В Добрудже это было. Рыбак шёл на казнь бледный и плакал, а гуцул трубку курил. Идёт себе и курит, руки в карманах, один ус на плече лежит, а другой на грудь свесился. Увидал меня, вынул трубку и кричит: «Прощай!..» Я целый год жалела его. Эх!.. Это уж тогда с ними было, как они хотели уйти в Карпаты к себе. На прощанье пошли к одному румыну в гости, там их и поймали. Двоих только, а нескольких убили, а остальные ушли... Всё-таки румыну заплатили после... Хутор сожгли, и мельницу, и хлеб весь. Нищим стал.

— Это ты сделала? — наудачу спросил я.

— Много было друзей у гуцулов, не одна я... Кто был их лучшим другом, тот и справил им поминки...

Песня на берегу моря уже умолкла, и старухе вторил теперь только шум морских волн, — задумчивый, мятежный шум был славной второй¹ рассказу о мятежной жиз-

¹ *Второй* — второй голос в дуэте, более низкий.

ни. Всё мягче становилась ночь, и всё больше разрождалось в ней голубого сияния луны, а неопределённые звуки хлопотливой жизни её невидимых обитателей становились тише, заглушаемые возрастающим шорохом волн... ибо усиливался ветер.

— А то ещё турка любила я. В гареме у него была, в Скутари. Целую неделю жила, — ничего... Но скучно стало... — всё женщины, женщины... Восемь было их у него... Целый день едят, спят и болтают глупые речи... Или ругаются, квохчут, как курицы... Он был уже немолодой, этот турок. Седой почти и такой важный, богатый. Говорил — как владыка... Глаза были чёрные... Прямые глаза... Смотрят прямо в душу. Очень он любил молиться. Я его в Букурешти увидела... Ходит по рынку, как царь, и смотрит так важно, важно. Я ему улыбнулась. В тот же вечер меня схватили на улице и привезли к нему. Он сандал¹ и пальму продавал, а в Букурешти приехал купить что-то. «Едешь ко мне?» — говорит. — «О да, поеду!» — «Хорошо!» И я поехала. Богатый он был, этот турок. И сын у него уже был — чёрненький мальчик, гибкий такой... Ему лет шестнадцать было. С ним я и убежала от турка... Убежала в Болгарию, в Лом-Паланку... Там меня одна болгарка ножом ударила в грудь за жениха или за мужа своего — уже не помню.

Хворала я долго в монастыре одном. Женский монастырь. Ухаживала за мной одна девушка, полька... и к ней из монастыря другого, — около Арцер-Паланки, помню, — ходил брат, тоже монашек... Такой... как червяк, всё извивался предо мной... И когда я выздоровела, то ушла с ним... в Польшу его.

— Погоди!.. А где маленький турок?

— Мальчик? Он умер, мальчик. От тоски по дому или от любви... но стал сохнуть он, так, как неокрепшее деревцо, которому слишком много перепало солнца... так и сох всё... помню, лежит, весь уже прозрачный и голубоватый, как льдинка, а всё ещё в нём горит любовь... И всё просит

¹ *Сандál* — дерево, из которого изготавливают краситель красного цвета, а также краска из него.

наклониться и поцеловать его... Я любила его и, помню, много целовала... Потом уж он совсем стал плох — не двигался почти. Лежит и так жалобно, как нищий милостыни, просит меня лечь с ним рядом и греть его. Я ложилась. Ляжешь с ним... он сразу загорится весь... Однажды я проснулась, а он уж холодный... мёртвый... Я плакала над ним. Кто скажет? Может, ведь это я и убила его. Вдвое старше его я была тогда уж. И была такая сильная, сочная... а он — что же?... Мальчик!..

Она вздохнула и — первый раз я видел это у неё — перекрестилась трижды, шепча что-то сухими губами.

— Ну, отправилась ты в Польшу... — подсказал я ей.

— Да... с тем, маленьким полячком. Он был смешной и подлый. Когда ему нужна была женщина, он ластился ко мне котом и с его языка горячий мёд тёк, а когда он меня не хотел, то щёлкал меня словами, как кнутом. Раз как-то шли мы по берегу реки, и вот он сказал мне гордое, обидное слово. О! О!.. Я рассердилась! Я закипела, как смола! Я взяла его на руки и, как ребёнка, — он был маленький, — подняла вверх, сдавив ему бока так, что он посинел весь. И вот я размахнулась и бросила его с берега в реку. Он кричал. Смешно так кричал. Я смотрела на него сверху, а он барахтался там, в воде. Я ушла тогда. И больше не встречалась с ним. Я была счастлива на это: никогда не встречалась после с теми, которых когда-то любила. Это нехорошие встречи, всё равно как бы с покойниками.

Старуха замолчала, вздыхая. Я представлял себе воскрешаемых ею людей. Вот огненно-рыжий, усатый гуцул идёт умирать, спокойно покуривая трубку. У него, наверное, были холодные, голубые глаза, которые на всё смотрели сосредоточенно и твёрдо. Вот рядом с ним черноусый рыбак с Прута; плачет, не желая умирать, и на его лице, бледном от предсмертной тоски, потускнели весёлые глаза, и усы, смоченные слезами, печально обвисли по углам искривлённого рта. Вот он, старый, важный турок, наверное, фаталист и деспот, и рядом с ним его сын, бледный и хрупкий цветок востока, отравленный поцелуями. А вот тщеславный поляк, галантный и жестокий, красноречивый и холодный... И все они — только бледные тени, а та, которую они цело-

вали, сидит рядом со мной живая, но иссушенная временем, без тела, без крови, с сердцем без желаний, с глазами без огня, — тоже почти тень.

Она продолжала:

— В Польше стало трудно мне. Там живут холодные и лживые люди. Я не знала их змеиноного языка. Все шипят... Что шипят? Это Бог дал им такой... змеинный язык за то, что они лживы. Шла я тогда, не зная куда, и видела, как они собирались бунтовать с вами, русскими. Дошла до города Бохнии. Жид¹ один купил меня; не для себя купил, а чтобы торговать мною. Я согласилась на это. Чтобы жить — надо уметь что-нибудь делать.

Я ничего не умела и за это платила собой. Но я подумала тогда, что ведь, если я достану немного денег, чтобы воротиться к себе на Бырлад, я порву цепи, как бы они крепки ни были. И жила я там. Ходили ко мне богатые паны и пировали у меня. Это им дорого стоило. Дрались из-за меня они, разорялись. Один добивался меня долго и раз вот что сделал: пришёл, а слуга за ним идёт с мешком. Вот пан взял в руки тот мешок и опрокинул его над моей головой. Золотые монеты стукали меня по голове, и мне весело было слушать их звон, когда они падали на пол. Но я всё-таки выгнала пана. У него было такое толстое, сырое лицо, и живот — как большая подушка. Он смотрел, как сытая свинья. Да, выгнала я его, хотя он и говорил, что продал все земли свои, и дома, и коней, чтобы осыпать меня золотом. Я тогда любила одного достойного пана с изрубленным лицом. Всё лицо было у него изрублено крест-накрест саблями турок, с которыми он незадолго перед тем воевал за греков. Вот человек!.. Что ему греки, если он поляк? А он пошёл, бился с ними против их врагов. Изрубили его, у него вытек один глаз от ударов, и два пальца на левой руке были тоже отрублены... Что ему греки, если он поляк?

А вот что: он любил подвиги. А когда человек любит подвиги, он всегда умеет их сделать и найдёт, где это

¹ *Жид* — до революции 1917 года общепринятое наименование иудеев, в котором не было оскорбительного смысла.

можно. В жизни, знаешь ли ты, всегда есть место подвигам. И те, которые не находят их для себя, — те просто лентяи, или трусы, или не понимают жизни, потому что, кабы люди понимали жизнь, каждый захотел бы оставить после себя свою тень в ней. И тогда жизнь не пожирала бы людей бесследно... О, этот, рубленый, был хороший человек! Он готов был идти на край света, чтобы делать что-нибудь. Наверное, ваши убили его во время бунта. А зачем вы ходили бить мадьяр¹? Ну-ну, молчи!..

И, приказывая мне молчать, старая Изергиль вдруг замолчала сама, задумалась.

— Знала также я и мадьяра одного. Он однажды ушёл от меня, — зимой это было, — и только весной, когда стаял снег, нашли его в поле с простреленной головой. Вот как! Видишь — не меньше чумы губит любовь людей; коли посчитать — не меньше... Что я говорила? О Польше... Да, там я сыграла свою последнюю игру. Встретила одного шляхтича... Вот был красив! Как чёрт. Я же стара уж была, эх, стара! Было ли мне четыре десятка лет? Пожалуй, что и было... А он был ещё и горд, и избалован нами, женщинами. Дорого он мне стал... да. Он хотел сразу, так себе взять меня, но я не далась. Я не была никогда рабой, ничьей. А с жидом я уже кончила, много денег дала ему... И уже в Кракове жила. Тогда у меня всё было: и лошади, и золото, и слуги... Он ходил ко мне, гордый демон, и всё хотел, чтоб я сама кинулась ему в руки. Мы поспорили с ним... Я даже, — помню, — дурнела от этого. Долго это тянулось... Я взяла своё: он на коленях упрашивал меня... Но только взял, как уж и бросил. Тогда поняла я, что стала стара... Ох, это было мне не сладко! Вот уж не сладко!.. Я ведь любила его, этого чёрта... а он, встречаясь со мной, смеялся... подлый он был! И другим он смеялся надо мной, а я это знала. Ну, уж горько было мне, скажу! Но он был тут, близко, и я всё-таки любовалась им. А как вот ушёл он биться с вами, русскими, тошно стало мне. Ломала я себя, но не могла сломать... И решила поехать за ним. Он около Варшавы был, в лесу.

¹ *Мадьяры* — венгры; имеется ввиду революция 1848 года, подавленная с помощью русского правительства, приславшего войска.

Но когда я приехала, то узнала, что уж побили их ваши... и что он в плену, недалеко в деревне.

«Значит, — подумала я, — не увижу уже его больше!» А видеть хотелось. Ну, стала стараться увидеть... Нищей оделась, хромой и пошла, завязав лицо, в ту деревню, где был он. Везде казаки и солдаты... дорого мне стоило быть там! Узнала я, где поляки сидят, и вижу, что трудно попасть туда. А нужно мне это было. И вот ночью поползла я к тому месту, где они были. Ползу по огороду между гряд и вижу: часовой стоит на моей дороге... А уж слышно мне — поют поляки и говорят громко. Поют песню одну... к матери Бога... И тот там же поёт... Аркадэк мой. Мне горько стало, как подумала я, что раньше за мной ползали... а вот оно, пришло время — и я за человеком поползла змеей по земле и, может, на смерть свою ползу. А этот часовой уже слушает, выгнулся вперёд. Ну, что же мне? Встала я с земли и пошла на него. Ни ножа у меня нет, ничего, кроме рук да языка. Жалею, что не взяла ножа. Шепчу: «Погоди!..» А он, солдат этот, уже приставил к горлу мне штык. Я говорю ему шёпотом: «Не коли, погоди, послушай, коли у тебя душа есть! Не могу тебе ничего дать, а прошу тебя...» Он опустил ружьё и также шёпотом говорит мне: «Пошла прочь, баба! пошла! Чего тебе?» Я сказала ему, что сын у меня тут заперт... «Ты понимаешь, солдат, — сын! Ты ведь тоже чей-нибудь сын, да? Так вот посмотри на меня — у меня есть такой же, как ты, и вон он где! Дай мне посмотреть на него, может, он умрёт скоро... и, может, тебя завтра убьют... будет плакать твоя мать о тебе? И ведь тяжело будет тебе умереть, не взглянув на неё, твою мать? И моему сыну тяжело же. Пожалей же себя и его, и меня — мать!..»

Ох, как долго говорила я ему! Шёл дождь и мочил нас. Ветер выл, и ревел, и толкал меня то в спину, то в грудь. Я стояла и качалась перед этим каменным солдатом. А он всё говорил: «Нет!» И каждый раз, как я слышала его холодное слово, ещё жарче во мне вспыхивало желание видеть того, Аркадэка... Я говорила и мерила глазами солдата — он был маленький, сухой и всё кашлял. И вот я упала на землю перед ним и, охватив его колени, всё упрашивая его

горячими словами, свалила солдата на землю. Он упал в грязь. Тогда я быстро повернула его лицом к земле и придавила его голову в лужу, чтоб он не кричал. Он не кричал, а только всё барахтался, стараясь сбросить меня с своей спины. Я же обеими руками втискивала его голову глубже в грязь. Он и задохнулся... Тогда я бросилась к амбару, где пели поляки. «Аркадэк!..» — шептала я в щели стен. Они догадливые, эти поляки, — и, услышав меня, не перестали петь! Вот его глаза против моих. «Можешь ты выйти отсюда?» — «Да, через пол!» — сказал он. — «Ну, иди же». И вот четверо их вылезло из-под этого амбара: трое и Аркадэк мой. «Где часовые?» — спросил Аркадэк. — «Вон лежит!..» И они пошли тихо-тихо, согнувшись к земле. Дождь шёл, ветер выл громко. Мы ушли из деревни и долго молча шли лесом. Быстро так шли. Аркадэк держал меня за руку, и его рука была горяча и дрожала. О!.. Мне так хорошо было с ним, пока он молчал. Последние это были минуты — хорошие минуты моей жадной жизни. Но вот мы вышли на луг и остановились. Они благодарили меня все четверо. О, как они долго и много говорили мне что-то! Я всё слушала и смотрела на своего пана. Что же он сделает мне? И вот он обнял меня и сказал так важно... Не помню, что он сказал, но так выходило, что теперь он в благодарность за то, что я увела его, будет любить меня... И стал он на колени предо мной, улыбаясь, и сказал мне: «Моя королева!» Вот какая лживая собака была это!.. Ну, тогда я дала ему пинка ногой и ударила бы его в лицо, да он отшатнулся и вскочил. Грозный и бледный стоит он предо мной... Стоят и те трое, хмурые все. И все молчат. Я посмотрела на них... Мне тогда стало — помню — только скучно очень, и такая лень напала на меня... Я сказала им: «Идите!» Они, псы, спросили меня: «Ты воротись туда, указать наш путь?» Вот какие подлые! Ну, всё-таки ушли они. Тогда и я пошла... А на другой день взяли меня ваши, но скоро отпустили. Тогда увидела я, что пора мне завести гнездо, будет жить кукушкой! Уж тяжела стала я, и ослабели крылья, и перья потускнели... Пора, пора! Тогда я уехала в Галицию, а оттуда в Добруджу. И вот уже около трёх десятков лет живу здесь. Был у меня муж, молдава-

нин; умер с год тому времени. И живу я вот! Одна живу... Нет, не одна, а вон с теми.

Старуха махнула рукой к морю. Там всё было тихо. Иногда рождался какой-то краткий, обманчивый звук и умирал тотчас же.

— Любят они меня. Много я рассказываю им разного. Им это надо. Ещё молодые все... И мне хорошо с ними. Смотрю и думаю: «Вот и я, было время, такая же была... Только тогда, в моё время, больше было в человеке силы и огня, и оттого жилось веселее и лучше... Да!..»

Она замолчала. Мне грустно было рядом с ней. Она же дремала, качая головой, и тихо шептала что-то... может быть, молилась.

С моря поднималась туча — чёрная, тяжёлая, суровых очертаний, похожая на горный хребет. Она ползла в степь. С её вершины срывались клочья облаков, неслись вперёд её и гасили звёзды одну за другой. Море шумело. Недалеко от нас, в лозах винограда, целовались, шептали и вздыхали. Глубоко в степи выла собака... Воздух раздражал нервы странным запахом, щекотавшим ноздри. От облаков падали на землю густые стаи теней и ползли по ней, ползли, исчезали, являлись снова... На месте луны осталось только мутное опаловое пятно, иногда его совсем закрывал сизый клочок облака. И в степной дали, теперь уже чёрной и страшной, как бы притаившейся, скрывшей в себе что-то, вспыхивали маленькие голубые огоньки. То там, то тут они на миг являлись и гасли, точно несколько людей, рассыпавшихся по степи далеко друг от друга, искали в ней что-то, зажигая спички, которые ветер тотчас же гасил. Это были очень странные голубые языки огня, намекавшие на что-то сказочное.

— Видишь ты искры? — спросила меня Изергиль.

— Вон те, голубые? — указывая ей на степь, сказал я.

— Голубые? Да, это они... Значит, летают всё-таки? Ну-ну... Я уж вот не вижу их больше. Не могу я теперь многого видеть.

— Откуда эти искры? — спросил я старуху.

Я слышал кое-что раньше о происхождении этих искр, но мне хотелось послушать, как расскажет о том же старая Изергиль.

— Эти искры от горящего сердца Данко. Было на свете сердце, которое однажды вспыхнуло огнём... И вот от него эти искры. Я расскажу тебе про это... Тоже старая сказка... Старое, всё старое! Видишь ты, сколько в старине всего?.. А теперь вот нет ничего такого — ни дел, ни людей, ни сказок таких, как в старину... Почему?.. Ну-ка, скажи! Не скажешь... Что ты знаешь? Что все вы знаете, молодые? Эхе-хе!.. Смотрели бы в старину зорко — там все отгадки найдутся... А вот вы не смотрите и не умеете жить оттого... Я не вижу разве жизнь? Ох, всё вижу, хоть и плохи мои глаза! И вижу я, что не живут люди, а все примеряются, примеряются и кладут на это всю жизнь. И когда обворуют сами себя, истратив время, то начнут плакаться на судьбу. Что же тут — судьба? Каждый сам себе судьба! Всяких людей я нынче вижу, а вот сильных нет! Где ж они?.. И красавцев становится всё меньше.

Старуха задумалась о том, куда девались из жизни сильные и красивые люди, и, думая, осматривала тёмную степь, как бы ища в ней ответа.

Я ждал её рассказа и молчал, боясь, что, если спрошу её о чём-либо, она опять отвлечётся в сторону.

И вот она начала рассказ.

III

«Жили на земле в старину одни люди, непроходимые леса окружали с трёх сторон таборы этих людей, а с четвёртой — была степь. Были это весёлые, сильные и смелые люди. И вот пришла однажды тяжёлая пора: явились откуда-то иные племена и прогнали прежних в глубь леса. Там были болота и тьма, потому что лес был старый, и так густо переплелись его ветви, что сквозь них не видать было неба, и лучи солнца едва могли пробить себе дорогу до болот сквозь густую листву. Но когда его лучи падали на воду болот, то подымался смрад, и от него люди гибли один за другим. Тогда стали плакать жёны и дети этого племени, а отцы задумались и впали в тоску. Нужно было уйти из этого леса, и для того были две дороги: одна — назад, — там были сильные и злые враги, другая — вперёд, — там стояли великаны-деревья, плотно обняв друг друга могу-

чими ветвями, опутив узловатые корни глубоко в цепкий ил болота. Эти каменные деревья стояли молча и неподвижно днём в сером сумраке и ещё плотнее сдвигались вокруг людей по вечерам, когда загорались костры. И всегда, днём и ночью, вокруг тех людей было кольцо крепкой тьмы, оно точно собиралось раздавить их, а они привыкли к степному простору. А ещё страшней было, когда ветер бил по вершинам деревьев и весь лес глухо гудел, точно грозил и пел похоронную песню тем людям. Это были всё-таки сильные люди, и могли бы они пойти биться насмерть с теми, что однажды победили их, но они не могли умереть в боях, потому что у них были заветы¹, и коли б умерли они, то пропали б с ними из жизни и заветы. И потому они сидели и думали в длинные ночи, под глухой шум леса, в ядовитом смраде болота. Они сидели, а тени от костров прыгали вокруг них в безмолвной пляске, и всем казалось, что это не тени пляшут, а торжествуют злые духи леса и болота... Люди всё сидели и думали. Но ничто — ни работа, ни женщины не изнуряют тела и души людей так, как изнуряют тоскливые думы. И ослабили люди от дум... Страх родился среди них, сковал им крепкие руки, ужас родили женщины плачем над трупами умерших от смрада и над судьбой скованных страхом живых, — и трусливые слова стали слышны в лесу, сначала робкие и тихие, а потом всё громче и громче... Уже хотели идти к врагу и принести ему в дар волю свою, и никто уже, испуганный смертью, не боялся рабской жизни... Но тут явился Данко и спас всех один».

Старуха, очевидно, часто рассказывала о горящем сердце Данко. Она говорила певуче, и голос её, скрипучий и глухой, ясно рисовал предо мной шум леса, среди которого умирали от ядовитого дыхания болота несчастные, загнанные люди.

«Данко — один из тех людей, молодой красавец. Красивые — всегда смелы. И вот он говорит им, своим товарищам:

¹ *Завёт* (высок.) — наставление, совет последователям, потомкам.

— Не своротить камня с пути думою. Кто ничего не делает, с тем ничего не станется. Что мы тратим силы на думу да тоску? Вставайте, пойдём в лес и пройдем его сквозь, ведь имеет же он конец — всё на свете имеет конец! Идёмте! Ну! Гей!..

Посмотрели на него и увидали, что он лучший из всех, потому что в очах его светилось много силы и живого огня.

— Веди ты нас! — сказали они. Тогда он повёл...»

Старуха помолчала и посмотрела в степь, где всё густела тьма. Искорки горящего сердца Данко вспыхивали где-то далеко и казались голубыми воздушными цветами, расцветая только на миг.

«Повёл их Данко. Дружно все пошли за ним — верили в него. Трудный путь это был! Темно было, и на каждом шагу болото разевало свою жадную гнилую пасть, глотая людей, и деревья заступали дорогу могучей стеной. Переплелись их ветки между собой; как змеи, протянулись всюду корни, и каждый шаг много стоил пота и крови тем людям. Долго шли они... Всё гуще становился лес, всё меньше было сил! И вот стали роптать на Данко, говоря, что напрасно он, молодой и неопытный, повёл их куда-то. А он шёл впереди их и был бодр и ясен.

Но однажды гроза грянула над лесом, зашептали деревья глухо, грозно. И стало тогда в лесу так темно, точно в нём собрались сразу все ночи, сколько их было на свете с той поры, как он родился. Шли маленькие люди между больших деревьев и в грозном шуме молний, шли они, и, качаясь, великаны-деревья скрипели и гудели сердитые песни, а молнии, летая над вершинами леса, освещали его на минутку синим, холодным огнём и исчезали так же быстро, как являлись, пугая людей. И деревья, освещённые холодным огнём молний, казались живыми, простирающими вокруг людей, уходивших из плена тьмы, корявые, длинные руки, сплетая их в густую сеть, пытались остановить людей. А из тьмы ветвей смотрело на идущих что-то страшное, тёмное и холодное. Это был трудный путь, и люди, утомлённые им, пали духом. Но им стыдно было сознаться в бессилии, и вот они в злобе и гнев обрушились на Данко, человека, который шёл впереди их. И стали они упрекать его в неумении управлять ими, — вот как!

Остановились они и под торжествующий шум леса, среди дрожащей тьмы, усталые и злые, стали судить Данко.

— Ты, — сказали они, — ничтожный и вредный человек для нас! Ты повёл нас и утомил, и за это ты погибнешь!

— Вы сказали: «Веди!» — и я повёл! — крикнул Данко, становясь против них грудью. — Во мне есть мужество вести, вот потому я повёл вас! А вы? Что сделали вы в помощь себе? Вы только шли и не умели сохранить силы на путь более долгий! Вы только шли, шли, как стадо овец!

Но эти слова разъярили их ещё более.

— Ты умрёшь! Ты умрёшь! — ревели они.

А лес всё гудел и гудел, вторя их крикам, и молнии разрывали тьму в клочья. Данко смотрел на тех, ради которых он понёс труд, и видел, что они — как звери. Много людей стояло вокруг него, но не было на лицах их благородства, и нельзя было ему ждать пощады от них. Тогда и в его сердце вскипело негодование, но от жалости к людям оно погасло. Он любил людей и думал, что, может быть, без него они погибнут. И вот его сердце вспыхнуло огнём желания спасти их, вывести на лёгкий путь, и тогда в его очах засверкали лучи того могучего огня... А они, увидав это, подумали, что он рассвирепел, отчего так ярко и разгорелись очи, и они насторожились, как волки, ожидая, что он будет бороться с ними, и стали плотнее окружать его, чтобы легче им было схватить и убить Данко. А он уже понял их думу, оттого ещё ярче загорелось в нём сердце, ибо эта их дума родила в нём тоску.

А лес всё пел свою мрачную песню, и гром гремел, и лил дождь...

— Что сделаю я для людей?! — сильнее грома крикнул Данко.

И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из неё своё сердце и высоко поднял его над головой.

Оно пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещённый этим факелом великой любви к людям, а тьма разлетелась от света его и там, глубоко в лесу, дрожащая, пала в гнилой зев болота. Люди же, изумлённые, стали как камни.

— Идём! — крикнул Данко и бросился вперёд на своё место, высоко держа горящее сердце и освещая им путь людям.

Они бросились за ним, очарованные. Тогда лес снова зашумел, удивленно качая вершинами, но его шум был заглушён топотом бегущих людей. Все бежали быстро и смело, увлекаемые чудесным зрелищем горящего сердца. И теперь гибли, но гибли без жалоб и слёз. А Данко всё был впереди, и сердце его всё пылало, пылало!

И вот вдруг лес расступился перед ним, расступился и остался сзади, плотный и немой, а Данко и все те люди сразу окунулись в море солнечного света и чистого воздуха, промытого дождём. Гроза была — там, сзади них, над лесом, а тут сияло солнце, вздыхала степь, блестела трава в брильянтах дождя и золотом сверкала река... Был вечер, и от лучей заката река казалась красной, как та кровь, что была горячей струёй из разорванной груди Данко.

Кинул взор вперёд себя на ширь степи гордый смельчак Данко, — кинул он радостный взор на свободную землю и засмеялся гордо. А потом упал и — умер.

Люди же, радостные и полные надежд, не заметили смерти его и не видали, что ещё пылает рядом с трупом Данко его смелое сердце. Только один осторожный человек заметил это и, боясь чего-то, наступил на гордое сердце ногой... И вот оно, рассыпавшись в искры, угасло...»

— Вот откуда они, голубые искры степи, что являются перед грозой!

Теперь, когда старуха кончила свою красивую сказку, в степи стало страшно тихо, точно и она была поражена силой смельчака Данко, который сжёг для людей своё сердце и умер, не прося у них ничего в награду себе. Старуха дремала. Я смотрел на неё и думал: «Сколько ещё сказок и воспоминаний осталось в её памяти?» И думал о великом горящем сердце Данко и о человеческой фантазии, создавшей столько красивых и сильных легенд.

Дунул ветер и обнажил из-под лохмотьев сухую грудь старухи Изергиль, засыпавшей всё крепче. Я прикрыл её старое тело и сам лёг на землю около неё. В степи было тихо и темно. По небу всё ползли тучи, медленно, скучно... Море шумело глухо и печально.

Какое впечатление произвёл на вас рассказ «Старуха Изергиль»? Что вас удивило, что понравилось, взволновало, увлекло? Какие новые для вас мысли о жизни, о людях появились в связи с рассказом Максим Горького?

* * *

1. Вы сразу обратили внимание на трёхчастную композицию рассказа. Подумайте, почему именно в таком порядке расположил автор две легенды и повествование Изергиль о своей жизни. Для более обоснованного и детального ответа на этот вопрос необходимо поразмыслить над содержанием, смыслом легенд.
2. Вы помните, что писатели часто прибегают к художественному приёму противопоставления (антитезы). Противопоставление Ларры и Данко очевидно. В чём они противостоят друг другу? Сравните их позиции по отношению к самим себе, людям. Что каждый из них ценит больше всего? За что наказан Ларра? Почему мудрейший сказал, что наказание в нём самом? Почему Ларра искал смерти? Почему поступок Данко трактуется как подвиг? Перечитайте этот эпизод. Как люди воспринимают чудесное зрелище горящего сердца? Почему легенда о Данко заканчивается на такой грустной ноте?

Как вы понимаете последние фразы? Обратите внимание на сквозной контраст в этих фразах:

радостные и полные надежд — не заметили смерти;
не видали — что пылает;
смелое сердце — боясь чего-то;
смелое сердце — осторожный человек;
гордое сердце — наступил ногой.

Какую авторскую мысль-переживание несёт этот заключительный аккорд легенды? Какие дополнительные оттенки, смысловые и эмоциональные, вносятся последующим текстом, где говорится о «красивой сказке», «голубых искрах степи», «силе смельчака Данко, который сжёг для людей своё сердце и умер, не прося у них ничего в награду себе»?

3. Перечитайте ещё раз сцену суда над Ларрой. Какие суждения и выводы кажутся вам ключевыми для понимания его поведения и отношения к людям? Характеризуя этого героя, автор четыре раза употребил слово «гордый»:
«глаза его были холодны и горды, как у царя птиц»;

«стоял один против всех... и был горд, — не опустил своей головы, как бы вызывая на нее кару»;

«Ты, гордый, слушай!»;

«Вот как был поражён человек за гордость!».

Словарь С. И. Ожегова даёт такое толкование слова *гордый*: «исполненный чувства собственного достоинства, сознающий своё превосходство». Какие ещё смысловые оттенки возникают у этого слова, когда автор характеризует им своего героя? (Сравните: *гордыня* — непомерная гордость.)

Что нового для себя узнали люди из объяснений Ларры?

4. В каждой из легенд люди судят героя. Внимательно прочитайте эти сцены и уясните для себя, в чём обвиняют Ларру и Данко, в чём они в самом деле виноваты, как каждый из них относится к людям, какие доводы приводит в свою защиту и как подействовало на людей зрелище горящего сердца.
5. Что говорит о Ларре и Данко старуха Изергиль?
6. Обратимся снова к композиции рассказа. Он имеет так называемое обрамление, то есть легенды как бы вставлены в рамку беседы рассказчика с Изергиль, а между легендами помещена её история, напоминающая легенду. Перечитайте вступительную часть рассказа и объясните, какую роль в ней играет изображение людей, пейзаж, короткие реплики. Какое создаётся настроение? Какова его роль в восприятии читателем легенды о Ларре?
7. Чем старуха Изергиль похожа и непохожа на героев рассказанных ею легенд? Есть ли у них общие черты? Какие? Как сама Изергиль смотрит на свою жизнь и на героев своих легенд?
8. Что объединяет в одно произведение такой разнородный материал?

* * *

1. Каково авторское представление о жизни, достойной человека? В чём, по мнению писателя, её красота и поэзия? Как это представление последовательно развито от одной части повествования к другой?
2. Каков, по-вашему, был замысел рассказа? Интересно, что в статье «О том, как я учился писать» (1928) Максим Горький так отвечал на вопрос, почему стал писать: «...по силе давления на меня “томительно бедной жизни” и потому, что у меня было так много впечатлений, что “не писать я не мог”. Первая причина заставила меня попытаться внести в “бедную” жизнь такие вымыслы, выдумки, как “Сказка о Соколе и Уже”, “Легенда о горящем сердце”,

“Буревестник”, а по силе второй причины я стал писать рассказы “реалистического” характера — “Двадцать шесть и одна”, “Супруги Орловы”, “Озорник”».

3. Какие афоризмы вы заметили в тексте рассказа? Объясните их смысл.
4. В чём вы увидели художественное мастерство Максима Горького? Покажите на конкретных примерах.
5. Рассмотрите на форзаце III иллюстрацию к легенде о Данко. Как удалось художнику передать порыв его героической природы?
6. Подготовьте выразительное чтение одной из легенд.

В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА СЛОВА: РИТМ В ПРОЗЕ

Ещё раз обратимся к началу рассказа. Прочитаем три-четыре абзаца. Слышно ли вам, что ритмом и звучанием слов, подбором лексики создаётся впечатление необычности, романтической загадочности? А место? Берег моря, песни, смех, мелодия скрипки и люди — молодые, красивые, яркие. Потом луна, звёзды, кружевные тени от листвы, тени облаков. И Ларра... Так автор подготовил читателя к восприятию необычного, чудесного, красивой и мудрой сказки.

А ритм фразы? Как, в каком ритме вы прочитали бы первые предложения? Вы, наверное, обратили внимание: в них много обособленных определений и обстоятельств, которые всегда выделяются голосом. «Я слышал эти рассказы под Аккерманом, / в Бессарабии, / на морском берегу». Каждое из обстоятельств произносится с повышением голоса, они создают своеобразный ритм. В предложении при естественном чтении выделяется три отрезка речи. Исследователи-литературоведы установили, что почти весь текст рассказа построен на плавных переходах от *ритмического трёхчлена* к более длинной фразе, в которой тоже можно выделить отрезки, состоящие из трёх ритмических единиц.

→ → →
«Они шли, / пели / и смеялись...»
→
«Кто-то играл на скрипке... / девушка пела мягким
→ → →
контральто, / слышался / смех...»

«Далеко за морем, / на восход солнца, / есть страна больш-
шой реки...»

Из такого ритма само собою рождается ожидание чего-то необычного, чудесного, прекрасного...

«Жили на земле в старину одни люди, / непроходимые
леса окружали с трёх сторон таборы этих людей, / а с чет-
вёртой — была степь. Были это весёлые, / сильные / и сме-
лые / люди».

Готовясь к выразительному чтению, обратите внимание на ритмический трёхчлен.

ПОЭТИЧЕСКАЯ УСЛОВНОСТЬ. СИМВОЛИЧНОСТЬ ОБРАЗА. РОМАНТИЧЕСКИЙ ПАФОС ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Поскольку искусство представляет не саму жизнь, а её образное отражение, в основе его лежит условность. Так, любое произведение живописи условно, потому что трёхмерное пространство изображено на плоском холсте. Та же условность есть и в художественном изображении словом, которое даёт пищу нашему воображению, и перед нашим внутренним взором проходят нарисованные писателем картины.

Но есть условность другого рода — *условность как средство выразительности*. С такой условностью мы встречаемся в рассказе «Старуха Изергиль». Обе легенды построены на условности: Ларра — сын женщины и орла, стрелы отскакивают от его тела; Данко разрывает руками себе грудь и увлекает отчаявшихся людей чудесным зрелищем горящего сердца. Мы, читатели, принимаем предложенную писателем условность и, обсуждая легенды, соглашаемся с обрисованной ситуацией. И задаёмся уже совсем другими вопросами: какой художественный замысел подсказал автору условность того или иного рода, какая степень художественной выразительности, поэтичности, красо-

ты создаётся с помощью условности. Так условность становится *поэтической*. Для нас незабываемыми остаются образы Ларры, гордого и жестокого красавца, отчуждённого от сообщества людей, потом глубоко несчастного, и Данко — благородного и самоотверженного, спасшего народ ценою своей жизни. Один олицетворяет эгоизм и жестокость, обречённость на одиночество, другой — героический подвиг. Так образы героев приобретают огромную силу и масштабность обобщения и становятся *символичными*, приобретают качества символа — образа с максимальной степенью обобщённости и эмоциональности — носителя идеи.

Итак, с помощью поэтической условности создаются обобщённые образы, обладающие качеством символичности, — символические образы.

Рассказ Максима Горького «Старуха Изергиль» имеет ещё одно качество, присущее всему содержанию, в том числе и словесному оформлению. Это качество — *романтический пафос*.

Романтический (от «романтизм» и «романтика») — это необычный, яркий, исключительный, приподнятый над обыденностью. В этом смысле оба героя легенд, да и сама Изергиль — личности, конечно, романтические.

Пафос (от греч. *pathos* — чувство, страсть) — страстная увлечённость человека, отличающаяся особым подъёмом всех его духовных сил, в момент принятия им смелого, героического решения в трудных и ответственных обстоятельствах. Это выражение могущества человека и его духовной красоты. В искусстве — это показ высшего напряжения воли и духа героя, связанного с преодолением препятствий, страданий, сомнений на пути к достижению благородной, возвышенной цели.

«— Что сделаю я для людей?! — сильнее грома крикнул Данко». Пафосное, патетическое восклицание героя сопровождается пафосным авторским замечанием. Если вы пересмотрите весь текст рассказа, то отметите романтическую приподнятость и в авторской речи, и в повествовании Изергиль, и в легендах. Этот эмоциональный подъём, воодушевление в изображении ярких романтических героев и есть романтический пафос, тесно связанный в этом произведении с поэтической условностью и символичностью образов.

ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

В начале XX века, оглядываясь на XIX, поэт А. А. Блок так подвёл его итоги:

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек!..

Но XX век явил ещё более страшное лицо. На первое двадцатилетие пришлось три революции (1905; Февральская и Октябрьская, 1917) и три войны (русско-японская, 1904—1905, Первая мировая, 1914—1918; Гражданская, 1918—1921), а спустя двадцать лет грянула Великая Отечественная война. С этими событиями связаны жестокая ломка привычной жизни, разрушения, голод, огромные перемещения людских масс, гибель не только солдат, но и мирных жителей, часто случайных жертв. В результате резко изменилась картина мира, облик России. Перед культурой, в частности перед литературой, встало много новых, трагически неразрешимых вопросов.

На рубеже веков жили и плодотворно работали в литературе Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, В. Г. Короленко. Заложенные ими традиции, а также традиции А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского стали той основой, на которой вырастала новая литература. Молодые писатели относились к своим предшественникам по-разному. Одни опирались на их опыт, другие отталкивались от него, но так или иначе он учитывался.

Ощущение неблагополучия жизни, предчувствие грядущих катастроф и мечта о прекрасном человеке характерны

для искусства и литературы конца XIX — начала XX века, для многих писателей нового поколения. Молодые художники слова пристально вглядывались в окружающую действительность, в своего современника, бились над загадками человеческой психологии, пытались понять и объяснить натуру человека, найти для него путь к счастью.

Творчество Максима Горького, А. И. Куприна, Л. Н. Андреева, И. А. Бунина являлось и суровым судом над современной жизнью, и выражением мечты, ожиданием прекрасного человека. Поэзия конца уходящего — начала нового века была настолько богата, до такой степени по-новаторски подходила к решению сложных проблем бытия, что по праву названа Серебряным веком русской литературы. Имена поэтов А. Блока, И. Анненского, А. Ахматовой, Н. Гумилёва, К. Бальмонта вы, наверное, слышали. (С их творчеством вы познакомитесь в старших классах.) В их стихах ярко, впечатляюще передано новое восприятие мира, загадочного, непостижимо прекрасного, которое обогащало современников, как бы поворачивало к читателю мир другой стороной, его таинственным новым лицом. Поэты-новаторы создали произведения, многие из которых вошли позднее в литературу как её вершинные достижения.

1920—1930-е годы нового века вписали в историю литературы немало трагических страниц. Десятки и десятки талантливых писателей многих национальных литератур бывшего Советского Союза, и белорусских в том числе, погибли во времена сталинщины. Их произведения лишь не так давно стали возвращаться к нам.

Замечательным художником слова общепризнан Максим Горький (1893—1938), поставленный современной наукой о литературе рядом с нашими классиками Янкой Купалой, Якубом Коласом и Кузьмой Чорным. Его рассказы, повести «Виленские коммунары», «Две души», записки «На империалистической войне», драматические произведения составляют золотой фонд национальной художественной литературы. Не менее ярким дарованием был наделён Михась Зарецкий (1901—1938), автор многочисленных рассказов, романов «Стежки-дорожки», «Вязьмо», которые и сегодня читаются с большим интересом.

Владимир Владимирович МАЯКОВСКИЙ

1893—1930

Светить всегда,
светить везде...

В. В. Маяковский

Владимир Владимирович Маяковский родился и вырос в Грузии, недалеко от Кута́йси, где отец его служил лесником. После смерти отца в 1906 году семья Маяковских переехала в Москву. Будущий поэт продолжал учёбу в классической гимназии. За участие в революционной работе дважды — в 1908 и 1909 годах — был арестован, в 1910 году освобождён по несовершеннолетию. Тетрадь написанных в тюрьме стихов отобрали надзиратели. Маяковский решил посвятить себя искусству и в 1911 году поступил в Училище живописи, ваяния¹ и зодчества². Тогда же он начинает серьёзную поэтическую работу, сближается с футуристами³ и в 1912 году выступает в печати. Поэтический дебют⁴ Маяковского — стихи «Ночь» и «Утро» в альманахе «Пощёчина общественному вкусу».

Маяковский вошёл в историю литературы как поэт революции, открывший много нового в искусстве стиха. С его поэтическим новаторством вы подробнее познакомитесь в старших классах.

¹ *Ва́ять* (устар.) — лепить из глины, отливать из металла скульптурные изображения или высекать из камня художественные изображения; *ваяние* — занятие скульптурой.

² *Зо́дчество* — искусство строительства зданий, архитектура.

³ *Фу́туристы* — последователи литературного течения футуризма. Оно отвергало реалистическое изображение, пыталось создать новый стиль, разрушавший традиции и приёмы старого искусства.

⁴ *Дебю́т* — первое или пробное выступление на сцене, на новом поприще.

Поэтическая манера Маяковского до сих пор вызывает споры, не все читатели её принимают. Современники отмечали большой талант поэта и его новаторство. Он предложил своё понимание поэзии и её роли в жизни отдельного человека и общества. Как известно, талантливому поэту нужен талантливый читатель.

Сейчас вы прочитаете стихотворение В. Маяковского «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче». Чтобы оно было понятнее, надо знать некоторые факты.

С осени 1919 года Маяковский работал в РОСТА (Российском телеграфном агентстве), выпускавшем агитационные плакаты на злобу дня — «Окна РОСТА». В холодной, голодной, заснеженной Москве, когда не хватало бумаги и типографии не работали, эти яркие, красочные плакаты заменяли газету и сатирический журнал. У магазинных витрин, где они вывешивались, на почти безлюдной улице сразу собиралась толпа. Но немногие знали, что большая часть плакатов создана Маяковским. Он нарисовал их около трёх тысяч.

Одно из немногих стихотворений, написанных в этот период, — «Необычайное приключение...». Оно связано с такими конкретными летними впечатлениями. Маяковский рано утром уезжал на дачном поезде в город. По дороге на станцию он видел, как солнце вставало. В мастерской РОСТА оно снова появлялось, и его часто поэт рисовал на своих плакатах, изображая коммуны-солнце. Возвращался на дачу поздно, когда солнце садилось. Тогда оно казалось особенно большим и близким, как будто было совсем рядом. Оно быстро опускалось к горизонту, словно шло, «раскинув луч-шаги», как говорит поэт в этом стихотворении.

По С. Владимирову и Д. Молдавскому

НЕОБЫЧАЙНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ, БЫВШЕЕ С ВЛАДИМИРОМ МАЯКОВСКИМ ЛЕТОМ НА ДАЧЕ

*(Пушкино, Акулова гора, дача Румянцева,
27 верст по Ярославской жел. дор.)*

В сто сорок солнц закат пылал,
в июль катилось лето,
была жара,
жара плыла —
на даче было это.
Пригорок Пушкино горбил
Акуловой горою,
а низ горы —
деревней был,
кривился крыш корою.
А за деревнею —
дыра,
и в ту дыру, наверно,
спускалось солнце каждый раз,
медленно и верно.
А завтра
снова
мир залить
вставало солнце ало.
И день за днём
ужасно злить
меня
вот это
стало.
И так однажды разозлясь,
что в страхе всё поблёлло,
в упор я крикнул солнцу:
«Слазь!
довольно шлаться в пекло!»
Я крикнул солнцу:
«Дармоед!
занежен в облака ты,
а тут — не знай ни зим,
ни лет,

сиди, рисуй плакаты!»
Я крикнул солнцу:
«Погоди!
послушай, златолобо,
чем так,
без дела заходить,
ко мне
на чай зашло бы!»
Что я наделал!
Я погиб!
Ко мне,
по доброй воле,
само,
раскинув луч-шаги,
шагает солнце в поле.
Хочу испуг не показать —
и ретируюсь¹ задом.
Уже в саду его глаза.
Уже проходит садом.
В окошки,
в двери,
в щель войдя,
ввалилась солнца масса,
ввалилась;
дух переводя,
заговорило басом:
«Гоню обратно я огни
впервые с сотворенья.
Ты звал меня?
Чаи гони,
Гони, поэт, варенье!»
Слеза из глаз у самого —
жара с ума сводила,
но я ему —
на самовар:
«Ну что ж,
садись, светило!»

¹ *Ретироваться* — отступать.

Чёрт дёрнул дерзости мои
орать ему, —
сконфужен,
я сел на уголок скамьи,
боюсь — не вышло б хуже!
Но странная из солнца ясь¹
струилась, —
и степенность²
забыв,
сизжу, разговорясь
с светилом постепенно.
Про то,
про это говорю,
что-де заела РОСТА,
а солнце:
«Ладно,
не горюй,
смотри на вещи просто!
А мне, ты думаешь,
светить
легко? — Поди попробуй! —
А вот идёшь —
взялось идти,
идёшь — и светишь в оба!»
Болтали так до темноты —
до бывшей ночи то есть.
Какая тьма уж тут?
На «ты»
мы с ним, совсем освоюсь.
И скоро,
дружбы не тая,
бью по плечу его я.
А солнце тоже:
«Ты да я,
Нас, товарищ, двое!

¹ Ясь, то есть ясность.

² Степéнность — рассудительность, серьёзность.

Пойдём, поэт,
взорим,
вспоём
у мира в сером хламе.
Я буду солнце лить своё,
а ты — своё,
стихами».
Стена теней,
ночей тюрьма
под солнц двустволкой пала.
Стихов и света кутерьма —
сияй во что попало!
Устанет то,
и хочет ночь
прилечь,
тупая сонница.
Вдруг — я
во всю светаю мочь —
и снова день трезвонится.
Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить —
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой —
и солнца!

1920

Понравилось ли вам стихотворение В. В. Маяковского? Замечали ли вы в нём лукаво-озорную интонацию, шутливую, местами по-детски непосредственную (например, «А за деревню — дыра...»)? Где вы заметили, услышали буднично-деловую интонацию, её переход в шутливую? Прозвучал ли для вас отчётливо голос поэта? Перечитайте стихотворение ещё раз.

Какой взгляд на роль поэзии в жизни людей, мира в целом раскрыт в стихотворении? Как поэт его сформулировал?

* * *

1. Найдите в тексте гиперболы. Какую роль они играют в создании живой, впечатляющей картины? в передаче масштабности мира?(См. статью на с. 243—244.)

2. В чём, по-вашему, смысл самого «необычайного приключения», фантастического происшествия? Почему мысль о сравнении поэзии с солнцем Маяковский передал светилу?
3. Перечитайте ещё раз слова поэта, обращённые к солнцу. Как меняется их интонация? Почему? Почему герой напуган приближением солнца? Каким оно оказалось на самом деле? Почему с ним возможен доверительный, откровенный разговор? В чём вы видите великодушие солнца?
4. Найдите неологизмы Маяковского. Попробуйте объяснить, как они помогают экономно создать картину необычайного приключения.
5. Объясните образный смысл словосочетаний: «в сто сорок солнц закат пылал», «в июль катилось лето», «в страхе всё поблёкло», «занежен в облака», «гоню обратно я огни впервые с сотворенья», «у мира в сером хламе», «стена теней, ночей тюрьма под солнц двустволкой пала», «тупая сонница», «я во всю светаю мочь».
6. Вы, наверное, обратили внимание на обилие в стихотворении слов просторечной, разговорной лексики. Какие смысловые и интонационные оттенки вносят эти слова: «слазь», «шляться», «чаи гони», «орать», «заела РОСТА», «бью по плечу», «кутерьма»?
7. Найдите в тексте переосмысленные или изменённые поговорки («на чай зашёл бы», «чёрт дёрнул» и др.). Какую роль они играют в создании убедительной картины беседы со светилом?
8. Обратите внимание на рифмы. Они чаще всего приблизительные («то есть» — «освоясь», «его я» — «двое», «сонница» — «тревожится» и др.).

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ЛОШАДЯМ

Били копыта.

Пели будто:

— Гриб.

Грабь.

Гроб.

Груб. —

Ветром опита,

льдом обута,

улица скользила.

Лошадь на круп¹
грохнулась,
и сразу
за зевакой зевака,
штаны пришедшие Кузнецким² клёшить³,
сгрудились,
смех зазвенел и зазвякал:
— Лошадь упала! —
— Упала лошадь! —
Смеялся Кузнецкий.
Лишь один я
голос свой не вмешивал в вой ему.
Подошёл
и вижу
глаза лошадиные...

Улица опрокинулась,
течёт по-своему...
Подошёл и вижу —
за каплицей каплица
по морде катится,
прячется в шерсти...

И какая-то общая
звериная тоска плеща
вылилась из меня
и расплылась в шелесте.
«Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте —
чего вы думаете, что вы их плоше?
Деточка,
все мы немножко лошади,
каждый из нас по-своему лошадь».
Может быть, — старая —

¹ *Круп* — задняя часть туловища некоторых животных (чаще лошади).

² *Кузнёцкий* (мост) — улица в Москве.

³ *Клёшить*, от *клёш* — неологизм Маяковского: мести улицу широкими штанинами.

и не нуждалась в няньке,
может быть, и мысль ей моя казалась пошла¹,
только
лошадь
рванулась,
встала на ноги,
ржанула²
и пошла.
Хвостом помахивала,
рыжий ребёнок.
Пришла весёлая,
стала в стойло.
И всё ей казалось —
она жеребёнок,
и стоило жить,
и работать стоило.

1918

Понравилось ли вам стихотворение? Чем? Обрисовкой ситуации? Выражением жалости к упавшей лошади? Словами утешения? Спасительной силой доброго отношения? Услышали ли вы переходы интонации от спокойного сообщения к вниманию и сочувствию, потом к нежности и утешению, в конце к радости?

* * *

1. Проследите интонационные переходы в произведении. В каком месте описание улицы переходит в осуждение зевак? По какому отношению к происшествию отделяет поэт себя от толпы? Как здесь изменилась интонация? Почему дважды употреблено выражение «Подошёл и вижу...»? Какая эмоциональная окраска прослеживается в словах прямой речи, концовке?
2. «Глаза лошадиные» — почему к ним присматривается поэт? Вначале он увидел то, что может заметить каждый: в глазах, как в перевёрнутом зеркале, отражается улица. Она «опрокинулась». А вот если внимательно присмотреться, тогда можно увидеть, что лошадь плачет. Отчего? И от боли, и от обиды на то, что чужая

¹ От слов *пошлая мысль* — обыкновеннейшая, примелькавшаяся, в которой нет ничего нового.

² От слова *ржать*.

боль и неприятность для толпы только потеха и развлечение. Отсюда «общая звериная тоска», вызванная бессердечностью людей.

3. Перечитайте слова прямой речи. Какими средствами создаётся интонация сердечного сочувствия, нежности? (Обратите внимание на обращения.) Почему поэт говорит: «Все мы немножко лошади»?
4. Поэт не склонен преувеличивать значение своего поступка, напротив, скромно и деликатно он замечает, что «может быть, — старая — и не нуждалась в няньке». Тогда почему она «ржанула», «Хвостом помахивала, рыжий ребёнок», «Пришла весялая»?
5. Присмотримся к выстроенному поэтом ряду: «глаза лошадиные», «Лошадь, не надо», «Лошадь, слушайте», «Деточка», «нянька», «рыжий ребёнок», «ей казалось — она жеребёнок». Не возникает ли у вас мысль-чувство, что не о лошадях здесь речь? А «стоило жить и работать стоило»? Ведь это о смысле жизни: ради чего стоит жить и работать. Чисто человеческий вопрос. Почему на него утвердительно отвечает «рыжий ребёнок»? Что автора вдохновило и заставило отбросить «звериную тоску»?

* * *

1. Каков, на ваш взгляд, замысел стихотворения?
2. Каким человеком представляется вам поэт после того, как мы вошли в его мир, прочувствовали и поняли, что ему дорого в жизни?
3. Сравните стихотворения «Необычайное приключение...» и «Хорошее отношение к лошадям» по композиции. Что общего вы заметили? Какие компоненты текста (картинка-эпизод, выражение авторского суждения и др.) присутствуют в том и другом? Чем это можно объяснить?

* * *

У Маяковского на первом плане стоит его собственное *лирическое «я»*. Без преувеличения можно сказать, что в стихотворении «Необычайное приключение...» солнце — своеобразный двойник автора. Поэт, как и солнце, освещает людям дорогу в жизни, верит в своё высокое предназначение — преобразовывать мир. В стихотворении «Хорошее отношение к лошадям» история лошади — это только повод рассказать читателю о самом себе, своей «звериной тоске» и об умении преодолевать её.

СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ: ГИПЕРБОЛА, АВТОРСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ. ИНТОНАЦИОННО-РИТМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТИХОВ В. В. МАЯКОВСКОГО

(По статье К. Чуковского
«Ахматова и Маяковский», 1920)

«Маяковский — поэт-гигантист. В своих стихах он оперирует такими громадностями, которые и не мерещились нашим поэтам. Похоже, что он вечно глядит в телескоп. Далее слова он выбирает максимальные: “разговорище”, “волнища”, “котелище”, “адище”, “шеища”, “шажище”, “Вавилонище”, “хвостище”... Всё доведено у него до последней чрезмерности, и слова *тысяча*, *миллион*, *миллиард* у него самые обыкновенные слова. “Вам, идущие обедать *миллионы*”. “Шаг *миллионный* печатай”. “Сто пятьдесят *миллионов* говорят губами моими”.

...сквозь жизнь я тащу
миллионы огромных чистых любовей
и *миллион миллионов* маленьких грязных любят.

Такой у него *гиперболический стиль*. Каждое его стихотворение есть огромная коллекция гипербол, без которых он не может обойтись ни минуты. Другие поэты сказали бы, что у них в сердце огонь: у него же, по его уверениям, в сердце грандиозный пожар, который он не может потушить сорокаведёрными бочками слёз (так и сказано — бочками слёз), — и вот к нему прискакали пожарные и стали заливать его сердце, но поздно...

Он поэт катастроф... Как же быть поэту катастроф — без катастроф? Весь его литературный организм приспособлен исключительно для этих сюжетов: ...в Маяковском нет ни единого свойства, ни одной самонаименованной черты, которые не создавали бы из него поэта революций и войн. Именно для этих сюжетов нужен тот гиперболический стиль, тот гигантизм, то тяготение к огромности, которые органически присущи ему... В лучших, вдохновеннейших его вещах чувствуется митинговый оратор. Я говорю это отнюдь не в порицание. Он поэт-горлан, поэт-крикун, улич-

ный, публичный поэт, — это мне нравится в нём больше всего. Таков должен быть поэт революции. Из его глотки тысячеголосого ревьёт современная революционная улица...

Эта уличность сказалась раньше всего в его *ритмике*. Его стихи, за исключением немногих, зиждутся¹ не на тех формальных метрических схемах², которые так чужды современному уху, а на уличных, живых, разговорных. Он создал *свои собственные ритмы*, те самые, которые мы слышим на рынке, в трамвае, на митинге, ритмы криков, разговоров, речей, перебранок, агитаторских призывов, ругательств... Эти уличные разговорные ритмы так же правомочны в поэзии, как и всякие другие, зарегистрированные в учебных руководствах...

Многих отталкивает язык Маяковского, те часто неуклюжие *неологизмы*, которые он в таком количестве вводит в свою поэтическую речь. И действительно, вначале, пока не привыкнешь, его стихотворения почти непонятны, как будто написаны на чужом языке. А если и понятны, то коробят. Ну что такое значит “декабрый”, “имениннить”, “любёночек”, “косноязычь”, “хлебиться”, “испешеходить”, “разнебеситься”?..

Все эти формы имеют одну цель — экономию художественных средств, *достижение максимальной выразительности* при минимуме словесных усилий. Вообще эти новшества законны и ценны, но, конечно, столь же законны и ценны те хулы и проклятия, которыми их встречают ревнители старозаветного слова...»

Нашли ли вы в стихотворениях Маяковского подтверждение тех суждений о его поэтической манере, которые высказаны в статье К. Чуковского (о гигантизме, конкретизации отвлечённого, обращённости к широкой аудитории, художественной оправданности неологизмов)?

¹ *Зи́ждиться* — основываться, опираться на что-либо.

² Имеются в виду традиционные двух- и трёхсложные стихотворные размеры с чёткой схемой ударных и безударных слогов.

Тема Великой Отечественной войны в русской литературе

Великая Отечественная война резкой чертой разделила жизнь народа на довоенное и послевоенное время. Годы войны были эпохой героического противостояния фашизму, всенародной трагедией, которую ясно чувствовали все от мала до велика. Неисчислимые жертвы пришлось принести советским людям во имя жизни и свободы Родины.

Справедливо сказано: солдатами не рождаются — солдатами становятся. Но, чтобы стать победителем, человек должен любить свою родину, гордиться её народом. Он должен быть готов сражаться за своё будущее и будущее своей страны.

Литература военных лет и послевоенных десятилетий осмысливала трагический опыт жестокого испытания, от произведения к произведению углубляя понимание человека, выявляя меру нравственных сил личности, открывая неизведанные глубины человеческих душ. Писатели и поэты, пропуская через своё сердце суровые уроки войны, смотрели в будущее. Воспевая подвиг народа, они посылали предостережение следующим поколениям.

Повести Юрия Бондарева «Горячий снег», Василя Быкова «Журавлиный крик», «Сотников», «В тумане», «Пойти и не вернуться» и другие предлагали читателю с новой точки зрения увидеть события Великой Отечественной войны, разобраться в многообразии трагических ситуаций и конфликтов. Человек на войне, мотивировка его поступков в противостоянии злу, его личный нравственный выбор — вот главные проблемы, поставленные и решаемые в этих произведениях. Высокий художественный уровень этих повестей, их глубокая жизненная правда обеспечили им стойкий интерес читательской аудитории.

Александр Трифонович ТВАРДОВСКИЙ

1910—1971

ДВЕ СТРОЧКИ

Из записной потёртой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.

Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель мороз ко льду прижал,
Далёко шапка отлетела.

Казалось, мальчик не лежал,
А всё ещё бегом бежал,
Да лёд за полу придержал...

Среди большой войны жестокой,
С чего — ума не приложу —
Мне жалко той судьбы далёкой,
Как будто мёртвый, одинокий,

Как будто это я лежу,
Примёрзший, маленький, убитый
На той войне незначительной,
Забытый, маленький лежу.

1943

* * *

Лежат они, глухие и немые,
Под грузом плотной от годов земли —
И юноши, и люди пожилые,
Что на войну вслед за детьми пошли,
И женщины, и девушки-девчонки,
Подружки, сёстры наши, медсестрёнки,
Что шли на смерть и повстречались с ней
В родных краях иль на чужой сторонке.

И не затем, чтоб той судьбой своей
Убавить доблесть воинов мужскую,
Дочерней славой — славу сыновей, —
Ни те, ни эти, в смертный час тоскуя,
Верней всего, не думали о ней.

1966

Константин Михайлович СИМОНОВ

1915—1979

В. С.

Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди.
Жди, когда наводят грусть
Жёлтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придёт,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждёт.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать.
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души.
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло. —

Не понять не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил,
Будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

1941

Юлия Владимировна ДРУНИНА

1924—1991

ЗИНКА

*Памяти однополчанки —
Героя Советского Союза
Зины Самсоновой*

1

Мы легли у разбитой ели,
Ждём, когда же начнёт светлеть.
Под шинелью вдвоём теплее
На продрогшей, гнилой земле.

— Знаешь, Юлька, я — против грусти,
Но сегодня она — не в счёт.
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живёт.

У тебя есть друзья, любимый.
У меня — лишь она одна.
Пахнет в хате квашнёй и дымом,
За порогом бурлит весна.

Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждёт...
Знаешь, Юлька, я — против грусти.
Но сегодня она — не в счёт.

Отогрелись мы еле-еле.
Вдруг приказ: «Выступать вперёд!»
Снова рядом в сырой шинели
Светлокосый солдат идёт.

2

С каждым днём становилось горше.
Шли без митингов и знамён.
В окруженье попал под Оршей
Наш потрёпанный батальон.

Зинка нас повела в атаку,
Мы пробились по чёрной ржи,
По воронкам и буеракам
Через смертные рубежи.

Мы не ждали посмертной славы, —
Мы хотели со славой жить.
Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?

Её тело своей шинелью
Укрывала я, зубы сжав,
Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.

3

— Знаешь, Зинка, я — против грусти,
Но сегодня она — не в счёт.
Где-то, в яблочном захолустье,
Мама, мамка твоя живёт.

У меня есть друзья, любимый,
У неё ты была одна.
Пахнет в хате квашнёй и дымом,
За порогом бурлит весна.

И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла.
Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала?!

1944

Михаил Васильевич ИСАКОВСКИЙ

1900—1973

ВРАГИ СОЖГЛИ РОДНУЮ ХАТУ...

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошёл солдат в глубоком горе
На перекрёсток двух дорог,
Нашёл солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя — мужа своего.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол, —
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришёл...»

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только тёплый летний ветер
Траву могильную качал.

Вздохнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой.

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришёл к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шёл к тебе четыре года,
Я три державы покори...»

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

1945

Константин Дмитриевич ВОРОБЬЁВ

1919—1975

Что бы мне хотелось видеть в прозе
о войне? Правду! Всю жестокую, но не-
обходимую правду, для того, чтобы чело-
вечество, узнав её, было благоразумней.

В. П. Астафьев

Константин Дмитриевич Воробьёв — уроженец Курской области. В родном селе Нижний Реутец закончил школу, а потом учился в Москве.

Вся последующая биография Константина Воробьёва — в его повестях и рассказах. Будучи кремлёвским курсантом, он защищал Москву осенью 1941 года. Испытал ужасы плена, не раз бежал из концлагерей, боролся с фашистами в партизанском отряде.

Прежде чем взяться за перо, Константин Воробьёв испробовал немало профессий. Произведения писателя складываются в единую биографию современника, ставшего свидетелем исторических событий...

«ОН ПИШЕТ, СТРАДАЯ ЗА ЛЮДЕЙ...»

О своём земляке и близком по духу писателе говорит Е. Носов, автор книг «Красное вино победы», «Усвятские шлемоносцы» и других:

«Повесть эта, будучи воистину оптимистической трагедией, поразила меня, как и все последующие произведения, остротой и дерзкой смелостью письма, предельно обнажённым драматизмом, от которого буквально холодело сердце, каким-то особенным крутым замесом сюжета, человеческих судеб и характеров, своеобразием самой техники раскованного энергичного мазка. Уже тогда я понял, что имею дело с писателем, обладающим недюжинной натурой и непростой личной судьбой.

Я давно заметил прямую неразрывную связь между характером произведения и личностью его творца...

...Сквозь его взволнованные страницы ещё заочно угадывается человек, наделённый личной отвагой, пламенным гражданским мужеством, взрывным зарядом темперамента и самопожертвования, чутким и ранимым сердцем, в чём я и убедился уже потом, при близком знакомстве с писателем».

УБИТЫ ПОД МОСКВОЙ

Нам свои боевые
Не носить ордена.
Вам — всё это, живые.
Нам — отрада одна:
Что недаром боролись
Мы за родину-мать.
Пусть не слышен наш голос, —
Вы должны его знать.
Вы должны были, братья.
Устоять, как стена.
Ибо мёртвых проклятье —
Эта кара страшна.

А. Т. Твардовский

1

Учебная рота кремлёвских курсантов шла на фронт.

В ту пору с утра и до ночи с подмосковных полей не рассеивалась голубовато-призрачная мгла, будто тут сроду

не было восходов солнца, будто оно навсегда застряло на закате, откуда и наплывало это пахучее сумеречное лихо — гарь от сгивших там «населённых пунктов». Натужно воя, невысоко и кучно над колонной то и дело появлялись «юнкеры»¹. Тогда рота согласно приникала к раздетой ноябрём земле, и все падали лицом вниз, но всё же кто-то непременно видел, что смерть пролетела мимо, и извещалось об этом каждый раз по-мальчишески звонко и почти радостно. Рота рассыпалась и падала по команде капитана — чёткой и торжественно-напряжённой, как на параде. Сам капитан оставался стоять на месте лицом к полеглим, и с губ его не сходила всем знакомая надменно-ироническая улыбка, и из рук, затянутых тугими кожаными перчатками, он не выпускал ивовый прут, до половины очищенный от коры. Каждый курсант знал, что капитан называет эту свою лозинку стеком², потому что каждый — ещё в ту, мирную, пору — ходил в увольнительную с такой же хворостинкой. Об этом капитану было давно известно. Он знал и то, кому подражают курсанты, упрямонося фуражки чуть-чуть сдвинутыми на правый висок, и, может, поэтому самому ему нельзя было падать.

Рота шла вторые сутки, минуя дороги и обходя притаившиеся селения. Впереди — и уже недалеко — должен быть фронт. Он рисовался курсантам зримым и величественным сооружением из железобетона, огня и человеческой плоти, и они шли не к нему, а в него, чтобы заселить и оживить один из его временно примолкших бастионов...

Снег пошёл в полдень — лёгкий, сухой, голубой. Он отдавал запахом перезревших антоновских яблок, и роте сразу стало легче идти: ногам сообщалось что-то бодрое и весёлое, как при музыке. Капитана по-прежнему отделяли от колонны шесть строевых шагов, но за густой снежной завесой он был теперь почти невидим, и рота — тоже как по команде — принялась добивать на ходу остатки галет³ —

¹ Немецкие самолёты (по названию фирмы).

² *Стек* [тэ] — твёрдый хлыст для верховой езды.

³ *Галёта* — сухое печенье из пресного теста.

личный трёхдневный НЗ¹. Они были квадратные, клеклые² и пресные, как глина, и капитан скомандовал «Отставить!» в тот момент, когда двести сорок ртов уже жевали двести сорок галет. Капитан направился к роте стремительным шагом, неся на отлёте хворостину. Рота приставила ногу и ждала его, дружная, виноватая и безгласная. Он пошёл в хвост колонны, и те курсанты, на кого падал его прищуренный взгляд, вытягивались по стойке «смирно». Капитан вернулся на прежнее место и негромко сказал:

— Спасибо за боевую службу, товарищи курсанты!

Рота угнетённо молчала, и капитан не то засмеялся, не то закашлялся, прикрыв губы перчаткой. Колонна снова двинулась, но уже не на запад, а в свой полутыл, в сторону чуть различных широких и редких построек, стоявших на опушке леса, огибаемого ротой с юга. Это сулило привал, но если бы капитан оглянулся и встретился с глазами курсантов, то, может, повернул бы роту на прежний курс.

Но он не оглянулся. То, что издали рота приняла за жилые постройки, на самом деле оказалось скирдами³ клевера. Они расселись вдоль восточной опушки леса — пять скирдов, — и из угла крайнего и ближнего к роте на волю крадучись пробивался витой столбик дыма. У подножия скирдов небольшими кучками стояли красноармейцы. В нескольких открытых пулемётных гнёздах, устланных клевером, на запад закликающе обернули хоботки «максимы»⁴. Заметив всё это, капитан тревожно поднял руку, останавливая роту, и крикнул:

— Что за подразделение? Командира ко мне!

Ни один из красноармейцев, стоявших у скирдов, не сдвинулся с места. У них был какой-то распущенно-неряш-

¹ НЗ — неприкосновенный запас (продовольствия), который используется в крайних обстоятельствах.

² Клёклые — зачерствелые, закаменевшие (курский областной говор).

³ Скирд — большой, обычно продолговатый стог сена, соломы или сложенные по особому способу снопы хлеба для хранения под открытым небом.

⁴ Пулемёт системы «максим».

ливый вид, и глядели они на курсантов подозрительно и отчуждённо. Капитан выронил стек, нарочито заметным движением пальцев расстегнул кобуру ТТ и повторил приказание. Только тогда один из этих странных людей не спеша наклонился к тёмной дыре в скирде.

— Товарищ майор, там...

Он ещё что-то сказал вполголоса и тут же засмеялся отрывисто-сухо и вместе с тем как-то интимно-доверительно, словно намекал на что-то, известное лишь ему и тому, кто скрывался в скирде. Всё остальное заняло немного времени. Из дыры выпрыгнул человек в короткополом белом полушубке. На его груди болтался невиданный до того курсантами автомат — рогато-чёрный, с ухватистой рукояткой, чужой и таинственный. Подхватив его в руки, человек в полушубке пошёл на капитана, как в атаку, — наклонив голову и подавшись корпусом вперёд. Капитан призывно оглянулся на роту и обнажил пистолет.

— Отставить! — угрожающе крикнул автоматчик, остановившись в нескольких шагах от капитана. — Я командир спецотряда войск НКВД. Ваши документы, капитан! Подходите! Пистолет убрать.

Капитан сделал вид, будто не почувствовал, как за его спиной плавным полукругом выстроились четверо командиров взводов его роты. Они одновременно с ним шагнули к майору и одновременно протянули ему свои лейтенантские удостоверения, полученные лишь накануне выступления на фронт. Майор снял руки с автомата и приказал лейтенантам занять свои места в колонне. Сжав губы, не оборачиваясь, капитан ждал, как поступят взводные. Он слышал хруст и ощущал запах их новенькой амуниции — «прячут удостоверения» — и вдруг с вызовом взглянул на майора: лейтенанты остались с ним.

Майор вернул капитану документы, уточнил маршрут роты и разрешил ей двигаться. Но капитан медлил. Он испытывал досаду и смущение за всё случившееся на виду у курсантов. Ему надо было сейчас же сказать или сделать что-то такое, что возвратило бы и поставило его на прежнее место перед самим собой и ротой. Он сдернул перчатки, порывисто достал пачку папирос и протянул её майору.

Тот сказал, что не курит, и капитан растерянно улыбнулся и доверчиво кивнул на вороватый полёт дымка:

— Кухню замаскировали?

Майор понял всё, но примирения не принял.

— Давайте двигайтесь, капитан Рюмин! Туда двигайтесь! — указал он немецким автоматом на запад, и на его губах промелькнула какая-то щупающая душу усмешка.

Уже после команды к маршу и после того, как рота выпрямила в движении своё тело, кто-то из лейтенантов запоздало и обиженно крикнул:

— А мы, думаете, куда идём? В скирды, что ли?!

В колонне засмеялись. Капитан оглянулся и несколько шагов шёл боком...

Курсанты вошли в подчинение пехотного полка, сформированного из московских ополченцев. Его подразделения были разбросаны на невероятно широком пространстве. При встрече с капитаном Рюминым маленький, измученный подполковник несколько минут глядел на него растроганно-завистливо.

— Двести сорок человек? И все одного роста? — спросил он и сам зачем-то привстал на носки сапог.

— Рост сто восемьдесят три, — сказал капитан.

— Чёрт возьми! Вооружение?

— Самозарядные винтовки, гранаты и бутылки с бензином.

— У каждого?

Вопрос командира полка прозвучал благодарностью. Рюмин увёл глаза в сторону и как-то недоуменно-неверяще молчал. Молчал и подполковник, пока пауза не стала угрожающе длинной и трудной.

— Разве рота не получит хотя бы несколько пулемётов? — тихо спросил Рюмин, а подполковник сморщил лицо, зажмурился и почти закричал:

— Ничего, капитан! Кроме патронов и кухни, пока ничего!..

От штаба полка кремлёвцы выдвинулись километров на шесть вперёд и остановились в большой и, видать, когда-то богатой деревне. Тут был центр ополченской обороны и

пролегал противотанковый ров. Косообрывистый и глубокий, он тянулся на север и юг — в бескрайние, чуть заснеженные дали, и всё, что скрывалось впереди него, казалось угрожающе-таинственным и манящим, как чужая неизведанная страна. Там где-то жил фронт. Здесь же, позади рва, были всего-навсего дальние подступы к Москве, так называемый четвёртый эшелон.

2

В северной части деревня оканчивалась заброшенным кладбищем за толстой кирпичной стеной, церковью без креста и длинным каменным строением. От него ещё издали несло сывороткой, мочой и болотом. Капитан сам привёл сюда четвёртый взвод и, оглядев местность, сказал, что это самый выгодный участок. Окоп он приказал рыть в полный профиль. В виде полуподковы. С ходами сообщения в церковь, на кладбище и в ту самую пахучую постройку. Он спросил командира взвода, ясен ли ему план оборонительных работ. Тот сказал, что ясен, а сам стоял по команде «смирно» и изумлённо глядел не в глаза, а в лоб капитана.

— Ну что у вас? — недовольно сказал капитан.

— Разрешите обратиться... Чем рыть?

Командир взвода спросил это шёпотом. У капитана медленно приподнялась левая бровь, и от неё наискось через лоб протянулась тонкая белая полоска. Он качнулся вперёд, но лейтенант поспешно сам ступил к нему навстречу, и капитан сказал ему почти на ухо:

— Хреном! Вас что, Ястребов, от соски вчера отняли?

Алексей сразу не понял смысла сказанного капитаном.

Он лишь уловил в его голосе приказ и выговор, а на это всегда надо было отвечать одним словом, и он сказал: «Есть!»

— Окоп отрыть к шести ноль-ноль! — строго напомнил капитан и пошёл вдоль улицы — прямой, высокий и в талии как рюмка. Через несколько шагов он вдруг обернулся и позвал: — Лейтенант!

Алексей подбежал.

— Взвод разместите в крайних семи домах. Спросите там лопаты и кирки¹. Ясно?

Взвод перекуривал у церкви. Алексей отозвал в сторону своего помощника и отделённых² и слово в слово передал им приказ капитана. Он сохранил все оттенки его голоса, когда спрашивал, ясен ли план оборонительных работ. Любой из этих пяти курсантов сразу и навсегда обрёл бы в нём тайного друга, если б задал вопрос, чем рыть окоп. Тогда всё повторилось бы — от хрена с соской до лопат и кирок — и горючая тяжесть стыда перед капитаном оказалась бы поделённой с кем-то поровну. Но помкомвзвода сказал:

— Рыть так рыть. Третье отделение, живо по хатам шукать ломы и лопаты, пока другие не захватили!

И через час четвёртый взвод рыл окоп. Полуподковой. В полный профиль. С ходами сообщения в церковь, на кладбище и в опустевший коровник. Только на этот срок и хватило Алексею досады и горечи от разговора с капитаном. У него снова и без каких-либо усилий образовался прежний порядок мыслей, чувств и представлений о происходящем. Всё, что сейчас делалось взводом и что было до этого — утомительный поход, самолёты, — всё это во многом походило на полевые тактико-инженерные занятия в училище. Обычно они заканчивались через три или шесть дней, и тогда курсанты возвращались в казармы и учебные классы, где опять начиналась размеренно-скучная жизнь с чёткой выправкой тела и слова, с тревожно-радостной, никогда не потухающей мечтой об аттестации³. Дальше этого не избалованный личным напряжением мозг Алексея отказывался рисовать что-либо определённо зримое.

В то, что он уже две недели как произведён в лейтенанты и назначен командиром взвода, Алексей верил с большим трудом. Временами ему казалось, что это ещё не взаправду, это только так, условно, как на занятиях, и тогда

¹ *Кирка́* — род молотка на длинной рукоятке, в котором один конец как лопасть, предназначена для земляных и горных пород.

² *Отделённый* (проф.) — командир отделения.

³ *Аттестация* от *аттестовать* — здесь: присвоить звание.

он тушевался перед курсантами и обращался к ним по имени, а не так, как было положено по уставу.

С ещё более нечётким и зыбким сознанием воспринималась им война. Тут он оказывался совершенно беспомощным. Всё его существо противилось тому реальному, что происходило, — он не то что не хотел, а просто не знал, куда, в какой уголок души поместить хотя бы временно и хотя бы тысячную долю того, что совершалось: пятый месяц немцы безудержно продвигались вперёд, к Москве... Это было, конечно, правдой, потому что... потому что об этом говорил сам Сталин. Именно об этом, но только один раз, прошедшим летом. А о том, что мы будем бить врага только на его территории, что огневой залп нашего любого соединения в несколько раз превосходит чужой, — об этом и ещё о многом, многом другом, непоколебимом и неприступном, Алексей — воспитанник Красной Армии — знал с десяти лет. И в его душе не находилось места, куда улеглась бы невероятная явь войны. Душа и сердце были заняты давно для него привычным, нужным и очень дорогим...

Окоп был отрыт к установленному сроку. Только ход сообщения в церковь вывести не удалось: двухметровой толщины каменный фундамент уходил куда-то в преисподнюю. Помкомвзвода предложил пробить в фундаменте брешь связкой гранат, но Алексей сказал, что на это нужно разрешение капитана.

Утро наступило немного морозное, сквозное и хрупкое, как стекло. Прямо над деревней стыло мерк месяц. Первый снег так и не растаял. За ночь он слежался в тонкий и гладкий, как бумага, пласт. К ротному КП¹ Алексей пошёл по задворкам, ненужно далеко обойдя кладбище, — снег тут был нетронуто чист, и он осторожно и радостно печатал его новыми сапогами, и они казались ему особенно уютными и фасонистыми. «В хромовых бы сейчас! Я их ещё ни разу не надевал...»

Командный пункт размещался в центре деревни в кокетливом деревянном домишке под железной крышей.

¹ КП — командный пункт.

Над его крыльцом висел бурый лоскут фанеры с чуть проступавшими синими отёчными буквами: «Правление колхоза “Рассвет”». Связной курсант доложил Алексею, что капитан только что ушёл в третий взвод.

— Это на левом фланге, — вдруг с начальническим видом объяснил он, но, смущённый своим тоном, тут же добавил: — А ваш правый, товарищ лейтенант...

Алексей снова вышел на задворки, неся в себе какое-то неуёмное, притаившееся счастье — радость этому хрупкому утру, тому, что не застал капитана и что надо было ещё идти и идти куда-то по чистому насту, радость словам связного, назвавшего его лейтенантом, радость своему гибкому молодому телу в статной командирской шинели — «как наш капитан!» — радость беспричинная, гордая и тайная, с которой хотелось быть наедине, но чтобы кто-нибудь видел это издали. Он шёл мимо обветшалых сараев, давно, видать, заброшенных и никому не нужных, и в одном из них, горбатым и длинным, как рига, ещё издали заметил настежь распахнутые ворота, а в их тёмном зеве — неяркий свет не то фонаря, не то костра. Алексей направился к сараю и в глубине его увидел кухню с разведённой топкой, облепленную засохшей грязью полуторку, старшину и нескольких курсантов из первого взвода. Ни кухни, ни полуторки на марше не было, но у Алексея даже не возник вопрос, откуда они появились, и, не расставаясь со своим настроением, он громко и весело крикнул:

— Здравия желаю, товарищи тыловики!

Ему ответили сдержанно, по-уставному, — старшина тоже, — и из-за кузова полуторки вышел капитан. Он опять был с хворостинкой и застёгнут и затянут так, словно никогда не раздевался. Он козырнул Алексею издали, какую-то долю секунды подержал поднятой левую бровь и сказал:

— Старшина! Четвёртый взвод получает еду первым, третий — вторым, а первый — последним. Лейтенант! Возьмите здесь каски для взвода и три ящика патронов. Сообщите об этом лейтенанту Гуляеву. Окоп готов?

Алексей доложил. Подорвать фундамент церкви капитан не разрешил. По его мнению, четвёртый взвод должен беречь свои гранаты для других целей.

Соседом слева у Алексея был второй взвод. Его окоп извилисто пролегал в глубь деревни на виду противотанкового рва. На стыке взводов в кольце голых осин одиноко стояла опрятная, побеленная снаружи изба, за десяток шагов ещё пахнувшая простоквашей, — когда-то тут был сепараторный пункт¹. Командира второго взвода Алексей нашёл в этой избе: тот заканчивал банку судака в томатном соусе.

— И пуля попэ-эрла по каналу ствола! — остановившись у порога, сказал Алексей, подражая преподавателю внутренней баллистики в училище майору Сучку. Они несколько минут хохотали, не сходясь ещё, мимикой и жестами копируя движения и походку чудаковатого майора, потом разом подобрались, вспомнив о своих званиях, и Алексей сказал о кухне, касках и патронах. — Вам всё ясно, лейтенант Гуляев?

— Ясно, — солидно отозвался Гуляев. — Сейчас пошлю получать. Второй взвод не задержится, это вам не какой-нибудь там четвёртый.

— При отступлении тоже?

— Русская гвардия никогда не отступала, лейтенант Ястребов! Пошли, покажу своё хозяйство.

На крыльце надо было зажмуриться. Снег не блестел, а сиял огнисто, переливчато-радужно и слепяще — солнце взошло прямо за огородами деревни. Свет всё нарастал и ширился, и вместе с ним, по рву, в деревню накатно, туго и плотно входил рокот. Алексей и Гуляев обогнули угол избы. Впереди рва, пока хватало глаза, пустынно сиял снег, и на нём нарисованно голубел лес, а ближе и левее чуть виднелось какое-то селение.

— Самолёты! — сказал Гуляев. — Видишь? На четыре пальца правее леса гляди... Ну?

— Это галки там, — не сразу, но слишком своим голосом сказал Алексей, а рокот уже перерос в могучий рёв, и теперь было ясно, что лился он с неба.

Самолёты и в самом деле шли кучной и неровной галочьей стаей; они увеличивались с каждой секундой, и

¹ *Сепараторный пункт* — место переработки молока.

круги пропеллеров у них блестели на солнце, как матовые зеркала. Их было не меньше пятидесяти штук. Каждый летел в каком-то странном ныряющем наклоне, с растопыренными лапами, с коричневым носом и отвратительным свистящим воем.

— Заходят на нас! — почти безразлично сказал Гуляев, и Алексей увидел его мгновенно побелевший, совершенно обескровевший нос и сам ощутил, как похолодело в груди и сердце резкими толчками начало подниматься к горлу.

— Пошли по взводам? — спросил он у Гуляева. Тот кивнул, и каждый подумал, что не побежит первым.

Они пошли под осинами томительно медленно, но бессознательно тесно, и оба были похожи на людей, застигнутых ливнем, когда укрываться негде и не стоит уже. Рёв в небе превратился к тому времени в какую-то слитную чугунную тяжесть, отвесно падающую на землю, и в нём отчётливо слышался прерывистый шелест воздуха. Упали они одновременно плашмя, под одной осиной, и мозг каждого одновременно отсчитал положенное число секунд на приближение шелестящих смертей. Но удара не последовало. Наверное, они одновременно открыли глаза, потому что разом увидели метавшиеся по снегу, по осинам и по ним самим лохматые сумеречные тени от пролетающих самолётов.

И они разом поднялись на ноги, и Гуляев устало сказал: — На Кли¹ пошли...

У него по-прежнему был белый и острый, как бумажный кулёчек, нос. Не сводя с него глаз, Алексей сказал шёпотом:

— Ну, я пойду к себе, Сашк.

— Ну, пока, Лешк. Заглядывай.

3

Через час над деревней к востоку прошла новая группа самолётов. Потом ещё, ещё и ещё. Капитан распорядился не дразнить их ружейным огнём: деревню населяли молчаливые женщины да дети и нужно было поспрятать их в

¹ *Клин* — город под Москвой.

убежища. Землянки для них предполагалось рыть на окраине, но бабы ни за что не хотели вылезать из погребов, расположенных во дворах.

Всякий раз, когда самолёты скрывались и наступала расслабляющая тишина, земля ещё долго сохраняла в своих глубинах чуть ощутимую зябкую дрожь. Это было особенно заметно в окопе, и тогда почему-то хотелось зевать и тело непроизвольно лгнуло к стенке окопа. В такие межсамолётные паузы из сверкающей дали лениво прикатывались заглушённые обвальными взрывы: где-то там впереди по-живому ворочался и стонал фронт.

Четвёртый взвод маскировал, прихорашивал и обживал свой окоп. Жёлто-коричневый гребень бруствера¹ присыпали снегом, дно устлали соломой, в передней стенке нарыли печурок и углублений. Для Алексея курсанты оборудовали что-то похожее на землянку, только без наката и насыпи, но со множеством замысловатых по форме ниш — помкомвзвода разложил там гранаты и расставил бутылки с бензином. Всё тут: приглаженно-ровный козырёк бруствера, отшлифованно-чёткий срез стен, какой-то русско-византийский овал печурок и ниш — всё это было сделано и отделано с тем сосредоточенным старанием, которое полностью исключает чувство тревоги и опасности. Видно, оттого окоп и не выглядел так, как положено на войне: в нём было что-то затаённо-мирное и почти легкомысленное.

Во второй половине дня самолёты не появлялись, но оттуда, где синей извилиной лес призрачно намечал зыбучую кромку горизонта, в окопы всё чаще и явственней доносился раздёрганно-клочковатый гул. Временами, когда гул спадал, можно было расслышать протяжные и слитные звуковые вспышки, словно кто-то недалеко и скрытно разрывал на полосы плащ-палатку. Прекратилось это внезапно, сразу. А часа через полтора от опушки леса начали отрываться и двигаться по полю тёмные точки. С каждой минутой их становилось всё больше и больше, и было уже ясно, что это люди, но шли они как-то зигзагами, рассеянно, мелкими кучками и поодиночке.

¹ *Бру́ствер* — земляная насыпь с внешней стороны окопа или траншеи.

— Товарищ лейтенант! Видите? — тревожно и радостно крикнул Алексею кто-то из курсантов. — Может, это ихние диверсанты¹ просочились? Подпустим? Или как?

В разрыве леса и чуть видимого селения висело лохматое закатное солнце, похожее на стог подожжённой соломы. Смотреть вперёд можно было лишь сквозь ресницы, и всё же Алексей угадал своих. Свои были у людей походки, свои шинели, свои каски и шапки.

— Это наши, славяне! — разочарованно сказал помком-взвода, и Алексей чуть не спросил у него: откуда это они так?

На виду рва бредшие по полю сошлись вместе и построились в колонну по три. В строю людей казалось совсем немного — не больше взвода, и они долго почему-то стояли на месте, совещаясь, видно, потом разделились на четыре группы и пошли к деревне, сохраняя дистанцию и забирая в сторону окопа четвёртого взвода. Ещё утром, возвращаясь от Гуляева, Алексей заметил в скосе противотанкового рва напротив коровника небольшой оползень. Его надо было скрыть и почистить, но он забыл о нём, и теперь незнакомые бойцы избрали это место для прохода через ров.

Первым по оползню выбрался невысокий человек в тёмной командирской шинели. Оглянувшись на окоп, он припал на колени и начал кого-то тянуть к себе то ли за ремень, то ли за конец палки. Алексей вызвал двух курсантов и пошёл ко рву. У того, что стоял там на коленях, в выцветших чёрных петлицах атели капитанские шпалы, и тащил он из рва за ствол винтовки грузного пожилого красноармейца в непомерно широкой шинели. Узенький брезентовый ремень опоясывал бойца чуть ли не ниже бёдер, и это, возможно, мешало ему переступать ногами: ухватившись за винтовку, он откидывался назад, повисая над уклоном всем корпусом, и сразу же начинал раскачиваться из стороны в сторону, как маятник.

— Разрешите помочь, товарищ капитан! — сказал Алексей. Капитан молча кивнул и судорожно переложил оголён-

¹ *Диверсáнт* — тот, кто совершает диверсию, занимается подрывной деятельностью.

ные руки на стволе винтовки, освобождая место. Алексей потянул за винтовку, и красноармеец мелкими спутанными шагами пошёл наверх. У него было по-женски белое и круглое лицо без признаков растительности; старенькая пилотка нелепо сидела поперёк бритой головы, и, подымаясь, он как-то болезненно-брезгливо глядел куда-то мимо капитана и Алексея.

— Ногами работай, друг! Ногами! — посоветовал один из курсантов. Стоявшие внизу бойцы сдержанно засмеялись, а Алексей спросил капитана:

— Он ранен?

— Нет, — сквозь зубы сказал капитан.

— А что же?

— Ну... не может... Не видите, что ли?

Очутившись наверху, красноармеец отошёл в сторонку и обиженно отвернулся, закинув руки за спину. Остальные бойцы преодолели ров легко и скоро, подпирая друг друга прикладами. Без команды они торопливо построились на краю рва и остались стоять там, переговариваясь полущё-потом. Капитан спросил, чья у него винтовка, и из строя вышел маленький боец, увешанный по бокам вещмешком и противогазной сумкой. Винтовку он взял у капитана рывком, будто отнял, и сразу же кинулся назад, к своим. Пониже спины в его шинели виднелась большая округлая дырка с обуглившимися краями, и на ходу боец всё пытался прикрыть прожог ладонью.

Если б капитан сразу же приказал своему отряду двигаться, у Алексея не возник бы вопрос, откуда и куда он идёт. Но капитан долго и старательно вытирал руки подолом шинели, хотя были они чистые, и то и дело поглядывал в сторону обособленно стоявшего красноармейца. Тот по-прежнему смотрел куда-то за окоп, и ремень на нём совсем съехал вниз. «Наверно, вестовой его, — решил Алексей, — мне бы с ним минут сорок заняться по-пластунски!..» К бойцам, тихо стоявшим в строю, из окопа начали подходить курсанты со своими СВТ¹. Алексей заметил, как

¹ СВТ — тип винтовки.

испытующе-тревожно поглядел на них капитан, и неожиданно для самого себя спросил:

— Откуда вы идёте, товарищ капитан?

Тот опять взглянул на одинокого красноармейца и не ответил. Алексей подвинулся к курсантам и повторил вопрос.

— Мы вышли из окружения! — озлобленно сказал капитан и носком сапога сбил комок глины в ров. — И нечего нас тут допрашивать, лейтенант! Накормите вот лучше людей! Двое суток, чёрт бы его драл...

— Почему вы сюда... Где фронт? — торопясь и всё больше пугаясь чего-то непонятного, перебил Алексей, и в наступившей тогда тишине к нему тяжело пошёл безоружный красноармеец.

— А ты где находишься? Ты не на фронте? Где ты находишься? А? — не вынося из-за спины рук, кидал он под свой шаг гневным, устоявшимся в обиде голосом.

Алексей едва ли сознавал, зачем он пошёл навстречу красноармейцу и почему спрятал руки в карманы шинели. Он столкнулся с ним грудь с грудью и, задохнувшись, визгливо выкрикнул за два приёма:

— Где ваша... винтовка, товарищ боец?!

— Я воевал не винтовкой, а дивизией, лейтенант! — тоже фальцетом крикнул красноармеец и стал по команде «смирно». — Приведите себя в порядок! Как стоите? Я генерал-майор Переверзев! Кто у вас старший? Что за подразделение? Проведите меня к своему командиру!

Забыв отступить и только качнувшись назад, Алексей вытянулся и расправил плечи, как на учебном плацу. За какую-то долю секунды стоявший перед ним человек преобразился в его глазах полностью и совершенно — в нём всё теперь казалось ему иным, большим, генерал-майорским, кроме ремня, шинели и пилотки, и, вспомнив, как он переходил ров, Алексей враз постиг и поведение капитана, и почему бойцы не помогли ему снизу прикладами, а после стояли в стороне и переговаривались шёпотом... Не сходя с места, Алексей крикнул через плечо:

— Помкомвзвода! Проводи товарища генерал-майора к капитану!

— Сам пойдёшь! — сказал Переверзев, и Алексей пошёл с левой ноги строевым шагом, тесно прижав руки к бокам. Следом за ним двинулся генерал-майор, потом капитан и бойцы. Миновав окоп своего взвода и выйдя на улицу, Алексей ещё издали увидел капитана Рюмина: он стоял у сепараторного пункта и что-то объяснял Гуляеву, показывая лозинкой то на осины, то на окопы и ров. Заметив подходивших, капитан выжидающе поднял лицо, а Алексей пошёл как под знаменем, вскинув к голове руку.

О генерал-майоре он докладывал путано, и с каждым словом у капитана Рюмина всё выше приподнималась левая бровь. Как зачарованный он смотрел на ремень Переверзева и вдруг побледнел и сказал чуть слышно:

— Предъявите ваши документы!

— Я попрошу не здесь, — увялым баском сказал Переверзев.

Рюмин повернулся к нему спиной и приказал Алексею:

— Назначьте себе связного! Вы не должны каждый раз отлучаться... Ваше место во взводе, лейтенант!

4

Вечером капитан вызвал к себе командиров взводов и приказал им выдвинуть за ров по одному отделению. Курсанты там должны встречать и направлять в обход своих окопов всех, кто будет идти от леса.

— Всех в обход! — сказал капитан. — В разговоры ни с кем из них не вступать! Бойцам и командирам объяснять, что переформировочный пункт и госпиталь, куда они направляются с фронта, находится в четырёх километрах правее и сзади нас.

В четвёртый взвод капитан пришёл почти вслед за Алексеем и, не спускаясь в окоп, долго стоял молча, не то вслушиваясь, не то вглядываясь в то, что смутно проступало впереди рва. Было тихо. Луна взошла, задёрнутая жёлто-коричневой пеленой, и стало ещё тягостнее и тревожнее от её мутно-бутылочного света и оттого, что в деревне начали кричать еле слышными подземельными голосами петухи, — в погребах, видно, сидели. Алексей стоял в шаге от

капитана, непроизвольно вытягиваясь в струнку, и, не глядя на него, капитан сказал:

— Бросьте тянуться, Ястребов! Вы не на экзамене... Кстати, что вам говорил о фронте... красноармеец Перевез?

Пачка «Беломорканала» лежала лепешкой, и Алексей никак не мог ухватить сплюснутый мундштук папиросы. Он хотел предложить капитану папиросу, но не сделал этого и закурил без его разрешения. Он молчал, затягиваясь до тошнотворной рези в груди, и тогда капитан спросил ещё:

— Курсанты всё слышали?

— Всё, — сказал Алексей. — Генерал-майор...

— Хорошо, — перебил капитан. — Объясни, пожалуйста, взводу, что это был не генерал, а боец... Контуженый. Установил это я сам. Понимаешь?

— Я всё понял, — негромко сказал Алексей, с какой-то обновлённой преданностью глядя в глаза Рюмина.

— Обстановка не ясна, Алексей Алексеевич, — неожиданно и просто сказал капитан. — Кажется, на нашем направлении прорван фронт...

И всё тем же, немного не своим и немного не военным тоном капитан сказал, что ночью за ров пойдёт разведка и что от штаба ополченского полка должны тянуть сюда связь и должны подойти соседи слева и справа. Ушёл Рюмин тоже не по-своему — он не приказал, а посоветовал выставить за кладбищем усиленный пост, порывисто сжал руку Алексею и легонько толкнул его к окопу.

До полночи от невидимого леса мимо деревни прошли два батальона рассеянной пехоты, проехали несколько всадников и три повозки. Всё это двигалось в сторону, где, по словам капитана Рюмина, находился переформировочный пункт: отступающие наталкивались в поле на посты курсантов, забирали вправо, и рядом с ними по полю волочились длинные чёткие тени. Всё это время Алексей был в окопе с дежурным отделением, и, когда скрылись повозки и поле очистилось от их копнообразных теней, он решил ничего не говорить курсантам о красноармейце, выдавшем себя за генерала. К чему? Теперь и без контуженых всё было ясно...

В половине третьего из-за рва возвратились наряды¹, а ровно в пять капитан отдал приказ привести взводы в боевую готовность. «Наверное, вернулась разведка!» — подумал Алексей, и с него мгновенно слетела та продрогло-цепенящая усталость, которая обволакивает человека в зимнюю бессонную ночь. Почти бессознательно он надел каску, затянул на одну дырочку поясной ремень и только после этого распорядился поднять по тревоге остальные отделения, отдыхающие в крайних избах.

Ещё днём курсанты плотно утопали и приноровили к собственному характеру и к оружию свои места в окопе, — тогда каждый был друг от друга на расстоянии в полметра. Теперь же все пятьдесят два человека образовали слитную извилистую шеренгу и, толкаясь локтями и гремя винтовками, не думали разойтись попросторнее. Может, каски, а может, лунный полусвет делали курсантов противоестественно высокими и обманчиво загадочными. Они повозились и разом затихли, обернув стволы винтовок в стылую сумеречь рва и поля. В деревне в это время начали дымиться трубы — украдкой, через две-три хаты, и в окопах запахло хвоей, жареным луком и картошкой. Как удар, Алексей ощутил вдруг мучительное чувство родства, жалости и близости ко всему, что было вокруг и рядом, и, стыдясь больно наивернувшихся слёз, он крикнул иступленно, с непонятной обидой и злостью ко всему тому, над чем только что чуть не плакал:

— Рассредоточиться, чёрт возьми! Всем по своим местам!!

Команда была выполнена немедленно и молча, и в чуткой предутренней тишине из погребов опять пробились петушинные голоса. Кто-то из курсантов сказал мечтательно, в сладком молодом потяге:

— Сейчас бы кваску покислей да... рукавичку потесней! А-ахх! — И вокруг озорно и сочувственно засмеялись.

За деревней помаленьку светлело небо, и в той его части розово мигали и гасли звёзды. У сепараторного пункта

¹ *Наряд* — воинское подразделение, несущее караульную службу.

стали проглядываться верхушки осин. Повернув кудлатые головы к ветру, на них сидели вороны, и в улицу падал их резкий простылый крик — наступало утро. Алексей изо всех сил боролся с дремотой, и было невозможно унять мелкую трепетную дрожь мышц, и поминутно надо было ходить по малой нужде. Он стоял спиной ко рву, когда несколько курсантов разнобойно крикнули: «Стой, кто идёт?» От пролаза во рву к окопу не спеша шёл широкий приземистый человек в хитро надетой шапке — один ушной клапан был опущен, а другой поднят вверх, и винтовку человек нёс по-охотничьи, стволом в землю, и было ясно, что это свой, и окликали его для порядка, о чём он, видно, хорошо знал, потому что не останавливался и не отзывался. Подойдя к брустверу и оглядев окоп, красноармеец напевно сказал:

— Ну во-от. Не шибко прилаживался, а хорошо попал. Пёр-пёр по этой вашей канаве, а тут гляжу — маковка церковная...

Он выглядел за сорок — возраст, на взгляд курсантов, уже стариковский, и у него было поранено ухо, темневшее комком запёкшейся крови. Он сел в окопе у ног Алексея на свою противогазную сумку, и она даже не поморщилась под ним — до такой степени оказалась набитой каким-то солдатским хозяйством. Его никто ни о чём не спрашивал, и он сам сказал о своём ухе:

— Прикроешь шапкой — и сразу нудить начинает. А на холоде вроде ничего...

— Перевязать надо, — морщась сказал Алексей. — Чем это вас?

— Осколком. Как перепел: фрр — и ни его, ни уха. Даже не почуял.

Он улыбнулся, но как-то больно, одной стороной лица, и помкомвзвода спросил тогда:

— У вас командиром дивизии был не генерал-майор Переверзев?

— Этого не знаю, брат, — ответил боец. — С начальством я знаком мало. А что?

— Товарищ генерал на полсуток пораньше тебя переправился тут, — баском сказал кто-то из курсантов.

— Ну, большой меньшего в таких делах не дожидается, — назидательно рассудил боец. — Что ему: голова на плечах, шапка небось нахлобучена на оба уха...

— Он в красноармейской пилотке... и в шинели без петлиц, — опять сказал тот же курсант, но уже с особой интонацией в голосе.

— Да ну? — бесстрастно, для вида, удивился раненый. И, помолчав, добавил: — Выходит, недавно человек ослеп, а уже ничего не видит... Нас там хотя и полегла тьма, но живых-то ещё больше осталось! Вот и блуждаем теперь... А он вроде того мужика — воз под горой лежит, зато вожжи в руках...

— Ну, вот что, нечего тут, — растерянно сказал Алексей. — Кончай разговоры. Всем по местам!

Курсанты снова чётко и молча выполнили приказание, а боец, только теперь разглядев кубари¹ Алексея, начал было привставать с сумки, но раздумал и больно улыбнулся одной стороной лица.

— Тут горе вот какое, товарищ командир, — виновато заговорил он, косясь на нишу, где синели бутылки с бензином. — Ведь танку в лоб не проймёшь такой поллитрой! Тут надо ждать, покуда она репицу свою подставит тебе... Мотор там у неё спрятан, вот штука-то! А тогда уже поздно бывает — окопы распаханы, люди размяты... Что делать-то будем, а?

— Вы давайте в госпиталь! Это вон в том направлении, — строго сказал Алексей и зачем-то загородил собой нишу.

— А может, мне у вас остаться? — спросил боец. — Ухо моё и без докторов присохнет.

— Давайте в госпиталь! — повторил Алексей. — У нас вам оставаться нельзя. Мы... — и не сказал, что хотел.

Боец насмешливо оглядел его с ног до головы, встал и разом вскинул на плечи винтовку и сумку.

¹ *Кубарі* (разг.) — кубики (знаки отличия младшего офицерского состава) нашивались на петлицах гимнастёрки. Погоны со звёздочками были введены в конце войны 1941—1945 годов.

— Ну что ж... Тогда пошли, присказка, недалеко до Курска, семь вёрст отъехали, семьсот ехать! — стихом проговорил он и умеючи вылез из окопа.

В девятом часу к четвёртому взводу — тоже, видать, на церковную маковку — от леса петляючи и осторожно поползли два грязно-серых броневика. Ещё на середине поля они немного разъехались в стороны, и к деревне беззвучно и медленно потянулись от них разноцветные фосфоресцирующие трассы. Пули воробьиной стаей прочирикали над окопом, и потом уже долетел слитный стрекот пулемётов и стал натужнее вой моторов, — броневики на малых скоростях закружили на месте.

Алексей не спеша обнажил пистолет и перестал дышать. Вот они, немцы! Настоящие, живые, а не нарисованные на полигонных щитах!.. Ему было известно о них всё, что писалось в газетах и передавалось по радио, но сердце упрямылось до конца поверить в тупую звериную жестокость этих самых фашистов; он не мог заставить себя думать о них иначе как о людях, которых он знал или не знал — безразлично. Но какие же эти. Какие? И что сейчас надо сделать? Подать команду стрелять? «Нет, сначала я сам. Надо всё сперва самому...»

С локтя, в напряжённом ожидании какого-то таинства, Алексей дважды выстрелил из пистолета в тупое рыло одного и второго броневика, и сразу же взвод ахнул залпом, а дальше выстрелы посыпались в самозабвенной торопливой ярости, и Алексей опять начал прицельно бить — раз по одному броневику, раз — по второму. Не отвечая, броневики развернулись и помчались к лесу.

И только тогда Алексей понял, что стрелять было нельзя, и поглядел вдоль окопа. У курсантов возбуждённо блестели под касками глаза; они молча и спешно наполняли магазины патронами.

— Вот врезали! Правда, товарищ лейтенант? — У помкомвзвода блестели зубы и трепетали ноздри.

— Сейчас нам капитан не так за это врежет, — сказал Алексей, заглядывая в ствол тёплого пистолета. — Это ж разведчики были, а мы обнаружили себя раньше времени.

— Ну и чёрт с ними! Пускай знают!

— Что «знают»? — невольно входя в роль капитана, спросил Алексей.

— А всё! — вызывающе сказал помкомвзвода. — Подумаешь! Пускай знают! Не прятаться же нам в скирды! Пускай знают!

Алексей помолчал и сказал:

— Ну пускай. Давай хлопочи насчёт кормёжки людей. Десятый час уже.

Вскоре во взвод пришёл политрук роты Анисимов — тихий сутуловатый человек с большими молящими глазами. Курсанты давно знали, что у него катар¹ желудка, и всем казалось, что ему постоянно нехорошо и больно, и всем становилось легче и веселее, когда он кончал политинформацию и уходил. Как-то весной ещё Анисимов сказал на политзанятиях, что Англия наконец-то потеряла своё былое мифическое значение на морях и океанах. Он произнёс это неуверенно и смущённо, и с тех пор курсанты называли его «мифическим значением».

Анисимов неловко сполз в окоп и спросил почти жалобно:

— Ну что, Ястребов, не подбили?

Наверное, его мучило — сине-жёлтый был, а глаза чёрные, круглые, просящие участия. Виногато и сострадательно глядя в них, Алексей негромко сказал:

— Задымил один, товарищ политрук...

— Ага! Вы их броневойно-зажигательными?

— Наполовину с простыми. А первый, по-моему, задымил... Точно.

— Ну, пусть знают!

Анисимов сообщил взводу о результатах ночной курсантской разведки — деревня, что впереди, занята противником. Он призвал кремлёвцев к стойкости и сказал, что из тыла сюда тянут связь и подходят соседи.

5

Погода испортилась внезапно. На окоп то и дело сыпалась дробная льдистая крупа, и каски звенели у всех по-разному. По-разному — то мягко-заглушённо, то резко-отчётливо,—

¹ *Katár* — воспаление слизистой оболочки.

далеко за кладбищем прослушивался налётный, волнами, громовой гул, и тогда каски округло и медленно поворачивались туда, вправо. Политрук всё не уходил, а на завтрак был плов, и неплотно прикрытый котелок Алексея давно стоял в нише и остывал каким-то нестерпимо томительным духом. «Гуляев небось не постеснялся бы. У того хватило б смелости и при капитане пожрать, — обиженно подумал Алексей, — а это «значение» до вечера может сидеть тут. Что ему? У него катар!» Тогда Анисимов, всё время клонивший ухо к низовому отдалённому грохоту справа, сказал: «Да!» Сказал убеждённо и потерянно, как нечаянно открывший что-то ненужное, и в эту минуту высоко над церковью ломко и сочно разорвался пристрелочный снаряд. Неколеблемо, как приклеенное, в небе повисло круглое чёрное облако, а немного погодя рядом с ним и всё с тем же характерным чоком образовались ещё два дегтярных пятна.

— Это шрапнель¹? — спросил Алексей.

Анисимов, стоявший рядом, трижды зачем-то хрумкнул кнопкой планшетки и не ответил: воздух пронизал тягучий, с каждым мигом толстеющий вой, пересёкший окоп и оборвавшийся где-то за коровником резко, облегченно, рассыпчато. И сразу же, ещё над полем за рвом, возникли тонкие жала новых запевов. Как невидимая игла, звук сразу же впивался в темя, сверлил череп, придавливая голову вниз, и ничего нельзя было поделывать, чтоб не присесть и не зажмуриться в момент его обрыва. Это проделывали в окопе все — мерно, слаженно и молча, как физзарядку, и стволы винтовок на бруствере то приподнимались, то выпрямлялись, и никто из курсантов не оборачивался назад, туда, где рвались мины...

Через дворы и улицу линия взрывов медленно подвигалась ко рву. За гуляевским взводом большой ковылиной² вырос и вверху пышно завился белый с жёлтыми прожилками дымный ствол. Из-под руки взглянув на него, Анисимов как-то отрешённо полез из окопа, но Алексей бессоз-

¹ *Шрапнѐль* — разрывной артиллерийский снаряд, начинённый пулями.

² *Ковы́лина* — один стебель ковыля — степного растения.

нательно-властно потянул его за хлястик¹ назад. Они на мгновение встретились глазами, и, приседая на дно окопа — над ними близко взвыло, — Анисимов торопливо сказал:

— Хорошо. Я останусь с вами, но командовать будете вы. Прикажете убрать сверху винтовки. Покорёжит ведь.

То было первое боевое распоряжение Алексея, и, хотя этого совсем не требовалось, он побежал по окопу, отрывисто выкрикивая команду и вглядываясь в курсантов — испытывают ли они при нём то облегчающее чувство безотчётной надежды, которое сам он ощущал от присутствия здесь старшего? Сразу же после его команды курсанты пружинисто садились на корточки спиной к внешней стене окопа, зажав между коленями винтовки, и, встречаясь с его взглядом, каждый улыбался растеряннo-смущённо, одними углами губ — точь-в-точь как это только что проделал Алексей под взглядом политрука.

Мины падали теперь уже в нескольких шагах от окопа. Они взрывались, едва коснувшись земли, образуя круглые грязные логовца, и ни один осколок, казалось, не залетал в окоп вслепую, дуром, — до того как удариться в бруствер или стенку, он какое-то время фурчал и кружился вверх, будто прилаживался, куда сесть. Пробегая по окопу под гнетущим излётным воем мин, Алексей каждую из них считал «своей» и инстинктивно держался поближе к той стене, в которую вжались курсанты. «Сейчас в меня... В меня! В меня!» Он знал, — а может, только хотел того, — что каждый курсант испытывает то же самое, и это неразделимо прочно роднило его с ними.

На стыке окопа и хода сообщения к кладбищу Алексей затормозил бег, оглядев узкий извилистый паз хода. По нему и ещё по тем двум, что уходили к церкви и коровнику, взвод мог одним рывком пересечь приближающийся к окопу минный вал. «Надо туда! Скорее туда!» Это не было решением. Это походило на внезапное открытие, когда в душу человека неожиданно врывается что-то радостно большое, живое и победное. Жарким, никогда собой не слыханным голосом Алексей пропел:

¹ *Хлястик* — полоска ткани на спине одежды в талию.

— Взво-о-од! Поодиночке-е...

Курсанты начали привставать, выбрасывая перед собой винтовки и неизвестно к чему готовясь, и голосом уже иным — резким и испуганно-злым — Алексей крикнул: «Отставить!» — и побежал назад, к политруку, почти не наклоняясь и работая локтями, как бегал только в детстве. «Я скажу, что это не отступление! Мы же сразу вернёмся, как только... Это ж не отступление, разве он не поймёт?»

Но Алексей убеждал не политрука, а себя. Он твёрдо знал, что без приказа сверху Анисимов не разрешит оставить линию обороны. «Он подумает, что я... трус! Да-да! А если я уведу взвод без него, меня тогда...»

Впереди увязающе-глухо, не по-своему, треснула мина, и в грудь Алексея упруго двинул горячий ком воздуха. Он упал на колени, и сразу же его поднял тягучий, в испуге и боли крик:

— Я-астре-ебо-ов!

Он побежал на голос, необыкновенно ясно видя и навсегда запоминая нелепо скорчившиеся фигурки курсантов, и, когда сзади с длинным сыпучим шумом обрушился окоп, а его медленно приподняло и опустило, он ещё в воздухе, в лёте, увидел на дне окопа огромные глаза Анисимова и его гипсово-белые руки, зажавшие пучки соломы.

— Отре-ежь... Ну, пожалуйста, отре-ежь... — Анисимов ныл на одной протяжной ноте и на руках подвигался к Алексею, запрокинув непокрытую голову.

Первое, что осознал Алексей, это нежелание знать смысл того страшного, о чём просил Анисимов, но он тут же почему-то подумал, что отрезать у него нужно полы шинели: они всегда мешают ползти... Он вскочил на четвереньки и заглянул в ноги Анисимова — на мокрой, полуоторванной поле шинели там волочился глянцево-сизый клубящийся моток чего-то живого... «Это “они”...» — понял Алексей, даже в уме не называя своим именем то, что увидел. Он также почему-то не мог уже назвать Анисимова ни по фамилии, ни по чину и, преодолевая судорожный приступ тошноты, закричал, отводя глаза:

— Подожди тут! Подожди тут. Я сейчас...

Он бросился по окопу, не зная, куда бежит и что должен сделать, и тогда же окоп накрыло сразу несколькими минами. Ещё до того как упасть, Алексей с ужасом отметил, что ему никто не встретился из курсантов. Увидав нишу, он пополз к ней, выкрикивая шёпотом:

— Я сейчас! Сейчас!

Он почти полностью затиснулся в нишу, обхватил голову руками, и зажмурился, и в тёмном грохоте и страхе в одну минуту понял всё: и где находится взвод — «они сами ушли... по ходам сообщения», и зачем Анисимов просил отрезать «то» — «там у него была вся боль и смерть», и почему разрывы мин теперь слышались как из-под подушки — «огневой вал сполз в ров, сейчас всё кончится».

К церкви он пошёл по открытому месту, и, заметив его, из-за её колонн и с кладбища к ходам сообщения побежали курсанты. Алексей остановился, ощущая в себе какую-то жестокую силу и желание пережить всё сызнова.

— По местам! Бегом! — отчужденно и властно крикнул он. — И без моего приказа ни шагу.

Он уже знал, что и как ему делать с собой в случае нового обстрела, и знал, что прикончит любого, кто, как он сам, потеряет себя хоть на секунду...

Обстрел прекратился, как только несколько мин взорвалось за рвом. Над деревней пластом колыхался мутно-коричневый прах, и пахло гарью, чесноком и ещё чем-то кисло-вонючим, липко оседавшим в гортани. Кроме политрука, убитых в четвёртом взводе не было. Раненых — все в спину — оказалось четверо, и помощник несколько раз спрашивал Алексея, что с ними делать.

— Дойти до КП могут? Где они? — спросил наконец Алексей.

— В коровнике. Лежащий только один. Воронков.

— Его надо отнести к санинструктору... И политрука тоже... Я пойду сам... А те трое пускай самостоятельно идут.

Он смотрел издали, как двое курсантов завёртывали в плащ-палатку тело Анисимова, и смотрел только на их лица — курсанты отвернулись, когда сгребали вместе с соломой то, что было у ног убитого.

— Быстрее! — иступлённо крикнул Алексей, злясь на себя, потому что к горлу опять подступил тошнотворный ком.

Курсанты неумело взялись за концы плащ-палатки и долго вылезали из окопа, а наверху то и дело останавливались, менялись местами и переругивались шёпотом. Идя шагах в пяти сзади, Алексей не знал, снять ему шапку или нет. Они вошли в улицу, когда в воздухе послышался знакомый ведьмин вой, и курсанты присели рядом с ношей, не выпуская её из рук, но мины взорвались на огородах — начиналось всё сначала.

— Куда теперь, товарищ лейтенант?

Курсанты выкрикнули это удивительно похожими голосами и разом. Алексей махнул рукой в сторону осин, и они побежали, волоча по земле ношу. Она шарахалась из стороны в сторону и шумела, и за ней стлался чёрный зигзагообразный след, и Алексей бежал по его обочине, зачем-то ступая на носки сапог. Стволы осин у сепараторного пункта светились белыми ранами. На крыльце валялись ветви и крошево стекла.

— Кладите туда — и за мной! — приказал Алексей и побежал назад — в окоп влекло, как в родной горящий дом.

Ещё издали, часто припадая к земле, он слышал в паузах между взрывами беспорядочную ружейную стрельбу в своём взводе. «Что там такое? Неужели атака?» Он взглянул на ров, но поле оставалось пустынно-дымным. «Куда они стреляют? В небо?»

Но курсанты били не вверх, а по горизонту.

— Прекрати-ить! Прекрати-ить! — на бегу закричал Алексей. Помощник с лёту подхватил команду, но сам выстрелил ещё дважды.

Всё повторялось с прежней расчётливой методичностью, огневой вал медленно катился ко рву. «Как только подойдёт к улице, так мы... Я первым или последним? Наверно, надо первым... это ж всё равно что при атаке... А может, последним? Как при временном отступлении?..» Алексей загодя набрал в лёгкие воздух, и, когда разрывы взметнулись на улице и сердце подпрыгнуло к горлу и затрепы-

халось там, он снова не своим голосом, но уже до конца скомандовал взводу поодиначный побег из смерти... Он бежал последним по ходу сообщения к церкви и всё время видел два полукруга жёлтых, до блеска сточенных гвоздей на каблуках чьих-то сапог — они будто совсем не касались земли и взлетали выше зада бегущего. Он так и не понял, когда курсанты успели закурить и присесть на корточки за церковью. И не узнал, кто бежал впереди. И не догадался, что это не икота, а загнанный куда-то в глубь живота ненужный слёзный крик мешает ему что-нибудь сказать курсантам...

Алексей тоже закурил торопливо и молча протянутую кем-то папиросу. Спичку зажёл прибежавший откуда-то помощник. Он выждал, пока Алексей затянулся, и проговорил всё разом, без запинки:

— За коровником — бывший погреб, а может, другое что... ямка такая под яблоней — они все там шестеро... Четверо допрежь раненых и двое, что я послал...

— Ну?

— Всех. Прямым. У Грекова полголовы, у Мирошника...

«Я не пойду... Не пойду! Зачем я там нужен? Пусть будет так... без меня. Ну что я теперь им...» Но он поглядел на курсантов и понял, что должен идти туда и всё видеть. Всё видеть, что уже есть и что ещё будет...

До часу дня, когда наступило затишье, взвод четырежды благополучно бегал в свой тыл и возвращался в окоп.

— Попьют кофе и опять начнут, — сказал помкомвзвода, глядя через поле.

Алексей промолчал.

— Я говорю, опять начнут! — повторил помощник.

— Ну и что? — отозвался Алексей, тоже вглядываясь через ров в невидимое селение.

— Что ж мы, так и будем мотаться туда-сюда?

— А ты думал как? И будешь! Один ты, что ли, мотаешься?

— В том-то и дело, что не один. В одиночку я согласен бегать тут хоть до победы. Лишь бы... Может, выбить его оттудова?

— Хреном ты его выбьешь? — бешено спросил Алексей. — Я, товарищ Будько, не прячу в кармане гаубичную батарею¹, ясно?

— У нас бронебойно-зажигательные патроны есть, — всё тем же ровным, уныло-обиженным тоном сказал Будько и губы сложил трубочкой.

— Ты что, ополченец или будущий командир? Тут же верных четыре километра!

— А пуля летит семь!

— Ну вот что. Иди на своё место. Нашёлся тут маршал... Давай вон лучше окоп исправлять, ясно? И выдели мне постоянного связного. Надо ж доложить капитану о политруке... А то подкинули во второй взвод и помалкиваем. Давай быстрее!

Будько пошёл по окопу, но сразу же вернулся и, не глядя на Алексея, угрюмо спросил:

— Командира второго отделения Гвозденку хотите в связные? Ему как раз каску просадило...

— Так что? — удивился Алексей.

— Ничего. Волосья на макушке начисто сбрило. Голова у него трусится...

— Он же, наверно, контужен!

— Да не-е. Это у него от переживаний. Смеётся там братва над ним...

Боевое донесение капитану Рюмину Алексей составил по всем правилам, чётко выписав в конце листка число, часы и минуты. Гвозденко понёс его бегом, а во взвод тут же явился с большой парусиновой сумкой ротный санинструктор. Он сообщил, что в третьем, первом и втором взводах ранено восемь человек.

— А у вас богато?

— Убиты шестеро курсантов и политрук, — вызывающе ответил Алексей. — Раненых нет!

— Ага. Ну значит, мне у вас нечего делать, — обрадовался санинструктор. — Я побегу. Сейчас, наверно, будем отправлять раненых...

¹ *Гаубичная батарея* — несколько орудий, предназначенных для стрельбы по укрытым целям.

Утробный гул, что временами доносился с утра ещё откуда-то справа, теперь разросся по всему тылу, и его вибрирующее напряжение Алексей не только слышал, но и ощущал грудью. «Танки накапливаются. КВ, может. Этим нам достаточно будет и четырёх штук. Мы бы рванули тогда вперёд километров на двадцать. Мы бы «их» пошшупали!..»

Он так и подумал: «Пошшупали» — и повторил это слово вслух.

6

Донесение о результатах ночной разведки капитан Рюмин отправил в штаб полка в пять часов. В нём запрашивались ближайшая задача роты, связь и подкрепление соседями.

Связной возвратился в восемь двадцать с устным распоряжением роте немедленно отступить.

Рюмин приказал курсанту описать внешность командира полка.

Курсант сказал, что он ростом с него, а по званию майор.

Рюмин видел, что связной говорит правду, — он был в штабе ополченского полка, но выполнять устный приказ неизвестного майора не мог.

С командиром первого взвода лейтенантом Клочковым Рюмин подтвердил своё донесение и запросы, и тот в восемь тридцать выехал в штаб полка на полуторке по прямой.

В восемь сорок в поле за рвом появились броневики — разведчики противника, неожиданно обстрелянные четвёртым взводом, и в него отправился политрук Анисимов. Командование над первым взводом Рюмин принял сам.

В десять пятнадцать начался миномётный налёт.

В тринадцать ноль пять Рюмин получил донесение лейтенанта Ястребова о гибели Анисимова и шести курсантов.

Лейтенант Клочков всё ещё не возвращался из штаба полка.

В четырнадцать тридцать миномётный обстрел возобновился, но уже без прежней системы и плотности.

Клочкова не было. В тылу ревели танковые моторы.

И Рюмин понял, что рота находится в окружении. Он был человеком стремительного действия, неспособным ожидать, таиться и выслеживать, оттого каждое поисковое положение, мгновенно рождавшееся в его мозгу, казалось главным, и в результате главным представлялось всё, о чём бы он теперь ни думал.

Ему понадобилось немного времени, чтобы построить свои мысли в ряд и рассчитать их по порядку номеров. На первое место встала возможная танковая атака немцев с тыла. Рюмин мысленно немедленно отбил её. Атака повторилась, и снова он увидел раздавленные сараи и хаты, уничтоженные танки и живых курсантов... Но он тут же спохватился и понял, что одним сердцем поражать танки курсантам будет трудно. В роте насчитывается двести двадцать винтовок. Есть свыше четырёхсот противопехотных и полтораста противотанковых гранат. И есть ещё бутылки с бензином, но Рюмин не считал их оружием... «Атаки с тыла мы не выдержим, — думал Рюмин. — Паника сметёт взводы в кучу, а танки раздавят...»

И у него осталась одна слепая надежда на то, что атака всё-таки начнётся из-за рва. Это было не только надеждой — это стало почти желанием, потому что Рюмин, как и все те десятки тысяч бойцов, что однажды попадали в окружение, устранился невидимого врага в своём тылу.

День истекал. Мины изредка перелетали через окопы и грохотно садились на огородах. Ни с тыла, ни с фронта ничто не предвещало атаки. Рюмину пришла мысль, что немцы, занимавшие село впереди, находятся на временном отдыхе. Иначе зачем бы они маскировали во дворах машины? Разведчики видели там автобусы. Что это, хозчасть? Мотомехполк? Батальон? Рота? А что, если броском вперёд... И разгромить и выйти к лесу, а по нему на север и... Но обязательно разгромить! Курсанты должны поверить в свою силу, прежде чем узнать об окружении! А как же раненые? Их восемь человек. И уже семеро убитых...

В семнадцать часов обстрел кончился. Рюмин послал связного в четвёртый взвод с приказанием подготовить братскую могилу. Он решил с наступлением темноты двигаться по рву на север, захватив раненых, и где-нибудь по болоту или по лесу выйти к своим...

...Хату никто не тушил, и к вечеру она истлела до основания. В середине пожарища непоколебимо-устремлённо, как паровик¹, нетронутая стояла чёрная русская печь с высокой красной трубой, и вокруг неё бродил пацан без шапки и что-то искал в золе. «Гвозди собирает!» — с яростной болью подумал Рюмин и оглянулся назад. Курсанты шли в ногу и все смотрели на пацана, и всё же Рюмин не сдержался и свирепо скомандовал:

— Твёрже шаг!

Мальчишка испуганно спрятал за спину руку, попятился к печке и прижался к ней.

На кладбище скапливались вечерние тени. Четвёртый взвод полукругом неподвижно стоял поодаль широкой тёмной ямы, а перед нею полукругом лежали семеро убитых, завернутые в плащ-палатки. Рюмин вполголоса приказал роте построиться у могилы в каре и, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Откройте их.

Никто из курсантов не сдвинулся с места. Молча, взломав левую бровь, Рюмин осторожно повёл глаза по строю, и Алексей понял, кого он ищет, и не стал ждать. Он подошёл к мертвецам и, полузажмурясь, начал одной рукой развязывать концы плащ-палаток, и это же стал проделывать Рюмин, и тоже одной рукой. Они одновременно управились над шестью убитыми и разом подошли к седьмому. Это был курсант Мирошник. Он лежал лицом вниз, а в разрез шинели, между его ногами, торчмя просовывалась голая, по локоть оторванная рука. На ней светились и тикали большие кировские часы. Рюмин издал птичий писк горлом и выпрямился, враз поняв, что всё, что он задумал с похоронами, — негодно для жизни, ибо, кроме отталкивающего ужаса смерти и тайного отчуждения к убитым, никто из курсантов — сам он тоже — не испытывает других чувств; у всех было пронзительное желание быстрее покончить тут, и каждый хотел сейчас же что-то делать, хотя бы просто двигаться и говорить. Тогда Рюмин и понял, что «со стороны» учиться мести невозможно. Это чувство само растёт из сердца, как первая любовь у не знавших её...

¹ *Паровик* — паровоз.

По тем же самым причинам — вблизи обращённые на него глаза живых — Рюмин не смог на кладбище сообщить роте её истинное положение, и тогда же у него окончательно созрело и чётко оформилось то подлинное, на его взгляд, боевое решение, путь к которому он искал весь день.

Уже в сумерках рота покинула кладбище и безымянную братскую могилу. У церкви Рюмин снова построил взводы в каре, и курсанты видели, что капитану очень не хватает сейчас стека.

— Товарищи кремлёвцы! Утром мною получен приказ... — Рюмин замолчал и что-то подумал, кто-то ещё боролся с ним и хотел одолеть, — приказ командования уничтожить мотомехбатальон противника, что находится впереди нас, и выйти в район Клина на соединение с полком, которому мы приданы. Атакуем ночью. Огневой подготовки не будет. Раненых приказано оставить временно здесь. Их эвакуирует другая часть... По местам!

Курсанты заняли свои окопы. Минут десять спустя по селу метнулся горячий, с удавными перехватами щекочущий визг, и старшина сообщил вскоре взводам, что на ужин будет кулеш¹ и бесхозная свинина.

Санинструктор нашёл помещение под раненых.

— Главное, товарищ капитан, две пустые комнаты, — доложил он Рюмину. — А под ними какой-то двухэтажный подвал. БУ² прямо... Только вам самим надо поговорить с хозяином.

Домик был старый, широкий, покрытый черепицей вперемежку с тёсом и подсолнечными будыльями³. Рюмин оглядел его издали. Ему не хотелось входить в него и видеть пустые комнаты и «БУ прямо». «Надо оставить у них не только винтовки, но и гранаты... И санинструктора». Тот стоял рядом рост в рост, и сумка съехала на живот, а верхний рожок у креста на ней оторвался, образовав букву «Т».

— Вы... москвич? — негромко спросил Рюмин.

¹ *Кулеш* — густая крупяная похлёбка или каша.

² *БУ* — бомбоубежище.

³ *Будылья* — высоко стоящие стебли от засохших растений.

— Не понял вас, товарищ капитан, — сказал санинструктор и поправил сумку.

— Можете готовить раненых к переводу. Я здесь договорюсь, — мягко сказал Рюмин.

На крыльце домика отрадно пахло мочёным укропом. При тусклом каганце¹ в сенцах возился над кадкой маленький старик в дублёном полушубке. Рюмин встал на пороге и поздоровался. Старик поцурился на него и незаметно выпустил из рук огурцы обратно в кадку. На вопрос Рюмина, он ли хозяин, старик сказал, что хозяин теперь всему война. «Наши раненые и санинструктор тоже должны знать это, — поспешно подумал Рюмин, — хозяин теперь всему война. Всеми!» Но осматривать комнату и БУ он не стал.

Старик ничему не противился. Он только спросил:

— А кормить раненых вы сами будете?

— Да, — сказал Рюмин. — С ними остаётся и наш доктор.

— А вы все... никак уходите?

У него были белёсые тихие глаза, готовые смотреть на всё и всему подчиняться, и Рюмин подумал, что, может, не следует к нему определять раненых. Погасив каганец, старик проводил Рюмина с крыльца и во дворе сказал:

— А взяли они вас, сынок, как Мартына с гулянья!

Рюмин снова неуверенно подумал, что, может, не следует оставлять в этом доме раненых.

— Мы вернёмся через три дня! — вдруг таинственно сказал он, вглядываясь в старицкины глаза. — И тогда заплатим вам за помощь Красной Армии. Понимаете?

7

Выступление Рюмин назначил на два часа ночи, и с какого бы направления он ни подводил роту к невидимому селению и сколько бы там ни было немцев, они все до одного обрекались на смерть, потому что предоставить им плен в этих условиях курсанты не могли. Всё, что роте

¹ *Каганёц* — светильник.

предстояло сделать в темноте, Рюмин не только последовательно знал, но и видел в том обострённо резком луче света, который центрировался в его уме предельным напряжением воли и рассудка. Он был уже до конца убеждён, что избрал единственно правильное решение — стремительным броском вперёд. Курсанты не должны знать об окружении, потому что идти с этим назад значило просто спастись, заранее устрасаясь. Нет. Только вперёд, на разгром спящего врага, а потом уже на выход к своим.

Но почти безотчётно Рюмин не хотел сейчас думать о грядущем дне и о своих действиях в нём. Всякий раз, когда только он мысленно встречался с рассветом, сердце просило смутное и несбыточное — дня не нужно было; вместо него могла бы сразу наступить новая ночь...

Взводы покинули окопы в урочное время и сошлись и построились в поле за рвом. Тут немного метелило и было яснее направление ветра — он дул с востока. Рюмин пошёл перед строем, зачем-то высоко и вкрадчиво, как на минной полосе, поднимая ноги, и в напряжённом безмолвии курсанты по-ефрейторски выкидывали перед ним винтовки с голубыми кинжальными штыками и сами почему-то дышали учащённо и шумно. Рюмин будто впервые увидел свою роту, и судьба каждого курсанта — своя тоже — вдруг предстала перед ним средоточием всего, чем может окончиться война для Родины: смертью или победой. Он вполголоса повторил боевой приказ и задачу роте, и кто-то из курсантов, забывшись, громко сказал:

— Мы им покажем, на чём свинья хвост носит!

Рота двинулась вперёд, и рядом с большим, тревожным и грозным в мозгу Рюмина цепко засела ненужная, до обиды ничтожная и назойливая, как комар, мысль: «А на чём она его носит? На чём?..»

Занятое немцами село рота обошла с юга и в половине четвёртого остановилась в низине, поросшей кустами краснотала¹. Рюмин приказал четвёртому взводу выдвинуться к опушке леса в северной части села и, заняв там оборону,

¹ *Краснотал* — кустарник ивы.

произвести в четыре десять пять залпов по дворам и хатам бронебойно-зажигательными патронами. Тогда остальные взводы, подтянувшись к селу с тыла, бросаются в атаку. Четвёртый взвод остаётся на месте и в упор расстреливает отступающих к лесу голых фашистов. Рюмин так и сказал — голых, и Алексей на мгновение увидел перед собой озарённое красным огнём поле и молчаливо бегущих куда-то донага раздетых людей. Он пошёл впереди взвода тем самым шагом, каким Рюмин обходил роту перед её выступлением — как на минной полосе, и курсанты тоже пошли так, и неглубокий снег, перемешанный с землёй и пыреем, буграми налипал к подошвам сапог, и приходилось отколупывать его штыками.

Лес завиделся издалека — тёмная кромка его обрисовывалась в белесовато-мутной мгле как провал земли, и уже издали к пресному запаху снега стал примешиваться горьковато-крутой настой дубовой коры. В окостеневшем безмолвии нельзя было отделаться от щемящего чувства заброшенности. Алексей то пристально всматривался в троих разведчиков, шедших недалеко впереди с осторожной непреклонностью слепых людей, готовых каждую секунду натолкнуться на преграду, то оглядывался назад и, благодарный кому-то за то, что он не один тут, видел рассредоточенный строй курсантов, далеко выкинувших перед собой винтовки и пригнувшихся, как под напором встречной бури.

Но лес был пуст, таинствен и звучен, как старинный собор, и от его южной опушки до села оказалось не больше трёхсот метров. Взвод залёг плотной цепью, и сразу летуче запахло бензином — у кого-то пролилась бутылка. Алексей лежал в середине цепи, ощущая животом колкие комочки двух «лимонок» в карманах шинели. Стрелки его наручных часов, казалось, навсегда остановились на цифрах 12 и 4. Село виделось смутно. Оно скорее угадывалось, прижатое к земле оцепенелой тишиной. Когда длинная стрелка часов сползла с единицы, Алексей воркующим тенором — волновался — сказал: «Внимание!» — и медленно стал поднимать пистолет вверх. Он до тех пор вытягивал руку, пока не заломило плечо. Указательный палец

окоченел на спусковом крючке. Не доверив ему, Алексей подкрепил его средним, и контрольный выстрел сорвался ровно за минуту раньше времени...

Этот первый залп получился удивительно стройным, как падение единого тела, и сразу же в разных местах села в небо взметнулись лунно-дымные стебли ракет, и было видно, как стремительно понеслись куда-то вбок и вкось пегие¹ крыши построек. Остальным залпам не хватило слаженности — они хлестали село ударами как бы с продолговатым потягом, и Алексей не знал, это ли нужно капитану Рюмину.

После пятого залпа какую-то долю минуты во взводе стояла трудная тишина затаённого ожидания и всё вокруг казалось угрожающе непрочным, опасным и зыбким. Курсанты начали зачем-то привставать на четвереньки, и только тогда к лесу прикатился поспешно-согласный крик атакующих взводов, будто они троекратно поздоровались в селе с кем-то. Крик тут же слился с разломным треском выстрелов и взрывами гранат. При очередной вспышке серии ракет Алексей хищно окинул взглядом поляну. Она была голубой и пустынной, и он обещающим и виноватым голосом прокричал своему взводу:

— Сейчас побегут! Сейчас мы их!..

Бой в селе нарастал с каждой минутой. К размеренным выстрелам курсантских самозарядок всё чаще и чаще начали примешиваться слитные трели чужих автоматов. Этот звук, рождавшийся и погасавший с какой-то подавлявшей волю машинной торопливостью, был в то же время игрушечно лёгок и ладен. В нём не чувствовалось никакого усилия солдата. Он был как издевательская потеха над тем, кто лежит с немой винтовкой и слышит это со стороны.

Когда в северной части села гулко и звонисто заработали крупнокалиберные пулемёты и там же неожиданно бурно вспыхнуло высокое пламя пожара и завывли моторы, Алексей вскочил на ноги и воркующим тенором скомандовал атаку...

¹ *Пёгий* — пёстрый, пятнистый.

Горел сарай. Поляну заливал красный мигающий свет. Былинки бурьяна отбрасывали на снег толстые дрожащие тени, и курсанты, боясь споткнуться о них, неслись смешными прыжками, и кто-то от самого леса самозабвенно ругался неслыханно сложным матом, поминая стужу, бурю, святого апостола и селезёнку. Оказывается, подбегать к невидимому врагу и молчать — невозможно, и четвёртый взвод закричал, но не «ура» и не «за Сталина», а просто заорал бессловесно и жутко, как только достиг околицы села.

Взвод вонзился в село, как вилы в копну сена, и с этого момента Алексей утратил всяческую власть над курсантами. Не зная ещё, что слепым ночным боем управляет инстинкт дерущихся, а не командиры, очутившись в узком дворе, заставленном двумя ревущими грузовиками, он с тем же чувством, которое владело им вчера при расстреле броневиков, выпалил по одному разу в каждый и неизвестно кому приказал истошным голосом:

— Бутылками их! Бутылками!

Тогда же он услышал рядом с собой, за кучей хвороста, испуганно-недоуменный крик:

— Отдай, проститутка! Кому говорю!

Как в детстве камень с обрыва Устиньина лога, Алексей с силой швырнул в грузовики «лимонку» и прыгнул за кучу хвороста. Он не услышал взрыва гранаты, потому что всё вокруг грохотало и обваливалось и потому что из-за хвороста к нему задом пятился кто-то из курсантов, ведя на винтовке, как на привязи, озарённого отсветом пожара немца в длинном резиновом плаще и с автоматом на шее. Клонясь вперёд, тот обеими руками намертво вцепился в ствол СВТ, а штык по самую рукоятку сидел в его животе, и курсант снова испуганно прокричал: «Отдай!» — и рванул винтовку. В нелепом скачке немец упал на колени и, рывком насаживаясь на полуобнажившийся рубиново-светящийся штык, запрокинул голову в каком-то иступлённо-страстном заклятье.

— Lassen sie es doch, Herr Offizir. Um Gottes willen!¹

¹ *Оставьте, господин офицер. Ради бога! (нем.)*

Ни на каком суде, никому и никогда Алексей не посмел бы признаться в том коротком и остро-пронзительном взрыве ярости и отвращения, которое он испытал к курсанту, разгадав чем-то тайным в себе тёмный смысл фразы поверженного немца.

— Стреляй скорей в него! Ну?! — стонуце крикнул он, и разом с глухим захлёбным выстрелом ему явственно послышался противный мягкий звук, похожий на удар палкой по влажной земле.

Горело уже в разных концах села, и было светло как днём. Одуревшие от страха немцы страшились каждого затемнённого закоулка и бежали на свет пожаров, как бегают зайцы на освещённую фарами роковую для себя дорогу. Они словно никогда не знали или же напрочь забыли о неизъяснимом превосходстве своих игрушечно-великолепных автоматов над русской «новейшей» винтовкой и, судорожно прижимая их к животам, ошалело били куда попало. Эти чужие пулемётно-автоматные очереди вселенской веской силой каждый раз давили Алексея к земле, и яркой радостью — «Меня не убьют! Не убьют!» — хлестали его тело рассыпчато-колкие и гремуче-тугие взрывы курсантских «лимонок» и противотанковых гранат. Он всё ещё пытался командовать или хотя бы собрать вокруг себя несколько человек, но его никто не слушал: взводы перемешались, все что-то кричали, прыгали через плетни и изгороди, стреляли, падали и снова вставали. Он тоже бежал, стрелял, падал и поднимался, и каждая секунда времени разрасталась для него в огромный период, вслед за которым вот-вот должно наступить что-то небывало страшное и таинственное, непосильное разуму человека. Он уже не кричал, а выл, и единственное, чего хотел, — это видеть капитана Рюмина, чтобы быть с ним рядом.

Ни тогда, ни позже Алексей не мог понять, почему сапог жёлтый, короткий, с широким раструбом голенища стоял? Не лежал, не просто валялся, а стоял посередине двора? Сахарно-бело и невинно-жутко из него высывалась тонкая, с округлой конечностью кость. Он не разглядывал это, а лишь скользнул по сапогу краем глаз и понял всё, кроме самого главного для него в ту минуту — почему сапог стоит?!

Он побежал на улицу мимо амбара и длинного крытого грузовика, похожего на автобус. Грузовик неохотно разгорался в клубах чёрного грузного дыма, и оттуда, как из густых зарослей, навстречу Алексею выпрыгнул немец в расстёгнутом мундире. Наклонившись к земле, он оглядывался на улицу, когда Алексей выстрелил. Немец ударился головой в живот Алексея, клёкотно охнул, и его автомат зарокотал где-то у них в ногах. Алексей ощутил, как его частыми и несильными рывками потянуло книзу за полы шинели. Он приник к немцу, обхватив его руками за узкие костлявые плечи. Он знал многие приёмы рукопашной борьбы, которым обучали его в училище, но ни об одном из них сейчас не вспомнил. Перехваченный руками пистолет плашмя прилегал к спине немца, и стрелять Алексей не мог — для этого нужно было разжать руки. Немец тоже не стрелял больше и не пробовал освободиться. Он как-то доверчиво сник и отяжелел и вдруг замычал и почти переломился в талии. Терпкий уксусный запах рвоты волной ударил Алексея в лицо. Догадавшись, что немец смертельно ранен им, Алексей разжал руки и отпрянул в сторону. Немец не упал, а как-то охоче рухнул бесформенной серой кучкой, упрятав под себя ноги. Пятясь от него, Алексей бессознательно откинул полу шинели, чтобы увидеть зачем-то свои ноги. Пола шинели была тяжёлой и мокрой. Что-то белесовато-розовое и жидкое налипло к голенищам и носкам сапог. «Это он... облевал», — со стыдом, обидой и гадливостью подумал Алексей. Внутренности его свились в клубок и больно подкатились к горлу, и он кинулся за амбар и притулился там у плетня в узком закоулке, заваленном вязанками картофельной ботвы...

Его рвало долго и мучительно. В промежутках приступов он всё чаще и явственней различал голоса своих — бой затихал. Обессиленный, смятый холодной внутренней дрожью, Алексей наконец встал и, шатаясь, пошёл к убитому им немцу. «Я только посмотрю... Загляну в лицо — и всё. Кто он? Какой?»

Немец лежал в прежней позе — без ног, лицом вниз. Задравшийся мундир оголял на его спине серую рубаху и тёмные шлейки подтяжек, высоко натянувшие штаны на

плоский худой зад. Несколько секунд Алексей изумлённо смотрел только на подтяжки: они пугающе «по-живому» прилегали к спине мертвеца. Издали, перегнувшись, Алексей стволом пистолета осторожно прикрыл их подолом мундира и пьяной рысцей побежал со двора. По улице, в свете пожара, четверо курсантов бегом гнали куда-то пятёрых пленных, и те бежали старательно и послушно, тесной кучей, а курсанты каким-то лихо-стремительным подхватом держали перед собой немецкие автоматы, и кто-то один выкрикивал командно и не в шутку:

— Айн-цвай! Айн-цвай!

Алексей пропустил пленных, пытаясь заглянуть в лицо каждому, и, пристроясь к курсантам, спросил на бегу у того, что отсчитывал шаг:

— Куда вы их?

— В распоряжение лейтенанта Гуляева, товарищ лейтенант! — строго ответил курсант и властно повысил голос: — Айн-цвай! Айн-цвай!

Невольно ладя шаг под эту команду, Алексей побежал сзади курсантов, то и дело поворачивая голову влево и вправо, — у плетней и заборов лежали знакомые серые бугорки. Курсанты повернули пленных в широкий, огороженный железной решёткой сад. Там у ворот стояла на попа¹ длинная узкая бочка в подтёках мазута, и над ней ревел и бился плотный столб красно-чёрного огня и дыма. Несколько курсантов и Гуляев держались в сторонке, направив на бочку немецкие автоматы, и у Гуляева на левом боку блестела лакированная кобура парабеллума².

— Ну, Лешк! — закричал Гуляев, увидев Алексея. — В пух разнесли! Понимаешь? Вдрызг! Видал?!

Он не мог говорить, упоённый буйной радостью первой победы, и, вскинув автомат, выпустил в небо длинную очередь. И тут же он взглянул на пленных, но искоса, скользко, и совсем другим голосом — невнятно, сквозь сжатые зубы — сказал окружавшим его курсантам:

— Туда!

¹ На по́па — торчком.

² Парабеллум — автоматический пистолет.

Пленных окружили и повели в глубину сада, а Гуляев с прежним счастьем сказал Алексею:

— В пух, понимаешь? Расположились тут, сволочи, как дома. В одних кальсонах спят... Видал? Вконец охамели...

Ожидаясь взглядываясь в сад, суетясь и пряча от Гуляева полу своей шинели, Алексей спросил, где капитан.

— В том конце, возле школы, — сказал Гуляев. — Там сейчас мины и разное барахло взорвут. В твоём взводе большие потери? У меня всего лишь пятеро...

Алексей не ответил и побежал из сада, и всё время в его мозгу звонисто отсчитывалось «айн-цвай, айн-цвай», и он выбрасывал и ставил ноги под эту команду. Он испытал внезапную горячую и торопливую радость, когда увидел Рюмина.

...Рота вступила в «свой» лес только в седьмом часу, и к тем пятнадцати, которых несли на плащ-палатках, сразу же прибавилось ещё двое раненых, — спасаясь, несколько немцев проникли сюда. Чужим приёмом — рукоятки в животы — курсанты подняли в лесу разноцветную пулевую пургу. Тут уже били ради любопытства и озорства, подчиняясь чувству восхищённого удивления и негодования — «как из мешка!». Плотность огня трофейных автоматов и в самом деле была поразительной: они, как пилой, срезали молодые деревья, и на то, чтобы расчистить себе путь, курсантам понадобилось немного времени. Как только утихла стрельба, раненые один за другим снова начали стонать и просить пить, и с какой-то своевольной властью курсанты приказывали им потерпеть.

— Ну чего развели нуду? К утру доставим в госпиталь, а через неделю будете с орденами и кубиками!

— Это точно! Там их не меньше батальона сыграло...

— Одних автобусов штук сорок было!..

— Да шесть броневиков...

Рота двигалась медленно. Потери немцев росли по мере отдаления курсантов от села, и каждый знал, что он умалил там и к чему прибавил. Это нужно было не им, здоровым и живым, а семнадцати раненым и тем ещё одиннадцати, что навсегда остались в горящем селе, кому уже никогда не придется носить ни кубарей на петлицах, ни орденов на груди...

Лес выпуклым полукругом обрывался в поле. Северо-западным краем оно уходило в возвышенность, а восточным — сползало в низину, и там стояло несколько хат, а за ними тянулась какая-то рыжая приземистая поросль. Дальше ничего не виделось, потому что день застрял на полурассвете — узенький, серый и плоский: небо начиналось прямо над верхушками деревьев. Рота присела на опушке, и Рюмин заколдованно стал смотреть на хаты и на то, что было позади них, — туда предстояло идти, а раненые всё время просили воды, и трое из них умерли перед утром, но их несли, потому что Рюмин не останавливался.

Все эти пять или шесть километров, что отделяли роту от места ночного боя, она прошла по восточной опушке леса, и в темноте он казался нескончаемым, широким и неизведанным, как тайга. Он словно по заказу всё время заворачивал к северо-востоку, и мысленно Рюмин не раз уже переходил в нём с курсантами ту незримую и таинственную линию, за которой сразу же исчезало представление об окружении и где лишь только тогда изумительно дерзкой победой кремлёвцев заканчивался прошлый ночной бой. Но к этому рубежу окончательной победы роту могла привести только ночь, а не этот стыдливый изменник курсантам, плюгавый недоносок неба — день! О если б мог Рюмин загнать его в чёрные ворота ночи!! Загнать его туда на целые сутки, ненужного сейчас русским людям, запоздалого пособника битых в темноте!

Рюмин повёл роту в глубину леса — чуть-чуть назад и больше на запад, и лес уже не был прежним: он мог быть значительно гуще, запущенней, а в нём то и дело попадались давно и аккуратно сложенные кучки валежника, давно и чисто прибранные полянки и просеки. Он был избит глубокими скотными тропинками и стежками, припорошенными снегом, и на их обочинах в кустах орешника пугано тетенькали синицы. Западная опушка показалась ещё издали. Лес кончался тут густым мелким осинником. За ним полого поднималось наизволок серое поле, сливавшееся с серым небом...

...Такие сигареты можно было не курить — хорошо тле-ли сами, и дым от них отдавал соломенным чадом, больно царапавшим горло, и есть после этого хотелось ещё больше. Но потому что сигареты были трофейные, в красивых ярко-зелёных и малиновых пачках, никогда до этого не виданных, потому что рота не лежала, а сидела в лесу в круговой обороне, курсанты курили их молчаливо, изучающе-введ-ливо. Раненые, перевязанные и забинтованные индиви-дуальными пакетами, лежали в середине круга. Они сто-нали, подлаживаясь тоном друг под друга, — может, им легче так было, и уже через час их голоса стали для роты привычной тишиной леса. Разведгруппы, посланные Рюми-ным к востоку и западу от леса, возвратились разноре-менно. Гуляев, ходивший на запад, доложил, что с бугра, километрах в двух отсюда виден красный купол водона-порной башни. Наверное, совхоз. А может, станция какая-нибудь. Уточнить не удалось. Не идти же туда днём! Ко-мандир третьего взвода лейтенант Рыжков с тремя курсан-тами принёс ведро с водой и четыре ковриги хлеба. Он ска-зал, что хаты, видневшиеся с восточной опушки, называются Красными Двориками. Немцев там не было. Свои прошли на Москву позавчера ночью. Рюмин достал карту и тонким кружком обвёл на ней зелёное пятно леса рядом с населён-ным пунктом Таксино, что в тридцати семи километрах западнее Клина.

Такие же кружочки старательно потом вывели на своих картах и командиры взводов.

День разгуливался — небо углублялось, а лес становился прозрачнее и мельче. В одиннадцатом часу над ним неиз-вестно откуда неслышно появился маленький чёрный само-лёт с узкими, косо обрубленными крыльями. Он не гудел, а стрекотал, как косилка, и колёса под его квадратным фюз-еляжем искалеченно торчали в разные стороны. Он сни-зился к самым верхушкам деревьев и начал елозить над лесом, заваливаясь с крыла на крыло, помеченные чёрно-жёлтыми крестами.

Кто-то из невесело-раздумчивых русских солдат с пер-вых же дней войны назвал этот чужой самолёт-разведчик «костылём», вложив в это слово презрение и горькую оби-

ду: его трудно было сбить. Он часто попадал в сосредоточенный огонь нескольких зенитных батарей и, искорёженный, почти бескрылый и бесхвостый, не улетал, а утягивался, сволочь, туда, откуда появлялся, после чего наступало жестокое лихо бомбёжки. Курсанты впервые видели «костыль». Он трижды прошёл над ротой, и казалось, что этому летучему гробу достаточно одной бронебойно-зажигательной пули, чтобы он рухнул. Но Рюмин трижды повторил команду не стрелять: до вечерних сумерек было каких-нибудь пять часов — и желание остаться незамеченными перерастало у него в уверенность, что разведчик не видит роту.

— Вверх не смотреть! Не шевелиться! — застыв на месте, вполголоса кричал Рюмин, и курсанты гнули к коленям головы, исподтишка косясь в небо, и тоном Рюмина Гуляев попросил:

— Товарищ капитан! Разрешите мне бутылкой его... Залезу на сосну и шарахну! Никто не услышит, товарищ капитан!

Рюмин внимательно посмотрел на Гуляева и ничего не сказал.

На пятом залёте самолёт неожиданно взревел и трудно полез вверх. Из-под его колес вываливалось что-то бесформенное, сразу же развернувшееся широким белым веером, и на роту в медленном трепете начали опадать листовки. Они застревали в верхушках деревьев, садились на каски и плечи курсантов, порошили раненых. Прислонясь к сосне, Рюмин смотрел на роту. Он видел её всю сразу и каждого курсанта в отдельности, и то, чего он ждал, было ему противным, немым и тёмным, но он продолжал ждать и не снимал с рукава листовку, прилипшую к отсыревшему ворсу, и никто из курсантов не прикасался к листовкам. «Нет, они не возьмут листовки, — подумал Рюмин. — Они боятся. Кого? Меня или друг друга?»

Озлобленно и хватко Рюмин ударом ладони накрыл листовку и поднёс её к глазам. И сразу же листовки взяли все — Рюмин хорошо это видел, — и кто-то из раненых стонуще спросил:

— Ребята... что там написано, а?

Ему никто не ответил — читали, и Рюмин весь превратился в слух и почти зажмурился.

— Что там, а? — снова простонал раненый.

— Да ни хрена тут нету! — с нажимом на басы и с какой-то гневной верой в то, что он понял, сказал позади Рюмина курсант. — В плен Гитлер кличет... А пропуск такой: «Бей жиды — политрука, рожа просит кирпича!» Ясно?

— Как Пу-ушкин! — протянул раненый.

— П...юшкин! — окончательно сбился на басы курсант, и Рюмин засмеялся первым и повторил то, что сказал курсант...

Решение...

Была минута, когда Рюмину захотелось принять его всей ротой, но он мысленно представил себе, как по открытому месту, днём, в тылу у немцев на восток движется колонна из ста шестидесяти трех курсантов, трех лейтенантов, одного капитана и двадцати восьми «санитаров», несущих четырнадцать раненых... Очевидно, другого решения рота принять не могла, и раненых непременно понесли бы впереди, потому что враг на востоке для курсантов не существовал. Если же сообщить курсантам, что рота находится в окружении, то тем более все выскажутся за то, чтобы немедленно идти на восток, — там ведь свои! В этом случае роту ожидало единственное и неминуемое — разгром. Лучше было встретить врага в лесу, чем в поле, потому что лес, как и грядущая ночь, был союзником курсантов.

Разведчик ещё стрекотал, утягиваясь на юг, когда Рюмин приказал роте залечь в цепь, но не на западной, а на восточной опушке, лицом к лесу. Это было уступкой сердцу — оно ждало врага только с запада, и отсюда ему на целых двести метров было ближе к своим...

Четвёртый взвод лежал на левом фланге. В ночном бою он не понёс потерь, и поэтому транспортировка и присмотр за ранеными были поручены ему. Алексей распорядился отнести их чуть-чуть в тыл и левее взвода — там была воронкообразная котловинка, заросшая орешником. Санитаром и сиделкой к раненым он назначил своего связного Гвозденко, и вскоре тот доложил:

— Кушать просят.

— А можно им? — зачем-то спросил Алексей.

— Не всё, — значительно сказал Гвозденко.

— А что можно?

— Это пока неизвестно. Что достану, если разрешите сходить вон в те хаты. Воды тоже нету.

Он побежал к Красным Дворикам, гремя ведром. Алексей подумал, что раненых надо бы снести туда, и через плечо стал рассматривать хаты и то, что виднелось за ними. Гвозденко то и дело почему-то оглядывался, потом остановился, поднёс к глазам ладонь, задрав голову, и бросился назад.

— Самолёты сюда... Много! — крикнул он и лёг рядом с Алексеем, поставив в головах ведро.

— Ты давай к себе, — сказал ему Алексей, улавливая слабый отдалённый гул, и Гвозденко нехотя поднялся и побежал в котловинку, а Алексей снова подумал, что раненых следовало бы перенести в хаты.

Самолётов ещё не было видно, но с каждой секундой рокот усиливался, и в изголовье Алексея вдруг надсадно-тонко и чисто запело ведро. Острый ноющий звук жил и упрямо бился с мощным рёвом неба и чем-то далёким и полузабытым больно пронизывал набухавшее тоской сердце Алексея. Он приподнялся на четвереньках и глянул в небо, но тут же припал к земле и сжался — из длинного журавлиного клина, каким шли самолёты, прямо на четвёртый взвод отвесно падали три передних бомбардировщика. «Надо броском вперёд или назад, как тогда в окопе», — мелькнуло в его мозгу, и он крикнул: «Внимание!» — и услышал над собой круто нараставший свист оторвавшихся от самолётов бомб. Они легли позади и слева, колыхнув и сдвинув землю, и в грохоте обвала сразу же обозначился очередной, до самой души проникающий вой. Эта серия бомб взорвалась тоже позади взвода, но значительно правее, и Алексей мысленно крикнул: «Внимание!» — и непостижимо резким рывком кинулся вперёд, в глубь леса. Он упал возле сосны и когда оглянулся, то на мгновение увидел наклонно бегущих в лес и падающих у кустов и деревьев курсантов, клубы синеватого праха на опушке, а в их промежутках — далёкие силуэты хат и над ними не-

сколько штук завалившихся на нос чёрных самолётов. Вид этих пикирующих на Дворики «юнкерсов» уколол его сердце надеждой — «может, они все перекинутся туда», и одновременно он подумал, что раненых переносить в хаты было нельзя... Он видел, как в одиночку и группами разбегались по лесу курсанты. «Что ж он... его мать, завёл, а теперь...» Это он подумал о Рюмине, но тут же забыл о нём, придавленный к земле отвратительным воем приближающихся бомб. Мысли, образы и желания с особенной ясностью возникали и проявлялись в те мгновения, которыми разделялись взрывы, но, как только эти паузы исчезли и лес начал опрокидываться в сплошную грохочущую темноту, Алексей ни о чём уже не думал — тело берегло в себе лишь страх, и он временами лежал под деревом, вцепившись в него обеими руками, то куда-то бежал и в одну и ту же секунду ощущал дрожь земли, обонял запах чеснока и жжёной шерсти; видел над лесом плотную карусель самолётов, встающие и опадающие фонтаны взрывов, летящие и заваливающиеся деревья, бегущих и лежащих курсантов, до капли похожих друг на друга, потому что все были с раскрытыми ртами и обескровленными лицами; видел воронки с месивом песчаника, жёлтых корней, белых щепок и ещё чего-то не выразимого словами; видел куски ноздреватого железа, похожего на баббит¹, смятые каски и поломанные винтовки... Поддаваясь великой силе чувства локтя, он бежал туда, где больше всего накапливалось людей, и дважды оказывался в поле и дважды возвращался в лес — в поле было страшнее: десятки самолётов чертили над ним широкие заходные виражи...

Наконец для тех, кто был жив, наступила минута тягостного провала в глубину времени, свободного от воя и грохота бомб, но заполненного напряжённым ожиданием окончательного взрыва земли: бомбы не рвались, а самолёты продолжали кружить над лесом, и облегчённо-ровный их рокот постепенно увязал и растворялся в другом — накатно-тяжком, медлительном и густом.

¹ *Баббит* — сплав металлов.

Под это водопадное слияние звуков мало кто заметил, с какого направления вошли в лес танки и пехота противника...

9

...Курсант лежал лицом вниз, а нависшая над воронкой круглая лепёха соснового корня отекала на него сухим песком, и, полусасыпанный, он казался мёртвым.

В падении Алексей оттолкнул его плечом и лёг под самым корневищем.

— Больше тебе некуда, да? — ошалело, не поднимая из песка головы, заглушённо вскрикнул курсант и подвинулся на своё прежнее место. Алексей дышал часто и трудно, будто только что вынырнул из воды. — Наложил или ранен? — уже миролюбиво спросил курсант, всё ещё не открывая глаз.

— М...к! — выдохнул Алексей. — Лежи тихо! Танковый десант!..

Тот одним рывком перевернулся на бок и подтянул к животу ноги. Алексей проделал то же самое, и колени его оказались прижатыми к заду, а голова — к спине курсанта. Они разом глубоко вздохнули и затихли. Всё, что им слышалось, доносилось к ним не сверху, а как бы из-под земли: отрывисто-круглые выстрелы танковых пушек, гул моторов, протяжно-раскатный стон падающих деревьев, прореди автоматных очередей, и всё это мешалось в единое и казалось отдалённым и неприближающимся. «Может, это тоже пройдёт... Как-нибудь пройдёт и кончится», — подумал Алексей, и тут же он вспомнил и увидел роту, свой взвод, раненых, капитана Рюмина, вспомнил и увидел курсанта, к которому прижимался под этим спасительным земляным зонтом. «А ведь он дезертир!.. Он трус и изменник! — внезапно и жутко догадался Алексей, ничем ещё не связывая себя с курсантом. — Там бой, а он...»

Наверху, рядом с воронкой, гремуче прокатился железный вал и послышались близкие автоматные выстрелы, голоса немцев, улюлюканье и свист. Алексей всем телом подался к курсанту, затаённо молясь корню, осыпавшемуся на него песком и глиной. Валы катились рядом, слева и

справа, и, ощущая коленями тепло и дрожь тела курсанта, Алексей уже смертно ненавидел булькающее урчанье его живота, эту тесно прильнувшую к нему спину, весь его мерзкий, скрюченный облик.

— Где твоя СВТ? — свистящим шёпотом спросил он курсанта.

— Тут! — к чему-то готово отозвался курсант. — И немецкий автомат тоже... А твоя?

У него опять голодно зарычал живот, и курсант ещё круче выгнул спину и сказал:

— Вот же сволочь! Ему хоть бы что...

В буреломном грохоте леса неожиданно явственно — и совсем недалеко — вспыхнула раздёрганная ружейная пальба и раздались крики, потом несколько раз — знакомо по учебному полигону — звучно взорвались противотанковые гранаты, и всё откатилось в сторону, и Алексей обнял курсанта и затрясся в сухом истерическом плаче.

— Тихо! Цыц, в душу твою!.. — обернулся курсант и стал ловить горячими пальцами прыгающие губы Алексея. — Ты что... — Он осёкся, с писком сглотнул слюну и отнял руку. — Это вы, товарищ лейтенант? Не бойтесь! Нас тут не найдут... Вот увидите! — зашептал он в глаз Алексею.

— Вставай! — крикнул Алексей. — Там... Там все гибнут, а ты... Вставай! Пошли! Ну?!

— Не надо, товарищ лейтенант! Мы ничего не сможем... Нам надо остаться живыми, слышите? Мы их, гадов, потом всех... Вот увидите!.. Мы их потом всех, как вчера ночью! — иступлённо просил курсант и медленно, заклиная нёс ладонь ко рту Алексея.

Алексей ударил его в подбородок, и курсант встал на колени, упёршись каской в корневище.

— Стреляй тогда! — тоже в полный голос крикнул он, и лицо его стало как бинт. — Или давай сперва я тебя! Лучше это самим, чем они нас... раненых... в плен...

И Алексей впервые понял, что смерть многолика. Курсант — Алексей видел это по его жутко косившим к переносице глазам, по готовно попавшемуся на пистолет левому плечу, по мизинцу правой руки, одиноко пытавшемуся

оторвать зачем-то пуговицу на шинели, — курсант не боялся этой смерти и почти торопил её, чтобы не встретиться с той, другой, которая была там, наверху. «Что это, страх или инстинктивное сознание пользы жертвы? — мелькнуло у Алексея. — «Лучше это самим, чем они нас... раненых... в плен». «Мы их потом всех, как вчера ночью!..»

Тогда-то и открылось Алексею его собственное поведение, и, увидя себя со стороны, он сразу же принял последнее предложение курсанта — самих себя, но ещё до этого мига его мозг пронизала мысль: «А что же я сам? Я ведь об этом не думал! А может, думал, но только не запомнил того? Что сказал бы я Рюмину перед его пистолетом? То же, что этот курсант? Нет! Это было бы неправдой! Я ни о чём не думал!.. Нет, думал. О роте, о своём взводе, о нём, Рюмине... И больше всего о себе... Но о себе не я думал! То всё возникало без меня, и я не хочу этого! Не хочу!..» Веруя в смертную решимость курсанта и гася в себе чей-то безгласный вопль о спасении, Алексей выбросил руку с пистолетом и разжал пальцы. Курсант обморочно отшатнулся, но тут же схватил пистолет.

— Психический! — измученно прошептал курсант и лёг.

Они лежали валетом и слышали, как над ними остановились двое и стали мочиться в обрыв воронки, под корень. Это были немцы. Они перебросились несколькими фразами, и скоро всё стихло. Ушли.

Ночь была глухой и пустынной. Сквозь белёсую пелену туч звёзды просачивались жёлтыми масляными пятнами, а по земле синим томлёным чадом стлался туман, и всё окружающее казалось полуверным и расплывчатым. Курсант шёл в двух шагах сзади с винтовкой на правом плече и с автоматом на левом, и, оглядываясь, Алексей каждый раз встречал его радостно-смущённые глаза. Он был из третьего взвода. Фамилию его Алексей не помнил, а спрашивать не хотелось. Не хотелось ничего: ни думать, ни разговаривать, ни жить, и всё своё тело Алексей ощущал как что-то постороннее и ненужное. Он был пуст, ко всему глух и невосприимчив, и он не мог прибавить или убавить шаг — ноги двигались самостоятельно, без всякого его уси-

лия и воли. Где-то далеко справа размеренно работали тяжёлые орудия. Сначала слышалось обрывистое «дон-дон», а через десять шагов впереди на краю света ворчали взрывы, и Алексей невольно забирал влево, на север.

— Так и дурак кашу съест, была бы ложка, — сказал раздумчиво курсант, прислушиваясь.

Алексей промолчал.

— Воюют-то они чем, — подождав, снова начал курсант, — миномётами, пикировщиками да танками?

— Это ты кому следует скажешь, чем они воюют... А как мы с тобой воевали нынче... тоже доложишь! — озлобленно проговорил Алексей, не оборачиваясь.

— Нынче никто из нас не воевал, товарищ лейтенант! — угрюмо сообщил курсант. — И докладывать мне некому и нечего. Я весь день пролежал один в воронке...

— Один? А я где был? — парализованно остановился Алексей.

— Не знаю. Мало ли... Там кто-то всё время стрелял из пистолета по «юнкерсам». Кажется, сбил одного... Может, это вы были?

— Вот гад! — изумлённо, самому себе сказал Алексей. — Рота погибла, а он... Вот же гад.

— Да кому это нужно, чтоб мы тоже там погибли? — так же изумлённо, шёпотом спросил курсант. — Немцам?

— Ты знаешь, о чём я говорю!

— Может, и знаю. Об НКВД, наверно?

— Вот-вот. И о своей и твоей совести...

— Ну, моя совесть чиста! — сказал курсант. — Я вчера ночью честно, один на один, троих посадил, как миленьких... А из НКВД с нами никого не было. Ни вчера, ни нынче. Так что нечего...

Он обиженно замолчал и пошёл рядом, но через минуту спросил почти весело:

— А вы как... многих вчера, товарищ лейтенант?

— Одного, — не сразу, устало сказал Алексей. — Худой, как скелет...

Курсант удивленно и немного насмешливо посмотрел на него сбоку:

— Щупали, что ли?

— Документы проверял... Он офицер был, — солгал Алексей и рукавом отёр лицо.

— А я, дурак, и не подумал насчёт трофеев! — сокрушённо сказал курсант. — Один вот только автомат прихватил...

Они дважды присаживались в поле и молча курили перемешанную с песком и галетными крошками махорку курсанта, запрятав сигарки в рукава, потом опять шли на северо-восток, потому что орудия по-прежнему били справа. Когда посреди неожиданно обозначилась в полумгле бурая горбатина леса, курсант сцепил локоть Алексея и захлёбно крикнул.

— Немцы! Над самыми верхушками... Четверо!..

Было всё сразу — волна горячего испуга («Он сошёл с ума!»), вид четырёх гигантов, возвышавшихся над лесом тускло блестящими касками («Я тоже?») и голос капитана Рюмина:

— Свои! Подходите!

Лес был шагах в двадцати, и на бегу курсант не то смеялся, не то плакал и до боли сжимал локоть Алексея. Как только под ногами с морозным сухим треском стала ломаться рыжая заросль, Алексей догадался, что это всего-навсего подсолнечные будылья, и перестал противиться руке курсанта и сам закричал что-то слёзно и призывно...

10

Это оказались те самые скирды, где четыре дня тому назад роту встретил майор в белом полушубке. Скирды узнали ещё издали, с опушки леса, и Рюмин, шедший впереди, так и не понял — сам ли он замедлил шаг или же курсанты с Алексеем настигли его, и он очутился в середине и даже немного позади группы. Так, в тесной кучке, все шестеро и подошли к ним, и сразу же каждый почувствовал ту предельную усталость, когда тело начинает гудеть и дрожать и хочется единственного — упасть и не вставать больше. Остановившись, Рюмин удивлённо и опасно оглядел скирды, лес, светлеющее небо, потом перевёл взгляд на Алексея и спросил его снова:

— Все? Больше никого?

Алексей ничего не ответил — это было сказано в десятый раз, — и тем же изнурённым и бесстрастным голосом Рюмин произнёс:

— Тогда обождём здесь.

Курсанты один за другим молча нырнули в готовую дыру в западной стенке крайнего справа скирда, и, когда Алексей тоже наклонился над ямкой, Рюмин просительно тронул его за плечо и с отчаянным усилием сказал:

— Не нужно туда! Сделаем сами...

Они подошли к соседнему скирду, и Рюмин, захватив в горсть несколько травинок, понёс их к себе, как букет, а потом стоял и с неестественно пристальным, почти тупым любопытством следил за тем, как легко и хватко Алексей вынимал из скирда круглые охапки слежавшегося клевера и тимофеевки.

— Всё. Давайте, товарищ капитан, — сказал Алексей.

— Что? — непонимающе спросил Рюмин.

— Заходите, а я свяжу затычку.

Рюмин согнулся, но пролаз был низок, и он опустился на колени и локти и пополз в пахучую темень дыры под немым страдающим взглядом Алексея. И хотя влезть в дыру можно и нужно было иначе — задом, уперев руки в колени, Алексей зачем-то в точности повторил приём Рюмина. Он загородил затычкой вход и лёг, стараясь не задеть капитана, и, затаясь, несколько минут ждал какого-то страшного разговора с Рюминым.

Но Рюмин молчал, изредка сухо и громко сглатывая слюну. В недрах скирда шуршали и попискивали мыши, и пахло сокровенным, очень давним и полузабытым, и от всего этого томительно-больно замирало сердце, и в нём росла запуганно-тайная радость сознания, что можно ещё заснуть.

Было светло и спросонок зябко, потому что затычка валялась в стороне, — видно, Рюмин отбросил её ударом кулака. Он лежал на животе, наполовину высунувшись из устья дыры, и, уложив подбородок в ладони, глядел в небо. Там, над лесом, метались три фиалково-голубых «ястребка», а вокруг них с острым звоном спиралями ходили на больших скоростях четыре «мессершмитта». Алексей впервые

видел воздушный бой и, подтянувшись к пролазу, принял позу Рюмина. Маленькие, кургузые «ястребки», зайдя друг другу в хвост, кружили теперь на одной высоте, а «мессершмитты» разрозненно и с дальних расстояний кидались на них сверху, с боков и снизу, и тот «ястребок», который ближе других оказывался к атакующему врагу, сразу же подпрыгивал и кувыркался, но места в кругу не терял.

— Хорошо обороняются, правда, товарищ капитан? — возбуждённо спросил Алексей.

Рюмин не обернулся: на лес убито падал, медленно перевёртываясь, наш истребитель, а прямо над ним свечой шёл в небо грязно-жёлтый, длинный и победно остервенелый «мессершмитт».

— Мерзавец! Ведь всё это давно было показано нам в Испании! — прошептал Рюмин. — Негодяй! — убеждённо-страстно повторил он, и Алексей не знал, о ком он говорит.

Вслед за первым почти одновременно погибли оба оставшихся «ястребка» — один, дымя и заваливаясь на крыло, потянул на запад, второй отвесно рухнул где-то за лесом. Рюмин повернулся на бок, поочерёдно подтянул ноги и сел.

— Всё, — старчески сказал он. — Всё... За это нас нельзя простить. Никогда!

У него теперь было худое узкое лицо, поросшее светлой щетиной, съехавший влево рот и истончившиеся в ненависти белые крутые ноздри. Увидав на его шее две набрякшие, судорожно бившиеся жилы — плачет?! — Алексей, встав на четвереньки и забыв сесть, одним дыханием выкрикнул в грудь Рюмину всё то, что ему самому сказал курсант:

— Ничего, товарищ капитан! Мы их, гадов, всех потом, как вчера ночью! Мы их... Пускай только... Они ещё не так заблюют!.. У нас ещё Урал и Сибирь есть, забыли, что ли! Ничего!..

Несколько минут они молчали. Лицо Рюмина сохраняло прежнее выражение — невидящие глаза, скосившийся рот, приподнятые крылья ноздрей, но он сидел теперь затаённо-тихий, как бы во что-то вслушиваясь или силясь постигнуть ускользающую от него мысль, и, как только это удалось ему, черты лица его сразу же обмякли, и он как-то сожалеюще-любовно посмотрел в глаза Алексею.

— Покурить бы, — виновато сказал он.

— Это я сейчас, — вырвалось у Алексея. — У ребят есть, я знаю!..

Курсанты понуро сидели кружком у своего скирда. На охалке клевера перед ними стояла расковырянная штыком банка судака в томатном соусе. Они, видно, приготовили её давно, до начала воздушного боя, и всё ещё не ели, может, потому, что не решили — чем. При подходе Алексея они не встали, но ожидающе подобрались. Сразу же, увидев банку, Алексей хотел вернуться и прийти попозже, но уйти, ничего не сказав курсантам, было нельзя, и он спросил, как они отдохнули.

— Как у тёщи, — с мрачной иронией сказал кто-то, и оттого, что курсанты сидели и ждали от него чего-то другого, а не этого только вопроса, потому что Алексей стоял прямо над банкой и старался не глядеть на неё и не глотать приток слюны, он устыдился и покраснел от одной лишь мысли попросить сейчас закурить.

— Ну ладно, — торопливо проговорил он, — я зайду после...

Его догнал тот самый курсант из третьего взвода и на ладонях, залитых ржавым соусом, почти к самому лицу Алексея протянул банку.

— Ну-ка, берите с капитаном! — строго и загодя возмущённо на предполагаемое неповиновение сказал он. — И под низ давайте, а то разольете к такой матери!..

Бессознательно подчиняясь приказному тону, Алексей машинально снял с его ладоней банку и тут же протянул её назад, но курсант, на отлёте поддерживая руки, побежал к своим и на полпути обернулся и напутственно кивнул Алексею.

— Я же только так... Закурить хотел! — слабо крикнул Алексей.

— Потом принесу! — отозвался курсант, но уже не оглянувшись.

Рюмин встретил Алексея вопрошающе-длинным взглядом, и, когда Алексей приёмом курсанта поднёс к его лицу банку, он отшатнулся и поражённо спросил:

— Что это?

— Консервы... Ничего нельзя было сделать, — растерянно проговорил Алексей. — А табак, сказали, принесут после...

— Сказали? — переспросил Рюмин. — Зачем? Чёрт знает... Как же ты не понимаешь всего этого! — и, побелев, скривив рот и пытаясь встать на колени, осипло крикнул: — Отнеси сейчас же! Бегом! И никакого табака! Ничего! Они не этим должны нас... Не этим!..

Всё того же курсанта и Алексея, бежавших со своими ношами навстречу друг другу, разделяли шага три или четыре, когда в скирде позади Алексея треснул притушенный, до конца не окрепший выстрел. Видно, курсант тоже враз понял, кто и куда стрелял, потому что он сам выхватил из рук Алексея банку, рассыпав табак, а потом бежал следом за Алексеем и ярим полушёпотом ругался в бога...

Рюмин лежал на спине. Левая бровь его была удивлённо вскинута, а расширенные глаза осмысленно глядели в сумрак дыры. Он часто и слабо икал, выталкивая языком сквозь белеющие зубы розоватую пену, и правой рукой, откинутой далеко в сторону, зажимал пучок клевера. Всё это Алексей вобрал в один короткий обыскивающий взгляд, и когда он позвал капитана и подхватил его под мышки, по всему телу Рюмина прошла бурная живая дрожь, но тело тут же опало и налилось тяжестью, а глаза вспугнуто померкли.

Это было впервые, когда Алексей не устранился мёртвого. Наоборот, он испытывал какую-то странную близость и согласность к той таинственно-неподвижной позе Рюмина, в которой он лежал, и то, что он сделал, не вызывало у Алексея ни протеста, ни жалости. Как в полусне и с выражением просветлённой оцепенелости он растянул на Рюмине шинель и стал ощупывать его грудь, ощущая пальцами угасающее тепло и липкую влажность. В проходе дыры молча стояли курсанты, и когда Алексей бессмысленно взглянул на них, кто-то спросил:

— Куда он попал, товарищ лейтенант?

Алексей не ответил. Курсант из третьего взвода сказал: «Какая разница» — и выругался в бога.

Всё, что делал потом Алексей — снимал с Рюмина планшетку и полевую сумку, вытаскивал из нагрудных карма-

нов его гимнастерки крошечный блокнот и партийный билет, разглядывал и прятал в свой карман рюминский пистолет, — всё это он совершал внимательно-прочно, медленно и почти торжественно. То оцепенение, с которым он встретил смерть Рюмина, оказывается, не было ошеломлённостью или растерянностью. То было неожиданное и незнакомое явление ему мира, в котором не стало ничего малого, далёкого и непонятного. Теперь всё, что когда-то уже было и могло ещё быть, приобрело в его глазах новую, громадную значимость, близость и сокровенность, и всё это — бывшее, настоящее и грядущее — требовало к себе предельно бережного внимания и отношения. Он почти физически ощутил, как растаяла в нём тень страха перед собственной смертью. Теперь она стояла перед ним, как дальняя и безразличная ему родня-нищенка, но рядом с нею и ближе к нему встало его детство, дед Матвей, Бешеная лощина... По очереди разглядывая лица курсантов, он раздельно и бесстрастно сказал:

— Надо его на опушке, под клёном.

— Как теперь узнаешь клён? Листьев-то нету, — сказал кто-то, но Алексей повторил с тупым упрямством:

— Чтоб небольшой клён... Разлатый.

Он сам нашёл его метрах в ста от скирдов. Молча ходившие сзади него курсанты составили в козлы СВТ, а под ними выставили две бутылки с бензином. Немецкий автомат курсант из третьего взвода повесил на ветку клёна. Алексей, проследив за действием каждого, снял шинель и свернул её пакетом. То же самое проделали и курсанты, но шинели свои сложили поодаль от лейтенантской.

— Дай мне свой штык, — сказал Алексей курсанту из третьего взвода.

— Да полно вам, мы сами выроем! — с досадой взглянул на него тот.

— Дай, говорю, ну? — прошептал Алексей. Курсант обратил кинжалобразный штык лезвием к себе и протянул его Алексею.

Земля промёрзла всего лишь на ладонь, но её верхний чёрный пласт был густо перевит и опутан белыми нитями пырея — жёсткого и неподатливого, как проволока. «Пырей

растёт по всей, наверно, России... Бывало, пока нарежешь дёрна, иступишь лопату... А земляные плитки назывались в Шелковке корвегами. После дождя ребяташки запруживали ими ручьи на проулках села...»

Первую плитку Алексей вырезал трудно и долго. Это всегда так бывало: первая корвега самая трудная... Трое курсантов, дробивших до того землю на мелкие кусочки, начали тоже вырезать плитки. Их принимал и складывал в штабель курсант из третьего взвода.

— Потом выложим ими верх, — сказал он Алексею. Под чернозёмным слоем залегал нетолстый пласт глины, а дальше показался песок. Его черпали касками и выбрасывали на восточный край могилы. Он был тёплый. Тёплым и обмякло-рыхлым было небо, затянутое сплошными тучами, и тёплыми были снежинки, липнувшие к рукам.

Танки показались в северной стороне поля, и стрелял лишь тот, что шёл на скирды, а второй молчал и двигался к опушке леса. Алексей видел, как курсанты, нёсшие Рюмина, повернули назад, в скирды, и капитана уносил уже только один — курсант из третьего взвода.

Он тащил его на спине, как мешок, и голова мёртвого держалась очень прямо, и каска сидела на ней удивительно по-рюмински — чуть-чуть набекрень. Не переставая думать, как положить Рюмина — головой на север или юг, — Алексей вылез из могилы и сначала собрал шинели, потом винтовки, автомат и бутылки с бензином и всё это не сбросил, а сложил в углу могилы. Молчавший танк достиг опушки и шёл теперь вдоль неё к Алексею, поводя из стороны в сторону коротким хоботом орудия. Но он был ещё сравнительно далеко, а второй елозил уже между скирдами, и из крайнего, где спрятались курсанты, нехотя выбивался, повисая над землёй, сырой жёлтый дым. Почти равнодушно Алексей отвёл от него глаза и встал лицом к приближающемуся танку, затем не спеша вынул рюминский пистолет и зачем-то положил его на край могилы, у своего правого локтя. Наклоняясь за бутылкой, он увидел испачканные глиной голенища сапог и колени и сперва почистил их, а потом уже выпрямился. До танка оставалось несколько метров, — Алексей хорошо различал теперь крутой скос

его стального лба, ручьями лившиеся отполированные траки гусениц и, снова болезненно-остро ощутив присутствие тут своего детства, забыв все слова, нажитые без деда Матвея, пронзительно, но никому не слышно крикнул:

— Я тебя, матери твоей чёрт! Я тебя зараз...

Он не забыл смочить бензином и поджечь паклю и швырнул бутылку. Визжащим комком голубого пламени она перелетела через башню танка, и, поняв, что он промахнулся, Алексей нырнул на дно могилы. Он падал, на лету обнимая голову руками, успев краем глаз схватить зубчатый столб голубого огня и лаково-смоляного дыма, взметнувшегося за куполом башни.

— Ага, матери твоей чёрт! Ага!..

Он успел это крикнуть и плашмя упасть в угол могилы, где лежали шинели, и успел вспомнить, что то место в танке, куда он попал бутылкой, называется репицей...

Когда грохочущая тяжесть сплуснула его внутренности и стало нечем дышать, он подумал, что надо было лечь так, как они лежали вчера с курсантом в лесу: на боку, подогнув к животу колени...

Он лежал и с протяжным нутряным воем втягивал в себя воздух. На каждый вдох и выдох приходился удар сердца, болью отдававшийся во лбу и пальцах рук. Он забыл всё, что с ним произошло, и не знал, где находится. Телу ничего не хотелось, кроме одного — дышать, и он продолжал захлёбно сосать из шинелей воздух, пропахший потом, ружейным маслом и керосином. А затем пришло всё сразу — память, ощущение неподатливой тяжести, взрыв испуга, и он с такой силой рванулся из завала, что услышал, как надломленно хрумкнул позвоночник и треснули суставы рук, метнувшихся вниз откуда-то сверху, от затылка. Теперь он опирался грудью на локти, как на колышки. Они тряслись и вот-вот должны были переломиться, но вокруг них была пустота и воздух, и, захватывая его ртом, Алексей по-прежнему утробно выл — иначе он не мог, боялся дышать. Он повторил рывок и очутился поверх комьев земли и глины. Привалясь к обвалившейся стене могилы, он долго сидел обессиленный и обмякший, следя

за тем, как из носа на подол гимнастёрки размеренно стекали веские капли крови.

— Это только так, — гнусаво сказал Алексей. — Зараз пройдёт...

Он лёг, вытянувшись во весь рост, зажмурился и раскрыл рот. Падали крупные, лохматые и тёплые снежинки. Они липли к бровям, наскоро превращаясь в щекочущую влагу, заполнявшую глазные впадины, и Алексею казалось, что это плачут глаза одни, без него...

Сначала он отрыл свою шинель и рукавом гимнастёрки старательно очистил петлицы от налипшего песка и глины. Кубари были целы. Не вставая с коленей, Алексей оделся и в десятый раз взглянул в сторону тёмного, неподвижно-приземистого танка. В нём всё ещё что-то шипело и трескалось, и в белёсом сумраке вечера над откинутым верхним люком виднелся трепетный чёрный сноп чада.

— Стерва, — вяло, всхлипываяще сказал Алексей. — Худая...

По-прежнему избегая глядеть на догорающие скирды, он отрыл бутылку с бензином, СВТ, рюминский пистолет и подолом шинели протёр оружие. Винтовки он повесил на плечи — по две на каждом, пистолет спрятал в карман брюк, а бутылку взял в руки. Не глядя в сторону скирдов, он пошёл от могилы по опушке леса, постепенно забирая вправо, на северо-восток.

Было тихо и сумрачно. Далеко впереди беззвучно и медленно в небо тянулись от земли огненные трассы, и Алексей шёл к ним. Он ни о чём отчётливо не думал, потому что им владело одновременно несколько чувств, одинаково равных по силе, — оторопелое удивление перед тем, чему он был свидетелем в эти пять дней, и тайная радость оттого, что остался жив; желание как можно скорее увидеть своих и безотчётная боязнь этой встречи; горе, голод, усталость и ребяческая обида на то, что никто не видел, как он сжёт танк...

Подавленный всем этим, он шёл и то и дело всхлипываяще шептал:

— Стерва... Худая...

Так было легче идти.

1963

Вы прочитали повесть К. Д. Воробьёва «Убиты под Москвой». Каковы ваши впечатления? Что нового вы узнали из неё о войне, о 1941 годе? О чём эта повесть заставила вас задуматься?

* * *

1. Перелистайте повесть и вспомните её сюжет. Какие опорные эпизоды вы могли бы указать? Какие из них являются ключевыми для понимания смысла повести и авторской позиции? Почему писатель завершает произведение трагическими событиями? Почему автор обозначил день и час каждого эпизода?
2. Пересмотрите главу за главой от начала до конца и попробуйте выбрать из текста каждой несколько фраз, которые в общем плане раскрывали бы её содержание.

В помощь!

Глава 1. «Рота рассыпалась и падала по команде капитана...» «— Я командир спецотряда войск НКВД». «Курсанты вошли в подчинение пехотного полка, сформированного из московских ополченцев».

Глава 2. «С ещё более нечётким и зыбким сознанием воспринималась им война». «Тут он оказывался совершенно беспомощным». «Алексей снова вышел на задворки, неся в себе какое-то неуёмное притаившееся счастье, — радость этому хрупкому утру...»

И таким образом — оставшиеся восемь глав. (Это необходимо, чтобы хорошо усвоить содержание и уловить скрытую связь событий, образов, ситуаций. Такая запись поможет в случае необходимости быстро восстановить в памяти не только содержание, но и последовательность анализа текста.)

Обратите внимание на эпиграф к повести. Это три строфы из стихотворения А. Т. Твардовского «Я убит подо Ржевом». Почему писатель выбрал такой эпиграф, как вам кажется?

3. Перечитайте главу 1 повести. Почему она так контрастна по отношению к последним главам? Какие детали использует автор, чтобы дать почувствовать обречённость роты? Какие ситуации и детали вы бы выделили как имеющие богатый подтекст? Попробуйте их истолковать (например, в сцене встречи со спецотрядом НКВД и в разговоре капитана Рюмина с майором, в сцене разговора с командиром московских ополченцев).

4. Каковы отношения капитана Рюмина с командирами взводов, курсантами? Как автор показывает его психологическую неподготовленность к войне, неверное, далёкое от реальности представление о ней? За что курсанты любят своего капитана? Почему они подражают ему?
5. Как оценить решение Рюмина не выполнять устный приказ об отступлении, не выходить из окружения, но атаковать деревню, а днём, сосредоточившись в лесу, оставаться под бомбёжкой? Как расценить его самоубийство на глазах у курсантов? Какой смысл заключён в его последних словах: «За это нас нельзя простить. Никогда!»? За что «за это»?
6. Перечитайте главу 2. В неё введён главный герой Алексей Ястребов. Как автор прослеживает его восприятие реальности, настроение, ход мыслей, реакцию на собственные оплошности, отношения с товарищами? Что за человек лейтенант Ястребов? Как вы прокомментировали бы такие фразы текста: «Дальше этого не избалованный личным напряжением мозг Алексея отказывался рисовать что-либо определённо зримое», или «...пятый месяц немцы безудержно продвигались вперёд, к Москве... Это было, конечно, правдой, потому что... потому что об этом говорил сам Сталин», или «И в его душе не находилось места, куда улеглась бы невероятная явь войны»?
7. Какой изображается Воробьёвым война в сценах миномётного обстрела, ночного боя, бомбёжки? Пересмотрите эти сцены и найдите выделенные автором детали, за которыми зримо встаёт реальная картина происходящего, а также восприятие её человеком.
8. Человек на войне. За его душевным состоянием и восприятием войны стоит, как правило, авторская точка зрения и авторская оценка изображённого. Как воспринимает войну Алексей Ястребов? Как ведёт себя по отношению к курсантам своего взвода, к погибшим, с курсантом под выворотнем? Как потом оценивает своё поведение? Как писатель относится к своему герою?
9. Как оценить финал повести? Почему Воробьёв рисует его таким? Возможно ли, чтобы после всего пережитого Алексей остался прежним лейтенантом Ястребовым? Какие выводы с ним вместе и после того, как повесть прочитана, может сделать для себя читатель?

1. Подумайте над заглавием повести. Почему «Убиты под Москвой», а не «Погибли под Москвой» или ещё как-нибудь? Какую обобщающую авторскую мысль несёт избранное писателем название? Какие оттенки смысла оно включает, какие вопросы возникают при его осмыслении? Как вы думаете, почему действие повести заканчивается у тех самых скирд, от которых оно начинается? Случайно ли это? Какая авторская мысль стоит за этим?
2. Как бы вы определили главную проблему произведения? А сопутствующие ей? Что волновало автора, почему он захотел создать это произведение?
3. В сцене самоубийства капитана Рюмина возникла мысль о вине, ответственности, прощении. Кому и за что нет прощения?
4. Попробуем осмыслить систему образов в повести: Рюмин—Ястребов. Чем они схожи друг с другом, а чем отличаются (например, в отношении к подчинённым)? Представим себе, что автор отказался бы от образа капитана. Ведь гибель роты можно было изобразить, не выводя на первый план Рюмина. Что оказалось бы в повести недосказанным, неясным? Какую роль играют второстепенные образы (политрук Анисимов, Гуляев, курсант, с которым Алексей спрятался под выворотнем, майор НКВД со своей командой, подполковник ополченцев)? Попробуйте объяснить художественную целесообразность введения этих героев. Как их образы «работают» на осуществление авторского замысла? Почему вы безусловно верите тому, что изобразил писатель?
5. Какие знакомые вам черты повести как эпического жанра вы увидели в произведении Воробьева? Найдите во второй главе повести места, где заметна лирическая интонация. Какую роль они играют в обрисовке образа Алексея Ястребова и как оттеняют трагедию последующего хода событий?
6. Какие книги о войне вы могли бы сравнить с повестью «Убиты под Москвой»? У каких ещё авторов вы встречали страшную и горькую правду о войне?
7. Рассмотрите на форзаце IV репродукцию картины А. А. Дейнеки «Окраина Москвы», созданную в 1941 году. Какими способами (общий колорит, предметы, ракурс, с которого рассматриваются машина, противотанковые «ежи») художник передаёт ощущение тревоги, нависшей беды, опасности?

ПИСАТЕЛЬ О ПИСАТЕЛЕ

Повесть «Убиты под Москвой» не прочтёшь просто так, на сон грядущий, потому что от неё, как от самой войны, болит сердце, сжимаются кулаки и хочется единственного: чтобы никогда-никогда не повторилось то, что произошло с кремлёвскими курсантами, погибшими под Москвой.

...И оттого, что она не просто рота, трагедия её по-особому страшная, и хочется кричать от боли. В иных местах, читая повесть, хочется загородить собою этих молодых ребят, вооружённых «новейшими винтовками» СВТ, которые годны были лишь для парадов, и остановить самих курсантов, идущих на позиции с парадным, шапкозакидательским настроением.

... И коли К. Воробьёв, всё испытывавший на войне, не умеет рядить её в кому-то нравящиеся романтические одежды, значит, иначе не может. Он пишет, страдая за людей, без расчёта кому-то понравиться и угодить. В том его сила.

В. П. Астафьев

ЖАНР ВОЕННОЙ ПОВЕСТИ. ПСИХОЛОГИЗМ В ИЗОБРАЖЕНИИ ЧЕЛОВЕКА В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЯХ

В 6-м классе вы читали повесть В. О. Богомолова «Иван». Жанр этого произведения, как и только что прочитанного вами, — военная повесть. Вы знаете, что в 60—80 годах XX века создано много рассказов, повестей, романов о войне. Они повествуют о героизме, самоотверженности советских людей. Писатели, сами участники сражений, вглядываются в своих современников, живых и погибших, ставят вопросы об истоках героизма, о внутренних источниках стойкости солдат, о цене Победы. Об этом же и повести белорусского писателя В. В. Быкова.

Лучшие из произведений военной тематики отличаются глубоким *психологизмом* в изображении человека на войне. В этом вы убедились, читая повесть К. Д. Воробьёва, в

которой много биографического. Автор прослеживает движение мысли и чувства своего героя — от юношеской, полудетской веры в совершенство мира до потрясённости трагедией войны, до осознанной связи со своим народом.

Писатель заостряет внимание на переломных моментах *самосознания героя*, фиксирует отчётливые сдвиги в его осмыслении своего поведения, своей роли в происходящих событиях. Изображая конфликт Ястребова с курсантом под выворотнем и последующий их разговор, автор раскрывает этот трудный процесс осознания героем своей позиции, своей оценки происшедшего.

Борис Львович ВАСИЛЬЕВ

Родился в 1924 году

Борис Львович Васильев родился в Смоленске. Ушёл добровольцем на фронт в 17 лет. После войны закончил Военно-техническую академию бронетанковых войск. До 1954 года работал инженером, испытывал танки, потом ушёл из армии. Его привлекла литературная деятельность. Первое крупное произведение — повесть «А зори здесь тихие...» (1969) — принесло ему известность и любовь читателей. По повести снят фильм и написана пьеса, которая шла во многих театрах.

Продолжение темы Великой Отечественной войны — в повести «В списках не значился» (1974). Широкую известность получила повесть «Завтра была война» (1984).

А ЗОРИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ...

[Действие повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие...» происходит в годы Великой Отечественной войны. На одном из железнодорожных разъездов службу несут бойцы отдельного зенитно-пулемётного батальона. Эти бойцы — девушки, а командует ими старшина Федот Васков. На войне не бывает спокойных уголков. Преследуя вражеских диверсантов в лесу, девушки во главе с Васковым вступают в неравный бой с фашистами.]

«Шёл май 1942 года. На западе (в сырые ночи оттуда доносило тяжкий гул артиллерии) обе стороны, на два метра врывшись в землю, окончательно завязли в позиционной войне; на востоке немцы день и ночь бомбили канал и Мурманскую дорогу; на севере шла ожесточённая борьба за морские пути; на юге продолжал упорную борьбу блокированный Ленинград. <...>

Комендант разезда, хмурый старшина Васков, писал рапорты по команде.

Опасения его, однако, оказались необоснованными, так как уже утром хозяйка сообщила, что зенитчики прибыли.

— Погодите радоваться, — загадочно улыбалась хозяйка.

— Радоваться после войны будем, — резонно сказал Федот Евграфыч, надел фуражку и вышел.

И оторопел — перед домом стояли две шеренги сонных девчат. Старшина было решил, что спросонок ему помешалось, поморгал...

— Товарищ старшина, первое и второе отделения третьего взвода пятой роты отдельного зенитно-пулемётного батальона прибыли в ваше распоряжение для охраны объекта, — тусклым голосом отрапортовала старшая. — Докладывает помкомвзвода сержант Кирыанова...

Целый день он стучал топором: строил нары в пожарном сарае, поскольку зенитчицы на постой к хозяйкам становиться не согласились. Девушки таскали доски, держали, где велел, и трещали, как сороки. Старшина хмуро отмалчивался: боялся за авторитет.

— Из расположения без моего слова ни ногой, — объявил он, когда всё было готово.»

Текст повести не включён в учебное пособие. Найдите его и прочитайте самостоятельно.

* * *

Какое впечатление произвела на вас повесть Васильева?

Какие эпизоды взволновали вас, запомнились?

К каким страницам произведения хотелось бы ещё вернуться?

* * *

1. Проследите, как шаг за шагом раскрываются характеры действующих лиц, даются предыстории каждого человека.
2. Сравните сведения из предысторий и изображённые писателем проявления характеров. Отметили ли вы соответствия или несоответствия между ними?
3. Проанализируйте поведение старшины Васкова, его поступки, связанные с выполнением боевого задания и с отношением к девушкам-бойцам.
4. Найдите в тексте и прокомментируйте соображения и суждения Васкова о характере боевого задания.
5. Какими средствами воссоздаёт писатель индивидуальный облик каждой из девушек-зенитчиц?
6. Обратите внимание на дату создания повести. В чём, по вашему мнению, отразились черты эпохи 1960-х годов (см. стр. 316)?

ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

...С вопроса, как к нему, читателю, пробиться, как достучаться до его сердца, и начинается вся работа...

В. М. Шукшин

Русская литература второй половины XX века развивалась в условиях начавшейся демократизации страны. После смерти Сталина (1953) и после XX съезда КПСС (1956) наступила так называемая «хрущёвская оттепель», время массовой реабилитации жертв ГУЛАГа, время возвращения тех, кто выжил там в нечеловеческих условиях. Люди жаждали правды, свободы говорить то, что они думают. Литература конца 1950—90-х годов стала этим голосом правды.

Первой на изменение общественного климата откликнулась поэзия. Одной из примет времени стали публичные выступления поэтов, каждое из которых принималось слушателями как событие личной духовной жизни. Книги, долгие годы бывшие под запретом, появились на прилавках магазинов. Открывались новые имена в литературе, создавались произведения, созвучные времени.

Мучительными раздумьями над недавними событиями советской истории порождены лучшие книги этой поры. В них человек, его жизнь, свобода, верность высоким нравственным идеалам провозглашаются как главные ценности. Такой книгой была, например, повесть Павла Нилина «Жестокость» (1956). В литературу пришло новое поколение писателей и поэтов. Их книги сыграли огромную роль в формировании общественного сознания, в возвращении к общечеловеческим ценностям. Провозглашая и отстаивая принципы гуманизма, литература брала под защиту человека.

Николай Алексеевич ЗАБОЛОЦКИЙ

1903—1958

Откройся, мысль! Стань музыкою, слово,
Ударь в сердца, чтоб мир торжествовал!

Н. А. Заболоцкий

Николай Алексеевич Заболоцкий начал поэтическую работу в 1920-е годы. С молодых лет он был необычайно требователен к своим произведениям, много раз их перерабатывал, а некоторые вовсе исключал из сборников.

Жизнь его пришлась на трагическую эпоху в русской истории и была осложнена отлучением от литературы, изоляцией от общества, несправедливым судом литературной критики. В 1928 году в письме к Е. В. Клыковой поэт чётко изложил свой жизненный принцип: «Надо работать и бороться за самих себя. Сколько неудач ещё впереди, сколько разочарований, сомнений!..»

...В 1957 году вышел наиболее полный прижизненный сборник стихов и переводов Н. А. Заболоцкого. Прочитав эту книгу, авторитетный ценитель поэзии К. И. Чуковский написал Николаю Алексеевичу восторженные слова, столь важные для не избалованного критикой поэта: «Пишу Вам с той почтительной робостью, с какой писал бы Тютчеву или Державину. Для меня нет никакого сомнения, что автор “Журавлей”, “Лебедя”, “Уступи мне, скворец, уголок”, “Неудачника”, “Актрисы”, “Человеческих лиц”, “Утра”, “Лесного озера”, “Слепого”, “В кино”, “Некрасивой девочки”, “Я не ищу гармонии в природе” — подлинно великий поэт, творчеством которого рано или поздно советской культуре (может быть, даже против воли) придётся гордиться, как одним из высочайших своих достижений».

По Н. Н. Заболоцкому

СМЕРТЬ ВРАЧА

В захолустном районе,
Где кончается мир,
На степном перегоне
Умирал бригадир.

То ли сердце устало,
То ли солнцем нажгло,
Только силы не стало
Возвратиться в село.

И смутились крестьяне:
Каждый подлинно знал,
Что и врач без сознания
В это время лежал.

Надо ж было случиться,
Что на горе-беду
Он, забыв про больницу,
Сам томился в бреду.

И, однако ж, в селенье
Полетел верховой.
И ресницы в томленье
Поднял доктор больной.

И под каплями пота,
Через сумрак и бред,
В нём разумное что-то
Задрожало в ответ.

И к машине несмело
Он пошёл, темнолиц,
И в безгласное тело
Ввёл спасительный шприц.

И в степи, на закате.
Окружённый толпой,
Рухнул в белом халате
Этот старый герой.

Человеческой силе
Не положен предел:
Он, и стоя в могиле,
Сделал то, что хотел.

1957

1. Слышна ли вам с первой строфы трагическая интонация этого стихотворения? Как выразил поэт своё трагически сдержанное восхищение поступком врача? Почему назвал его героем?
2. Как вы понимаете слово «героизм»? Не устарело ли это понятие, не ушло ли оно из современной жизни?
3. Обратите внимание на строфику стихотворения Н. А. Заболоцкого «Смерть врача». Как вам кажется, почему поэтом избрана для него именно такая строфа — четырёхстрочная с перекрёстной рифмой? Читая следующие стихи этого поэта, попытайтесь объяснить, почему в каждом следующем стихотворении иная строфика и рифмовка. В своём поиске ответа на этот вопрос отталкивайтесь от основных мысли и чувства, заложенных в тексте (как они для вас прозвучали).

О КРАСОТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЛИЦ

Есть лица, подобные пышным порталам¹,
Где всюду великое чудится в малом.
Есть лица — подобия жалких лачуг,
Где варится печень и мокнет сычуг².
Иные холодные, мёртвые лица
Закрыты решётками, словно темница.
Другие — как башни, в которых давно
Никто не живёт и не смотрит в окно.
Но малую хижинку знал я когда-то,
Была неказиста она, небогата,
Зато из окошек её на меня
Струилось дыханье весеннего дня.
Поистине мир и велик и чудесен!
Есть лица — подобья ликующих песен.
Из этих, как солнце, сияющих нот
Составлена песня небесных высот.

1955

1. В каких строках стихотворения звучит теплота и нежность интонации?
2. Какой контраст положен в основу стихотворения? Определите его сопоставляемые части.
3. Чем, по мысли поэта, «мир и велик и чудесен»? Как вы понимаете последние строки: «Из этих, как солнце, сияющих нот // Составлена песня небесных высот».
4. Как вы думаете, почему поэт не разделил стихотворение на строфы? Обратите внимание на рифмовку. Она парная. Заметили ли вы, что первая часть стихотворения состоит из двестишестидесяти, которые можно воспринимать как афоризмы? Случайно ли это? Ведь они сопровождаются спокойной интонацией. Как меняется интонация с девятой строки?

¹ *Портáл* — главный вход большого здания, архитектурно оформленный.

² *Сычúг* — один из отделов желудка жвачных животных.

НЕКРАСИВАЯ ДЕВОЧКА

Среди других играющих детей
Она напоминает лягушонка.
Заправлена в трусы худая рубашонка,
Колечки рыжеватые кудрей
Рассыпаны, рот длинен, зубки кривы,
Черты лица остры и некрасивы.
Двум мальчуганам, сверстникам её,
Отцы купили по велосипеду.
Сегодня мальчики, не торопясь к обеду,
Гоняют по двору, забывши про неё,
Она ж за ними бегаёт по следу.
Чужая радость, так же, как своя,
Томит её и вон из сердца рвётся,
И девочка ликует и смеётся.
Охваченная счастьем бытия.

Ни тени зависти, ни умысла худого
Ещё не знает это существо.
Ей всё на свете так безмерно ново,
Так живо всё, что для иных мертво!
И не хочу я думать, наблюдая,
Что будет день, когда она, рыдая,
Увидит с ужасом, что посреди подруг
Она всего лишь бедная дурнушка!
Мне верить хочется, что сердце не игрушка,
Сломать его едва ли можно вдруг!
Мне верить хочется, что чистый этот пламень,
Который в глубине её горит,
Всю боль свою один переболит
И перетопит самый тяжкий камень!
И пусть черты её не хороши
И нечем ей прельстить воображенье, —
Младенческая грация¹ души
Уже сквозит в любом её движении.

¹ *Гра́ция* — изящество, красота в движениях. *Грациóзный* — изящный в движениях, стройный.

А если так, то что есть красота
И почему её обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, блистающий в сосуде?

1955

Перечитайте стихотворение ещё раз. Что и почему вам нравится в нём? Какие строки из него вам хотелось бы запомнить?

* * *

1. Чем, кроме некрасивого лица, отличается девочка? Найдите и прочитайте эти строки. Что в ней заслуживает внимания и восхищения? Какими словами поэт запечатлел самоотверженную натуру, способную испытать счастье от чужой радости?
2. Почему поэту представляется, что девочка, возможно, столкнётся с драматическими обстоятельствами жизни?
3. Какой смысл и какое чувство поэт вложил в четверостишие:

Мне верить хочется, что чистый этот пламень,
Который в глубине её горит,
Всю боль свою один переболит
И перетопит самый тяжкий камень!

Попытайтесь объяснить метафорический смысл двух последних строчек этого четверостишия.

4. Раскройте смысл фразы «младенческая грация души».
5. Как вы понимаете смысл заключительных вопросов стихотворения? Каким переживанием-мыслью они вызваны? Каков, на ваш взгляд, смысл антитезы «пустота—огонь»?
6. Как вы думаете, почему поэт выделил в стихотворении две части? Присмотритесь к каждой из них. Почему в первой нет ни восклицательных, ни вопросительных знаков, а во второй они есть?

НЕ ПОЗВОЛЯЙ ДУШЕ ЛЕНИТЬСЯ

Не позволяй душе лениться!
Чтоб в ступе воду не толочь,
Душа обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

Гони её от дома к дому,
Тащи с этапа на этап,
По пустырю, по бурелому,
Через сугроб, через ухаб!

Не разрешай ей спать в постели
При свете утренней звезды,
Держи лентяйку в чёрном теле
И не снимай с неё узды!

Коль дать ей вздумаешь поблажку,
Освобождая от работ,
Она последнюю рубашку
С тебя без жалости сорвёт.

А ты хватай её за плечи.
Учи и мучай дотемна,
Чтоб жить с тобой по-человечьи
Училась заново она.

Она рабыня и царица,
Она работница и дочь.
Она обязана трудиться
И день и ночь, и день и ночь!

1958

1. Каким чувством проникнуты эти стихи? Как поэт понимает труд души? В чём, по-вашему, выражается лень души?
2. Почему поэт говорит: «гони», «тащи», «не разрешай», «держи лентяйку в чёрном теле», «не снимай... узды», «хватай», «учи и мучай»? В чём смысл олицетворения — уподобления души живому существу?
3. Как вы понимаете смысл угрозы, развёрнутой в четвёртой строфе? Что значит «жить с тобой по-человечьи»?
4. Как вы думаете, почему первая и последняя строфы похожи по содержанию, но различны по интонации?

УТРО

Петух запеваёт, светает, пора!
В лесу под ногами гора серебра.
Там чёрных деревьев стоят батальоны,
Там ёлки как пики, как выстрелы — клёны,
Их корни как шкворни¹, сучки как стропила²,
Их ветры ласкают, им светят светила.
Там дятлы, качаясь на дубе сыром,
С утра вырубает своим топором
Угрюмые ноты из книги дубрав,
Короткие головы в плечи вобрав.
Рождённый пустыней,
Колеблется звук,
Колеблется синий
На нитке паук.
Колеблется воздух,
Прозрачен и чист,
В сияющих звёздах
Колеблется лист.
И птицы, одетые в светлые племя,
Сидят на воротах забытой поэмы,
И девочка в речке играет нагая
И смотрит на небо, смеясь и мигая.
Петух запеваёт, светает, пора!
В лесу под ногами гора серебра.

1946

1. Прочитайте стихотворение вслух, потом про себя. Слышите ли вы его ритм и интонацию? Где, в каких строфах они меняются? Как эти изменения связаны с чередованием картин и их ритмическим накапливанием?
2. Призовите на помощь своё воображение, пусть оно нарисует вам намеченные поэтом картины. Из каких слов возникает расцвеченная и озвученная панорама сумрачного, едва проснувшегося леса? В каких строфах возникает ощущение таинственности, по-

¹ *Шкворень* — здесь: металлический стержень.

² *Стропила* — опоры для устройства кровли.

том интонация заклинания, колдовства? Каково общее настроение стихотворения?

3. Какие ассоциации (мысли-связи, воспоминания) приходят в голову теперь, когда опять читаешь: «Петух запекает...»? (Может, вспоминаются волшебные сказки? Ведь в них чары исчезали, когда запевал петух.)

ФИЛОСОФСКАЯ ЛИРИКА

С 5-го класса вы изучаете стихотворения разных авторов и уже, наверное, научились слышать «голос сердца» того или иного поэта, различать настроения, чувства, вложенные в стихотворные строки. Прочитанные и продуманные вами стихи Н. А. Заболоцкого отличаются от уже знакомых глубиной осмысления важнейших вопросов человеческого существования: о жизни и смерти; о познании мира; о смысле жизни; что такое подвиг и героизм? что такое истинная красота? в чём настоящая поэтичность и душевная красота человека? как бороться за себя с самим собой? что такое для человека природа: поэзия и волшебство или только набор живых и неживых предметов? в чём трудности её постижения?

Все эти вопросы по давней традиции считаются философскими. А поэзия, в которой они ставятся авторами, называется *философской лирикой*.

Евгений Александрович ЕВТУШЕНКО

Родился в 1933 году

* * *

Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы как истории планет.
У каждой всё особое, своё,
и нет планет, похожих на неё.

И если кто-то незаметно жил
и с этой незаметностью дружил,
он интересен был среди людей
самою незаметностью своей.

У каждого — свой тайный личный мир.
Есть в мире этом самый лучший миг.
Есть в мире этом самый страшный час,
но это всё неведомо для нас.

И если умирает человек,
с ним умирает первый его снег,
и первый поцелуй, и первый бой...
Всё это забирает он с собой.

Да, остаются книги и мосты,
машины и художников холсты,
да, многому остаться суждено,
но что-то ведь уходит всё равно!

Таков закон безжалостной игры.
Не люди умирают, а миры.
Людей мы помним, грешных и земных.
А что мы знали, в сущности, о них?

Что знаем мы про братьев, про друзей,
что знаем о единственной своей?
И про отца родного своего
мы, зная всё, не знаем ничего.

Уходят люди... Их не возвратить.
Их тайные миры не возродить.
И каждый раз мне хочется опять
от этой невозвратности кричать...

1962

* * *

Когда вошло твоё лицо
над жизнью скомканной моею,
вначале понял я лишь то,
как скудно всё, что я имею.
Но рощи, реки и моря
оно особо осветило
и в краски мира посвятило
непосвящённого меня.

1960

1932—1994

Не думай о секундах свысока.
Наступит время —
сам поймёшь, —
наверное:
свистят они,
как пули у виска, —
мгновения,
мгновения,
мгновения...
Мгновения спрессованы
в года.
Мгновения спрессованы
в столетия.
И я не понимаю иногда,
где —
первое мгновенье,
где — последнее.
У каждого мгновенья —
свой резон.
Свои колокола.
Своя отметина.

Мгновенья раздают
кому — позор,
кому — бесславье,
а кому — бессмертие!
Из крохотных мгновений
соткан дождь.
Течёт с небес
печаль обыкновенная...
И ты порой
почти полжизни ждёшь,
когда оно придёт —
твое мгновение.
Придёт оно —
большое, как глоток,
глоток воды во время зноя летнего...
А в общем,
надо просто помнить долг.
От первого мгновенья
до последнего.

Николай Михайлович РУБЦОВ

1936—1971

УТРО

Когда заря, светясь по сосняку,
Горит, горит, и лес уже не дремлет,
И тени сосен падают в реку,
И свет бежит на улицы деревни,
Когда, смеясь, на дворике глухом
Встречают солнце взрослые и дети, —
Воспрянув духом, выбегу на холм
И всё увижу в самом лучшем свете.
Деревья, избы, лошадь на мосту,
Цветущий луг — везде о них тоскую.
И, разлюбив вот эту красоту,
Я не создам, наверное, другую...

1965

ЖУРАВЛИ

Меж болотных стволов красовался восток огнеликий...
Вот наступит октябрь — и покажутся вновь журавли!
И разбудят меня, позовут журавлиные клики
Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали...
Широко по Руси предназначенный срок увяданья
Возвещают они, как сказание древних страниц.
Всё, что есть на душе, до конца выражает рыданье
И высокий полёт этих гордых прославленных птиц.
Широко на Руси машут птицам согласные руки.
И забытость болот, и утраты знобящих полей —
Это выразят всё, как сказанье, небесные звуки,
Далеко разгласит улетающий плач журавлей...
Вот летят, вот летят... Отворите скорее ворота!
Выходите скорей, чтоб взглянуть на любимцев своих!
Вот замолкли — и вновь сиротеет душа и природа
Оттого, что — молчи! — так никто уж не выразит их...

1965

О ЛИРИКЕ КАК РОДЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Лирика характеризуется особым типом построения художественного образа, представляющего собой *образ-переживание*, тогда как в эпосе и драме в основе образа лежит многостороннее изображение человека в его деятельности, сложных взаимоотношениях с людьми.

Лирический образ — это образ-переживание, но переживание *общественно значимое*, в котором индивидуальный духовный мир поэта, не теряя своей индивидуальности и автобиографичности, получает обобщённое выражение.

Как звёзды-карлики отличаются от звёзд-гигантов максимальной плотностью вещества, так и слово в лирическом произведении отличается от слова в многотомной эпопее своей уплотнённой, значимостью каждого звукового, интонационного, ритмического элемента, оттенка, удара, паузы, слога. Отсюда и вытекает тяготение лирики к стихотворной форме, построение которой делает особенно заметным каждый элемент речи, каждый её нюанс и оттенок.

О ЛИРИЧЕСКОМ ГЕРОЕ

Лирический герой — образ героя в лирическом произведении. На его основе создаётся целостное представление о творчестве поэта. Внутренний мир лирического героя раскрывается не через события и поступки, а через конкретное душевное состояние, переживание определённой жизненной ситуации в данный момент. Лирическое стихотворение можно рассматривать как такое конкретное и единичное проявление характера лирического героя. Но уже и отдельно взятое стихотворение оказывается шире непосредственно выраженного в нём душевного состояния и проясняет особенности характера лирического героя.

Многие крупные произведения 50—90-х годов вам предстоит читать, изучать в следующих классах. Сейчас мы предлагаем вам познакомиться с прозой двух писателей, без которых немыслима русская литература этого периода, — В. М. Шукшина и Ю. П. Казакова.

Василий Макарович ШУКШИН

1929—1974

Нравственность есть Правда.

В. М. Шукшин

Василий Макарович Шукшин родился в селе Сrostки Алтайского края в крестьянской семье. Работал слесарем, служил во флоте. Мечтал стать актёром. Окончил режиссёрский факультет ВГИКа (1961). В 1959 году начал публиковать рассказы, которые составили сборник «Сельские жители» (1963). По его произведениям поставлено семь фильмов: «Живёт такой парень» (приз на Международном фестивале в Венеции), «Ваш сын и брат», «Странные люди»,

«Я пришёл дать вам волю» (о Степане Разине), «Конец Любавиных»; в фильмах «Печки-лавочки» (1973) и «Калина красная» (1973) выступил как сценарист, режиссёр и исполнитель главных ролей. Фильм «Калина красная» отмечен премией Всесоюзного кинофестиваля в Баку (1974).

Умер скоропостижно в октябре 1974 года на съёмках фильма по роману М. А. Шолохова «Они сражались за Родину».

«БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ...»

Русская литература второй половины XX века немыслима без такого художника слова, как Василий Макарович Шукшин. Некоторое представление о масштабе его личности и таланта дают высказывания о нём писателей-современников.

П. Проскурин:

«...Василий Шукшин вспыхнул на горизонте культуры ослепительно чистой, яркой звёздой, прямо-таки сказочной россыпью дарований. Писатель, романист и драматург, режиссёр больших народных полотен, удивительный, неповторимый артист, умеющий в самой обыденной интонации сказать такую пронзительную, такую необходимую правду о простом человеке, что миллионы сердец... замирали в едином порыве. Василию Шукшину было дано такое счастье».

В. Распутин:

«“Будь человеком...” Всё, что сделано Шукшиным в искусстве, освещено у него этим требовательным понятием, этой страстью и этой болью, которым он заставил внимать всех — кто умеет и не умеет слушать. Не было у нас за последние десятилетия другого такого художника, который бы столь уверенно и беспощадно врывался во всякую человеческую душу и предлагал ей проверить, что она есть, в каких просторах и далях она заблудилась, какому поддавалась соблазну, или, напротив, что помогло ей выстоять и остаться в верности и чистоте. Читателем и зрителем Василия Шукшина была и остаётся Россия от самых высоких умов до самых падших душ; его талант — это прежде всего голос взыскующей совести».

В. Шукшин о себе:

«Никогда, ни разу в своей жизни я не позволил себе пожить расслабленно, развалившись. Вечно напряжён и собран».

ОБИДА

Сашку Ермолаева обидели.

Ну, обидели и обидели — случается. Никто не призывает бессловесно сносить обиды, но сразу из-за этого переоценивать все ценности человеческие, ставить на попа самый смысл жизни — это тоже, знаете... роскошь. Себе дороже, как говорят. Благоразумие — вещь не из рыцарского сундука, зато безопасно. Да-с. Можете не соглашаться, можете снисходительно улыбнуться, можете даже улыбнуться презрительно... Валяйте. Когда намашетесь театральными мечами, когда вас отовсюду с треском выставят, когда вас охватит отчаяние, приходите к нам, благоразумным, чай пить.

Но — к делу.

Что случилось?

В субботу утром Сашка собрал пустые бутылки из-под молока, сказал: «Маша, пойдёшь со мной?» — дочери.

— Куда? Гагазинчик? — обрадовалась маленькая девочка.

— В магазинчик. Молочка купим. А то мамка ругается, что мы в магазин не ходим, пойдём сходим.

— В кои-то веки! — сказала озабоченная «мамка». — Посмотрите там ещё рыбу — нототению. Если есть, возьмите с полкило.

— Это дорогая-то?

— Ничего, возьми — я ребятишкам поджарю.

И Сашка с Машей пошли в «гагазинчик».

Взяли молока, взяли масла, пошли смотреть рыбу нототению. Пришли в рыбный отдел, а там за прилавком — тётя.

Тётя была хмурая — не выспалась, что ли. И почему-то ей показалось, что это стоит перед ней тот самый парень, который вчера здесь, в магазине, устроил пьяный дебош. Она спросила строго, зло:

— Ну, как — ничего?

— Что «ничего»? — не понял Сашка.

— Помнишь вчерашнее-то?

Сашка удивленно смотрел на тётю...

— Чего глядишь? Глядит! Ничего не было, да? Глядит, как Исусик...

Почему-то Сашка особенно оскорбился за этого «Исусика».

— Слушайте, — сказал Сашка, чувствуя, как у него сводит челюсть от обиды. — Вы, наверное, сами с похмелья? Что вчера было?

Теперь обиделась тётя. Она засмеялась.

— Забыл?

— Что я забыл? Я вчера на работе был!

— Да? И сколько плотют за такую работу? На работе он был. Да ещё стоит рот разевает: «С похмелья»! Сам не проспался ещё.

Сашку затрясло. Может, оттого он так остро почувствовал в то утро обиду, что последнее время наладился жить хорошо, мирно, забыл даже, когда и выпивал... И оттого ещё, что держал в руке маленькую родную руку дочери... Это при дочери его так! Но он не знал, что делать. Тут бы пожать плечами, повернуться и уйти к чёрту. Тётя-то уж больно того — неsgiбаемая. Может, она и поняла, что обозналась, но не станет же она, в самом деле, извиняться перед кем попало. С какой стати?

— Где у вас директор? — самое сильное, что пришло Сашке на ум.

— На месте, — спокойно сказала тётя.

— Где на месте-то? Где его место?

— Где положено, там и место. Для чего тебе директор-то? «Где директор»! Только и делов директору — с вами разговаривать! — Тётя повысила голос, приглашая к скандалу других продавщиц и покупателей старшего поколения. — Директора ему подайте! Директор на работу пришёл, а не с вами объясняться. Нет, видите ли, дайте ему директора!

— Что там, Роза? — спросили тётю другие продавщицы.

— Да вот директора — стоит требует!.. Вынь да положь директора! Фон-барон. Пьянчуга.

Сашка пошёл сам искать директора.

— Какая тётя... похая, — сказала Маша.

— Она не плохая, она... — Сашка не стал при ребёнке говорить, какая тётя. Лицо его горело, точно ему ни за что ни про что публично надавали пощёчин.

В служебном проходе ему загородил было дорогу парень мясник.

— Чего ты волну-то поднял?

Но ему-то Сашка нашёл, что сказать. И, видно, в глазах у Сашки стояло серьёзное чувство — парень отшагнул в сторону.

— Я не директор, — сказала другая тётя, в кабинетике. — Я — завотделом. А в чём дело?

— Понимаете, — начал Сашка, — стоит... и начинает ни с того ни с сего... За что?

— Вы спокойнее, спокойнее, — посоветовала завотделом.

— Я вчера весь день был на работе... Я даже в магазине-то не был! А она начинает: я, мол, чего-то такое натворил у вас в магазине. Я и в магазине-то не был!

— Кто говорит?

— В рыбном отделе стоит.

— Ну, и что она?

— Ну, говорит, что я что-то такое вчера натворил в магазине. Я вчера и в магазине-то не был.

— Так что же вы волнуетесь-то, если не вы натворили? Не вы и не вы — и всё.

— Она же хамить начала! Она же обзывается!..

— Как обзывается?

— Исусик, говорит.

Завотделом засмеялась. У Сашки опять свело челюсть. У него затряслись губы.

— Ну, пойдёмте, пойдёмте... что там такое — выясним, — сказала завотделом.

И завотделом, а за ней Сашка появились в рыбном отделе.

— Роза, что такое? — негромко спросила завотделом.

Роза тоже негромко — так говорят врачи между собой при больном о больном же, ещё на суде так говорят и в милиции — вроде между собой, но нисколько не смуща-

ются, если тот, о ком говорят, слышит, — Роза негромко пояснила:

— Напился вчера, наскандалил, а сегодня я напомнила — сделал вид, что забыл. Да ещё возмущённый вид сделал!..

Сашку опять затрясло. А затрясло его опять потому, что заводделом слушала Розу и слегка — понимающе — кивала головой. Они вдвоём понимали, хоть они не смотрели на Сашку, что Сашке, как всякому на его месте, ничего другого и не остаётся, кроме как «делать возмущённый вид».

Сашку затрясло, но он собрал все силы и хотел быть спокойным.

— А при чём здесь этот ваш говорок-то? — спросил он. Завотделом и Роза не посмотрели на него. Разговаривали.

— А что сделал-то?

— Ну, выпил — не хватило. Пришёл опять. А время вышло. Он — требовать.

— Звонили?

— Любка пошла звонить, а он, хоть и пьяный, а сообразил — ушёл. Обзывал нас тут всяко...

— Слушайте, — вмешался опять в их разговор Сашка. — Да не был я вчера в магазине! Не был! Вы понимаете?

Роза и заводделом посмотрели на него.

— Не был я вчера в магазине, вы можете это понять?! Я же вам русским языком говорю: я вчера в магазине не был!

Роза с заводделом смотрели на него и молчали. А между тем сзади образовалась уже очередь. И стали раздаваться голоса:

— Да хватит вам: был, не был!

— Отпускайте!

— Но как же так? — повернулся Сашка к очереди. — Я вчера и в магазине-то не был, а они мне какой-то скандал приписывают! Вы-то что?!

Тут выступил один пожилой, в плаще.

— Хватит — не был он в магазине! Вас тут каждый вечер — не пробьёшься. Соображают стоят. Раз говорят, значит, был.

— Что вы, они вечерами никуда не ходят! — заговорили в очереди.

— Они газеты читают.

— Стоит — возмущается! Это на вас надо возмущаться. На вас надо возмущаться-то.

— Да вы что? — попытался было ещё сказать Сашка, но понял, что бесполезно. Глупо. Эту стенку из людей ему не пройти.

— Работайте, — сказали Розе. — Работайте спокойно. Не отвлекайтесь.

Сашка пошёл к выходу. Покупатель в плаще послал ему в спину последнее:

— Водка начинает продаваться в десять часов! Рано пришёл!

Сашка вышел на улицу, остановился, закурил.

— Какие дяди похие, — сказала Маша.

— Да, дяди... тётки... — пробормотал Сашка. — Мгм... — Он думал, что бы ему сделать? Его опять трясло. Прямо трясун какой-то!

Он решил дожидаться этого, в плаще. Поговорить. Как же так? Спросить: до каких пор мы сами будем помогать хамству? И с какой стати выскочил он таким подхалимом? Что за манера? Что за проклятое желание угодить хамоватому продавцу, чиновнику, просто хаму — угодить во что бы то ни стало! Ведь мы сами расплодили хамов, сами! Никто нам их не завёз, не забросил на парашютах...

Так примерно думал Сашка. И тут вышел этот, в плаще.

— Слушайте, — двинулся к нему Сашка, — хочу поговорить с вами...

Плащ остановился, недобро уставился на Сашку.

— О чём нам говорить?

— Почему вы выскочили заступаться за продавцов? Я правда не был вчера в магазине...

— Иди, проспись сперва! Понял? Он будет ещё останавливать... «Поговорить». Я те поговорю! Поговоришь у меня в другом месте!

— Ты что, взбесился?

— Это ты у меня взбесишься! Счас ты у меня взбесишься, счас... Я те поговорю, подворотня чёртова!

Плащ прошуршал опять в магазин — к телефону, как понял Сашка.

Заговор какой-то! Сашка даже слегка успокоился. И решил не ждать милиции. Ну её... Был бы один, может, и дождался бы — интересно даже: чем бы всё это кончилось?

Они пошли с Машей домой. Дорогой Сашка всё изумлялся про себя, всё не мог никак понять: что такое творится с людьми?

Девочка опять залопотала на своём маленьком, смешном языке. Сашку вдруг изумило и то, что она, крохотуля, почему-то смолкала, когда он объяснялся с дядями и тётями, а начинала говорить только после того и говорила, что дяди и тётки «похие», потому что нехорошо говорят с папой. Сашка взял девочку на руки. Чего-то вдруг аж слеза навернулась.

— Кроха ты моя... Неужели ты всё понимаешь?

Дома Сашка хотел было рассказать жене Вере, как его в магазине... Но начал, и тут же расхотелось...

— А что, что случилось-то?

— Да ладно, ну их. Нахамили, и всё. Что — редкость диковинная?

Но зато он задумался о том человеке в плаще. Ведь — мужик, долго жил... И что осталось от мужика: трусливый подхалим, сразу бежать к телефону — милицию звать. Как же он жил? Что делал в жизни? Может, он даже и не догадывается, что угождать — никогда, нигде, никак — нехорошо, скверно... Но как же уж так надо прожить, чтобы не знать этого? А правда, как он жил? Что делал? Сашка раньше видел этого человека, он из девятиэтажной башни напротив... Сходить? Спросить у кого-нибудь, из какой он квартиры, его, наверное, знают...

«Схожу! — решил Сашка. — Поговорю с человеком. Объясню, что, правда же, эта дура обозналась — не был он вчера в магазине, что зря он так — не разобравшись, полез вступаться... Вообще поговорю. Может, он одинокий какой».

— Пойду сигарет возьму, — сказал жене Сашка.

— Ты только из магазина!

— Забыл.

...Один парнишка узнал по описанию Чукалова.

— Он в тридцать шестой.

— Он один живёт?

— Почему? Там бабка тоже живёт. А что?

— Ничего. Мне надо к нему.

Дверь открыл сам хозяин — тот самый человек, кого и надо было Сашке. Чукалов его фамилия.

— Не пугайтесь, пожалуйста, — сразу заговорил Сашка, — я хочу объяснить вам...

— Игорь! — громко позвал Чукалов.

Он не испугался, нет, он с каким-то непонятным удовлетворением смотрел на гостя — упёрся тёмными, слегка выпуклыми глазами и был явно доволен. Ждал.

— Я хочу объяснить...

— Счас объяснишь. Игорёк!

— Что там? — спросили из глубины квартиры. Мужчина спросил.

Сашка невольно глянул на вешалку, и при этом пошевелился... Чукалов — то ли решил, что Сашка хочет уйти, — вдруг цепко, неожиданно сильной рукой схватил его за рукав. И тёмные глаза его близко полыхнули злостью и радостно-скорой расправой. От него пахнуло водкой. Сашка настолько удивился всему, что не стал вырываться, только пошевелил рукой, чтоб высвободить кожу, которую Чукалов больно защемил с рукавом рубашки.

— Игорь!

— Что? — Вышел Игорь, наверно сын, тоже с тёмными, чуть влажными глазами, здоровый, разгорячённый завтраком и водкой...

— Вот этот человек нахамил мне в магазине... Хотел избить. — Чукалов всё держал Сашку за рукав.

Игорь уставился на Сашку.

— Да вы пустите меня, я ж не убегу, — попросил Сашка. И улыбнулся. — Я ж сам пришёл.

— Пусти его, — велел Игорь. И вопросительно, пытливо, оценивающе, надо думать, смотрел на Сашку.

Чукалов отпустил Сашкин рукав.

— Понимаете, в чём дело, — как можно спокойнее, интеллигентнее заговорил Сашка, потирая руку. — Нахамили-то мне, а ваш отец...

— А мой отец подвернулся под горячую руку. Так?

— Да почему?

— Специально дождался меня у магазина...

— Мне было интересно узнать, почему вы... подхалимничаете?

Дальше Сашка двигался рывками, быстро... Игорь сгрёб его за грудки — этого Сашка никак не ждал от него, — раза два пристукнул головой об дверь, потом открыл её, протасил по площадке и сильно пустил вниз по лестнице. Сашка чудом удержался на ногах — схватился за перила. Наверху громко хлопнула дверь.

Сашка как будто выпал из вихря, который приподнял его, крутанул и шлёпнул на землю. Всё случилось очень скоро. И так же скоро, ясно заработала голова. Какое-то очень короткое время стоял он на лестнице... И быстро пошёл вниз, почти побежал. В прихожей у него лежит хороший молоток. Надо опять позвонить — если откроет пожилой, успеть оттолкнуть его и пройти... Если откроет Игорёк, ещё лучше — проще. Вот довозмущался! Теперь унимай душу. Раньше бы ушёл из магазина — ничего бы не было. Если откроет сам Игорь, надо левым коленом сразу шире распахнуть дверь и подставить ногу на упор: иначе он успеет толкнуть дверь оттуда и удара не выйдет. Не удар будет, а мазня.

Едва только Сашка выбежал из подъезда, увидел: по двору, из магазина, летит его Вера, жена, — простоволосая, насмерть чем-то перепуганная. У Сашки подкосились ноги: он решил, что что-то случилось с детьми — с Машей или с другой маленькой, которая только-только ещё начала ходить. Сашка даже не смог от испуга крикнуть... Остановился, Вера сама увидела его, подбежала.

— Ты что? — спросила она заполошно.

— Ты-то чего?

— Какие дяди? С кем ты опять драку затеваешь? Мне Маша сказала, какие-то дяди. Какие дяди? Чего ты такой весь?

— Какой?

— Не притворяйся, Сашка, не притворяйся — я тебя знаю. Опять на тебе лица нету. Что случилось? С кем поругался?

— Да ни с кем я не ругался!..

— Не ври! Ты сказал, в магазин пойдёшь... Где ты был?

Сашка молчал. Теперь, пожалуй, ничего не выйдет. Он долго стоял, смотрел вниз — ждал: пройдёт само собой то, что вскипело в груди, или надо через всё проломиться с молотком к Игорю?..

— Сашка, милый, пойдём домой, пойдём домой, ради бога, — взмолилась Вера, видно, чутьём угадавшая, что творится в душе мужа. — Пойдём домой, там малышки ждут... Я их одних бросила. Плюнь, не заводись, не надо. Сашенька, родной мой, ты о нас-то подумай. — Вера взяла мужа за руку: — Неужели тебе нас не жалко?

У Сашки навернулись на глаза слёзы... Он нахмурился. Сердито кашлянул. Сунул руку в карман, достал пачку сигарет, вытащил дрожащими пальцами одну, закурил.

— Вон руки-то ходуном ходют. Пойдём.

Сашка лёгким движением высвободил руку... И пошёл домой. И покорно пошёл домой.

1970—1972

Какое впечатление произвёл на вас рассказ Шукшина? Что в нём показалось интересным, точно подмеченным?

* * *

1. В чём суть происшествия в магазине? Была ли причина для обиды? Какими выглядят продавщица Роза, завотделом, покупатели? Кто из них обращается к другим «на ты»?
2. Почему Сашке захотелось объясниться с женщиной в плаще? Какова цель, каковы намерения Сашки? Разделяете ли вы его позицию? Почему? Проследите за развитием Сашкиной мысли. Только ли оскорблённое чувство собственного достоинства говорит в нём? Что ещё?
3. Какова натура Сашки, что он за человек? Что стоит за таким авторским замечанием: «...Последнее время наладился жить хоро-

шо, мирно, забыл даже, когда и выпивал... И оттого ещё, что держал в руке маленькую родную руку дочери...»? За словами жены: «С кем опять драку затеваешь?... Опять на тебе лица нету...»?

4. Зачем в рассказ введён образ ребёнка? Какие стороны натуры Сашки высвечивает его отношение к дочери? Какую роль в тексте играют реплики девочки, что тётки и дяди «похие»?
5. Как автор относится к своему герою, общей атмосфере жизни?
6. Какие художественные детали рассказа раскрывают нравственную атмосферу общества: привычное хамство, неуважение к человеческой личности, подозрительность, озлобление, желание заклеить?
7. В чём смысл вступительной части рассказа об обидах, о благоразумии, театральных мечтах, об отчаянии? Почувствовали ли вы в ней авторскую иронию? Не приоткрывает ли она отношение писателя к типу поведения, изображённому в Сашкиной истории? Каково оно?

* * *

1. Почему автор обращается к такой обычной ситуации — ссоре в магазине? Чем писателю интересен Сашка Ермолаев? В каких словах героя скрыта самохарактеристика, воссоздающая тип мышления и строй чувств?
2. Какова авторская оценка общей картины жизни людей, их поведения?

СРЕЗАЛ

К старухе Агафье Журавлёвой приехал сын Константин Иванович. С женой и дочерью. Попроведывать, отдохнуть. Деревня Новая — небольшая деревня, а Константин Иванович ещё на такси подкатил, и они ещё всем семейством долго вытаскивали чемоданы из багажника... Сразу вся деревня узнала: к Агафье приехал сын с семьей, средний. Костя, богатый, учёный.

К вечеру узнали подробности: он сам — кандидат, жена тоже кандидат, дочь — школьница. Агафье привезли электрический самовар, цветастый халат и деревянные ложки.

Вечером же у Глеба Капустина на крыльце собрались мужики. Ждали Глеба.

Про Глеба Капустина надо рассказать, чтобы понять, почему у него на крыльце собрались мужики и чего они ждали.

Глеб Капустин — толстогубый, белобрысый мужик сорока лет, начитанный и ехидный. Как-то так получилось, что из деревни Новой, хоть она небольшая, много вышло знатных людей: один полковник, два лётчика, врач, корреспондент... И вот теперь Журавлёв — кандидат. И как-то так повелось, что когда знатные приезжали в деревню на побывку, когда к знатному земляку в избу набивался вечером народ — слушали какие-нибудь дивные истории или сами рассказывали про себя, если земляк интересовался, — тогда-то Глеб Капустин приходил и срезал знатного гостя. Многие этим были недовольны, но многие, мужики особенно, просто ждали, когда Глеб Капустин срежет знатного. Даже не то что ждали, а шли раньше к Глебу, а потом уж — вместе — к гостю. Прямо как на спектакль ходили. В прошлом году Глеб срезал полковника — с блеском, красиво. Заговорили о войне 1812 года... Выяснилось, что полковник не знает, кто велел поджечь Москву. То есть он знал, что какой-то граф, но фамилию перепутал, сказал — Распутин. Глеб Капустин коршуном взмыл над полковником... И срезал. Переволновались все тогда, полковник ругался... Бегали к учительнице домой — узнавать фамилию графа-поджигателя. Глеб Капустин сидел красный в ожидании решающей минуты и только повторял: «Спокойствие, спокойствие, товарищ полковник, мы же не в Филях, верно?» Глеб остался победителем: полковник бил себя кулаком по голове и недоумевал. Он очень расстроился. Долго потом говорили в деревне про Глеба, вспоминали, как он только повторял: «Спокойствие, спокойствие, товарищ полковник, мы же не в Филях». Удивлялись на Глеба. Старики интересовались — почему он так говорил.

Глеб посмеивался. И как-то мстительно щурил свои настырные глаза. Все матери знатных людей в деревне не любили Глеба. Опасались.

И вот теперь приехал кандидат Журавлёв...

Глеб пришёл с работы (он работал на пилораме), умылся, переоделся... Ужинать не стал. Вышел к мужикам на крыльцо.

Закурили... Малость поговорили о том о сём — нарочно не о Журавлёве. Потом Глеб раза два посмотрел в сторону избы бабки Агафьи Журавлёвой. Спросил:

— Гости к бабке Агафье приехали?

— Кандидаты!

— Кандидаты? — удивился Глеб. — О-о!.. Голой рукой не возьмёшь.

Мужики посмеялись: мол, кто не возьмёт, а кто может и взять. И посматривали с нетерпением на Глеба.

— Ну, пошли попроведаем кандидатов, — скромно сказал Глеб.

И пошли.

Глеб шёл несколько впереди остальных, шёл спокойно, руки в карманах, щурился на избу Агафьи, где теперь находились два кандидата. Получалось вообще-то, что мужики ведут Глеба. Так ведут опытного кулачного бойца, когда становится известно, что на враждебной улице объявился некий новый ухарь.

Дорогой говорили мало.

— В какой области кандидаты? — спросил Глеб.

— По какой специальности? А чёрт его знает... Мне бабёнка сказала — кандидаты. И он и жена...

— Есть кандидаты технических наук, есть общеобразовательные, эти в основном трепалогией занимаются.

— Костя вообще-то в математике рубил хорошо, — вспомнил кто-то, кто учился с Костей в школе. — Пятёрочник был.

Глеб Капустин был родом из соседней деревни и здешних знатных людей знал мало.

— Посмотрим, посмотрим, — неопределённо пообещал Глеб. — Кандидатов сейчас как нерезанных собак.

— На такси приехал...

— Ну, марку-то надо поддержать!.. — посмеялся Глеб.

Кандидат Константин Иванович встретил гостей радостно, захолопотал насчёт стола... Гости скромно подождали, пока бабка Агафья накрыла стол, поговорили с кандидатом, повспоминали, как в детстве они вместе...

— Эх, детство, детство! — сказал кандидат. — Ну, садитесь за стол, друзья.

Все сели за стол. И Глеб Капустин сел. Он пока помалкивал. Но — видно было — подбирался к прыжку. Он улыбался, поддакнул тоже насчёт детства, а сам всё взглядывал на кандидата — примеривался.

За столом разговор пошёл дружнее, стали уж вроде и забывать про Глеба Капустина... И тут он попёр на кандидата.

— В какой области выявляете себя? — спросил он.

— Где работаю, что ли? — не понял кандидат.

— Да.

— На филфаке.

— Философия?

— Не совсем... Ну, можно и так сказать.

— Необходимая вещь. — Глебу нужно было, чтоб была — философия. Он оживился. — Ну, и как насчёт первичности?

— Какой первичности? — опять не понял кандидат. И внимательно посмотрел на Глеба. И все посмотрели на Глеба.

— Первичности духа и материи. — Глеб бросил перчатку. Глеб как бы стал в небрежную позу и ждал, когда перчатку поднимут. Кандидат поднял перчатку.

— Как всегда, — сказал он с улыбкой. — Материя первична...

— А дух?

— А дух — потом. А что?

— Это входит в минимум? — Глеб тоже улыбался. — Вы извините, мы тут... далеко от общественных центров, поговорить хочется, но не особенно-то разбежишься — не с кем. Как сейчас философия определяет понятие неведомости?

— Как всегда определяла. Почему — сейчас?

— Но явление-то открыто недавно. — Глеб улыбнулся прямо в глаза кандидату. — Поэтому я и спрашиваю. Натурфилософия¹, допустим, определит это так, стратегическая философия — совершенно иначе...

¹ *Натурфилосо́фия* — философия природы.

— Да нет такой философии — стратегической! — заволновался кандидат. — Вы о чём вообще-то?

— Да, но есть диалектика природы, — спокойно, при общем внимании продолжал Глеб. — А природу определяет философия. В качестве одного из элементов природы недавно обнаружена невесомость. Поэтому я и спрашиваю: растерянности не наблюдается среди философов?

Кандидат искренне засмеялся. Но засмеялся один... И почувствовал неловкость. Позвал жену:

— Валя, иди, у нас тут... какой-то странный разговор! Валя подошла к столу, но кандидат Константин Иванович всё же чувствовал неловкость, потому что мужики смотрели на него и ждали, как он ответит на вопрос.

— Давай установим, — серьёзно заговорил кандидат, — о чём мы говорим.

— Хорошо. Второй вопрос: как вы лично относитесь к проблеме шаманизма в отдельных районах Севера?

Кандидаты засмеялись. Глеб Капустин тоже улыбнулся. И терпеливо ждал, когда кандидаты отсмеются.

— Нет, можно, конечно, сделать вид, что такой проблемы нету. Я с удовольствием тоже посмеюсь вместе с вами... — Глеб опять великодушно улыбнулся. Особо улыбнулся жене кандидата, тоже кандидату, кандидатке, так сказать. — Но от этого проблема как таковая не перестанет существовать. Верно?

— Вы серьёзно всё это? — спросила Валя.

— С вашего позволения. — Глеб Капустин привстал и сдержанно поклонился кандидатке. И покраснел. — Вопрос, конечно, не глобальный, но, с точки зрения нашего брата, было бы интересно узнать.

— Да какой вопрос-то? — воскликнул кандидат.

— Твоё отношение к проблеме шаманизма. — Валя опять невольно засмеялась. Но спохватилась и сказала Глебу: — Извините, пожалуйста.

— Ничего, — сказал Глеб. — Я понимаю, что, может, не по специальности задал вопрос...

— Да нет такой проблемы! — опять сплеча рубанул кандидат.

Зря он так. Не надо бы так. Теперь засмеялся Глеб. И сказал:

— Ну, на нет и суда нет!

Мужики посмотрели на кандидата.

— Баба с возу — коню легче, — ещё сказал Глеб. — Проблемы нету, а эти... — Глеб что-то показал руками замысловатое, — танцуют, звенят бубенчиками... Да? Но при желании... — Глеб повторил: — При же-ла-нии — их как бы нету. Верно? Потому что, если... Хорошо! Ещё один вопрос: как вы относитесь к тому, что Луна тоже дело рук разума?

Кандидат молча смотрел на Глеба. Глеб продолжал:

— Вот высказано учёными предположение, что Луна лежит на искусственной орбите, допускается, что внутри живут разумные существа...

— Ну? — спросил кандидат. — И что?

— Где ваши расчёты естественных траекторий? Куда вообще вся космическая наука может быть приложена?

Мужики внимательно слушали Глеба.

— Допуская мысль, что человечество всё чаще будет посещать нашу, так сказать, соседку по космосу, можно допустить также, что в один прекрасный момент разумные существа не выдержат и вылезут к нам навстречу. Готовы мы, чтобы понять друг друга?

— Вы кого спрашиваете?

— Вас, мыслителей...

— А вы готовы?

— Мы не мыслители, у нас зарплата не та. Но если вам это интересно, могу поделиться, в каком направлении мы, провинциалы, думаем. Допустим, на поверхность Луны вылезло разумное существо... Что прикажете делать? Лаять по-собачьи? Петухом петь?

Мужики засмеялись. Пошевелились и опять внимательно уставились на Глеба.

— Но нам тем не менее надо понять друг друга. Верно? Как? — Глеб помолчал вопросительно. Посмотрел на всех. — Я предлагаю: начертить на песке схему нашей солнечной системы и показать ему, что я с Земли, мол. Что, несмотря на то что я в скафандре, у меня тоже есть голова

и я тоже разумное существо. В подтверждение этого можно показать ему на схеме, откуда он: показать на Луну, потом на него. Логично? Мы, таким образом, выяснили, что мы соседи. Но не больше того! Дальше требуется объяснить, по каким законам я развивался, прежде чем стал такой, какой есть на данном этапе...

— Так, так. — Кандидат пошевелился и значительно посмотрел на жену. — Это очень интересно: по каким законам?

Это он тоже зря, потому что его значительный взгляд был перехвачен; Глеб взмыл ввысь... И оттуда, с высокой выси, ударил по кандидату. И всякий раз в разговорах со знатными людьми деревни наступал вот такой момент — когда Глеб взмывал кверху. Он, наверно, ждал такого момента, радовался ему, потому что дальше всё случалось само собой.

— Приглашаете жену посмеяться? — спросил Глеб. Спросил спокойно, но внутри у него, наверно, всё вздрагивало. — Хорошее дело... Только, может быть, мы сперва научимся хотя бы газеты читать? А? Как думаете? Говорят, кандидатам это тоже не мешает...

— Послушайте!..

— Да мы уж послушали! Имели, так сказать, удовольствие. Поэтому позвольте вам заметить, господин кандидат, что кандидатство — это ведь не костюм, который купил — и раз и навсегда. Но даже костюм и то надо иногда чистить. А кандидатство, если уж мы договорились, что это не костюм, тем более надо... поддерживать. — Глеб говорил негромко, но напористо и без передышки — его несло. На кандидата было неловко смотреть, он явно растерялся, смотрел то на жену, то на Глеба, то на мужиков... Мужики старались не смотреть на него. — Нас, конечно, можно тут удивить: подкатить к дому на такси, вытащить из багажника пять чемоданов... Но вы забываете, что поток информации сейчас распространяется везде равномерно. Я хочу сказать, что здесь можно удивить наоборот. Так тоже бывает. Можно понадеяться, что тут кандидатов в глаза не видели, а их тут видели — и кандидатов, и профессоров, и полковников. И сохранили о них приятные воспоминания,

потому что это, как правило, люди очень простые. Так что мой вам совет, товарищ кандидат: почаще спускайтесь на землю. Ей-богу, в этом есть разумное начало. Да и не так рискованно: падать будет не так больно.

— Это называется — «покатил бочку», — сказал кандидат. — Ты что, с цепи сорвался? В чём, собственно...

— Не знаю, не знаю, — торопливо перебил его Глеб, — не знаю, как это называется, — я в заключении не был и с цепи не срывался. Зачем? Тут, — оглядел Глеб мужиков, — тоже никто не сидел — не поймут. А вот и жена ваша сделала удивлённые глаза... А там дочка услышит. Услышит и «покатит бочку» в Москве на кого-нибудь. Так что этот жаргон может... плохо кончиться, товарищ кандидат. Не все средства хороши, уверяю вас, не все. Вы же, когда сдавали кандидатский минимум, вы же не «катали бочку» на профессора. Верно? — Глеб встал. — И «одеяло на себя не тянули». И «по фене не ботали». Потому что профессоров надо уважать — от них судьба зависит, а от нас судьба не зависит, с нами можно «по фене ботать». Так? Напрасно. Мы тут тоже немножко... «микитим». И газеты тоже читаем, и книги, случается, почитываем... И телевизор даже смотрим. И, можете себе представить, не приходим в бурный восторг ни от КВН, ни от «Кабачка “13 стульев”». Спросите, почему? Потому что там — та же самонадеянность. Ничего, мол, всё съедят. И едят, конечно, ничего не сделаешь. Только не надо делать вид, что все там гении. Кое-кто понимает... Скромней надо.

— Типичный демагог-кляузник¹, — сказал кандидат, обращаясь к жене. — Весь набор тут...

— Не попали. За всю свою жизнь ни одной анонимки или кляузы ни на кого не написал. — Глеб посмотрел на мужиков: мужики знали, что это правда. — Не то, товарищ кандидат. Хотите, объясню, в чём моя особенность?

¹ *Демаго́гия* — воздействие на слушателей, основанное на намеренном извращении фактов, рассчитанном на чувства, инстинкты малообразованных, малосознательных людей. *Кля́узник* — сплетник, доносчик.

— Хочу, объясните.

— Люблю по носу щёлкнуть — не задирайся выше ватерлинии¹! Скромней, дорогие товарищи...

— Да в чём же вы увидели нашу нескромность? — не вытерпела Валя. — В чём она выразилась-то?

— А вот когда одни останетесь, подумайте хорошенько. Подумайте — и поймёте. — Глеб даже как-то с сожалением посмотрел на кандидатов. — Можно ведь сто раз повторить слово «мёд», но от этого во рту не станет сладко. Для этого не надо кандидатский минимум сдавать, чтобы понять это. Верно? Можно сотни раз писать во всех статьях слово «народ», но знаний от этого не прибавится. Так что когда уж выезжаете в этот самый народ, то будьте немного собранней. Подготовленней, что ли. А то легко можно в дураках очутиться. До свидания. Приятно провести отпуск... среди народа. — Глеб усмехнулся и не торопясь вышел из избы. Он всегда один уходил от знатных людей.

Он не слышал, как потом мужики, расходясь от кандидатов, говорили:

— Оттянул он его!.. Дошлый², собака. Откуда он про Луну-то так знает?

— Срезал.

— Откуда что берётся!

И мужики изумлённо качали головами.

— Дошлый, собака. Причесал бедного Константина Ивана. А! Как миленького причесал! А эта-то, Валя-то, даже рта не открыла.

— А что тут скажешь? Тут ничего не скажешь. Он, Костя-то, хотел, конечно, сказать... А тот ему на одно слово — пять.

— Чего тут... Дошлый, собака! В голосе мужиков слышалась даже как бы жалость к кандидатам, сочувствие.

¹ *Ватерли́ния* — линия по борту судна, до которой оно погружается в воду при нормальной осадке.

² *Дошлый* (разгов.) — способный дойти до всего, смыслёный, ловкий.

Глеб же Капустин по-прежнему неизменно удивлял. Изумлял. Восхищал даже. Хоть любви, положим, тут не было. Нет, любви не было. Глеб жесток, а жестокость никто, никогда, нигде не любил ещё.

Завтра Глеб Капустин, придя на работу, между прочим (играть будет), спросит мужиков:

— Ну, как там кандидат-то?

И усмехнётся.

— Срезал ты его, — скажут Глебу.

— Ничего, — великодушно заметит Глеб. — Это полезно. Пусть подумает на досуге. А то слишком много берут на себя...

1970

Каково общее впечатление от рассказа? Что вас насмешило, позабавило, удивило? Что навеяло грустное настроение? Какие ещё чувства вызывает изображённая Шукшиным ситуация?

* * *

1. Что собой представляет Глеб Капустин? Почему он жаждет «срезать»? От чьего имени он выступает?
2. Перечитайте монологи и реплики Глеба Капустина и подумайте, как оценить его эрудицию. Для чего она ему нужна? Почему он гордится ею? Какими чувствами сопровождаются его высказывания?
3. Интересно проследить развитие словесного поединка. Как ведёт себя Глеб Капустин? Какова логика поставленных им вопросов? Каков его комментарий к ответам кандидатов наук? Почему он любит «взвиваться»?
4. Почему кандидаты наук оказались побеждёнными в глазах мужиков? Почему Глеб «срезает» их вроде бы и без особого усилия?
5. Какова авторская оценка поведения и характера Глеба Капустина? Она высказана в начале и в конце рассказа, однако писатель подробно воспроизводит словесный поединок. В чём, по-вашему, цель этого авторского «исследования»?
6. Как деревня относится к Глебу Капустину и к тем, кого он «срезает»? Что интересного видят люди в этих поединках?

1. Какие общепринятые суждения, общественные оценки, идеологические установки нашли отражение в рассказе? Как они интерпретированы¹ писателем?
2. Как решается Шукшиным традиционная² для русской литературы тема «человек из народа — интеллигенция — народ»?

О РАССКАЗЕ В. М. ШУКШИНА. СИТУАЦИЯ И ХАРАКТЕР-ТИП

У В. М. Шукшина сложилось своё понимание жанровой природы рассказа и методов работы над ним. Писатель ориентировался на устное народное творчество: на сказку, песню — с их строгостью, чувством меры, уважением к слушателю. «Народный рассказчик — это и драматург, и актёр, а вернее, целый театр в одном лице. Он и ситуации сочиняет, и проигрывает диалоги за всех действующих лиц, и комментирует действие... Но всё это богатство речи, выдумка, неожиданные приёмы рассказа не были самоцельными... Главным оставался смысл рассказа, стремление через простое сказать очень многое, сильнее задеть слушателей за живое.

К чему я всё это говорю? Да к тому, что я стараюсь в своей работе делать то же самое. Именно поэтому и не думать о своём зрителе просто не могу. С этого, с вопроса, как к нему пробиться, как достучаться до его сердца, и начинается вся работа», — так писатель раскрывал свою творческую лабораторию.

Многие читатели замечали, что фраза у Шукшина богата интонационно, она как бы озвучена, и печатный текст воспринимается как звучащий рассказ. Писатель говорил: «Я знаю, когда я пишу хорошо: когда я пишу и как будто пером вытаскиваю из бумаги живые голоса людей». Так Шукшин открывал новые возможности и резервы в жанре

¹ *Интерпретировать* (книжн.) — истолковывать, раскрывать смысл чего-нибудь объясняя.

² *Традиционный* — основанный на традиции, на том, что унаследовано от предшествующих поколений.

рассказа, не порывая в то же время с классической традицией, например чеховской.

Читая прозу Шукшина, мы как бы включаемся в реальную жизнь, узнаём её заново, совсем не думая о том, что эта жизнь — художественная, созданная автором. В обманчиво простой форме перед читателем подлинное искусство перевоплощения, умудрённое знание, артистизм. Стремление к высокой простоте, ясности, живости заметно в каждом рассказе В. М. Шукшина: «Мне кажется, самый простой эпизод, случай, встреча могут стать предметом искусства, и чем проще этот эпизод, случай, тем лучше, тем больше простор для художника».

Размышляя над жанром рассказа, Шукшин писал: «Вот рассказы, какими они должны быть:

1. Рассказ-судьба.
2. Рассказ-характер.
3. Рассказ-исповедь.

...Самое мелкое, что может быть, это рассказ-анекдот.

Нет, литература — это всё же жизнь души человеческой, никак не идеи, не соображения даже самого высокого нравственного порядка».

В центре большинства рассказов В. М. Шукшина — оригинальные *характеры, типы*, несущие на себе яркие приметы времени, эпохи, их сформировавшей. Характер изображается на фоне узнаваемых черт обыкновенной жизни. Эта повседневность, рисуемая выпукло и точно, убеждает читателя в своей значительности, обнаруживает свой нравственный подтекст. В конфликте Сашки Ермолаева с Розой, очередью, человеком в плаще («Обида») столкнулись романтическая вера в справедливость, романтическое представление об изначальном благородстве людей, которым можно и нужно раскрыть глаза на их неблагоприятные поступки, и людская низость, подлость и рабская психология. Сашка это не столько понимает, сколько хорошо чувствует. Поэтому и пытается взять на себя ответственность и объяснить, что «ведь мы сами расплодили хамов, сами!». Он принадлежит к племени романтиков, которые хотят немедленно преобразовать, улучшить жизнь. А если она не поддаётся столь решительным мерам, готовы схватиться за молоток, уже не думая о последствиях. Автор и понимает Сашку, и

сочувствует ему, и берёт его под защиту, и в то же время обнаруживает уязвимость его позиции. Да, хамов «никто не забросил на парашютах». Откуда же они берутся? Какая общественная среда их питает? Над этими и другими вопросами автор приглашает подумать читателя, создавая *тип, образ носителя определённой жизненной позиции.*

Писатель, выделяя те или иные социально-психологические признаки и качества характеров, проникательно распознает в обыкновенной жизни важное и сокровенное. Рассказы создаются в итоге глубоких размышлений автора над конкретными вопросами бытия народа.

Шукшинский рассказ организует ситуация, драматическая или комедийная, иногда и та и другая вместе. Начинается рассказ часто без каких-либо вступительных замечаний. Автор нас сразу вводит в ситуацию. «От Ивана Петина ушла жена. Да как ушла!.. Прямо как в старых добрых романах — сбежала с офицером.

Иван приехал из дальнего рейса, загнал машину в ограду, отомкнул избу... И нашёл на столе записку...» — так начинается «Раскас», стремительно вводя читателя в историю покинутого мужа.

«Жена называла его Чудик. Иногда ласково.

Чудик обладал одной особенностью: с ним постоянно что-нибудь случалось...» («Чудик»).

На страницах многих рассказов В. М. Шукшина мы встречаемся с «чудиками» — героями с нестандартным мировосприятием, необычными поступками. Отсюда возникают нестандартные ситуации, резко отличающиеся от общепринятых. Они часто остроконфликтны, как в рассказе «Обида», или содержат в себе вызов общепринятой норме, как в «Алёше Бесконвойном». Чаще поступки и действия героев, избранный ими стиль жизни направляет стремление к счастью, к справедливости, духовный поиск. Эти герои В. Шукшина всей своей внутренней сутью, манерой поведения опровергают устойчивое, усреднённое, а то и обеднённое представление о человеческой личности, убеждают нас в бесконечном разнообразии индивидуальностей, характеров, «голов и сердец».

По В. А. Анухтиной

Юрий Павлович КАЗАКОВ

1927—1982

...неизвестно ещё, что бы было со всеми нами, не будь литературы, не будь Слова! И если есть в человеке, в душе его такие понятия, как совесть, долг, нравственность, правда и красота, — если хоть в малой степени есть, — то не заслуга ли это в первую очередь великой литературы?

Ю. П. Казаков

Юрий Павлович Казаков по профессии музыкант, он закончил музыкальное училище имени Гнесиных. Первый сборник его рассказов «На полустанке» вышел в 1959 году, через год после окончания им Литературного института имени Максима Горького. Он автор многих талантливых книг — «Голубое и зелёное», «Двое в декабре», «Северный дневник», «Во сне ты горько плакал» и других, вышедших с конца 1950-х годов в СССР и за рубежом. Работал в жанре рассказа и очерка.

Творчество Казакова отмечено рядом международных премий, в том числе Дантевской премией 1971 года, за выдающийся вклад в развитие современной литературы. Литературная критика считает его продолжателем традиций А. П. Чехова.

«У тебя нет власти перестроить мир, как ты хочешь. Но у тебя есть твоя правда и твоё слово. И ты должен быть трижды мужествен, чтобы, несмотря на свои несчастья, неудачи и срывы, всё-таки нести людям радость и говорить без конца, что жизнь должна быть лучше», — так говорит о писательском предназначении Казаков.

Читая рассказ, прислушайтесь к интонации фразы, к звучанию слова.

ГОЛУБОЕ И ЗЕЛЁНОЕ

1

— Лиля, — говорит она глубоким грудным голосом и подаёт мне горячую маленькую руку.

Я осторожно беру её руку, пожимаю и отпускаю. Я бормочу при этом своё имя. Кажется, я не сразу даже сообразил, что нужно назвать своё имя. Рука, которую я только что отпустил, нежно белеет в темноте. «Какая необыкновенная, нежная рука!» — с восторгом думаю я.

Мы стоим на дне глубокого двора. Как много окон в этом квадратном тёмном дворе: есть окна голубые, и зелёные, и розовые, и просто белые. Из голубого окна на втором этаже слышна музыка. Там включили приёмник, и я слышу джаз. Я очень люблю джаз, нет, не танцевать — танцевать я не умею, — я люблю слушать хороший джаз. Некоторые не любят, но я люблю. Не знаю, может быть, это плохо. Я стою и слушаю джазовую музыку со второго этажа, из голубого окна. Видимо, там прекрасный приёмник.

После того как она назвала свое имя, наступает долгое молчание. Я знаю, что она ждёт от меня чего-то. Может быть, она думает, что я заговорю, скажу что-нибудь весёлое, она, может, ждёт моего первого слова, вопроса какого-нибудь, чтобы заговорить самой. Но я молчу, я весь во власти необыкновенного ритма и серебряного звука трубы. Как хорошо, что играет музыка и я могу молчать!

Наконец мы трогаемся. Мы выходим на светлую улицу. Нас четверо: мой приятель с девушкой, Лилия и я. Мы идём в кино. В первый раз я иду в кино с девушкой, в первый раз меня познакомили с ней, и она подала мне руку и сказала своё имя. Чудесное имя, произнесённое грудным голосом! И вот мы идём рядом, совсем чужие друг другу и в то же время странно знакомые. Музыки больше нет, и мне не за что спрятаться. Мой приятель отстаёт со своей девушкой. В страхе я замедляю шаги, но те идут ещё медленней. Я знаю, он делает это нарочно. Это очень плохо с его стороны — оставить нас наедине. Никогда не ожидал от него такого предательства!

Что бы такое сказать ей? Что она любит? Осторожно, сбоку смотрю на неё: блестящие глаза, в которых отражаются огни, тёмные, наверное, очень жёсткие волосы, сдвинутые густые брови, придающие ей самый решительный вид... Но щёки у неё почему-то напряжены, как будто она сдерживает смех. Что бы ей всё-таки сказать?

— Вы любите Москву? — вдруг спрашивает она и смотрит на меня очень строго. Я вздрагиваю от её глубокого голоса. Есть ли ещё у кого-нибудь такой голос!

Некоторое время я молчу, переводя дух. Наконец собираюсь с силами. Да, конечно, я люблю Москву. Особенно я люблю арбатские переулки и бульвары. Но и другие улицы тоже люблю... Потом я снова умолкаю.

Мы выходим на Арбатскую площадь. Я принимаюсь насвистывать и сую руки в карманы. Пусть думает, что знакомство с ней мне не так уж интересно. Подумаешь! В конце концов я могу уйти домой, я тут рядом живу, и вовсе не обязательно мне идти в кино и мучиться, видя, как дрожат её щёки.

Но мы всё-таки приходим в кино. До начала сеанса ещё минут пятнадцать. Мы стоим посреди фойе и слушаем певицу, но её плохо слышно: возле нас много народу, и все потихоньку разговаривают. Я давно заметил, что те, кто стоит в фойе, плохо слушают оркестр. Слушают и аплодируют только передние, а сзади едят мороженое и конфеты и тихо переговариваются. Решив, что певицу всё равно не услышишь как следует, я принимаюсь разглядывать картины. Я никогда раньше не обращал внимания на них, но теперь я очень заинтересован. Я думаю о художниках, которые их нарисовали. Видимо, не зря повесили эти картины в фойе. Очень хорошо, что они висят тут.

Лиля смотрит на меня блестящими серыми глазами. Какая она красивая! Впрочем, она вовсе не красивая, просто у неё блестящие глаза и розовые крепкие щёки. Когда она улыбается, на щеках появляются ямочки, а брови расходятся и не кажутся уже такими строгими. У неё высокий чистый лоб. Только иногда на нём появляется морщинка. Наверное, она думает в это время.

Нет, я больше не могу стоять с ней! Почему она так меня рассматривает?

— Пойду покурю, — говорю я отрывисто и небрежно ухожу в курительную. Там я сажусь и вздыхаю с облегчением. Странно, но когда в комнате много дыма, когда воздух совсем тёмный от дыма, почему-то не хочется курить. Я осматриваюсь: стоят и сидят много людей. Некоторые спокойно разговаривают, другие молча торопливо курят, жадно затягиваются, бросают недокуренные папиросы и быстро выходят. Куда они торопятся? Интересно, если жадно курить, папироса делается кислой и горькой. Лучше всего курить не спеша, понемножку. Я смотрю на часы: до сеанса ещё пять минут. Нет, я, наверное, всё-таки глуп. Другие так легко знакомятся, разговаривают, смеются. Другие ужасно остроумны, говорят о футболе и о чём угодно. Спорят о кибернетике. Я бы ни за что не заговорил с девушкой о кибернетике. А Лиля жестокая, решаю я, у неё жёсткие волосы. У меня волосы мягкие. Наверное, поэтому я сижу и курю, хотя мне совсем не хочется курить. Но я всё-таки посижу ещё. Что мне делать в фойе? Опять смотреть на картины? Но ведь это плохие картины, и неизвестно, для чего их повесили. Очень хорошо, что я их раньше никогда не замечал.

Наконец звонок. Я очень медленно выхожу из курительной, разыскиваю в толпе Лилю. Не глядя друг на друга, мы идём в зрительный зал и садимся. Потом гаснет свет и начинается кинокартина.

Когда мы выходим из кино, приятель мой совсем исчезает. Это так действует на меня, что я перестаю вообще о чём-либо думать. Просто иду и молчу. На улицах нет почти никого. Быстро проносятся автомашины. Наши шаги гулко отдаются от стен и далеко слышны.

Так мы доходим до её дома. Останавливаемся опять во дворе. Поздно, уже не все окна горят, и во дворе темнее, чем было два часа назад. Много белых и розовых окон погасло, но зелёные ещё горят. Светится и голубое окно на втором этаже. Только музыки больше не слышно оттуда. Некоторое время мы стоим совершенно молча. Лилия странно ведёт себя: поднимает лицо, смотрит на окна, будто

считает их; она почти отворачивается от меня, потом начинает поправлять волосы... Наконец я очень небрежно, как бы между прочим, говорю, что нам нужно ещё встретиться завтра. Я очень рад, что во дворе темно и она не видит моих пылающих ушей.

Она согласна встретиться. Я могу прийти к ней, её окна выходят на улицу. У неё каникулы, родные уехали на дачу, и ей немного скучно. Она с удовольствием погуляет.

Я размышляю, прилично ли будет пожать ей руку на прощание. Она сама протягивает мне узкую руку, белющую в темноте, и я снова чувствую её теплоту и доверчивость.

2

На другой день я прихожу к ней засветло. Во дворе на этот раз много ребят. Двое из них с велосипедами: они собираются куда-то ехать; но, может быть, они уже приехали? Остальные стоят просто так. Мне кажется, все они смотрят на меня и отлично знают, зачем я пришёл. И я никак не могу пройти двором, я подхожу к её окнам на улицу. Я заглядываю в окно и откашливаюсь.

— Лиля, вы дома? — громко спрашиваю я. Я спрашиваю очень громко, и голос мой не дрожит. Это прямо замечательно, что у меня не прервался голос!

Да, она дома. У неё подруга. Они спорят о чём-то интересном, и я должен разрешить этот спор.

— Идите скорей! — зовёт меня Лилия.

Но мне невыносимо идти двором, я никак не могу идти двором...

— Я к вам влезу через окно! — решительно говорю я и вспрыгиваю на окно. Я очень легко и красиво вспрыгиваю на окно, перебрасываю одну ногу через подоконник и тут только замечаю насмешливое удивление подруги и замешательство Лили. Я сразу догадываюсь, что сделал какую-то неловкость, и застываю верхом на окне: одна нога на улице, другая в комнате. Я сижу и смотрю на Лилию.

— Ну, лезьте же! — нетерпеливо говорит Лилия. Брови её сходятся, и щёки всё больше краснеют.

— Не люблю летом торчать в комнатах... — бормочу я, делая высокомерное лицо. — Лучше я подожду вас на улице.

Я спрыгиваю с окна и отхожу к воротам. Как они смеются теперь надо мной! Я знаю, девчонки все жестокие и никогда нас не понимают. Зачем я пришёл сюда? Зачем мне служить посмешищем? Лучше всего мне уйти. Если побежать сейчас, то можно добежать до конца улицы и свернуть за угол, прежде чем она выйдет. Убежать или нет? Секунду я раздумываю: будет ли это удобно? Потом я поворачиваюсь и вдруг вижу Лилию. Она с подругой выходит из ворот, смотрит на меня, в глазах её ещё не погас смех, а на щеках играют ямочки.

На подругу я не смотрю. Зачем она идёт с нами? Что я буду с ними обеими делать? Я молчу, и Лилия начинает говорить с подругой. Они разговаривают, а я молчу. Когда мы проходим мимо афиш, я внимательно читаю их. Афиши можно иногда читать с конца, тогда выходят смешные гортанные слова. Доходим до угла, и тут подруга начинает прощаться. С признательностью я смотрю на неё. Она очень красивая и умная.

Подруга уходит, а мы идём на Тверской бульвар. Сколько влюблённых ходило по Тверскому бульвару! Теперь по нему идём мы. Правда, мы ещё не влюблённые. Впрочем, может быть, мы тоже влюблённые, я не знаю. Мы идём довольно далеко друг от друга. Примерно в метре друг от друга. Липы уже отцвели. Зато очень много цветов на клумбах. Они совсем не пахнут, и названий их никто, наверное, не знает.

Мы очень много говорим. Никак нельзя установить последовательности в нашем разговоре и в наших мыслях. Мы говорим о себе и о наших знакомых, мы перескакиваем с предмета на предмет и забываем то, о чём говорили минуту назад. Но нас это не смущает, у нас ещё много времени, впереди длинный, длинный вечер, и можно ещё вспомнить забытое. А ещё лучше вспоминать всё потом, ночью.

Вдруг я замечаю, что у неё расстегнулось платье. У неё чудное платье, я таких ни у кого не видел — от ворота до пояса мелкие кнопочки. И вот несколько кнопок теперь расстегнулось, а она этого не замечает. Но не может же

она ходить по улицам в расстёгнутом платье! Как бы мне сказать ей об этом? Может быть, взять и застегнуть самому? Сказать что-нибудь смешное и застегнуть, как будто это самое обыкновенное дело. Как было бы хорошо! Но нет, этого никак нельзя сделать, это просто невозможно. Тогда я отворачиваюсь, выжидаю паузу в разговоре и говорю, чтобы она застегнулась. Она сразу замолкает. А я смотрю на большую надпись, торчащую на крыше. Написано, что каждый может выиграть сто тысяч. Очень оптимистическая надпись. Вот бы нам выиграть когда-нибудь!

Потом я закуриваю. Я очень долго закуриваю. Вообще во всех трудных минутах лучше всего закурить. Это очень помогает. Потом я несмело взглядываю на неё. Платье застёгнуто, щёки у неё пламенеют, глаза делаются тёмными и строгими. Она тоже смотрит на меня, смотрит так, будто я очень изменился или узнал про неё что-то важное. Теперь мы идём уже немного ближе друг к другу.

Час проходит за часом, а мы всё ходим, говорим и ходим. По Москве можно ходить без конца. Мы выходим к Пушкинской площади, от Пушкинской спускаемся к Трубной, оттуда по Неглинке идём к Большому театру, потом к Каменному мосту... Я готов ходить бесконечно. Я только спрашиваю у неё, не устала ли она. Нет, она не устала, ей очень интересно. Гаснут фонари на улицах. Небо, дождавшись темноты, опускается ниже, звёзды становятся больше. Потом начинается тихий рассвет. На бульварах, тесно прижавшись, сидят влюблённые. На каждой скамейке по одной паре. Я смотрю на них с завистью и думаю, будем ли мы с Лилей сидеть когда-нибудь так.

На улицах совсем нет людей, только милиционеры. Они все смотрят на нас. Некоторые выразительно покашливают, когда мы проходим. Наверное, им хочется что-нибудь сказать нам, но они не говорят. Лиля наклоняет голову и ускоряет шаг. А мне почему-то смешно. Теперь мы с ней идём почти рядом. Её рука иногда касается моей. Это совсем незаметные прикосновения, но я их чувствую.

Наконец мы расстаёмся в её тихом гулком дворе. Все спят, не горит ни одно окно. Мы понижаем наши голоса почти до шёпота, но слова всё равно звучат громко, и мне кажется, нас кто-то подслушивает.

Домой я прихожу в три часа. Только сейчас я чувствую, как гудят ноги. Как же тогда устала она! Я зажигаю настольную лампу и начинаю читать. Я читаю «Замок Броуди», который дала мне Лиля. Это замечательная книга, я читаю её, и всё время вижу почему-то лицо Лили. Иногда я закрываю глаза и слышу её нежный грудной голос. Между страниц мне попадает длинный тёмный волос. Это её волос — ведь она читала «Замок Броуди». Почему я решил, что у неё жёсткие волосы? Это очень мягкий, шелковистый волос. Я осторожно сворачиваю его и кладу в том энциклопедии. Потом я спрячу его получше.

Совсем рассвело, и я не могу больше читать. Я ложусь и смотрю в окно. Мы живём очень высоко, на седьмом этаже. Из наших окон видны крыши многих домов. А вдали, там, откуда летом встаёт солнце, видна звезда Кремлёвской башни. Одна только звезда видна. Я люблю подолгу смотреть на эту звезду. Ночью, когда в Москве тихо, я слышу бой курантов. Ночью всё очень хорошо слышно. Я лежу, смотрю на звезду и думаю о Лиле.

3

А через неделю мы с матерью уезжаем на Север. Я давно мечтал об этой поездке — с самой весны. Но теперь жизнь в деревне для меня полна особенного значения.

Я впервые попадаю в леса, в настоящие дикие леса, и весь переполнен радостью первооткрывателя. У меня есть ружьё, — мне купили его, когда я окончил девять классов, — и я охочусь. Я брожу совсем один и не скучаю. Иногда я устаю. Тогда я сажусь и смотрю на широкую реку, на низкое осеннее небо. Август. И на Севере очень часто стоит плохая погода. Но и в плохую погоду и в солнце я выхожу рано утром из дому и иду в лес. Там я охочусь и собираю грибы или просто перехожу с поляны на поляну и смотрю на белые ромашки, которых здесь множество. Мало ли что можно делать в лесу! Можно сесть на берегу озера и сидеть неподвижно. Прилетят утки, с шипением опустятся совсем рядом. Сначала они будут сидеть, прямо вытянув шеи, потом начнут нырять, плескаться,

сплываться и расплываться. Я слежу за ними одними глазами, не поворачивая головы.

Потом выйдет солнце из-за туч, прорвётся через листья над моей головой и запустит золотые дрожащие пальцы глубоко в воду. Тогда становятся видными длинные ржавые стебли кувшинок. Возле стеблей показываются большие рыбы. Они застывают в солнечном луче, не шевеля ни одним плавником, будто греются или спят. И мне очень странно следить за ними. Глядя на них, сам цепенеешь и воспринимаешь всё как сквозь сон.

Мало ли что можно делать в лесу. Можно просто лежать, слушать гул сосен и думать о Лиле. Можно даже говорить с ней. Я рассказываю ей об охоте, об озёрах и лесах, о прекрасном запахе ружейного дыма, и она понимает меня, хотя женщины вообще не любят и не понимают охоты.

Иногда я возвращаюсь домой ночью. Я иду полем, и мне немного страшно. Со мной заряженное ружьё, но всё-таки я часто оглядываюсь. Очень темно. Только в небе, если долго смотреть, можно заметить слабый свет. Но на земле очень темно. Надо мной кругами беззвучно летают совы. Я вижу их, но, сколько бы я ни прислушивался, мне не удастся услышать взмахов их крыльев. Однажды я выстрелил. Сова глухо ударилась о межу и долго потом щёлкала во тьме клювом...

Через месяц я возвращаюсь в Москву. Прямо с вокзала, едва поставив чемоданы, я иду к Лиле. Вечер, её окна светятся — значит, она дома. Я подхожу к окну, пробираясь через леса¹ — её дом ремонтируют — и смотрю сквозь занавеску.

Она сидит за столом одна у настольной лампы и читает. Лицо её задумчиво. Она перевёртывает страницу, облакачивается, поднимает глаза и смотрит на лампу, наматывая на палец прядь волос. Какие у неё тёмные глаза. Почему я раньше думал, что они серые? Они совсем тёмные, почти чёрные. Я стою под лесами, пахнет штукатуркой и сосной.

¹ *Леса* — строительные подмости для рабочих при постройке или ремонте здания.

Этот сосновый запах доносится ко мне как далёкий отзвук моих охот, как воспоминание обо всём, что я оставил на Севере. За моей спиной слышны шаги прохожих. Люди идут куда-то, спешат, чётко шагая по асфальту, у них свои мысли и свои любви, они живут каждый своей жизнью. Москва оглушила меня своим шумом, огнями, запахом, многолюдством, от которых я отвык за месяц. И я с робкой радостью думаю, как хорошо, что в этом огромном городе у меня есть любимая.

— Лиля! — зову я негромко.

Она вздрагивает, брови её поднимаются. Потом она встаёт, подходит к окну, отодвигает занавеску, наклоняется ко мне, и я близко вижу её темные радостные глаза.

— Алёша! — говорит она медленно. На щеках её появляются едва заметные ямочки. — Алёша! Это ты? Это правда ты? Я сейчас выйду. Ты хочешь гулять? Я очень хочу гулять с тобой. Я сейчас выйду.

Я выбираюсь из лесов, перехожу на другую сторону и смотрю на её окна. Вот гаснет свет, проходит короткая минута, и в чёрной дыре ворот показывается фигура Лили. Она сразу замечает меня и бежит ко мне через улицу. Она хватает мои руки и долго держит их в своих руках. Мне кажется, она загорела и немного похудела. Глаза её стали ещё больше. Я слышу, как колотится её сердце и прерывается дыхание.

— Пойдём гулять! — говорит наконец она. И тут я обращаю внимание, что она говорит мне «ты». Мне очень хочется сесть или прислониться к чему-нибудь — так вдруг ослабли мои ноги. Даже после самых утомительных охот они так не дрожали.

Но мне неудобно идти с ней. Я только на минуту зашёл повидать её. Я так плохо одет. Я прямо с дороги. На мне лыжный костюм, сбитые ботинки. Костюм прожжён в нескольких местах. Это я ночевал на охоте. Когда спишь у костра, очень часто прожигашь куртку и брюки. Нет, я никак не могу идти с ней.

— Какая чепуха! — беспечно говорит она и тянет меня за руку. Ей нужно со мной поговорить. Она совсем одна, подруги ещё не приехали, родители на даче, она страшно

скучает и всё время ждала меня. При чём здесь костюм? И потом, почему я не писал? Мне, наверное, было приятно, что другие мучаются?

И вот мы опять идём по Москве. Очень странный, сумасшедший какой-то вечер. Начинается дождь, мы прячемся в гулкий подъезд и, задыхаясь от быстрого бега, смотрим на улицу. С шумом падает вода по водосточной трубе, тротуары блестят, автомашины проезжают совсем мокрые, и от них к нам ползут красные и белые змейки света, отражающегося на мокром асфальте. Потом дождь перестаёт, мы выходим, смеёмся, перепрыгиваем через лужи. Но дождь начинается с новой силой, и мы снова прячемся. На её волосах блестят капли дождя. Но ещё сильнее блестят её глаза, когда она смотрит на меня.

— Ты вспоминал обо мне? — спрашивает она. — Я почти всё время о тебе думала, хоть и не хотела. Сама не знаю почему. Ведь мы знакомы так мало. Правда? Я читала книгу и вдруг думала, понравилась бы она тебе? У тебя уши не краснели? Говорят, если думаешь долго о ком-нибудь, у него начинают уши краснеть. Я даже в Большой не пошла. Мне мама дала один билет, а я не пошла. Ты любишь оперу?

— Ещё бы! Я, может, скоро стану певцом. Мне сказали, что у меня хороший бас.

— Алёша! У тебя бас? Спой, пожалуйста! Ты потихоньку спой, и никто не услышит, одна я.

Сначала я отказываюсь. Потом я всё-таки пою. Я пою романсы и арии и не замечая, что дождь уже кончился, по тротуару идут прохожие и оглядываются на нас. Лиля тоже не замечает ничего. Она смотрит мне в лицо, и глаза её блестят.

4

Молодым быть очень плохо. Жизнь проходит быстро, тебе уже семнадцать или восемнадцать лет, а ты ещё ничего не сделал. Неизвестно даже, есть ли у тебя какие-нибудь таланты. А хочется большой, бурной жизни! Хочется писать стихи, чтобы вся страна знала их наизусть. Или сочинить героическую симфонию и выйти потом к оркестру —

бледному, во фраке, с волосами, падающими на лоб... И чтобы в ложе непременно сидела Лиля! Что ж мне делать? Что сделать, чтобы жизнь не прошла даром, чтобы каждый день был днём борьбы и побед! Я живу в тоске, меня мучит мысль, что я не герой, не открыватель. Способен ли я на подвиг? Не знаю. Способен ли я на тяжёлый труд, хватит ли у меня сил на свершение великих дел? Хуже всего то, что никто не понимает моей муки. Все смотрят на меня, как на мальчишку, даже иной раз ерошат мне волосы, будто мне ещё десять лет! И только Лилия, одна Лилия понимает меня, только с ней я могу быть до конца откровенным.

Мы давно уже занимаемся в школе: она в девятом, я — в десятом. Я решил заняться плаванием и стать чемпионом СССР, а потом и мира. Уже три месяца хожу в бассейн. Кроль — самый лучший стиль. Это самый стремительный стиль. Он мне очень нравится. Но по вечерам я люблю мечтать.

Есть зимой короткая минута, когда снег на крышах и небо делаются тёмно-голубыми в сумерках, даже лиловыми. Я стою у окна, смотрю в открытую форточку на лиловый снег, дышу нежным морозным воздухом, и мне почему-то грезятся далёкие путешествия, неизвестные страны, горы... Я голодаю, обрастаю рыжей бородой, меня печёт солнце или до костей прохватывает мороз, я даже гибну, но открываю ещё одну тайну природы. Вот жизнь! Если бы мне попасть в экспедицию!

Я начинаю ходить по трестам и главкам¹. Их много в Москве, и все они со звучными загадочными названиями. Да, экспедиции отправляются. В Среднюю Азию, и на Урал, и на Север. Да, работники нужны. Какая у меня специальность? Ах, у меня нет специальности... Очень жаль, но мне ничем не могут помочь. Мне необходимо учиться. Рабочим? Рабочих они нанимают на месте. Всего доброго!

И снова я хожу в школу, готовлю уроки... Что ж, придётся покориться обстоятельствам. Хорошо, я окончу десять

¹ Главк (сокр.: главный комитет) — название управлений, центральных учреждений.

классов и даже поступлю в институт. Мне теперь всё безразлично. Я поступлю в институт и стану потом инженером или учителем. Но в моём лице люди потеряют великого путешественника.

Наступил декабрь. Всё свободное время я провожу с Лилей. Я люблю её ещё больше. Я не знал, что любовь может быть бесконечной. Но это так. С каждым месяцем Лиля делается мне всё дороже, и уже нет жертвы, на которую я бы не пошёл ради неё. Она часто звонит мне по телефону. Мы долго разговариваем, а после разговора я никак не могу взяться за учебники. Начались сильные морозы с метелями. Мать собирается ехать в деревню, но у неё нет тёплого платка. Старинная тёплая шаль есть у тёти, которая живёт за городом. Мне нужно поехать и привезти эту шаль.

В воскресенье утром я выхожу из дому. Но вместо того чтобы ехать на вокзал, я захожу к Лиле. Мы идём с ней на каток, потом — греться в Третьяковку. В Третьяковке зимой очень тепло, там есть стулья, и на стульях можно посидеть и потихоньку поговорить. Мы бродим по залам, смотрим картины. Особенно я люблю «Девочку с персиками» Серова. Эта девочка очень похожа на Лилю. Лиля краснеет и смеётся, когда я говорю ей об этом. Иногда мы совсем забываем о картинах, разговариваем шёпотом и смотрим друг на друга. Между тем быстро темнеет. Третьяковка скоро закрывается, мы выходим на мороз, и тут я вспоминаю, что мне нужно было съездить за шалью. Я с испугом говорю об этом Лиле. Ну что ж, очень хорошо, мы сейчас же поедem за город.

И мы едем, радостные оттого, что нам не нужно расставаться. Мы сходим на платформе, засыпанной снегом, и идём дорогой через поле. Впереди и сзади темнеют фигуры людей, идущих вместе с нами с электрички. Слышны разговоры и смех, вспыхивают огоньки папирос. Иногда кто-нибудь впереди бросает окурок на дорогу. Мы подходим, он всё ещё светится. Вокруг огонька — маленькое розовое пятнышко на снегу. Мы не наступаem на него. Пусть ещё посветится во тьме. Потом мы переходим через замёрзшую реку, и под нами гулко скрипит деревянный мост. Очень сильный мороз. Мы идём тёмной просекой. По сторонам

совсем чёрные ели и сосны. Тут гораздо темнее, чем в поле. Только из окон некоторых дач падают на снег жёлтые полосы света. Многие дачи стоят совсем глухие, тёмные: в них, наверное, зимой не живут. Сильно пахнет берёзовыми почками и чистым снегом, в Москве так никогда не пахнет.

Наконец мы подходим к дому моей тёти. Почему-то мне представляется невозможным заходить к ней вместе с Лилей.

— Лилия, ты подождёшь меня немного? — нерешительно прошу я. — Я очень скоро.

— Хорошо, — соглашается она. — Только недолго. Я совсем замёрзла. У меня замёрзли ноги. И лицо. Нет, ты не думай, я рада, что поехала с тобой! Только ты недолго, правда?

Я ухожу, оставляя её на тёмной просеке совсем одну. У меня очень нехорошо на сердце.

Тётя и двоюродная сестра удивлены и обрадованы. Почему я так поздно? Как я вырос! Совсем мужчина. Наверное, я останусь ночевать?

— Как здоровье мамы?

— Спасибо, очень хорошо.

— Папа работает?

— Да, папа работает.

— Всё там же? А как здоровье дяди?

Господи, тысячи вопросов! Сестра смотрит расписание поездов. Ближайший обратный поезд идёт в одиннадцать часов. Я должен раздеться и выпить чаю. И потом я должен дать им посмотреть на себя и рассказать обо всём. Ведь я не был у них целый год. Год — это очень много.

Меня насильно раздевают. Топится печка, ярко горит лампа в розовом абажуре, стучат старинные часы. Очень тепло и очень хочется чаю. Но на тёмной просеке меня ждёт Лилия!

Наконец я говорю:

— Простите, но я очень спешу... Дело в том, что я не один. Меня на улице ждёт... один приятель.

Как меня ругают! Я совсем невоспитанный человек. Разве можно оставлять человека на улице в такой холод! Сестра выбегает в сад, я слышу под окном хруст её шагов.

Немного погода хрустит снег, и сестра вводит в комнату Лилю. Она совсем белая. Её раздевают и сажают к печке. На ноги ей надевают тёплые валенки.

Понемногу мы отогреваемся. Потом садимся пить чай. Лиля стала пунцовой от тепла и смущения. Она почти не поднимает глаз от чашки, только изредка страшно серьёзно взглядывает на меня. Но щёки её напряжены, и на них дрожат ямочки. Я уже знаю, что это значит, и очень счастлив! Я выпил уже пять стаканов чаю.

Потом мы встаём из-за стола. Пора ехать. Мы одеваемся, мне дают шаль. Но вдруг раздумывают, велят Лиле раздеться, укутывают её шалью и сверху натягивают пальто. Она очень толстая теперь, лицо её почти всё закрыто шалью, только блестят глаза.

Мы выходим на улицу и первое время ничего не видим. Лиля крепко держится за меня. Отойдя от дома, мы начинаем немного различать тропинку. Лиля вдруг начинает хохотать. Она даже падает два раза, и мне приходится поднимать её и вытряхивать снег из рукавов.

— Какой у тебя был вид! — еле выговаривает она. — Ты смотрел на меня, как страус, когда меня привели!

Я тоже хохочу во всё горло.

— Алёша! — вдруг со сладким ужасом говорит она. — А ведь нас могут остановить!

— Кто?

— Ну, мало ли кто! Бандиты... Они могут нас убить.

— Ерунда! — говорю я громко.

Кажется, я говорю это слишком громко. И почему-то вдруг начинаю чувствовать, что на улице мороз. Он даже как будто покрепчал, пока мы пили чай и разговаривали.

— Ерунда! — опять повторяю я. — Никого здесь нет!

— А вдруг есть? — быстро спрашивает Лиля и оглядывается.

Я тоже оглядываюсь.

— Ты боишься? — звонко спрашивает она.

— Нет! Хотя... А ты боишься?

— Ах, я страшно боюсь! Нас определённо разденут. У меня предчувствие.

— Ты веришь предчувствиям?

— Верю. Зачем я поехала? Впрочем, я рада всё равно, что поехала.

— Да?

— Да! Если даже нас разденут и убьют, я всё равно не пожалею. А ты? Ты согласился бы умереть ради меня?

Я молчу и только крепче сжимаю её руку. Если бы мне только представился случай, чтобы доказать ей свою любовь!

— Алёша...

— Да?

— Я у тебя хочу спросить... Только ты не смотри на меня. Не смей заглядывать мне в лицо! Да... о чём я хотела? Отвернись!

— Ну вот, я отвернулся. Только ты смотри на дорогу. А то мы споткнёмся.

— Это ничего, я в платке, мне не больно падать.

— Да?

— Алёша... Ты целовался когда-нибудь?

— Нет. Никогда не целовался. А что?

— Совсем никогда?

— Я целовался один раз... Но это было в первом классе. Я поцеловал одну девочку. Я даже не помню, как её звать.

— Правда? Ты не помнишь её имени?

— Нет, не помню.

— Тогда это не считается. Ты был ещё мальчик.

— Да, я был мальчик.

— Алёша... Ты хочешь меня поцеловать?

Я всё-таки спотыкаюсь. Теперь я не отворачиваюсь больше, я внимательно смотрю на дорогу.

— Когда? Сейчас? — спрашиваю я.

— Нет, нет... Если мы дойдём до станции и нас не убьют, тогда на станции я тебя поцелую.

Я молчу. Мороз, кажется, послабел. Я совсем его не чувствую. Очень горят щёки. И жарко. Или мы так быстро идём?

— Алёша...

— Да?

— Я совсем ни с кем не целовалась.

Я молча взглядываю на звёзды. Потом я смотрю вперёд, на желтоватое зарево огней над Москвой. До Москвы тридцать километров, но зарево её огней видно. Как всё-таки чудесна жизнь!

— Это, наверное, стыдно — целоваться? Тебе было стыдно?

— Я не помню, это было так давно... По-моему, это не особенно стыдно.

— Да, это было давно. Но всё-таки это, наверное, стыдно.

Мы идём уже полем. На этот раз мы совсем одни в пустом поле. Ни души не видно ни впереди, ни сзади. Никто не бросает на дорогу горящих окурков. Только звонко скрипят наши шаги. Вдруг впереди вспыхивает светлячок, похожий на далёкую свечку. Он вспыхивает, качается некоторое время и гаснет. Потом опять зажигается, но уже близко. Мы смотрим на этот огонёк и наконец догадываемся: это электрический фонарик. Потом мы замечаем маленькие чёрные фигуры. Они идут нам навстречу от станции. Может быть, это приехавшие на электричке? Нет, электричка не проходила, мы не слышали никакого шума.

— Ну вот... — говорит Лиля и крепче прижимается ко мне. — Я так и знала. Сейчас нас убьют. Это бандиты.

Что я могу ей сказать? Я ничего не говорю. Мы идём навстречу чёрным фигурам, мы очень медленно идём. Я вглядываюсь, считаю: шесть человек. Нащупываю в кармане ключ и вдруг испытываю прилив горячего восторга и отваги. Как я буду драться с ними! Я задыхаюсь от волнения, сердце моё бурно колотится. Они громко говорят о чём-то, но шагах в двадцати от нас замолкают.

— Лучше бы я тебя поцеловала, — печально говорит Лиля. — Я очень жалею...

И вот мы встречаемся на дороге среди пустынного поля. Шестеро останавливаются, зажигают фонарик, его слабый красноватый луч, скользя по снегу, падает на нас. Мы щуримся. Нас оглядывают и молчат. У двоих распахнуты пальто. Один торопливо докуривает папиросу, сплёвывает в снег. Я жду оклика или удара. Но нас не окликают. Мы проходим.

— А девочка ничего, — сожалеюще замечает кто-то сзади. — Эй, малый, не робей! А то отобьём!

— Ты испугался, да? — спрашивает Лиля немного погодя.

— Нет! Я только за тебя боялся...

— За меня? — Она сбоку странно смотрит на меня и замедляет шаги. — А я ни капельки не боялась! Мне только платка жалко было.

Больше до самой станции мы не говорим. У станции Лиля, становясь на цыпочки и обсыпаясь снегом, срывает веточку сосны и суёт в карман. Потом мы поднимаемся на платформу. Никого нет. У кассы горит одна лампочка, и снег на платформе блестит, как соль. Мы начинаем топтать: очень холодно. Лиля вдруг отходит от меня и прислоняется к перилам. Я стою на краю платформы, над рельсами, и вытягиваю шею, стараюсь увидеть огонёк электрички.

— Алёша... — зовет меня Лиля. У неё странный голос. Я подхожу. Ноги мои дрожат, мне делается вдруг чего-то страшно.

— Прижмись ко мне, Алёша, — просит Лиля. — Я совсем замёрзла.

Я обнимаю её и прижимаюсь к ней, и моё лицо почти касается её лица. Я близко вижу её глаза. Я впервые так близко вижу её глаза. На ресницах у неё густой иней, волосы выбились из-под шали, и на них тоже иней. Какие у неё большие глаза и какой испуганный взгляд! Снег скрипит у нас под ногами. Мы стоим неподвижно, но он скрипит. Сзади раздаётся вдруг звонкий щелчок. Он сухо катится по доскам, как по льду на реке, и затихает где-то на краю платформы. Почему мы молчим? Впрочем, совсем не хочется говорить.

Лилия шевелит губами. Глаза её делаются совсем чёрными.

— Что же ты не целуешь меня? — слабо шепчет она. Пар от нашего дыхания смешивается. Я смотрю на её губы. Они опять шевелятся и приоткрываются. Я нагибаюсь и долго целую их, и весь мир начинает бесшумно кружиться. Они тёплые. Во время поцелуя Лиля смотрит на меня, прикрыв пушистые ресницы. Она целуется и смотрит на меня, и теперь я вижу, как она меня любит.

Так мы целуемся в первый раз. Потом она прижимается холодной щекой к моему лицу, и мы стоим не шевелясь. Я смотрю поверх её плеча, в тёмный зимний лес за платформой. Я чувствую на лице её тёплое детское дыхание и слышу торопливый стук её сердца, а она, наверное, слышит стук моего сердца. Потом она шевелится и затаивает дыхание. Я отклоняюсь, нахожу её губы и опять целую. На этот раз она закрывает глаза.

Вдали слышен низкий гудок, сверкает ослепительная звёздочка. Подходит электричка. Через минуту мы входим в светлый и тёплый вагон, со стуком захлопываем за собой дверь и садимся на тёплую лавочку. Людей в вагоне мало. Одни читают, шуршат газетами, другие дремлют, покачиваясь вместе с вагоном. Лиля молчит и всю дорогу смотрит в окно, хоть стёкла замёрзли, на дворе ночь и решительно ничего нельзя увидеть.

5

Наверное, никогда невозможно с точностью указать минуту, когда пришла к тебе любовь. И я никак не могу решить, когда я полюбил Лилю. Может быть, тогда, когда я, одинокий, бродил по Северу? А может, во время поцелуя на платформе? Или тогда, когда она впервые подала мне руку и нежно сказала своё имя: Лилия? Я не знаю. Я только одно знаю, что теперь уж я не могу без неё. Вся моя жизнь теперь делится на две части: до неё и при ней. Как бы я жил и что значил без неё? Я даже думать об этом не хочу, как не хочу думать о возможной смерти моих близких.

Зима наша прошла чудесно. Всё было наше, всё было общее: прошлое и будущее, радость и вся жизнь до последнего дыхания. Какое счастливое время, какие дни, какое головокружение!

Но весной я начинаю кое-что замечать. Нет, я ничего не замечаю, я только чувствую с болью, что наступает что-то новое. Это даже трудно выразить. Просто у нас обнаруживается разница в характерах. Ей не нравятся мои взгляды, она смеётся над моими мечтами, смеётся жестоко, и мы несколько раз ссоримся. Потом... Потом всё катится под гору,

всё быстрее, всё ужаснее. Всё чаще её не оказывается дома, всё чаще разговоры наши делаются неестественно весёлыми и пустыми. Я чувствую, как уходит она от меня с каждым разом всё дальше, всё дальше...

Сколько в мире девушек, которым по семнадцать лет! Но ты знаешь одну, только одной ты смотришь в глаза, видишь их блеск, и глубину, и влажность, только её голос трогает тебя до слёз, только её руки ты боишься даже поцеловать. Она говорит с тобой, слушает тебя, смеётся, молчит, и ты видишь, что ты единственный ей нужен, что только тобой она живёт и для тебя, что тебя одного она любит, так же, как и ты её.

Но вот ты с ужасом замечаешь, что глаза её, прежде отдававшие тебе свою теплоту, свой блеск, свою жизнь, глаза её теперь равнодушны, ушли в себя и что вся она ушла от тебя в такую дальнюю даль, где тебе её уже не достать, откуда не вернуть её. Самые священные твои порывы, затаённые и гордые мысли — не для неё, и сам ты со своей сложностью и красотой своей души — не для неё. Ты гонишься за нею, ты напрягаешься, усиливаешься, но всё мимо, мимо, всё не то и не так. Она ускользнула, ушла, она где-то у себя, в своём чудесном неповторимом мире, а тебе нет туда доступа, ты грешник — и рай не для тебя. Какое же отчаяние, злоба, сожаление и горе охватывают тебя! Ты опустошён, обманут, уничтожен и несчастен! Всё ушло, и ты стоишь с пустыми руками, и впору тебе упасть и кричать, взывая к неведомому Богу о своей боли и бессилии. И когда ты упадёшь и закричишь, она взглянет на тебя, в глазах её появится испуг, удивление, жалость — всё, но того, что тебе надо, не появится, и единственного взгляда ты не получишь, её любовь, её жизнь не для тебя. Ты даже можешь стать героем, гением, человеком, которым будет гордиться страна, но единственного взгляда ты никогда не получишь. Как больно! Как тяжело жить!

И вот уже весна... Много солнца и света, голубое небо, липы на бульварах начинают тонко пахнуть. Все бодро оживлены, все собираются встречать май. И я, как и все, тоже собираюсь. Мне подарили к маю сто рублей — теперь я самый богатый человек! И у меня впереди целых три

свободных дня. Три дня, которые я проведу с Лилей — не станет же она и в эти дни готовиться к экзаменам! Нет, я не пойду никуда, никакие компании мне не нужны, я буду эти дни вместе с ней. Мы так давно не были вместе...

Но она не может быть со мной. Ей нужно ехать на дачу к больному дяде. Её дядя болен, и ему скучно, он хочет встретить май в кругу родных, и вот они едут — её родители и она. Прекрасно! Очень хорошо встретить май на даче. Но мне так хочется побыть с ней... Может быть, второго мая?

Второго? Она раздумывает, наморщив лоб, и слегка краснеет. Да, может быть, она вырвется... Конечно, она очень хочет! Мы ведь так давно не были вместе. Итак, второго вечером, у Телеграфа на улице Горького.

В назначенный час я стою у Телеграфа. Как много здесь народу! Над моей головой глобус. Ещё сумерки, но он уже светится — голубой, с жёлтыми материками — и тихонько крутится. Полыхает иллюминация: золотые колосья, голубые и зелёные искры. От света иллюминации лица у всех очень красивые. У меня в кармане сто рублей. Я их не истратил вчера, и они со мной — мало ли куда мы можем пойти сегодня. В парк или в кино... Я терпеливо жду. Кругом все нервничают, но я удивительно спокоен.

По улице, прямо посередине, идут толпы людей. Как много девушек и ребят, и все поют, кричат что-то, играют на аккордеонах. На всех домах флаги, лозунги, много огней. Поют песни, и мне тоже хочется запеть, ведь у меня хороший голос. У меня бас. Я когда-то мечтал стать певцом. О многом я мечтал...

Вдруг я вижу Лилю. Она пробирается ко мне. Поднимается по ступенькам, и на неё все оглядываются — так она красива. Я никогда не видел её такой красивой. Сердце моё начинает колотиться. Она быстро оглядывает всех, глаза её перебегают по лицам, ищут кого-то. Они ищут меня. Я делаю шаг ей навстречу, один только шаг, и вдруг острая боль ударяет меня в сердце, и во рту становится сухо. Она не одна! Рядом с ней стоит парень в шляпе и смотрит на меня. Он красивый, этот парень, и он держит её под руку. Да, он держит её под руку, тогда как я только на второй месяц осмелился взять её под руку.

— Здравствуй, Алёша, — говорит Лиля. Голос у неё немного дрожит, в глазах смущение. Только небольшое смущение, совсем маленькое. — Ты давно ждёшь? Мы, кажется, опоздали...

Она смотрит на большие часы под глобусом и чуть хмурится. Потом она поворачивает голову и смотрит на парня. У неё очень нежная шея, когда она смотрит на него. Смотрела ли она так на меня?

— Познакомьтесь, пожалуйста!

Мы знакомимся. Он крепко жмёт мне руку. В его пожатии уверенность.

— Ты знаешь, Алёша, сегодня у нас с тобой ничего не выйдет. Мы идём сейчас в Большой театр... Ты не обижаешься?

— Нет, я не обижаюсь.

— Ты проводишь нас немножко? Тебе ведь всё равно сейчас нечего делать.

— Провожу. Мне действительно нечего делать.

Мы вливаемся в поток и вместе с потоком движемся вниз, к Охотному ряду. Зачем я иду? Что со мной делается? Кругом поют. Играют аккордеоны. На крышах домов гремят репродукторы¹. В кармане у меня сто рублей! Совсем новая хрустящая бумажка в сто рублей. Но зачем я иду, куда я иду!

— Ну, как дядя? — спрашиваю я.

— Дядя? Какой дядя?.. Ах, ты про вчерашнее? — Она закусывает губу и быстро взглядывает на парня. — Дядя поправляется... Мы очень здорово встретили май, так весело было! Танцевали... А ты? Ты хорошо встретил?

— Я? Очень хорошо.

— Ну, я рада!

Мы заворачиваем к Большому театру. Мы идём все рядом, втроём. Теперь не я держу её под руку. Её руку держит этот красивый парень. И она уже не со мной, она с ним. Она сейчас за тысячу вёрст от меня. Почему у меня першит в горле? И щиплет глаза? Заболел я, что ли? Дохо-

¹ Репро́дуктор — громкоговоритель.

дим до Большого театра, останавливаемся. Молчим. Совершенно не о чем говорить. Я вижу, как парень легонько сжимает её локоть.

— Ну мы пойдём. До свидания! — говорит Лиля и улыбается мне. Какая у неё виноватая и в то же время отсутствующая улыбка!

Яжимаю её руку. Всё-таки у неё прекрасная рука. Они поворачиваются и неторопливо идут под колонны. А я стою и смотрю ей вслед. Она очень выросла за этот год. Ей уже семнадцать лет. У неё легкая фигура. Где я впервые увидел её фигуру? Ах, да, в чёрной дыре ворот, когда я приехал с Севера. Тогда её фигура поразила меня. Потом я любовался ею в Колонном зале и в Консерватории. Потом на школьном балу... Изумительный зимний бал! А сейчас она уходит и не оглядывается. Раньше она всегда оглядывалась, когда уходила. Иногда она даже возвращалась, внимательно смотрела мне в лицо и спрашивала:

— Ты что-то хочешь мне сказать?

— Нет, ничего, — отвечал я со смехом, счастливый оттого, что она вернулась.

Она быстро оглядывалась по сторонам и говорила:

— Поцелуй меня!

И я целовал её, пахнущую морозом, на площади или на углу улицы. Она любила эти мгновенные поцелуи на улице.

— Откуда им знать! — говорила она о людях, которые могли увидеть наш поцелуй. — Они ничего не знают! Может, мы брат и сестра. Правда?

Теперь она не оглядывается. Я стою, и мимо меня идут люди, обходят меня, как стол, как вещь. То и дело слышен смех. Идут по двое, и по трое, и целыми группами, — совсем нет одиноких. Одиному невыносимо на праздничной улице. Одинокие, наверное, сидят дома. Я стою и смотрю... Вот они уже скрылись в освещённом подъезде. Весь вечер они будут слушать оперу, наслаждаясь своей близостью. Надо мной в фиолетовом небе летит и никак не может улететь крылатая четвёрка коней. И в кармане у меня сто рублей. Совсем новая бумажка, которую я не истратил вчера...

Прошёл год. Мир не разрушился, жизнь не остановилась. Я почти позабыл о Лиле. Да, я забыл о ней. Вернее, я старался не думать о ней. Зачем думать? Один раз я встретился с ней на улице. Правда, у меня похолодела спина, но я держался ровно. Я совсем потерял интерес к её жизни. Я не спрашивал, как она живёт, а она не спросила, как живу я. Хотя у меня произошло за это время много нового. Год — это ведь очень много!

Я учусь в институте. Я очень хорошо учусь, никто не отвлекает меня от учёбы, никто не зовёт меня гулять. У меня много общественной работы. Я занимаюсь плаванием и уже выполнил норму первого разряда. Наконец-то я овладел кролем. Кроль — самый стремительный стиль. Впрочем, это не важно.

Однажды я получил от неё письмо. Опять весна, снова май, лёгкий май, у меня очень легко на душе. Я люблю весну. Я сдаю экзамены и перехожу на второй курс. И вот я получаю от неё письмо. Она пишет, что вышла замуж. Ещё она пишет, что уезжает с мужем на Север и очень просит прийти проводить её. Она называет меня «милый», и она пишет в конце письма: «Твоя старая, старая знакомая».

Я долго сижу и смотрю на обои. У нас красивые обои с очень замысловатым рисунком. Я люблю смотреть на эти рисунки. Конечно, я провожу её, раз она хочет. Почему бы нет? Она не враг мой, она не сделала мне ничего плохого. Я провожу её, тем более что я давно всё забыл: мало ли чего не бывает в жизни! Разве всё запомнишь, что случилось с тобой год назад!

И я еду на вокзал в тот день и час, которые написала она мне в письме. Долго ищу я её на перроне, наконец нахожу. Я увидел её внезапно и даже вздрогнул. Она стоит в светлом платье с открытыми руками, и первый загар уже тронул её руки и лицо. У неё по-прежнему нежные руки. Но лицо изменилось, оно стало лицом женщины. Она уже не девочка, нет, не девочка... С ней стоят родные и муж — тот самый парень. Они все громко говорят и смеются, но я замечаю, как Лиля нетерпеливо оглядывается: она ждёт меня.

Я подхожу. Она тотчас берёт меня под руку.

— Я на одну минуту, — говорит она мужу с нежной улыбкой.

Муж кивает и приветливо смотрит на меня. Да, он меня помнит. Он великодушно протягивает мне руку. Потом мы с Лилей отходим.

— Ну вот я и дама, и уезжаю, и прощай, Москва, — говорит Лиля и грустно смотрит на башни вокзала. — Я рада, что ты приехал. Странно как-то всё... Ты очень вырос. Как ты живёшь?

— Хорошо, — отвечаю я и пытаюсь улыбнуться. Но улыбка у меня не получается, почему-то деревенеет лицо. Лиля внимательно смотрит на меня, лоб её перерезает морщинка. Это у неё всегда, когда она думает.

— Что с тобой? — спрашивает она.

— Ничего. Я просто рад за тебя... Давно вы поженились?

— Всего неделю. Это такое счастье!

— Да, это счастье.

Лилия смеётся.

— Откуда тебе знать! Но постой, у тебя очень странное лицо!

— Это кажется. Это от солнца. Потом, я немного устал, у меня ведь экзамены. Немецкий...

— Проклятый немецкий? — смеётся она. — Помнишь, я тебе помогала?

— Да, я помню. — Я раздвигаю губы и улыбаюсь.

— Слушай, Алёша, в чём дело? — тревожно спрашивает Лиля, придвигаясь ко мне. И я опять близко вижу её прекрасное лицо, из которого уже ушло что-то. Да, оно переменялось, оно теперь почти чужое мне. Лучше ли оно стало, я не могу решить. — Ты скрываешь что-то, — с упрёком говорит она. — Раньше ты был не такой!

— Нет, нет, ты ошибаешься, — убеждённо говорю я. — Просто я не спал ночь.

Она смотрит на часы. Потом оглядывается. Муж кивает ей.

— Сейчас! — кричит она ему и снова берёт меня за руку. — Ты знаешь, как я счастлива! Порадуйся же за меня. Мы едем на Север, на работу... Помнишь, как ты рассказывал мне о Севере? Вот... Ты рад за меня?

Зачем, зачем она спрашивает у меня об этом? Вдруг она начинает смеяться.

— Ты знаешь, я вспомнила... Помнишь, зимой на платформе мы с тобой поцеловались? Я тебя поцеловала, а ты дрожал так, что платформа скрипела. Ха-ха-ха... У тебя был тогда глупый вид.

Она смеётся. Потом смотрит на меня весёлыми серыми глазами. Днём глаза у неё серые. Только вечером они кажутся тёмными. На щеках у неё дрожат ямочки.

— Какие мы дураки были! — беспечно говорит она и оглядывается на мужа. Во взгляде её нежность.

— Да, мы были дураки, — соглашаюсь я.

— Нет, дураки — не так, не то... Мы были просто глупые дети. Правда?

— Да, мы были глупые дети.

Впереди загорается зелёный огонёк светофора. Лиля идёт к вагону. Её ждут.

— Ну, прощай! — говорит она. — Нет, до свиданья! Я тебе напишу, обязательно!

— Хорошо.

Я знаю, что она не напишет. Зачем? И она знает это. Она искоса взглядывает на меня и немного краснеет.

— Я всё-таки рада, что ты пришёл проводить. И, конечно, без цветов! Ты никогда не подарил мне ни одного цветка!

— Да, я не подарил тебе ничего...

Она оставляет мою руку, берёт под руку мужа, и они поднимаются на площадку вагона. Мы остаёмся внизу на платформе. Её родные что-то спрашивают у меня, но я ничего не понимаю. Впереди низко и долго гудит электровоз. Вагоны трогаются. Удивительно мягко трогает электровоз вагоны! Все улыбаются, машут платками, кепками, кричат, идут рядом с вагонами. Играют сразу две или три гармошки в разных местах, в одном вагоне громко поют. Наверно, студенты. Лиля уже далеко. Одной рукой она держится за плечо мужа, другой машет нам. Даже издали видно, какие нежные у неё руки. И ещё видно, какая счастливая у неё улыбка.

Поезд уходит. Я закуриваю, засовываю руки в карманы и с потоком провожающих иду к выходу на площадь.

Я сжимаю папиросу в зубах и смотрю на серебристые фонарные столбы. Они очень блестят от солнца, даже глазам больно. И я опускаю глаза. Теперь можно признаться: весь год во мне всё-таки жила надежда. Теперь всё кончено. Ну что ж, я рад за неё, честное слово, рад! Только почему-то очень болит сердце.

Обычное дело, девушка вышла замуж — это ведь всегда так случается. Девушка выходит замуж, это очень хорошо. Плохо только, что я не могу плакать. Последний раз я плакал в пятнадцать лет. Теперь мне двадцатый. И сердце стоит в горле и поднимается всё выше — скоро его можно будет жевать, а я не могу плакать. Очень хорошо, что девушки выходят замуж...

Я выхожу на площадь, в глаза мне бросается циферблат часов на Казанском вокзале. Станные фигуры вместо цифр — я никогда не мог в них разобраться. Я подхожу к газировщице. Сначала я прошу с сиропом, но потом раздумываю и прошу чистой воды. Неловко пить с сиропом, когда сердце подступает к горлу. Я беру холодный стакан и набираю в рот воды, но не могу проглотить. Кое-как я глотаю, наконец, всего один глоток. Кажется, стало легче.

Потом я спускаюсь в метро. Что-то случилось с моим лицом: я замечаю, что многие пристально на меня смотрят. Дома я некоторое время думаю о Лиле. Потом я снова начинаю рассматривать узоры на обоях. Если заглядеться на них, можно увидеть много любопытного. Можно увидеть джунгли и слонов с задранными хоботами. Или фигуры странных людей в беретах и плащах. Или лица своих знакомых. Только Лилиного лица нет на обоях...

Наверное, она сейчас проезжает мимо той платформы, на которой мы поцеловались в первый раз. Только сейчас платформа вся в зелени. Посмотрит ли она на эту платформу? Подумает ли обо мне? Впрочем, зачем ей смотреть? Она смотрит сейчас на своего мужа. Она его любит. Он очень красивый, её муж.

7

Ничто не вечно в этом мире, даже горе. А жизнь не останавливается. Нет, никогда не останавливается жизнь, властно входит в твою душу, и все твои печали развеива-

ются как дым, маленькие человеческие печали, совсем маленькие по сравнению с жизнью. Так прекрасно устроен мир.

Теперь я кончаю институт. Кончилась моя юность, отошла далеко-далеко, навсегда. И это хорошо: я взрослый человек и всё могу, и мне не ерошат волосы, как ребёнку. Скоро я поеду на Север. Не знаю, почему-то меня всё тянет на Север. Наверное, потому, что я там охотился когда-то и был счастлив. Лилю я совсем забыл, ведь столько лет прошло! Было бы очень трудно жить, если бы ничто не забывалось. Но, к счастью, многое забывается. Конечно, она так и не написала мне с Севера. Где она — я не знаю, да и не хочу знать. Я о ней совсем не думаю. Жизнь у меня хороша. Правда, не стал я ни поэтом, ни музыкантом... Ну что ж, не всем быть поэтами! Спортивные соревнования, конференции, практика, экзамены — всё это очень занимает меня, ни одной минуты нет свободной. Кроме того, я научился танцевать, познакомился со многими красивыми и умными девушками, встречаюсь с ними, в некоторых влюбляюсь, и они влюбляются в меня...

Но иногда мне снится Лиля. Она приходит ко мне во сне, и я вновь слышу её голос, её нежный смех, трогаю её руки, говорю с ней — о чём, я не помню. Иногда она печальна и темна, иногда радостна, на щеках её дрожат ямочки, очень маленькие, совсем незаметные для чужого взгляда. И я тогда вновь оживаю, и тоже смеюсь, и чувствую себя юным и застенчивым, будто мне по-прежнему семнадцать лет и я люблю впервые в жизни.

Я просыпаюсь утром, еду в институт на лекции, дежурю в профкоме или выступаю на комсомольском собрании. Но мне почему-то тяжело в этот день и хочется побыть одному, посидеть где-нибудь с закрытыми глазами.

Но это бывает редко: раза четыре в год. И потом, это всё сны. Сны, сны... Непрошенные сны!

Я не хочу снов. Я люблю, когда мне снится музыка. Говорят, если спать на правом боку, сны перестанут сниться. Я стану спать теперь на правом боку. Я буду спать крепко и утром просыпаться весёлым. Жизнь ведь так прекрасна!

Ах, Господи, как я не хочу снов!

1956

Какое впечатление произвёл на вас рассказ Ю. П. Казакова «Голубое и зелёное»? Что вам понравилось в нём? Какие чувства и мысли возникли во время чтения и после него? Что взволновало или тронуло? Может, возмутило?

* * *

1. Попытаемся охватить рассказ одним взглядом. Это история отношений двоих — история несчастливой любви. Почему так случилось? Кто в этом виноват? Есть ли тут вообще чья-либо вина? Этот ли вопрос занимает писателя? На чём сосредоточено внимание автора? Каков замысел рассказа?
2. От чьего имени ведётся повествование? Какие особенности рассказа с этим связаны? Не кажется ли вам, что первые главки похожи на дневниковые записи или на рассказ взрослого человека о своей первой любви? Каким настроением они пронизаны?
3. Перечитаем первые 3—4 абзаца. Прислушаемся к их звучанию. Они имеют свой ритм, мелодию. А по содержанию? Это впечатления от знакомства, от новой, незнакомой роли. Отсюда обострённое восприятие окружающего — в цвете, в звуковом сопровождении. Алёша как бы по-новому видит, слышит, чувствует привычное. Он «весь во власти необыкновенного ритма и серебряного звука трубы».
4. Перечитаем первую, вторую, третью главки. Как раскрывается в них внутренний мир рассказчика, его поэтичность, чистота, высокая духовность? Как он воспринимает природу? Как он переживает разлуку?
5. Почему с грустной ноты начинается пятая главка? Почему хочется отыскать «минуту, когда пришла к тебе любовь»? Не потому ли, что она уходит? Каковы причины охлаждения Лили? Что испытывает чуткий и внимательный Алёша? Как автор передаёт его состояние?
6. Как оценить поступки Лили, когда она на свидание с Алёшей приходит с парнем, а потом, уезжая, приглашает его, Алёшу, на вокзал?
7. Какие чувства испытывает Алёша, глядя на парня Лили во время их встречи? В главке пятой мы читаем: «Она ускользнула, ушла, она где-то у себя... а тебе нет туда доступа... Какое же отчаяние, злоба, сожаление и горе охватывают тебя! Ты опустошён, обманут, уничтожен, несчастен!» Есть ли следы этих чувств и мыслей у Алёши во время встреч на улице Горького и на вокзале?

Почему? Какие психологические детали изображают его душевное состояние? Каков ход мыслей и чувств героя?

8. Обратили ли вы внимание на то, что шестая и седьмая главки начинаются в одной тональности и даже сходными оборотами? И в той, и в другой главках общий мотив можно свести к фразе: «Прошёл год. И я почти забыл о Лиле». Концовки обеих — последний абзац в шестой и три последних в седьмой — о Лиле, о любви. Что по тональности этих глав и их содержанию можно сказать об Алёше как личности, о глубине его чувств?
9. Какую роль играет в рассказе четвёртая главка? Что нового мы узнаем о героях? Как её содержание уточняет ваши представления о Лиле и Алёше, передавая как бы новый этап в развитии их отношений?

* * *

1. Какова, на ваш взгляд, главная проблема этого рассказа?
2. Какую роль в охлаждении Лили сыграло то, что Алёша называет «разницей в характерах» («Ей не нравятся мои взгляды, она смеётся над моими мечтами, смеётся жестоко, и мы несколько раз ссоримся»)?
3. Почему автор сосредоточил своё внимание на переживаниях Алёши, а чувства и настроения Лили не раскрывает так детально, и они видны лишь в её поступках? Как писатель оценивает юную героиню?
4. Любовь счастливая, взаимная, несчастливая, безответная... Что каждому из героев нужно для счастья? Что дала каждому из них школа чувств, которую они прошли?
5. Каковы представления автора о гармоничной личности, полноценной человеческой судьбе?
6. В чём вы увидели мастерство писателя в этом произведении?

В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА СЛОВА

Мы уже упоминали о ритме, мелодии прозы Казакова. Попробуем её услышать более явственно. Рассказ написан короткими фразами, большая часть которых при медленном выразительном чтении отчётливо делится на три речевых отрезка. Например:

«— Лиля, — / говорит она глубоким, грудным голосом / и подаёт мне горячую маленькую руку.

Я осторожно беру её руку, / пожимаю / и отпускаю. Я бормочу при этом / своё имя. Кажется, / я не сразу даже сообразил, / что нужно назвать своё имя. Рука, / которую я только что отпустил, / нежно белеет в темноте. Какая необыкновенная, / нежная рука! — /с восторгом думаю я».

Прочитайте эти фразы с обозначенными паузами, и вы услышите ритм: раз-два-три, раз-два-три. Это ритм вальса с его неустойчивостью, замедленностью. На первой странице произведения только одна фраза имеет семь таких тактов. Из двадцати двух абзацев первой части рассказа одиннадцать начинаются короткой фразой в один такт. Почти весь текст состоит из трёхтактных фраз. В этом, думается, один из секретов обаяния, музыкальности и необыкновенной поэтичности рассказа. Разумеется, не в одном этом, а в общем колорите отношений героев, передаче их чувств, настроений. Но избранный писателем ритмический рисунок прослеживается во всем тексте и создаёт как бы поле эмоционального напряжения, воспринимаемого читателем дополнительно к значениям слов и отдельных предложений. Случайно ли в рассказе семь частей? Как семь нот, семь цветов радуги?

Вы не задумывались над смыслом названия рассказа «Голубое и зелёное»? Голубое и зелёное — краски весны, поры обновления в природе, поры любви. В 1950—1960-е годы был очень популярен фильм «Сердца четырёх» (музыкальная комедия). В нём звучала, а потом распевалась всеми песенка с таким текстом:

«Всё стало вокруг голубым и зелёным,
В ручьях забурлила, запела вода.
Вся жизнь потекла по весенним законам,
Теперь от любви не уйти никуда,
Не уйти никуда».

В ней были ещё такие слова: «Любовь никогда не бывает без грусти, // Но это приятней, чем грусть без любви». Пелась песенка на мелодию вальса. Не отсюда ли вальсовый ритм рассказа? Писательская интуиция подсказала Ю. П. Казакову, что этот ритмический ключ как нельзя лучше соответствует характеру и настроениям главного героя, которого не поняла и не оценила любимая девушка.

Русскоязычная литература Беларуси

Русскоязычная литература Беларуси — это сложный культурный феномен, научное изучение которого только начинается. Некоторые исследователи утверждают, что первым русскоязычным писателем Беларуси был *С. Полоцкий* (1629—1680), выдающийся поэт и просветитель. Он заложил основы русского силлабического¹ стихосложения. С. Полоцкий приравнивал поэтическое творчество к акту Творения. Эта метафора отчётливо декларируется в сборнике стихотворений «Вертоград многоцветный».

К русской литературе Беларуси относят и творчество замечательного поэта и философа, уроженца Глубокого, что на Витебщине, *Н. Минского* (1855—1937), который является одним из основателей популярного литературного течения конца XIX — начала XX века — символизма. Он жил и печатался в основном в России.

Другие исследователи настаивают на том, что о существовании феномена русской литературы Беларуси можно говорить только с декабря 1991 года, когда распался Советский Союз.

Однако современная русская литература не может считаться полной без учёта созданного русскими писателями, живущими в Беларуси. К тому же многие русскоязычные авторы получили признание далеко за пределами нашей Республики. Вот только некоторые примеры: поэт *А. Аврутин* — член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств в Санкт-Петербурге и Академии поэзии (Москва),

¹ *Силлабическое стихосложение* — слоговое, без обязательного учёта ударений, как в ямбе, хоре, амфибрахии и анапесте.

является первым лауреатом международной литературной премии имени Симеона Полоцкого (2004); поэтесса *В. Поликанина* — лауреат специальной премии Президента Республики Беларусь в номинации «Художественная литература» (2006), награждена медалью А. С. Пушкина (2007); имя *Н. Чергинца*, председателя Союза писателей Беларуси, внесено в книгу рекордов Гиннеса за разноплановые достижения в области культуры и науки.

Одной из определяющих черт русскоязычной поэзии Беларуси является поиск эрудированного читателя.

К теме поэта и поэзии обращаются в своём творчестве В. Блаженный, Ю. Сапожков, И. Котляров.

В. Блаженный (1921—1999) родился на Витебщине. Окончил один курс учительского института, работал учителем истории в эвакуации.

Состоял в переписке с известными русскими поэтами: Б. Пастернаком, А. Тарковским. «Вы пишете о самом главном: о жизни, о смерти, одиночестве, детстве», — так говорил А. Кушнер, русский поэт, о творчестве Блаженного. Поэзия для Блаженного — «это величайшая ответственность — моральная, духовная», «это исповедь, это плач, это моление...»

Стихи мои, разве вы были страницами?
Вы были моею второю вселенной,
Вы были собаками, кошками, птицами
И памятью матери благословенной.

Тема нестигаемой силы духа и патриотизма раскрывается в произведениях о войне: в повести *А. Адамовича* «Каратели», в романе *Н. Чергинца* «Вам задание».

А. Адамович (1927—1994) родился в деревне Конюхи Минской области в семье врача. С 1928 года семья жила на Бобруйщине, где её застала Великая Отечественная война. С 14 лет вместе с родственниками принимал участие в деятельности антифашистского подполья, с 1943 до начала 1944 сражался в партизанском отряде.

Повесть «Каратели» написана на документальном материале. Это кровавая хроника уничтожения батальоном гит-

леровского карателя Дирлевангера семи мирных белорусских деревень в 1942 году.

Немаловажное значение для отечественных прозаиков имеет и экологическая тематика, неразрывно связанная с нравственными проблемами общества (рассказ Э. Скобелева «Невинную душу отнять»).

Таким образом, русскоязычная литература Беларуси представляет собой достаточно разнородный культурный пласт, который постоянно развивается.

* * *

1. Найдите и прочитайте стихотворения А. Аврутина «Стирка» («Стирали на Грушевке бабы...»), «Эти светлые названия белорусской стороны», В. Поликаниной «Каравай», «Июльский дождь», Ю. Сапожкова «Строка», И. Котлярова «Окликнули, сказав “Не оглянись”» (по выбору учащихся). Охарактеризуйте лирического героя одного из понравившегося вам стихотворения.
2. Познакомьтесь с романом Н. Чергинца «Вам задание» или повестью А. Адамовича «Каратели» (по выбору учащихся); рассказом Э. Скобелева «Невинную душу отнять». Какие проблемы поднимают авторы на страницах своих произведений?

Соотношение родов и жанров в художественной литературе легче всего повторить по таблице, потому что вы с ними уже встречались в процессе работы над конкретными произведениями. Определения родов и некоторых жанров вы найдёте в литературоведческом словаре (см. ниже).

Знание родов и жанров литературы помогает разобраться в содержании художественного произведения, проанализировать его текст так, чтобы понять и прочувствовать авторскую позицию в оценке ситуаций и героев, разобраться в авторской концепции жизни и личности. Например, эпические жанры рассказ и повесть отличаются не только по объёму, но и по писательским установкам. В рассказе, как правило, представлен один эпизод, иногда два-три небольших, в которых действует один главный герой. Герои второго плана обрисовывают ситуацию, создают общий фон жизни. Таковы рассказы А. П. Чехова, В. Г. Короленко, В. М. Шукшина, Ю. П. Казакова. В повести героев больше, жизненный материал представлен шире, глубже обрисована обстановка жизни. Такова повесть К. Д. Воробьёва. В ней дана цепь эпизодов, которые образуют развёрнутый сюжет.

Зная особенности жанров рассказа и повести, мы не станем требовать от автора рассказа широкой панорамы жизни, потому что рассказ обрисовывает случай, эпизод в судьбе одного или нескольких героев.

Авторское отношение к изображаемому миру вы уже научились выяснять по некоторым компонентам художественного текста (общему тону повествования, отзывам одних литературных героев о других, по поступкам и словам действующих лиц, иногда по авторским лирическим отступлениям, связи пейзажа с настроением литературного героя и т. п.). О лирическом герое и литературном образе вы

говорили в связи с изучением конкретных произведений и можете сами привести примеры. Можно посмотреть значения этих терминов в литературоведческом словаре.

Вы уже убедились, что один и тот же художественный текст каждый читатель воспринимает по-своему. Одна из целей изучения литературы в школе — научиться в своём восприятии литературного произведения приблизиться к авторскому пониманию людей, их характеров, изображённых жизненных ситуаций. В таком случае можно постигнуть авторскую систему оценок, научиться различать добро и зло, нравственные и безнравственные поступки людей. При этом важно воспринимать прочитанный рассказ, поэму или стихотворение как художественную целостность, общую оценку которой желательно давать с учётом всех её компонентов, а не только одного сюжета или одного литературного героя, пусть и понравившегося вам.

Анти́чная литерату́ра (от лат. *antiquus* — древний) — литература Греции и Рима (с VII века до нашей эры по V век нашей эры), охватывающая, таким образом, 1200 лет.

Вёчные о́бразы — художественные образы, которые, возникнув в конкретных исторических условиях, приобретают общечеловеческую значимость и впоследствии вновь возникают в творчестве писателей разных эпох, например: Прометей, Дон Жуан, Дон Кихот, Фауст, Данко.

Дра́ма — род литературы, основу которого составляет действие, развёртывающееся в настоящее время, с острыми конфликтными ситуациями. Средством обрисовки действующих лиц в драме являются их собственная речь (диалоги, монологи, реплики) и поступки; авторские комментарии к пьесе ограничиваются ремарками. Драма предназначена, как правило, для сценического воплощения. Драматические произведения делятся на *трагедии*, *комедии*, *драмы* (в узком смысле слова).

Жа́нр — вид произведения литературы, его постоянная основа, сочетание своеобразных свойств, общих у него с другими произведениями этого же вида. Так, *рассказ* у разных писателей в разные эпохи имеет ряд устойчивых признаков: изображение отдельного эпизода, кратковременность событий, малое число действующих лиц и др. В жанре проявляются основные роды литературы, то есть эпос, лирика, драма и их разновидности.

Ка́тарсис (от греч. *katharsis* — очищение) — термин, который употребляется в эстетике и передаёт воздействие трагедии на зрителя: сострадание герою, страх за его судьбу, душевное волнение приводят к катарсису — очищают его душу, возвышают, воспитывают его.

Коме́дия — драматический жанр, изображающий такие жизненные положения и характеры, которые вызывают смех. Комедия передаёт важнейшие оттенки комического — юмор, иронию, сатиру, сарказм. Отсюда разнообразие комедийных жанров: сатирические, лирические, развлекательные, «высокие». Различают *комедии положений* и *комедии характеров*.

Коми́ческое — осмеяние в искусстве различных жизненных несоответствий, отклонений от нормы, общественных недостатков с

позиции высокого эстетического идеала. Важнейшей жанровой формой комического в литературе является комедия во всех её разновидностях.

Конфликт художественный — противоборство идей, настроений, характеров, которое воплощается в сюжете литературного произведения.

Лирика — род художественной литературы, передающий отдельное состояние человека в определённый момент жизни. Лирический образ — это образ-переживание, выражение чувств и мыслей автора, которые имеют общечеловеческое значение. Каждое слово в лирическом произведении несёт особую смысловую и эмоциональную нагрузку. Лирика тяготеет к стихотворной речи: в ней отсутствует развёрнутый сюжет, нет законченных характеров, поступков, описаний. Жанры лирики: *лирическая песня, послание, эпиграмма, элегия* и др.

Лирический герой — образ героя, чьи мысли, чувства, состояния переданы в лирическом произведении. Он не равен образу автора, хотя и отражает его переживания, связанные с теми или иными событиями его жизни, отношением к природе, обществу, людям.

Лиро-эпический жанр — вид стихотворного произведения, в котором сливаются лирическое и эпическое начала: повествование о событиях, переживаниях героев сочетается с выражением чувств, мыслей, оценок автора. К лиро-эпическому жанру относится поэма (например, «Цыганы» А. С. Пушкина).

Новелла — жанр, близкий к рассказу. Отличается острым драматизмом и завершается неожиданной развязкой.

Образ повествователя — носитель речи в эпическом произведении, от лица которого ведётся повествование; это особого типа образ, проявляющий себя только в речи, в которой он выражает отношение к тому, о чём рассказывает. Образ повествователя не всегда совпадает с позицией автора, его язык не тождествен писательскому.

Образ художественный — форма воспроизведения действительности в искусстве, конкретная, индивидуализированная и вместе с тем обобщённая картина жизни как результат творческого освоения художником реальной действительности (например, образ Сашки Ермолаева в рассказе В. М. Шукшина «Обида»).

Романтика — особенность литературного творчества, заключающаяся в стремлении изображать яркие, героические, возвышенные стороны жизни. Героям подобных произведений свойственны поиски романтики — перемен, прекрасного, трудностей, подвига («Старуха Изергиль» Максима Горького).

Сатира — беспощадное, гневное осмеяние несовершенства мира, человеческих пороков, нелепостей. Сатирик сознательно заостряет жизненные проблемы, прибегает к преувеличению (гиперболизации),

иногда создаёт шарж или карикатуру, давая возможность читателю почувствовать свой идеал, свои представления о прекрасном, добром и справедливом.

Символ (от греч. *symbolon* — условный знак) — предмет или слово, условно выражающее суть какого-то явления (утро — символ молодости; хлеб-соль — символ гостеприимства). В литературе в той или иной мере всякий образ условен, символичен, ибо в единичном воплощает общее. *Аллегория* — разновидность символики.

Строфа́ — сочетание стихов (строк), образующее единство. Чаще всего стихи в строфе связаны определённым расположением рифм, отделены от смежных сочетаний стихов большой паузой, завершением рифменного ряда и другими признаками.

Сюже́т — в художественном произведении система событий, в которых раскрываются характеры действующих лиц и отношение писателя к изображаемым явлениям.

Трагедия́ — драматический жанр, в котором изображаются исключительно острые, непримиримые жизненные конфликты, которые грозят катастрофическими последствиями и часто — гибелью героя.

Троп — употребление слова в переносном (не прямом) его значении, что помогает индивидуализировать речь, подчёркивает в ней оценочный элемент. К тропу относят *метафору, олицетворение, эпитет, сравнение, гиперболу* и др.

Характер литературный — художественное изображение человека в его индивидуально неповторимом отношении к миру, в его своеобразии; в нём отражено познание и оценка писателем жизни, образное представление о её возможностях и перспективах, его эстетический идеал.

Эле́гия — лирическое стихотворение, проникнутое грустью, наполненное скорбными размышлениями. В русской литературе элегии писали В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов и др.

Эпос — род литературы, в котором воспроизводится внешняя по отношению к автору действительность. Повествование ведётся от имени реального или условного рассказчика, свидетеля, участника, иногда героя события. Для эпоса характерно многостороннее изображение жизни, обрисовка человека в развитии его характера, мотивировка его поведения. Способы изложения разнообразны: повествование, описание, рассуждение, диалог, монолог, авторское отступление. **Жанры эпоса:** *рассказ, новелла, повесть, роман* и др.

Юмор — наиболее жизнеутверждающая форма комического; весёлая, доброжелательная усмешка, в основе которой не отрицание жизненного явления, а признание его несовершенства.

Содержание

От авторов	3
АНТИЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА (5)	
Эсхил	6
Греческая трагедия	7
Прометей Прикованный (<i>В сокращении</i>)	8
ЛИТЕРАТУРА ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ (25)	
У. Шекспир	26
Ромео и Джульетта	27
ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (29)	
А. С. Пушкин	31
«Редеет облаков летучая гряда...»	33
Узник	35
Лирический герой	36
К морю	38
Сожжённое письмо	41
Цыганы	43
Романтический герой. Жанр лиро-эпической поэмы	64
М. Ю. Лермонтов	66
Ангел	67
Узник	69
«Выхожу один я на дорогу...»	71
Завещание	73
«Она не гордой красотой...»	75
Молитва	76
Строфика стихотворения	77
Н. В. Гоголь	78
Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем (<i>В сокращении</i>)	79
Приёмы создания комического образа в реалистическом произ- ведении	103
ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (105)	
Н. А. Некрасов	107
Плач детей	108
«Внимая ужасам войны...»	110

Русские женщины. Княгиня Трубецкая (<i>Поэма</i>)	113
<i>Жанровое разнообразие: поэма-путешествие</i>	140
И. С. Тургенев	141
Ася	143
<i>Многообразие приёмов в создании целостного характера ли- тературного героя</i>	193
А. П. Чехов	194
Переполюх	195
<i>Подтекст</i>	196
<i>Литературное произведение как художественная целостность</i>	197
Тоска	199
В. Г. Короленко	200
Парадокс	201
<i>Роль композиции в раскрытии авторской концепции литера- турного произведения</i>	203
Максим Горький	204
Старуха Изергиль	205
<i>В мастерской художника слова: ритм в прозе</i>	228
<i>Поэтическая условность. Символичность образа. Романти- ческий пафос произведения</i>	229

ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (231)

В. В. Маяковский	233
Необычайное приключение... ..	235
Хорошее отношение к лошадям	239
<i>Средства выразительности: гипербола, авторские неологиз- мы. Интонационно-ритмические особенности стихов</i>	
<i>В. В. Маяковского</i>	243

Тема Великой Отечественной войны в русской литературе (245)

А. Т. Твардовский	246
Две строчки	246
«Лежат они, глухие и немые...»	246
К. М. Симонов. «Жди меня...»	247
Ю. В. Друнина. Зинка	248
М. В. Исаковский. Враги сожгли родную хату... ..	250
К. Д. Воробьёв	251
Убиты под Москвой	252
<i>Жанр военной повести. Психологизм в изображении челове- ка в экстремальных ситуациях</i>	316
Б. Л. Васильев	317
«А зори здесь тихие...»	317

397

ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА (320)

Н. А. Заболоцкий	321
Смерть врача	322
О красоте человеческих лиц	323
Некрасивая девочка	324
Не позволяй душе лениться	325
Утро	327
<i>Философская лирика</i>	328
Е. А. Евтушенко	328
«Людей неинтересных в мире нет...»	328
«Когда взошло твоё лицо...»	329
Р. И. Рождественский	330
Мгновения	330
Н. М. Рубцов. Утро	331
Журавли	332
<i>О лирике как роде литературы</i>	332
<i>О лирическом герое</i>	333
В. М. Шукшин	333
Обида	335
Срезал	344
<i>О рассказе В. М. Шукшина. Ситуация и характер-тип</i>	354
Ю. П. Казаков	357
Голубое и зелёное	358
<i>В мастерской художника слова</i>	386

Русскоязычная литература Беларуси (388)

Повторение	391
Литературоведческий словарь	393

Мушинская, Т. Ф.

М93 Русская литература : учеб. пособие для 8-го кл. обще-
образоват. учреждений с белорус. и рус. яз. обучения /
Т. Ф. Мушинская, Е. В. Перевозная, С. Н. Каратай. —
Минск : Нац. ин-т образования, 2011. — 400 с. : ил.
ISBN 978-985-465-801-8.

УДК 861.161.1.09(075.3=161.3=161.1)

ББК 83.3(2Рус=Рус)я721

Учебное издание

Мушинская Тамара Фёдоровна
Перевозная Евгения Васильевна
Каратай Светлана Николаевна

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Учебное пособие для 8 класса
общеобразовательных учреждений
с белорусским и русским языками обучения

Нач. редакционно-издательского отдела *Г. И. Бондаренко*

Редактор *Т. В. Примачёнок*

Художественный редактор *А. Г. Звонарёв*

Компьютерная вёрстка *Ю. М. Головейко*

Корректоры *С. Н. Алова, Т. Ф. Шайко,*

В. П. Шкредова, Ю. А. Яковченко

Подписано в печать 02.03.2011. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,5.

Уч.-изд. л. 17,61+0,39 форз. Тираж 113 600 экз. Заказ

Научно-методическое учреждение «Национальный институт образования»

Министерства образования Республики Беларусь.

ЛИ № 02330/0494469 от 08.04.2009. Ул. Короля, 16, 220004, г. Минск

Республиканское унитарное предприятие

«Минская фабрика цветной печати». ЛП № 02330/0494156 от 03.04.2009.

Ул. Корженевского, 20, 220024, г. Минск

(Название и номер школы)

Учебный год	Имя и фамилия ученика	Состояние учебника при получении	Оценка ученику за пользование учебником
20 /			
20 /			
20 /			
20 /			
20 /			